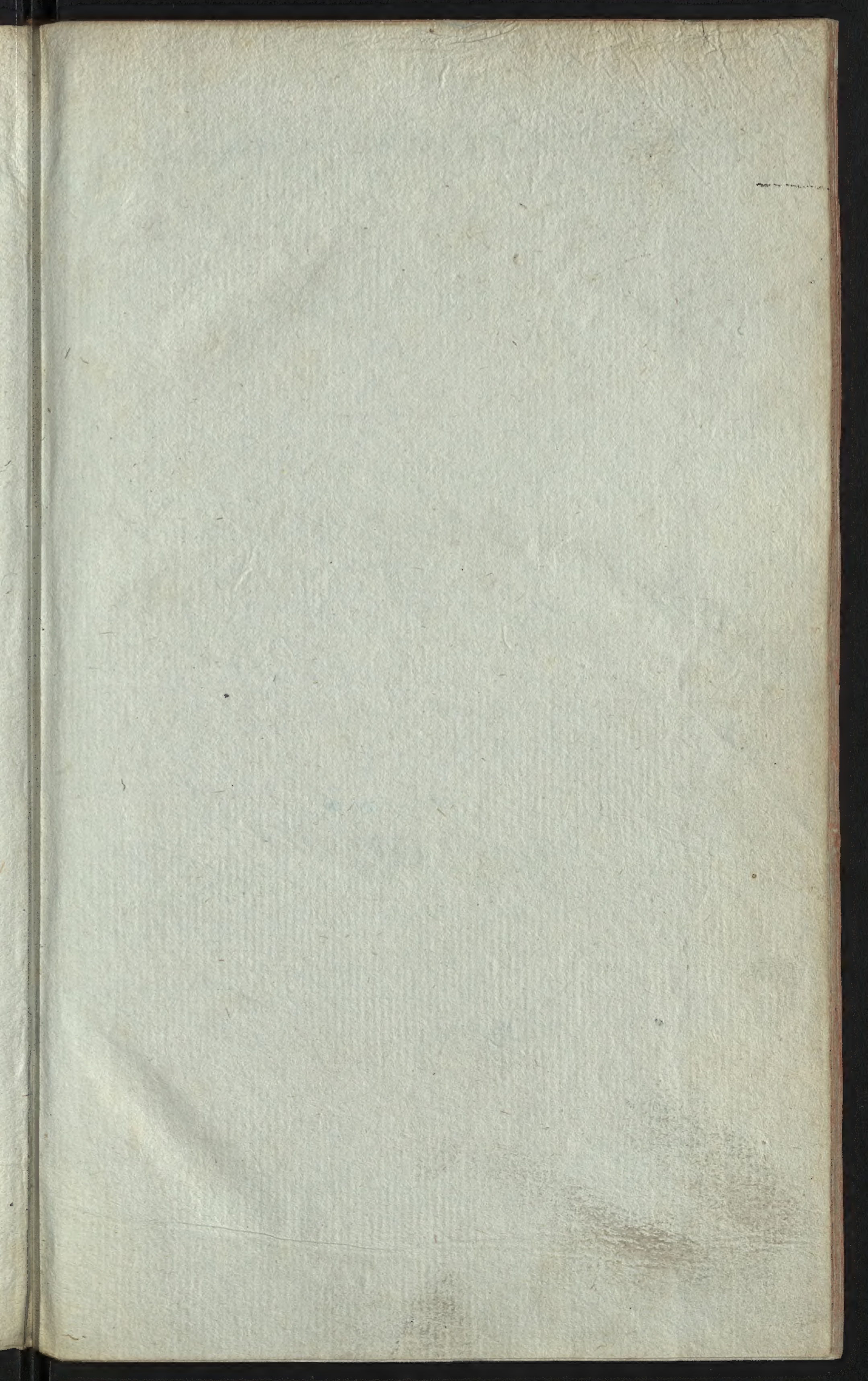


ДОПОЛНЕНІЕ
КЪ
ДѢЯНІЯМЪ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО,
Содержащее
АНЕКДОТЫ,
КАСАЮЩІЕСЯ
ДО
СЕГО ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ.

Томъ Семнатцатый.

МОСКВА.
ВЪ Университетской Типографіи,
у Ридигера и Клаудія.
1796.

ОДОБРЕНІЕ.

По возложенной отъ Господъ Кураторовъ на меня должности, я разсматривалъ книгу подъ заглавіемъ: Дополненіе къ Дѣяніямъ ПЕТРА Великаго Томъ XVII, содержащій *Анекдоты*, касающіеся до сего Великаго Государя, *и не нашелъ въ ней противнаго наставленію, данному мнѣ о печатаемыхъ въ Университетской типографіи книгахъ.* —

Натуральной Исторіи и Энциклопедіи Профессоръ и Ценсоръ,

Антонъ Прокоповичъ-Антонской.

ADJUVANTE

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Подъ названіемъ *Анекдотовъ* разумѣются такія повѣствованія, которыя въ свѣтъ не изданы; и которыя, слѣдовательно, не многимъ только извѣстны. Достовѣрность же таковыхъ преданій зависитъ отъ слѣдующаго: 1) ежели повѣствуемое въ нихъ взято изъ подлинныхъ записокъ, или частныхъ журналовъ тѣхъ временъ; 2) ежели особы, предавшія ихъ словесно, были или очевидцами повѣствуемаго, или удостовѣрены о истиннѣ того отъ современниковъ, заслуживающихъ уваженіе; 3) ежели оные подтверждаются преданіемъ, отъ самаго того же времени изъ рода въ роды преходящимъ, и которое не противорѣчитъ самой Исторіи. И таковые Анекдоты по справедливости заслуживаютъ историческую достовѣрность.

Источники издаемыхъ мною въ семъ Томѣ *Анекдотовъ* о ПЕТРѢ *Великомъ* показаны подъ каждымъ изъ нихъ; и благоразумные Читатели сами могутъ сдѣлать изъ того за-

ключеніе, заслуживаютъ ли они историческую вѣроятность? И такъ, не приводя иныхъ тому какихъ либо доказательствъ, изъясню только аллегорическое изображеніе приложеннаго здѣсь эстампика. Оной срисованъ въ точности съ собственной ПЕТРА Великаго печати, каковая видна на многихъ своеручныхъ его, къ частнымъ особамъ письмахъ: на ней представленъ самъ *Онъ* стоящій на колѣняхъ съ молотомъ и долотомъ, и обдѣлывающій изъ мрамора *статую* державныя *Россіи*, которая уже до колѣней обработана; вверьху ея изображается въ сіяніи *Божество*, споспѣшествовавшее ему въ великой сей работѣ; по сторонамъ изображены *флотъ* и *Архитектура*, яко его же многотрудныхъ рукъ дѣло; внизу, подъ щитомъ герба Россійскаго, лежатъ *орудія воинскія*, прославившія ее побѣдами, и проч. Мысль, достойная Зиждителя Россіи!

Печать сія въ окружности своей не болѣе двадцатипятикопѣешника; а здѣсь она, для большей ясности, увеличена.

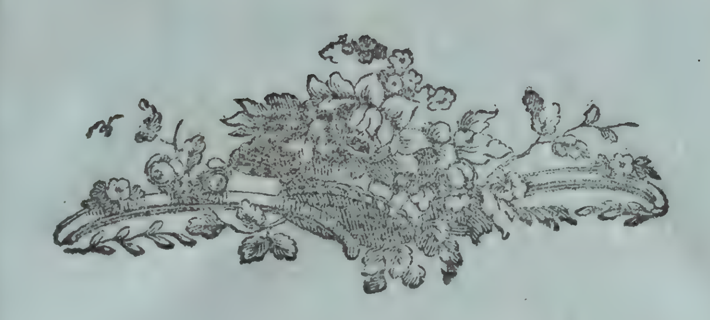
ОГЛАВЛЕНІЕ

Анекдотамъ, находящимся

Въ XVII Томѣ.

XXV.

Стран.



АНЕКДОТЫ

КАСАТЕЛЬНО до ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ.

Томъ XVII.

I.

Отвращеніе отъ воды въ дѣтствѣ безстрашнаго нашего Ироя.

Всѣ лѣтописи наши согласны въ томъ, что въ Ироѣ нашемъ съ самаго нѣжнаго дѣтства примѣчена была особенная склонность къ воинскимъ упражненіямъ, какъ-то я и описалъ оное въ первомъ Томѣ Дѣяній его; но склонность сія ограничивалась однако же сухопутными только экзерциціями, а не простиралась на водныя, хотя и слушалъ онъ охотно отъ учителей своихъ описанія морскихъ сраженій.

Причину сего открываетъ намъ рукопись Г. *Крекшина*, которую я на-

зываю обыкновенно *Дневникомъ*, то есть, что онъ въ дѣтствѣ своемъ крайнѣ бывъ испуганъ водою, имѣлъ отъ оныя отвращенiе (*). Мы опишемъ сiе произшествiе съ точностiю. Ца-

(*) Странно однакожъ, что Г. *Миллеръ*, столь впрочемъ благоразумный изыскатель древностей и происшествiй Историческихъ, отрицаетъ справедливость рукописи оной, равно какъ и того, будто бы Ирой нашъ не былъ въ потѣшной ротѣ своей барабанщикомъ, называя и то и другое баснею, отъ *Страленберга* выдуманною. Сiе Г. *Миллера* мнѣнiе подтверждаетъ и другой не меньше важный писатель Г. *Болтинъ*, въ книгѣ своей на *Леклерка*; но отдая симъ толико имянитымъ мужамъ всю впрочемъ справедливость, не можно отнюдь согласиться съ ихъ о семъ мнѣнiемъ. Они не хотѣли, какъ видно, взять на себя труда разсмотрѣть сего, что рукопись оная и общее о семъ же преданiе старѣе *Страленберга*, которой писалъ свою Исторiю въ Сибири, куда онъ послѣ плѣна своего подъ Полтавою былъ сосланъ; а рукопись *Крекшина*, какъ самъ онъ увѣрялъ меня, писана имъ до 1709 году, и взята изъ записокъ первыхъ лѣтъ царствованiя Монарха, и общаго о томъ преданiя, о которомъ безъ сомнѣнiя наслышался отъ Россiянъ и Г. *Страленбергъ*, среди которыхъ онъ нѣсколько лѣтъ прожилъ. Хотя же и то правда, что сей Шведъ не изъ числа достойныхъ во всемъ вѣроятiя писатель, какъ то мы показали сiе во Введѣнiи къ дѣянiямъ; ПЕТРА Великаго но сiя самая недостовѣрность его болѣе еще подтверждаетъ справедливость рукописи оной. Онъ выду-

Царица *Наталія Кириловна*, мать Ироя нашего, въ вешнее время посѣщала монастыри, и при переѣздѣ чрезъ одинъ ручеекъ, отъ наводненія сдѣлавшійся нарочитою рѣкою, имѣя пятилѣтняго сего сына своего на рукахъ спящаго, и сама нѣсколько воздремавшая, шумомъ сильно стремившагося ручья сего, и крикомъ людей пробудившись и увидя воду въ каретѣ, и оную нѣсколько наклонившуюся и опрокинуться готовою, (по крайней мѣрѣ

А 2 страхъ

выдумывалъ только то одно, чѣмъ бы могъ очернить славу Великаго Государя, приписывая ему изъ мщенія, яко побѣдителю соотчичей его, жестокость и другіе пороки; но выдумывать ему такія происшествія, которыя не только не обезславливаютъ его, но дѣлаютъ еще ему и честь, отнюдь не совмѣстно съ ненавистью къ Россіи сего пикателя. Да и какъ можетъ притти въ голову плѣнному иностранцу, такая странность, ежелибъ онъ не наслышался о ней, какъ выше сказано, отъ самыхъ Россіянъ?

Впрочемъ подтверждали мнѣ повѣствуемое рукописью *Крекшина* и многіе почтенные старцы; а Г. *Крекшинъ* о справедливости сего не однократно увѣрялъ меня же клятвенно; какое же можетъ быть большее сего удостовѣреніе, когда современники Великаго Государя согласно утверждали сіе? Да и въ причинѣ, наведшей страхъ сей младому Государю, ничего нѣтъ страннаго и невѣроятнаго.

страхЪ представилЪ ей сіе) сильно закричала. Царевичь, отЪ сего крика пробудившійся, увидя блѣдность испуганной матери, воду вЪ каретѣ и шумное стремленіе воды, столько пораженЪ былЪ страхомЪ, что тогда же получилЪ лихорадку.

Таковое сильное впечатлѣніе вЪ сердцѣ младаго Государя произвело такое отвращеніе отЪ воды, что онЪ не могЪ взирать на рѣку, на озеро и даже на прудЪ равнодушно; и хотя онЪ всячески старался скрывать сей страхЪ свой, однакожЪ примѣтенЪ оной былЪ по тому, что никогда не видали его ни плавающаго по водамЪ, ни переѣзжающаго вЪ бродЪ чрезЪ рѣку, какЪ бы она ни мала была, и ниже чтобЪ когда либо искупался онЪ вЪ рѣкѣ или вЪ прудѣ, что продолжалось даже до четырнатцатилѣтняго его возраста.

ВЪ сіе-то время освободился онЪ отЪ страха сего слѣдующимЪ образомЪ.

КнязЪ *БорисЪ Алексѣевичь ГолицынЪ*, занимавшій при немЪ мѣсто дядьки, предложилЪ *Его Величеству* позабавиться псовою охотою; и хотя младый Государь не любилЪ сей охоты,

но

но изъ уваженія къ прозьбѣ сего Князя согласился на оное. Во время сей забавы, Князь, желая истребить въ Государѣ страхъ отъ воды, съ намѣреніемъ завелъ его къ берегамъ рѣки Истры. Монархъ, увидя рѣку, остановилъ коня своего. Князь спросилъ тому причины; и Государь съ видомъ огорченнымъ сказалъ: куда ты завелъ меня? Къ рѣкѣ, отвѣтствовалъ Князь. *Ваше Величество* видите, сколь утомилися лошади и запылились охотники, такъ нужно лошадямъ дать отдохнуть и прохладиться, а людямъ вымыться. Родитель твой, заключилъ Князь, часто сіе дѣлывалъ, и въ сей рѣчкѣ самъ купывался; и не дожидаяся отвѣта, поѣхалъ чрезъ оную, а между тѣмъ всѣ охотники, по предварительно данному приказу, раздѣвшись въ мигъ очутились въ рѣкѣ купающимися. Сначала на сіе досадовалъ Монархъ, но увидя Князя переѣхавшаго и съ другаго берега приглашающаго его къ себѣ, постыдился показать себя страшащимся воды, и сдѣлавъ, такъ сказать, нѣкоторое насиліе себѣ, осмѣлился въѣхать въ рѣку и переѣхать оную. Всѣ бывшіе при *Его Величествѣ* и за нимъ слѣдовавшіе, вѣдая страхъ

его, обрадовались сему, да и самъ Монархъ ощутилъ уже въ себѣ отъ сего переѣзду нѣкое удовольствіе.

Царь, братъ его, узнавши о семъ, чрезъ нѣсколько времени пригласилъ его съ собою въ село Измайлово, въ которомъ было нѣсколько прудовъ, способныхъ къ купанію. Онъ далъ тайно приказъ молодымъ своимъ Царедворцамъ, что когда будетъ онъ съ Царемъ братомъ своимъ прогуливаться у прудовъ, тобъ они разрѣзвяся стаскивали другъ друга въ воду. Все сіе было исполнено; и хотя младый Государь крайнее на сіе оказалъ негодованіе, но сіи однако же молодые люди, по данному же приказу раздѣвшись, начали въ водѣ купаться и рѣзвиться. Рѣзвость сія мало по малу разсмѣшила младаго Государя, и онъ уже смотрѣлъ на то съ такимъ равнодушіемъ, что наконецъ согласился на предложеніе брата своего, и самъ съ нимъ послѣдовать ихъ примѣру; и съ того времени совершенно миновалось отвращеніе его отъ воды.

Въ семъ-то селѣ Монархъ вскорѣ послѣ сего нашелъ старый и брошенный ботикъ, которой возбудилъ въ немъ чрезвычайное желаніе къ заведенію

денію морскихъ силъ; и по сему-то назвалъ онъ его дѣдушкою Россійскаго флота, какъ-то сіе всѣмъ уже извѣстно.

И мы видѣли, что коль сильное было его сначала отвращеніе отъ воды, тѣмъ сильнѣйшее родилось въ немъ безстрашіе къ плаванію на самыхъ уже моряхъ, и даже въ самыя бурныя времена; а сіе доказываетъ, что не было въ немъ ни одной такой страсти, которой бы не могъ онъ преодолѣть въ себѣ, какъ-то сіе подтвердится ниже; а между тѣмъ одинъ безстрашія его на морѣ примѣръ представимъ въ слѣдующемъ анекдотѣ.

II.

Неустрашимость Государева въ плаваніи на моряхъ.

Мы видѣли въ I Томѣ Дѣяній (стр. 259) постигнувшее Великаго Государя крайнее бѣдствіе въ безопытномъ еще плаваніи его на Бѣломъ морѣ, когда отъ жесточайшаго штурма и самые опытные мореходцы приведены были онымъ въ ужасъ, лишив-

шій ихъ всякія рѣшимости, кромѣ одного его, и простаго кормщика; и какъ на семъ морскомъ суднѣ находилось нѣсколько иностранцовъ, взятыхъ имъ съ собою изъ Архангельска, то одинъ изъ сихъ о семъ бѣдственномъ приключеніи изъясняется тако:
„Когда Царь въ 1694 году отъ пристани Архангельской выѣхалъ въ „Океанъ, то такая страшная поднялась буря, что всѣ съ нимъ бывшіе пришли въ чрезвычайной ужасъ, „и стали молиться, пріуготовляяся къ „смерти; одинъ только младый Государь казался нечувствительнымъ „къ ярости свирѣпствующаго моря. „Онъ равнодушно возложа на себя „обѣщаніе, ежели благовременной подастся случай и не воспрепятствуютъ государственныя нужды, побывать въ Римѣ, и отдать поклоненіе мощамъ Св. Апостола *Петра*, „своего патрона, пошелъ къ кормщику, и веселымъ видомъ ободрялъ „къ должности всѣхъ уныніемъ и отчаяніемъ пораженныя сердца.„

Смотри о семъ Acta eruditorum, anno 1708, pag. 218.

Сіе засвидѣтельствованіе важно, яко отъ иностранца, не могущаго быть пристрастнымъ.

Но мы дополнимъ еще здѣсь оное. Помянутый кормщикъ былъ тамошній Нюхонской крестьянинъ *Антилъ Пановъ*; онъ только одинъ съ Монархомъ въ общемъ томъ страхѣ не потеряли резолюціи; и какъ сей крестьянинъ былъ презнающій на тамошнемъ морѣ кормщикъ, то когда Государь пришедъ къ нему, сталъ ему въ дѣлѣ его указывать, и куда должно направлять судно, то сей съ грубостію отвѣчалъ ему: *поди пожалуй прочь; я больше твоего знаю, и вѣдаю, куда правлю.* И такъ когда управилъ онъ въ губу, называемую *Унскіе рога*, и между подводныхъ каменьевъ, коими она была наполнена, щастливо проведя судно, присталъ къ берегу у монастыря, называемаго *Пертоминскимъ*: тогда Монархъ, подошедъ къ сему *Антилу*, сказалъ: помнишь ли братъ, какими ты словами на суднѣ меня оттопчивалъ? Крестьянинъ сей въ страхѣ падши къ ногамъ Монарха, признавался въ грубости своей и просилъ помилованія. Великій Государь поднялъ его самъ, и три раза поцѣловавъ въ голову, сказалъ: *ты невиноватъ ни въ чемъ, другъ мой; и я обязанъ еще благодарностію тебѣ за твой отвѣтъ и*

за искусство твое. И тогда же пересѣвшись въ другое платье, все бывшее на немъ, измоченное даже до рубашки, пожаловалъ ему въ знакъ памяти, и сверьхъ того опредѣлилъ ему же годовую до смерти его пенсію.

III.

Присутствіе духа въ самомъ жесточайшемъ распаленіи гнѣва никогда не оставляло ПЕТРА Великаго.

Изъ Дѣяній *Его Величества* видѣли мы, что и по заключеніи въ Дѣвичій монастырь Царевны *Софіи Алексѣевны* старалась она всегда заводить тайно бунты на державнаго брата своего, отлучившаго ее отъ правленія государствомъ, которыя однако же всегда были разрушаемы бдительнѣйшимъ Монархомъ. Но сколь должно быть сіе чувствительно сердцу его, то удобно понять каждому; онъ не однократно выходилъ изъ терпѣнія, и въ гнѣвѣ своемъ предпринималъ пресѣчь нить дней толико мятежныя и злобныя сея сестры своея. Мы уже видѣли въ IX Томѣ Дѣяній, (стр. 319 и слѣд.) что Великій Государь, бу-

будучи въ таковомъ раздраженіи, изчисля всѣ ея на жизнь свою покушенія, опредѣлилъ было наконецъ совершенно избавиться отъ нее, какъ отъ главнѣйшаго своего злодѣя: но къ утушенію гнѣва его и къ отмѣнѣ таковаго опредѣленія стоило только Г. *Лефорту* напомнить ему, что она ему сестра, и что Туркамъ только свойственно омокать руки въ крови родныхъ своихъ, и проч. И такъ вмѣсто казни удовольствовался онъ самоличнымъ только ей выговоромъ, но слезами ея толико еще умягчился, что соединилъ съ ея слезами и свои, и выходя отъ ней, произнесъ тому же *Лефорту* сіи слова: *Она имѣетъ великой разумъ, но жаль, что столько зла.*

А какъ и послѣ сего прощенія она не переставала заводить подобные же бунты и умыслы на жизнь толико великодушнаго брата и Государя своего: то Монархъ въ открывшійся одинъ изъ таковыхъ заговоровъ, желая узнать отъ ней самой нѣкія обстоятельства онаго, пріѣжжаетъ въ монастырь, входитъ къ ней съ сверкающими гнѣвомъ глазами, уличаетъ ее новыми на жизнь свою умыслами,

и требуетъ ея признанія и отвѣтовъ на вопросы свои. Сколь ни явны были Государевы улики, но она однакожъ ни въ чемъ не признается; сего еще не довольно: гордость ея, колкостію, такъ сказать, упрековъ Монаршихъ разбужденная, разгорячаетъ ее, и столь колкими, столь и оскорбительными выраженіями защищаяся, обвиняетъ въ мятежахъ тѣхъ его самаго. Толикая непризнательность, непокоривость и ѣдкость отвѣтовъ ея, выводятъ Монарха изъ терпѣнія; онъ въ крайней запальчивости, сказавъ, что одна смерть ея доставитъ ему безопасность, — *Умри злодѣйка!* — и выхватываетъ на пораженіе ея мечь свой. Въ самое сіе мгновеніе бывшая при Царевнѣ двенатцатилѣтняя служившая ей дѣвушка становится между Государемъ и Царевною, бросается къ ногамъ Государевымъ, и ухватившись за оныя, вопіетъ: *Что Ты дѣлаешь, Государь? Вспомни, она родная Тебѣ сестра.* Слово сіе останавливаетъ его, мечь выпадаетъ изъ рукъ его, и онъ помолчавъ съ минуту, прощаетъ паки мятежную и непокоривую сестру; а дѣвушку цѣлуетъ въ голову, говоря: *Спасибо дѣвочка, я*

тебя

тебя не забуду; успокоивается и выходитъ (*).

Изъ всѣхъ побѣдоносцовъ наибольшій есть тотъ, кто побѣждать можетъ страсти свои, а паче гнѣвъ, говоритъ одинъ писатель.

Ирой нашъ, по горячему темпераменту своему, не рѣдко распалялся крайнимъ гнѣвомъ; но присутствіе духа его и въ такомъ положеніи никогда его не оставляло. Ниже увидимъ мы сему сильныя доказательства, а здѣсь приведемъ тому же одинъ еще примѣръ:

Онъ въ одно время за дерзновенныя слова того же самаго *Лефорта* крайнимъ воспылалъ на него гнѣвомъ, и что особливо замѣтить должно, то было сіе при одной пирушкѣ, когда и винные еще пары затмѣвали нѣсколько разсудокъ его. Въ такомъ кипящемъ, такъ сказать, гнѣвѣ выхватя изъ ноженъ кортикъ свой, устремил-

(*) Дѣвушка сія по смерти Царевны чрезъ нѣсколько лѣтъ постриглась въ томъ же монастырѣ, наречена *Евфросиніею*, и въ глубокой старости скончалась предъ симъ не болѣе какъ лѣтъ за пять. Она всегда сіе разсказывала всѣмъ знакомымъ своимъ; нѣкіе изъ нихъ и понынѣ живы, которые сами сіе слышанное отъ нее разсказываютъ другимъ; и я бы могъ наименовать ихъ, но нѣтъ на то ихъ воли.

мился на пораженіе его; но любимецъ сей, знавши его совершенно, не уклонился отъ Государя ни мало; онъ обнажа грудь свою: *рази*, сказалъ, *ревностнаго твоего слугу, вотъ грудь его!* Въ мигъ выпадаетъ изъ рукъ его оружіе, и вмѣсто пораженія бросается въ его объятія и проситъ прощенія. *Аббатъ Милотъ*, описывающій сіе, въ удивленіи восклицаетъ: *убійца Клитовъ Александръ тѣмъ меньшаго достоинъ извиненія, чѣмъ лучшее его получилъ воспитаніе*, и проч.

IV.

Государь прощаетъ одного злодѣя, на жизнь его умышлявшаго, но судъ Божій казнитъ его.

Мы видѣли въ Дѣяніяхъ Великаго Государя, что во время втораго стрѣлецкаго бунта, воздвигнутаго тою же сестрою его чрезъ *Шакловитаго*, Монархъ отъ нечаяннаго нападенія сего злодѣя съ шайкою такихъ же извергов, спасся уходомъ въ Троицко-Сергіевъ монастырь; что виновные въ злодѣйскомъ томъ совѣщаніи стрѣльцы, поражены бывъ страхомъ, уходомъ

домъ его причиненнымъ, прибѣгли къ милосердію прогнѣваннаго ими Государя въ помянутый монастырь, и получили отъ великодушія его прощеніе; и что *Его Величество* удовольствовался только опредѣленіемъ предать казни однихъ зачинщиковъ сего заговора и бунта.

Въ числѣ сихъ зачинщиковъ злодѣйскаго заговора того, которые содержались уже въ томъ же монастырѣ подъ стражею, находились три родные брата. Престарѣлая мать ихъ, узнавъ о близкой казни всѣхъ ихъ, рѣшилась просить Государя о ихъ помилованіи. Съ симъ намѣреніемъ дождавшись выхода Государева въ церковь, упала къ ногамъ его, и съ слезнымъ рыданіемъ молила о помилованіи ихъ, представляя, что она умретъ безъ нихъ нужною и голодною смертію, вопія: кто будетъ меня кормить? кто старость мою призритъ, надежа Государь, когда я бѣдная остануся безъ нихъ? и проч. Младый Монархъ, выслушавъ терпѣливо все сіе и узнавъ, кто сіи дѣти ея, сказалъ ей: *Я простить ихъ не могу, не наруша справедливости и своея должности; они, забывъ страхъ Божій и свое крестное цѣлованіе,*

ніе, возстали на меня, законнаго своего Государя, а слѣдовательно и на все отечество, котораго спокойствіе дороже мнѣ и самой жизни моей. Онъ винилъ также и самую ее, что она конечно не пеклася о вкорененіи изъ дѣтства въ сердца ихъ страха Божія, и какъ видно потворствомъ своимъ избаловала, и тѣмъ къ злодѣйствамъ ихъ поводъ подала. Съ симъ словомъ оставилъ ее Государь.

Старуха, дождавшись выхода *Его Величества* изъ церкви, паки пала предъ нимъ, и проливая слезы, вопіяла: прости надежа Государь! прости преступныхъ дѣтей моихъ, и ради Господа Бога, Пречистой Богоматери и Святыхъ Чудотворцовъ *Сергія* и *Никона* даруй имъ жизнь, и проч. Снизходительнѣйшій Государь, паки все выслушавъ, велѣлъ ей встать и говорилъ: *Слушай старуха! ежели Богъ поставилъ меня Царемъ, и вручилъ мнѣ мечь правосудія, для охраненія спокойствія общаго, то не прогнѣвлю ли я его, спасая враговъ онаго? и не навлеку ли тѣмъ и на себя, подобно Саулу, гнѣва его, и отъ потомства проклятія? Я самъ плачу съ тобою о пролитіи крови злодѣевъ, но должность пре-*

пресмогаетъ сожалѣніе; и такъ должны дѣти твои, яко злодѣи и злодѣи нераскаянные, умереть, поелику были уже они участниками и перваго бунта, и многой неповинной крови пролитія, но обстоятельствами временъ спаслись отъ заслуженной ими казни.

Мать, бросясь паки къ ногамъ Государевымъ, ухватила оныя, и обливая ихъ слезами, молила о помилованіи по крайней мѣрѣ хотя одного изъ нихъ, которой бы закрыть могъ очи ей и похоронить ее. Тронутый Государь наконецъ жалостію, сказалъ: *ну! что дѣлать? я даю тебѣ одного, выбери сама изъ нихъ, кого ты болѣе любишь;* и обратяся къ сопровождающимъ себя сказалъ: *отведите ее къ нимъ въ тюрьму; пусть она изберетъ одного изъ трехъ преступныхъ дѣтей своихъ, и выпустите его съ нею изъ монастыря.*

Печальная мать сія, приведенная къ нимъ, бросилась на шею сперва къ старшему, и въ положеніи таковомъ пребыла около четверти часа; по томъ къ среднему, и подобно же обнявъ его, рыдала, не произнося ни единаго слова, а напослѣдокъ къ меньшему; и та-

такимъ образомъ долго колебалась, котораго бы изъ нихъ избрать. Наконецъ бывъ понуждаема рѣшиться, избрала меньшаго; и тогда же была съ нимъ выпущена изъ темницы.

Но сей избавленный отъ казни злодѣй, идя съ матерью изъ монастыря, въ самыхъ святыхъ воротахъ, потнувшись, упалъ навзничь, разбилъ себѣ темя, и тотъ же часъ испустилъ духъ.

Донесено о семъ Государю, и *Его Величество* ужаснувшись суду Божію, не попустившему злодѣю остаться въ живыхъ, палъ на колѣни предъ образомъ Спасителя, и умиленною душею молилъ, да отпуститъ ему согрѣшеніе, нарушеніемъ правосудія отъ него ему вѣреннаго имъ учиненное. И по томъ вставши и обратяся къ предстоящимъ, сказалъ: *Я согрѣшилъ, яко человѣкъ, простя изъ жалости злодѣя, недостойнаго жизни; но судъ Божій рѣшилъ инако, не попустя остаться ему живу, а сіе пребудетъ всегдашнимъ мнѣ наставленіемъ, не прощать злодѣевъ вредныхъ обществу. Страшитесь,* заключилъ младый Государь, *преступники нераскаянные, строгости право-*

судія

судїя вѣренпаго мнѣ. Послѣ сего осужденные судомъ злодѣи были казнены (*).

V.

Отрицанїе отцовъ отъ посылки дѣтей своихъ въ чужїя земли для ученїя.

Мы видѣли, что младый Государь, пылая, такъ сказать, желанїемъ насадить въ подданныхъ своихъ всякое познанїе, предпрїялъ послать многихъ дѣтей знатнаго своего дворянства въ чужїя земли для ученїя, и объявилъ о томъ отцамъ ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ повиновались тому въ молчанїи, не смѣя противурѣчить младому и горячему Монарху; но множайшїе осмѣлились отсовѣтывать ему оное, говоря между прочимъ: „ Гдѣ нашимъ „ ребятамъ спознать заморскїя хитро-

---

(*) Адмиральша, *Марья Іоншина Головина*, невѣстка *Ивана Михайловича Головина* же, любимца Государева, слышала сїе отъ сего свекра своего, бывшаго сему очевидцемъ; и между прочимъ разсказывала сїе отцу своему духовному, почтенному Протоїерею Архангельскаго Собора, *Петру Алексѣевичу*, отъ котораго сообщено сїе и мнѣ.

„сти! ихъ разума на то не станетъ,
„и потому понапрасну только вели-
„кой коштъ издержанъ будетъ.„

Сколь сіе отрицаніе и упорство было чувствительно младому Государю, оное описано уже мною въ своемъ мѣстѣ; а здѣсь помѣстимъ на грубыя оныя слова увѣщательную рѣчь Государеву, сохраненную намъ преданіемъ.

„Какъ! съ жаромъ произнесъ мла-
„дый Монархъ, какъ! развѣ мы не
„отъ одного Творца произведены, и
„не отъ одного праотца происходимъ?
„Развѣ мы одни гнѣвною природою ли-
„шены разсудка и ума? Развѣ въ насъ
„однихъ вложены сердца грубыя и вы-
„родочныя, неспособныя къ образова-
„нію и воздѣланію? Развѣ мы одни
„изключены отъ славы мудрости че-
„ловѣческія? Нѣтъ! нѣтъ! мнѣніе
„таковое была бы хула на Создателя
„и крайняя неблагодарность. Мы имѣ-
„емъ такія же руки, глаза, и со-
„ставъ тѣла, какія имѣютъ и про-
„свѣщенные народы; слѣдовательно
„имѣемъ равныя же съ ними и душев-
„ныя способности. Нуженъ только
„намъ къ тому руководитель и наше
„на оное согласіе; а тогда и возбу-

„дят-

„ дятся аки отъ сна душевныя наши „ дарованія. И самые просвѣщенные „ народы были прежде грубы и не- „ знающи; дѣти ихъ и нынѣ рождаются, равно какъ и наши, столь же „ не свѣдущими, и одно только воспи- „ таніе различаетъ ихъ отъ нашихъ „ дѣтей. „

Почти подобная сей рѣчь помѣщена и иностранцами, бывшими тогда (въ 1689 году) въ Москвѣ съ Посольствомъ Цесарскимъ, напечатанная въ *Лейпцигскихъ ученыхъ дѣяніяхъ*, acta Eruditorum Lipsiensia an. 1708, каковую младый Государь произнесъ при семъ случаѣ отцамъ дѣтей тѣхъ, коихъ назначилъ въ посылку. А сіе доказываетъ, что она не вымышлена, и точно въ 1689 году была говорена Монархомъ; но изъ слѣдствія однако же видно, что упорство знатныхъ, и можно сказать всѣхъ почти подданныхъ его, принудило Великаго Государя остановить до времени сію посылку дѣтей: ибо изъ Исторіи его видно, что первая таковая посылка не прежде послѣдовала, какъ уже въ 1696 году, то есть предъ самымъ Государевымъ отъѣздомъ въ Голландію.

Между же тѣмъ неудовольствіе на *Его Величество* за сіе намѣреніе, произвело многіе на жизнь его заговоры, отъ которыхъ очевидно спасало его провидѣніе Божіе, какъ-то и изъ слѣдующихъ Анекдотовъ откроется.

VI.

Монархъ нечаянно входитъ въ неизвѣстный ему домъ, находитъ въ ономъ заговорщиковъ на жизнь свою, и забираетъ ихъ подъ стражу.

„Естьли бы всѣ чувствовали (говоритъ *Сократъ*) царствующее во вселенной согласіе, то никогда бы не могли почесть слѣпаго случая причиною толь многихъ повсюду по правиламъ удивительныя премудрости совокупленныхъ дѣйствій ко всеобщей пользѣ. Естьли бы всевышнее Существо не содѣйствовало расположенію, размноженію и общему сохраненію существъ, и не бдѣло бы безпрестанно о нихъ: то какъ бы статься могло, чтобъ въ такой чудносоставленной и такъ великой машинѣ никакого въ толь многіе вѣки не воспослѣдовало безпорядка?„

Сію-

Сію-то стройность, и сей-то порядокъ называемъ мы достойно и праведно *провидѣніемъ* и *промысломъ Божіимъ*, управляющимъ не одною только машиною вселенныя, но и каждою дышущею тварію; паче же человѣкомъ одареннымъ безсмертною душею, и еще паче участію Царей и царствъ, яко отъ него поставленныхъ и устроенныхъ. Сіе ясно доказываетъ намъ не только святое Писаніе и разумъ, но и Исторія, которая есть то зерцало провидѣнія, въ коемъ (говоритъ *одинъ* ученый) неослѣпленное предразсудками око усматриваетъ пути судебъ Божіихъ, правящихъ участію народовъ и царствъ міра. Сей-то промыслъ Божій не меньше ощутителенъ и въ чудесномъ поистиннѣ избавленіи Ироя нашего отъ множества явныхъ и тайныхъ на жизнь его заговоровъ. Мы сіе въ Дѣяніяхъ его и въ Дополненіяхъ къ онымъ видѣли; но здѣсь представимъ новое тому доказательство.

Объявленное въ предшествующемъ Анекдотѣ намѣреніе ПЕТРА Великаго, послать въ чужія земли юношей Россійскихъ для ученія, возмутило паче еще суевѣрные умы, особливо же чинови-

новниковъ мятежнаго стрѣлецкаго корпуса. Они дѣлали разныя тайныя совѣщанія, какъ бы удобнѣе сбыть имъ съ рукъ такого Государя, который заводитъ новизны, противныя по ихъ мнѣнію православному закону. Одна изъ таковыхъ злодѣйскихъ шаекъ, около 1695 году, то есть за годъ до *Цыклерова* заговору, собралась въ одномъ домѣ зимою въ 8 часу по полудни, и надобно думать, что было сіе весьма тайно: однакожъ въ ту самую ночь, и въ томъ же часу, Великій Государь, по частому обыкновенію своему, поѣхалъ въ санкахъ по улицамъ Московскимъ, имѣя при себѣ одного только деньщика своего *Дурнова*; но пріѣхавъ къ Арбатскимъ воротамъ, остановилъ лошадь свою, и углубяся въ размышленіе, простоялъ на одномъ мѣстѣ около четверти часа. Помянутой деньщикъ, видя сіе, осмѣлился сказать ему: Долголь Государь стоять намъ здѣсь? Монархъ, какъ бы опомняся отъ сего вопросу, сказалъ про себя: *поѣхалъ было я туда, а надобно заѣхать не туда.* И такъ поворотя лошадь, въѣхавъ въ переулокъ, называющійся Хлѣбнымъ, и остановяся у одного дому, вышелъ изъ санокъ, послалъ

слалъ на оныхъ деньщика сего къ караульному Офицеру гвардіи своей съ повелѣніемъ, чтобъ онъ съ двенатцатью гранодерами, не мѣшкая ни мало, пришелъ къ тому дому; а Самъ безъ шуму вшелъ въ калитку на дворъ, и въ покои, изъ которыхъ во второмъ нашедъ сидящихъ за столомъ и подпивающихъ четверыхъ изъ чиновныхъ стрѣльцовъ, коихъ онъ всѣхъ зналъ по имени: Что вы дѣлаете здѣсь ребяша? сказалъ имъ Монархъ.

Можно себѣ представить, сколь должно было замѣшать ихъ нечаянное таковое посѣщеніе; они даже не могли на вопросъ сей ни слова произнести; но Монархъ вывелъ ихъ изъ того замѣшательства и страху, сказавъ, что онъ, ѣздя по Москвѣ въ саняхъ, прозябъ, и видя огонь, заѣхалъ въ сей домъ обогрѣться, и по щастію нашелъ еще въ немъ и знакомыхъ. Ободренные симъ милостивымъ отзывомъ отвѣтствовали, что они званы хозяиномъ на пиво, что самое подтвердилъ и вошедшій между тѣмъ хозяинъ дому; и по томъ наливъ они стаканъ пива, осмѣлились поднести *Его Величеству.* Монархъ выпилъ оной, и разговаривалъ съ ними и съ хозяи-

номъ о дѣлахъ ничего почти незнающихъ до того самаго времени, въ которое должно было уже прибыть Офицеру; и по томъ сказавъ имъ, что онъ обогрѣлся и пора ему съ ними разстаться, вышелъ изъ комнатъ. Они хотѣли было его проводить; но Государь, остановя ихъ въ дверяхъ, затворилъ оныя и приперъ.

Офицеръ съ командою былъ уже у воротъ, и Монархъ повелѣлъ оному сихъ четырехъ гостей забравъ привести въ Преображенскъ; а хозяину сказать его указомъ, чтобъ онъ и домашніе его подъ смертною казнію не дерзнули сего произшествія никому открывать.

Разспросы, по одиначкѣ имъ учиненные, замѣшали и разбили ихъ, такъ что принуждены были они наконецъ признаться въ совѣщаніи своемъ на жизнь Государеву. Причиноюжъ того, по словамъ ихъ, была несносная имъ служба, предпочтеніе оказываемое солдатамъ, а паче вводимыя новости, противныя, по мнѣнію ихъ, закону и старинному обыкновенію, и намѣряемая имъ посылка дѣтей ихъ въ еретическія земли, и проч. Они были наказаны

заны и посланы въ Сибирь, и все сіе произведено такъ тайно, что никто онаго не провѣдалъ, и не знали даже, куда сіи четыре чиновника дѣвались.

Такъ разрушалъ Монархъ многіе на священную особу свою заговоры! Но какимъ образомъ узналъ Великій сей Государь домъ тотъ, и собравшихся въ оной заговорщиковъ, сіе осталося неизвѣстнымъ (*).

Слѣпому ли же впрочемъ случаю злодѣи сіи должны были сіе приписать, или тайному промыслу Божію, наказывающему злодѣянія? О семъ предоставляю судить читателю. Но слѣдующій Анекдотъ кажется рѣшитъ вопросъ сей.

VII.

(*) Произшествіе сіе предано сыномъ сего денщика, Капитаномъ *Иваномъ Васильевичемъ Дурновымъ*, слышавшимъ то отъ отца своего, бывшаго тому очевидцомъ; а мнѣ сообщено отъ покойнаго Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника *Михайла Ивановича Веревкина*.

VII.

Одинъ злодѣй въ соннаго Государя дважды стрѣляетъ изъ пистолета, но въ оба раза оной осѣкается.

Анекдотъ, о которомъ повѣствовать начинаю, доставленъ мнѣ въ разныя времена отъ трехъ особъ, согласныхъ въ томъ, что предпріявшій лишить жизни Монарха былъ издавна зараженъ ядомъ изувѣрства, представлявшимъ ему въ Государѣ еретика и разорителя старинныхъ обыкновеній и обрядовъ, которыхъ изувѣры не различали отъ сущности самыя вѣры. Первой изъ сихъ особъ именуетъ его деньщикомъ Государевымъ, не открывая имени; а два послѣднихъ говорятъ, что то былъ *Кикинъ*, называя его комнатнымъ Государевымъ. А какъ и деньщики *Его Величества* могли назваться комнатными же, яко неотлучно при комнатѣ его находившіеся поочереди: то и можно слово *комнатнаго* принять за деньщика, и деньщика за комнатнаго; но какъ бы то ни было, различіе сіе не отъемлетъ вѣроятія въ существѣ дѣла, согласно всѣми повѣствуемаго. Извѣстно же, что *Кикинъ* и деньщики *Его Величества*

имѣли

имѣли свободной къ нему всегда входъ, и не рѣдко оставляемы были Монархомъ въ спальнѣ его до того самаго времени, когда онъ заснетъ, и тогда уже выходили они изъ оныя. Сіе-то самое время избрано было на произведеніе замышленнаго убійства: извергъ, предпріявшій оное, имѣлъ при себѣ заряженный пулею пистолетъ; онъ направляетъ оной на самое сердце заснувшаго крѣпкимъ сномъ Государя; спускаетъ курокъ! но оной осѣкается. Злодѣй неудачею сею смущается и выходитъ; и злодѣйство остается неизвѣстнымъ.

Чрезъ нѣкоторое же время проклятый сей изувѣръ предпріемлетъ паки то же. Онъ перемѣнилъ кремень, пробовалъ многократно курокъ; и увѣряся въ исправности его, приходитъ ввечеру къ Государю; оставляется Имъ, какъ и прежде, въ спальнѣ до заопочиванія своего; — и извергъ паки направляетъ въ заснувшаго Монарха выстрѣлъ; но провидѣніе Божіе, по недовѣдомымъ смертному судьбамъ допустившее *Равальяку* убить *Генриха IV*, своего Государя, покрыло щитомъ своего заступленія нашего Ироя: пистолетъ, какъ и прежде, осѣкся.

Сколь

Сколь ни злобнымъ изувѣрствомъ напоено было сердце изверга сего: однакожъ не могло оно не поразиться на тотъ разъ толь яснымъ доказательствомъ существующаго промысла Божія, сохраняющаго Помазанника своего. Ему впечатлѣлось тогда, что естьли онъ не отлагая ни секунды, не засвидѣтельствуетъ того признаніемъ и раскаяніемъ своимъ, то сила Вышняго мгновенно поразитъ его. Словомъ, онъ рѣшился разбудить Государя и признаться въ своемъ злодѣяніи. Монархъ разбужается, и первое слово его было: *что сдѣлалось?* Но преступникъ говоритъ ему: Государь! я посланъ къ тебѣ отъ Бога Посломъ возвѣстить, что онъ содержитъ тебя въ своемъ покровительствѣ; и что никакая вражія сила, и никакая адская злоба злодѣевъ твоихъ несильны погубить и ниже повредить тебя. При окончаніи сихъ словъ злодѣй падаетъ на колѣни, и показывая ему пистолетъ: Посмотри Государь, сказалъ, сколь онъ хорошъ, и которой никогда не осѣкался; но два раза мною извергомъ направляемъ бывъ на отнятіе жизни твоея, въ оба раза осѣкался. Толь явное покровительство Божіе

спасаю-

спасающее тебя видя, рѣшился возвѣстить тебѣ, не отлагая ни мгновенія, и съ сею хранящею васъ силою Вышняго поздравить. Теперь голова моя въ твоей волѣ, и я недостоинъ болѣе тяготить собою землю.

Монархъ, выслушавъ сіе, всталъ съ постели, и оставя преступника въ положеніи его, нѣсколько разъ прошелъ по комнатѣ, не говоря ни слова, и наконецъ обратяся къ нему, сказалъ: *Пословъ ни сѣкутъ, ни рубятъ; покровительство Божіе раскаяніемъ твоимъ болѣе еще ощущаю; Богъ тебя проститъ!* И послѣ сего не отмѣнилъ онъ милости своея къ нему.

Впрочемъ и не утверждая заподлинно, чтобъ извергъ сей былъ *Кикинъ*, можно однако же о немъ сказать, что крайняя неблагодарность его къ толико благодѣющему ему Государю, всю его къ себѣ довѣренность, милости и щедроты во зло обратившему, доказываетъ чудовищное его сердце, способное къ самымъ величайшимъ злодѣйствіямъ.

Мы видѣли изъ Исторіи Государевой, что онъ вознесенъ былъ отъ *Его Величества* на достоинство Адмиралтейскаго Президента, и въ XI Томѣ

Допол-

Дополненія (стр. 68 и 69) показали, что неблагодарнѣйшій злодѣй сей, по слѣдствію въ дѣлѣ хлѣбныхъ и другихъ Адмиралтейскихъ подрядовъ, приличенъ былъ въ похищеніи казенныхъ интересовъ, по которому судомъ отписано было все знатное имѣніе его, и самъ онъ посланъ въ ссылку; но что Великій Государь присланное отъ него прошеніе принялъ съ такою милостію, что простилъ его во всемъ, возвратилъ изъ ссылки, отдалъ паки ему отписанное его имѣніе, и оставилъ въ прежнемъ его толь важномъ званіи. Но къ чему послужила и сія безпримѣрная поистиннѣ милость? Къ вящшему отвращенію его отъ особы толико великодушнаго Государя. Его-то злодѣйствомъ до толикаго степени развращенъ былъ Царевичь *Алексѣй Петровичъ*! по его-то совѣтамъ ушолъ онъ изъ Россіи, и толикія оскорбленія нанесъ великому своему родителю! Онъ-то былъ слѣдовательно главнѣйшею причиною бѣдствія нещастнаго сего Царевича; и сіе-то уже наконецъ принудило правосуднаго Государя поступить съ нимъ, какъ съ нераскаяннымъ злодѣемъ. Но кажется, что *Его Величество*, и тогда еще жалѣя лишиться

въ

въ немъ ума тонкаго и способнаго къ важнымъ препорученіямъ, расположенъ былъ еще простить его, ежелибъ только увѣриться могъ въ сердечномъ его раскаяніи. И въ семъ-то намѣреніи (какъ увѣряли меня) благоволилъ онъ, наканунѣ казни его, еще его видѣть и спросить, что принудило его употребить умъ свой въ толикое зло? Какой же отъ него получилъ на сіе Монархъ отвѣтъ? *Умъ* (сказалъ нераскаянный сей злодѣй) *любитъ просторъ; а отъ тебя было ему тѣсно.*

Великій Государь удивился толикому ожесточенію его, и тогда-то уже получилъ онъ соразмѣрную злодѣяніямъ своимъ казнь (*).

(*) Изъ особъ, сообщившихъ мнѣ сей Анекдотъ, первый былъ почтенный старецъ Г. *Бухвостовъ*, Императорской библіотеки Библіотекарь; а послѣдніе два суть Комисаръ *Крекшинъ* и Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Михайло Ивановичъ Верекинъ*, которой увѣрялъ притомъ меня, что наслышался объономъ и о послѣднемъ происшествіи отъ современниковъ же ПЕТРУ Великому, и между ими отъ Адмирала *Алексѣя Ивановича Нагаева.*

VIII.

Натуральная острота разума Государева.

Читавшіе Исторію Великаго Государя, безъ сомнѣнія, замѣтили, что былъ онъ выше предразсудковъ своего времени; но что особливаго достойно замѣчанія, то сія природная острота разума его, въ самой еще юности, представляла ему всѣ вещи въ точномъ ихъ видѣ.

Слѣдующій Анекдотъ докажетъ сіе яснѣе.

При Дворѣ невѣстки его, супруги Царя *Ивана Алексѣевича*, Царицы *Парасковьи Өедоровны*, не только терпимы были юродивые, ханжи, пустосвяты и всякіе уроды, но и почитаемы еще были за святыхъ, а нѣкоторые изъ нихъ и за имѣющихъ даръ пророчества. У многихъ изъ нихъ цѣловали руки, и воздавали честь, приличествующую истиннымъ угодникамъ Божіимъ. Изъ числа послѣднихъ въ особливомъ находился уваженіи и почитаніи одинъ шалунъ юродивый, который былъ изъ подъячихъ, по имяни *Архипъ Тимоѳѣевичъ*. Младый Государь явно негодовалъ на сіе, презиралъ

ралъ сихъ притворныхъ тунеядцовъ, осмѣивалъ и укорялъ почитающихъ ихъ за святыхъ; и будучи еще шестнатцати лѣтъ, обыкновенно называлъ Дворъ помянутыя невѣсты своея гошпиталемъ уродовъ, ханжей, шалуновъ и лицемѣровъ; и которые, при посѣщеніи *Его Величества* сея Царицы, не смѣли и являться на глаза его (*).

IX.

Того же другое доказательство.

Въ бытность Монарха въ первой разъ въ чужихъ краяхъ, пріѣхалъ въ Москву одинъ обманщикъ монахъ Грекъ, и объявилъ, что онъ привезъ съ собою неоцѣненное сокровище, а именно часть срачицы Пресвятыя Богородицы. Онъ представленъ былъ Царицѣ *Евдокіи Өеодоровнѣ*, разсказалъ ей составленную имъ повѣсть, откуда, какимъ образомъ и чрезъ какія руки дошла до него сія срачица; коликихъ стоило ему трудовъ и иждивенія прі-

(*) О семъ же самомъ упоминаетъ и Г. *Татищевъ* въ предисловіи своемъ на I Томъ Исторіи Россійской.

обрѣтеніе оныя; и что онъ единымъ движимъ усердіемъ, дабы сія святыня не осталася въ областяхъ невѣрныхъ, и не могла бы поругаема и осмѣяна быть и совсѣмъ погибнуть, привезъ ее въ Россію, яко въ государство благочестіемъ и вѣрою святою сіяющее. Довольно было и сей басни, съ лицемѣрною святостію произнесенной, для увѣренія Царицы и Двора ея. Однакожъ монахъ, дабы совершеннѣйшее словамъ своимъ доставить довѣріе, требовалъ, чтобъ принесены были горящіе угли, на кои бы могъ онъ возложить сію святую срачицу, вѣря несомнѣнно, что не прикоснется ей огнь. Царица пригласила Патріарха и нѣсколькихъ изъ знатнѣйшихъ особъ духовныхъ; при нихъ положена была срачица на горящія уголья, обьята пламенемъ, и раскалилася какъ желѣзо, но изъятая и остуженная явилася невредима и убѣленная аки снѣгъ. Всѣ ужасомъ и удивленіемъ обьемлются, удостовѣряются о словахъ монаха, лобызаютъ оную со благоговѣніемъ, яко истинную Богородицыну срачицу, полагаютъ ее въ богатый ковчегъ и вносятъ съ церемоніею и пѣніемъ въ церковь. Обманщикъ

щикъ награждается щедро сверьхъ его чаянія, и уѣзжаетъ изъ государства.

Вскорѣ послѣ сего пріѣзжаетъ Монархъ, доносятъ ему о всемъ томъ съ подробностію, и поздравляютъ его съ симъ новымъ сокровищемъ духовнымъ. Младый Государь, не видавъ ее еще, предузнаетъ уже обманъ; приказываетъ ее принести къ себѣ, и доказываетъ, что всѣ они обмануты мошенникомъ; что лоскутъ тотъ не иное что, какъ изъ аміанта, или несгараемаго каменнаго льна вытканъ; спрашиваетъ, гдѣ тотъ монахъ? но онъ, какъ сказано, уже убрался съ деньгами и подарками за границу (*).

Многіе подобные сему обманы, открытые Монархомъ, и Г. *Штелинъ* представляетъ въ Анекдотахъ своихъ, которые и мною помѣщены въ разныхъ мѣстахъ Дѣяній и Дополненія; но здѣсь еще представимъ мы одинъ сему примѣръ.

(*) Отъ Комисара *Крекшина*, и Г. *Болтинъ* въ I Томѣ на Леклерка о семъ же самомъ написавъ увѣряетъ, что наслышался онъ о семъ отъ многихъ стариковъ.

X.

Того же третіе доказательство, и совокупно чрезвычайной памяти его.

Великій Государь, въ пути своемъ изъ Москвы въ Петербургъ, въ воскресный день заѣхалъ въ Иверскій монастырь, и по отслушаніи святыя литургіи снисшелъ на прозьбу Архимандрита, посѣтилъ келью его со всею бывшею при немъ свитою. Монархъ, пристально смотря въ лице Архимандрита того, сказалъ: лице твое мнѣ знакомо, и кажется я видѣлъ тебя міряниномъ еще въ Москвѣ. Сей отвѣтствовалъ, что онъ въ первые еще имѣетъ щастіе видѣть очи *Его Величества*; но Монархъ однако же увѣряется, что онъ конечно его видалъ, и вызвавъ его въ другую келью, спрашивалъ наединѣ, не былъ ли онъ въ давнихъ лѣтахъ въ Москвѣ; скажи правду и не опасайся никакого зла, въ чемъ я даю тебѣ вѣрное мое слово. Архимандритъ, падши къ ногамъ его, просилъ прощенія, что хотѣлъ отъ *Его Величества* скрыть позоръ свой. Я давно уже, но не помню года, когда прибывъ въ Москву, сдѣлался затворникомъ въ палаткѣ подъ па-

папертью церкви *Василія Блаженнаго.* Такъ ты-то, перебилъ рѣчь его Монархъ, былъ тотъ, который выставлялъ въ окно образъ Богоматери, яко бы плачущей о грѣхахъ человѣческихъ? Я тотъ самый страдникъ, Всемилостивѣйшій Государь, отвѣтствовалъ въ страхѣ Архимандритъ. Монархъ доволенъ былъ признаніемъ его, и что не ошибся въ физіогноміи толь давно видѣннаго имъ человѣка; и вошедъ паки съ нимъ въ гостиную келью, велѣлъ ему разсказать при всѣхъ то коварство, какимъ заставлялъ онъ плакать образъ, и свое похожденіе. Должно было повиноваться: „Я, поникнувъ очи, началъ говорить Архимандритъ, вымѣнявъ образъ Знаменія „Пресвятыя Богородицы, на задней „онаго сторонѣ, противъ самыхъ глазъ „сдѣлавъ двѣ лунки, клалъ въ оныя „грецкія губки, напитанныя водою, и „обилъ сторону ту искусно китайкою, „такъ что обману примѣтить было „не можно; въ зрачкахъ же глазъ про„кололъ булавкою непримѣтныя двѣ „скважины, и когда приходили къ об„разу люди, то я обѣими руками дер„жа его, большими перстами подавли„валъ тѣ мѣста, подъ коими лежали

„губки оныя, и изъ глазъ сквозь сква-
„жинки тѣ катились водяныя капельки.
„Симъ образомъ, отъ усердія бого-
„мольщиковъ, набравъ я нарочитую сум-
„му денегъ, удалился съ оными въ пу-
„стыню NN. въ коей сдѣлался Строи-
„телемъ; и по томъ произведенъ былъ
„въ Игумены, а по нѣкоемъ времени
„добился въ сей монастырь и въ Архи-
„мандриты.„

По окончаніи сего чистосердечнаго признанія, вспомнилъ Монархъ, что въ малолѣтствѣ его, Царевны, сестры его, однажды подозвали его съ собою помолиться плачущему образу Богоматери; и какъ, де, подозрѣвалъ я въ обманѣ, то смотря пристально тогда на лице монаха сего, впечатлѣлъ оное въ воображеніи моемъ столько, что при первомъ послѣ того съ нимъ нынѣ свиданіи такъ примѣтнымъ показалось мнѣ оное, что хотя, де, онъ и устарѣлъ уже, не могло оно не показаться мнѣ знакомымъ. Великій Государь, разсказавъ сіе, по данному своему слову, оставилъ его при своемъ мѣстѣ; а повелѣлъ только образъ тотъ, оставленной симъ Архимандритомъ въ пустынѣ, взять въ Синодъ, дабы не былъ онъ, какъ говорилъ Монархъ,

нархъ, и впредь орудіемъ корыстолюбія монаховъ и народнаго обмана и суевѣрія (*).

Но заключимъ мы, до суевѣрія таковаго относящееся, словами Г. *Болтина*, (стр. 550, I Томъ на Леклерка): „Вѣкъ тогдашній благовремененъ былъ къ сптосвятству, обману „и подлогамъ; ханжи и лицемѣры „чудесамъ не вѣрили, но пользу свою „обрѣтали; большая часть народа „вѣрили и обманщиковъ обогащали; „нѣкоторые *видѣли* обманъ, но говорить не смѣли, и таковыхъ было „не много. Сколько вещей обыкновенныхъ, простыхъ, ничего не значущихъ, приняты были за святыню, „за предметъ почтенія, уваженія! „Отъ времени ПЕТРА Великаго прекратилися таковыя чудотворенія, „перевелися плутовства и плуты, „при духовенствѣ просвѣщенномъ.„

(*) Отъ Адмиральши Марьи Іонишны Головиной, слышанной ею отъ свекра своего Адмирала Ивана Михайловича Головина же, а мнѣ доставленъ отъ духовнаго ея отца, Протоіерея Архангельскаго Собора, *Петра Алексѣевича*.

XI.

Монархъ заблаговременно разславляетъ въ народѣ будущее затмѣніе солнечное, что оно есть натуральное, а не чудесное.

Самыя малѣйшія обстоятельства важны въ дѣлахъ великаго человѣка, особливо же когда они объясняютъ умоначертаніе народа вѣка того. Изъ таковыхъ есть слѣдующее: Великій Государь, вѣдая, что суевѣріе народа пріемлетъ все то, чего не разумѣетъ, за чудесное, и извлекаетъ изъ онаго какія либо нещастныя слѣдствія, вѣдалъ также и то, что многіе въ числѣ онаго есть и такіе плуты, которые, не вѣря тому сами, но по интересамъ своимъ желая возмутить умы народа, умышленно толкуютъ то превратно, и проч.

Поелику же *Карлъ XII* въ первые годы былъ въ великой славѣ, и успѣхъ въ войнѣ съ нимъ казался многимъ сомнителенъ; наступающее же затмѣніе солнечное, о которомъ вѣдалъ Монархъ чрезъ Астрономическое изчисленіе ученыхъ, могло вложить въ однихъ нещастное войны той предзнаменованіе, а другимъ подать случай

къ

къ зловреднымъ толкованіямъ: того ради заблаговременно и писалъ онъ ко многимъ изъ знатныхъ своихъ подданныхъ, какъ-то, къ Адмиралу *Ѳедору Алексѣевичу Головину*, къ Князю *Ромодановскому*, къ *Нарышкину*, къ ученѣйшимъ изъ Архіереевъ, и проч. дабы они старались разгласить въ народѣ, и вразумить оной о томъ будущемъ затмѣніи солнечномъ, что оно есть натуральное, а не чрезъестественное, и чтобъ потому не принято было оное за какое либо предзнаменованіе, а паче за нещастное.

Такъ-то Великій Государь старался все предусматривать, и отвращать всякія въ народѣ сомнѣнія и устрашенія. Одно изъ сихъ писемъ помѣщается здѣсь подлинникомъ.

„ Господинъ Адмиралъ!

„ Будущаго мѣсяца въ первый день „ будетъ великое солнечное затмѣніе; „ того ради изволь сіе поразгласить „ въ нашихъ людяхъ, что оное будетъ, дабы въ чудо не поставили; „ понеже когда люди про то вѣдаютъ „ прежде, то не есть уже чудо. „ Сіе было въ 1705 году.

Подобную предосторожность учинилъ Монархъ и въ 1709 году, въ разсуж-

сужденіи ожидаемаго не за долго до Полтавскія баталіи солнечнаго же затмѣнія ; письма его ко многимъ же о семъ доказываютъ оное. Такія же предосторожности бдительный сей кормчій корабля Государственнаго предпринималъ и при всякихъ какихъ либо мнимыхъ чудесныхъ явленіяхъ и происшествіяхъ, въ какое бы то время ни было, не упуская ни минуты времени, что все доказываетъ сколько природную остроту его ума и неусыпное за всѣмъ смотрѣніе и наблюденіе, столько и суевѣріе черни, удобной къ поколебанію самымъ ничтожнымъ какимъ приключеніемъ, или какимъ либо внушеніемъ злонамѣренныхъ людей.

XII.

Благоговѣйное почитаніе его таинствъ святыя Евхаристіи.

Но естьли Великій Государь осмѣивалъ суевѣріе, естьли открывалъ обманы изувѣровъ, ханжей и плутовъ, на прельщеніе народа и для своего интереса вымышляемые: то столько же, или и болѣе почиталъ онъ истинную

ную набожность, и изъявлялъ оную самъ публично. Благоговѣйное почитаніе, какое имѣлъ онъ ко святой Евхаристіи, покажетъ намъ слѣдующее, самовидцами оставленное намъ изустное преданіе.

Мы видѣли въ Дѣяніяхъ его, что дѣятельнѣйшій Монархъ, гдѣ бы онъ ни былъ, ежедневно почти выѣжжалъ въ какое либо Присутственное мѣсто, или на работы, на ученія воинскія, на биржи, въ торговые ряды, или для посѣщенія кого; и всякой разъ, когда случалось ему срѣтиться съ Святыми дарами, несомыми Священникомъ къ какому болящему, обыкновенно сходилъ съ своей одноколки, или санокъ, (каковые экипажи по большой части при выѣздахъ своихъ употреблялъ онъ) и не только воздавалъ онымъ благоговѣйное поклоненіе, но какую бы онъ ни имѣлъ нужду, оставляя оную на тотъ часъ, подходилъ къ Священнику, бралъ онаго подъ руку, и велъ въ домъ болящаго, какого бы тотъ ни былъ званія и состоянія. Народъ, при видѣ сего, поражался благочестивою набожностію Государя, проливалъ радостныя слезы, и сопровождалъ его; по пріобщеніи же Священникомъ

никомъ Святыми сими дарами больнаго, благочестивый Государь подходилъ къ постелѣ его, поздравлялъ его соединеніемъ со Хрістомъ Спасителемъ, и говорилъ, что естьли онъ принялъ его съ истинною вѣрою, то сей всесильный Спаситель и Искупитель нашъ изцѣлитъ его болѣзни душевныя и тѣлесныя; и я, прималвливалъ Монархъ, не сомнѣваюсь увидѣть тебя въ скорости оздоровѣвшимъ и при должности, и проч. сему подобное.

Таковое великодушнѣйшее снисхожденіе Самодержца приводило въ радостное, такъ сказать, волненіе охладѣвшую кровь больнаго, и служило для него цѣлительнѣйшимъ бальзамомъ, которой тѣмъ большее производилъ надъ нимъ дѣйствіе, что Монархъ присылывалъ къ больному, хотябъ онъ былъ матросъ, солдатъ, или самый бѣднѣйшій изъ гражданъ, ежедневно навѣдываться о состояніи его; и присланный, въ такомъ случаѣ, обыкновенно говаривалъ, что Государь прислалъ ему здоровье, и проч. Ежели же кто изъ нихъ былъ бѣденъ, то сопровождалъ оное денежною помощію, присылкою къ нему своего Лекаря и безденежнымъ отпускомъ лекарствъ.

Особа,

Особа, предавшая намъ сіе, и бывшая не однократнымъ свидѣтелемъ таковаго благочестиваго дѣйствія и посѣщенія Государева, увѣряла меня, что рѣдкой изъ сихъ больныхъ не выздаравливалъ, и весь, де, даже народъ вѣрилъ тому, и обыкновенно говаривали тогда о такомъ больномъ, котораго посѣщалъ Монархъ: *онъ не умретъ: Государь его посѣщалъ* (*).

XIII.

О розыскѣ одного знатнаго Боярина, и о приходѣ въ застѣнокъ Патріарха съ иконою.

Мы выше упомянули, что суевѣріе Царицы, его супруги, способствовало къ заключенію ея въ монастырь; а сей Анекдотъ покажетъ намъ и другую причину, много тому же способствовавшую.

Род-

(*) Особа сія есть предупомянутый же Адмиралъ *Иванъ Михайловичъ Головинъ*. Невѣстка его *Марья Іонишна Головина* же сіе слышанное отъ него многимъ разсказывала, въ томъ числѣ и отцу своему духовному, Протоіерею Архангельскаго Собора, *Петру Алексѣевичу*, отъ котораго и мнѣ сіе сообщено.

Родственникъ сей Царицы, Бояринъ - - - - - - - - имѣлъ отчину въ смежности съ деревнями, принадлежащими Московскому Архангельскому Собору. Крестьяне его, испотворованные, такъ сказать, господиномъ своимъ, всегда обижали Соборныхъ, по какой причинѣ не рѣдкія произходили между ими ссоры; и жалобы послѣднихъ не были внимаемы. Однажды по случившемуся спору въ землѣ, Бояринъ, или не войдя въ разбирательство сихъ споровъ и ссоръ, или, что и вѣроятнѣе, обманутый управителемъ своимъ, насказавшимъ ему объ озорничествѣ якобы Соборныхъ крестьянъ, въ надеждѣ на знатность свою, далъ письменное повелѣніе управителю своему, въ случаѣ сопротивленія Соборныхъ крестьянъ, бить ихъ до смерти. Уполномоченный такимъ образомъ управитель болѣе еще сталъ притѣснять Соборныхъ, и отъ сего произошла драка, и крестьяне перваго, бывъ сильнѣе послѣднихъ, убили на мѣстѣ побоища до смерти 10 человѣкъ Соборныхъ.

А какъ въ сіе самое время прибылъ Монархъ въ Москву изъ перваго своего въ чужіе краи путешествія, и Собо-

Соборяне вѣдая, что Государь, по сохраняемому имъ благоговѣйному почитанію къ памяти родителя своего, прибудетъ въ соборъ, для поклоненія гробу его и совершенія по немъ панихиды, заготовили челобитную, въ намѣреніи положить тогда оную на гробѣ Царскомъ, и тѣла убитыхъ крестьянъ повелѣли привезти въ Москву. Въ самомъ дѣлѣ Монархъ прибылъ въ соборъ, и по отслушаніи панихиды, по обыкновенію, пришедъ ко гробу родительскому для поклоненія оному, усмотрѣлъ наономъ бумагу; и спросилъ у Протопопа: Что это за бумага? Отецъ твой, отвѣтствовалъ Протопопъ, проситъ тебя Великій Государь, защитить отъ обидъ соборную церковь. Бояринъ твой - - - убиваетъ до смерти крестьянъ, принадлежащихъ оной, и суда на него нѣтъ. Монархъ беретъ бумагу и прочитываетъ. Доказательства въ оной насилія боярскаго были описаны ясно; они въ оной ссылалися на самое письмо его, въ коемъ онъ повелѣвалъ управителю своему бить до смерти въ его голову, и съ коего приложена была и копія, которую они достали. Между же тѣмъ, въ продолженіе панихиды, и самыя тѣла подвезены къ собору, дабы Государь,

по выходѣ изъ онаго, могъ самъ ихъ увидѣть. Излишно упоминать, сколь таковое насиліе и убійство должны были прогнѣвить его, особливо же въ такое время, когда происходили розыски и казни бунтовавшимъ стрѣльцамъ; и когда, по слѣдствіямъ, открывалися тайные оныхъ единомышленники и изъ знатныхъ. Государь выходитъ изъ собора; Протопопъ указываетъ *Его Величеству* на тѣла убитыхъ, по приказу боярскому; и Монархъ зрѣніемъ симъ паче еще раздражается. Онъ не отлагаетъ времени на изслѣдованіе такого дѣла, которое ясное имѣетъ уже о себѣ доказательство; и повелѣваетъ тотъ же часъ послать въ волость боярскую, поелику не въ дальнемъ была она отъ Москвы разстояніи, и привезти управителя того со всѣми его бумагами; и шествуетъ прямо въ Константиновскую башню, въ которой производились розыски, приказавъ туда же привести и Боярина, на котораго пришли до него жалобы. А какъ о всемъ происходившемъ въ соборѣ уже дано было знать виноватому: то успѣлъ онъ между тѣмъ увидѣться съ Патріархомъ, и убѣдить его о предстательствѣ за себя у Государя. Наконецъ приведенъ

былъ

былъ въ башню оную сей нещастный. Гнѣвъ, съ каковымъ спросилъ его Монархъ, писалъ ли онъ такое письмо къ управителю своему, привелъ его въ замѣшательство; и онъ не могъ отъ того отрещися. Послѣ чего никто уже не смѣлъ заступать за него; но Патріархъ однако же принялъ сію смѣлость; онъ взялъ образъ Богоматери, писанный святымъ Петромъ Митрополитомъ, и пришедъ въ башню оную, возопилъ: Сама Владычица небесная ходатайствуетъ за нещастнаго.

Раздраженный симъ паче еще Государь отвѣтствуетъ ему: *Зачѣмъ пришелъ ты сюда съ иконою? какое тебѣ здѣсь дѣло? Поди отсюду скорѣе, и поставь сей святый образъ въ подобающее оному мѣсто. Вѣдай, что я боюся Бога и чту пресвятую его Матерь, можетъ быть, больше тебя; и вѣдаю, что воля ея не различается отъ воли Сына ея и Бога, которой, давъ мнѣ скипетръ, требуетъ отъ меня правосудія и защищенія ввѣреннаго мнѣ народа. Поди и знай лучше свою должность* (*).

 Право-

(*) Рѣчь сія Государева записана и у Іоан. Георгія Корбе, Секретаря Посольства Цесарскаго, быв-

Правосудіе въ дѣлахъ каждаго, безъ различія степени оказываемое, говоритъ одинъ писатель, есть основаніемъ вѣрности и послушанія подданныхъ.

XIV.

О табакѣ.

По невѣжеству тогдашняго времени вѣрили всякимъ бреднямъ; явилася книга, и сказываютъ, съ Греческаго на Славенскій языкъ переведенная, въ которой табакъ названъ проклятымъ и богомерзкимъ, а употребленіе его грѣхомъ смертнымъ; въ слѣдствіе сего учинено было отъ Патріарха запрещеніе употреблять оный, что и указомъ Царя *Михаила Θеодоровича* въ 1634 году подтверждено, съ предписаніемъ строгаго наказанія преступникамъ онаго; а по четырнатцати лѣтахъ указъ сей внесенъ безъ отмѣны и въ уложенье. ПЕТРЪ Великій, спа-

бывшаго въ семъ 1698 году въ Москвѣ, какъ видно изъ ученыхъ Дѣяній, писанныхъ на Латинскомъ языкѣ, (зри acta eruditorum Lipsiensia an. 1708) все же прочее взято изъ преданія собора Архангельскаго, сообщеннаго мнѣ Протоїереемъ онаго, *Петромъ Алексѣевичемъ.*

стараяся истребить изъ мнѣнія народа своего древнія суевѣрія и предразсудки, на мѣста ихъ не вводилъ ничего безполезнаго, и позволя Агличанамъ ввозить табакъ въ Россію, къ употребленію его подданныхъ своихъ не понуждалъ; закона отца своего не нарушилъ и не порицалъ, но силѣ его отъ дѣйствія упраздниться безмолвнымъ образомъ попустить благоволилъ. Нечувствительно сталъ оный входить въ употребленіе; что видя Патріархъ и клиръ церковный, упомянутое проклятіе табаку и употребляющихъ оной возобновили; однакожъ привычка нѣкіихъ къ табаку тѣмъ не унялась. Когда же Монархъ, по выѣздѣ своемъ изъ чужихъ краевъ, отдалъ продажу онаго въ Москвѣ одному купцу на откупъ, за 15000 рублей въ годъ: то Патріархъ сего откупщика со всѣмъ его домомъ отлучилъ отъ церкви. Какъ же въ семъ случаѣ поступилъ Великій Государь? Онъ, не употребя власти своея, и не хотя дать указа въ отмѣну, какъ сказано, закону отца своего, умѣлъ уговорить Патріарха къ перемѣнѣ его мыслей: онъ представилъ ему, что употребленіе табаку попущено въ Рос-

сіи для иностранцовъ, пріѣжжающихъ и живущихъ въ ней, и чего запретить имъ не можно; а привычка у нихъ къ оному такъ велика, что, естьли запретить употребленіе его, то значить оное будетъ запретить въѣздъ ихъ въ Россію, и проч. И такъ Патріархъ снялъ святительскую клятву свою съ помянутаго дому невиннаго откупщика.

О семъ самые иностранцы писали, какъ въ Лейпцигскихъ Дѣяніяхъ ученыхъ видѣть сіе можно.

XV.

Происшествіе о украденномъ кубкѣ, во время гощенія Его Величества у иностраннаго купца.

Извѣстно изъ Исторіи ПЕТРА Великаго, что *Его Величество* крайнѣ ласкалъ пріѣжжавшихъ вБ Россію купцовъ иностранныхъ; онъ не рѣдко посѣщалъ ихъ въ Нѣмецкой слободѣ, пріѣжжая къ нимъ на ассамблеи и ужины, изъ коихъ особливо любилъ онъ Голландскихъ *Бранта*, *Любса*, *Гутфеля* и *Голла*; желая же вложить склонность къ нимъ и къ ихъ обхожденіямъ, въ невѣстокъ и сестеръ своихъ,

ихъ, привозилъ иногда и ихъ на таковыя вечеринки.

Въ одно время Монархъ пригласилъ съ собою старшую невѣстку свою, Царицу Мареу Матвѣевну къ *Голлу* на ассамблею. *Его Величество* имѣлъ привычку пить изъ одного кубка, или стакана; и иностранцы, зная сіе, поставляли предъ него обыкновенно одинъ, изъ коего онъ въ каждой пріѣздъ свой пивалъ. У *Голла* былъ для *Его Величества* къ сему назначенъ одинъ серебреной кубокъ съ крышкою, весьма искусной работы.

Послѣ ужина продолжались разныя забавы, какъ-то музыка, танцы, и проч. Монархъ, захотя пить, попросилъ меду; но видя, что ему не подаютъ онаго, сказалъ хозяину: естьли весь медъ изошелъ у тебя, такъ вели подать полпива. Сей отвѣтствовалъ, что медъ есть, но кубка того, изъ коего *Ваше Величество* жалуете пить, не могутъ отъискать, и сказываютъ де, что во время убирки съ стола пропалъ оной. По этому, сказалъ Государь, его украли, но вору должно быть въ домѣ. Я, примолвилъ Монархъ, его найду, и тотчасъ приказавъ запереть вороты до-

 му,

му, и никого не выпускать изъ онаго, и ниже изъ покоевъ на дворъ; вышелъ самъ, велѣлъ всѣмъ людямъ бывшимъ на дворѣ предстать предъ себя, спрашивалъ у каждаго: не выходилъ ли кто изъ покоевъ на дворъ послѣ стола? Одинъ изъ нихъ сказалъ, что видѣлъ выходящаго къ каретѣ Царицыной пажа Ея Величества. Пажъ сей былъ *Юрловъ.* Монархъ пошелъ къ сей каретѣ, осмотрѣлъ все въ ней, и нашолъ тотъ кубокъ.

Все сіе происходило безъ шуму, и Царица ничего того почти и не примѣтила, меньше же еще, чтобъ кто изъ ея людей что могъ сдѣлать непристойное. Симъ все дѣло кончилось; и Монархъ казался по прежнему спокоенъ; но при разъѣздѣ распростяся съ хозяиномъ и гостьми, подойдя къ невѣсткѣ своей, потихоньку сказалъ ей: завтра поутру въ восемь часовъ пришлите ко мнѣ пажа вашего *Юрлова*, которому нѣчто надобно приказать.

Царица, по прибытіи въ комнаты свои, призвала къ себѣ сего пажа, спрашивала у него, не сдѣлалъ ли онъ въ домѣ *Толстовомъ* чего непристойнаго; ибо, де, Государь велѣлъ тебя

зав-

завтра прислать къ себѣ, чего, де, никогда прежде не бывало. Сей, упадши къ ногамъ ея, признался въ кражѣ кубка, и что самъ Государь нашолъ оной въ каретѣ ея, гдѣ онъ его спряталъ. Что ты сдѣлалъ прокляmой? сказала Царица, вить Государь разсѣчетъ тебя, и вѣчно напишетъ въ матросы, или по крайней мѣрѣ въ солдаты. Слезы, страхъ и раскаяніе пажа сего въ такую привели жалость добросердечную Царицу, что она, давъ ему нѣсколько червонныхъ, велѣла спасаться, *какъ онъ знаетъ*. Виноватый тоюжъ ночью выбрался изъ Москвы, и ушолъ, какъ послѣ узнано, на Вологду.

Монархъ, поутру не видя въ назначенной отъ него часъ *Юрлова,* послалъ за нимъ къ Царицѣ; но сія отвѣтствовала, что не могли его сыскать. *Его Величество*, увидяся съ нею, открылъ ей, что сей молодой человѣкъ сдѣлалъ ей и всему Двору нашему позоръ, укравъ у *Галла* кубокъ, и должно его за столь постыдное воровство наказать; а безъ того, де, можетъ остаться онъ навсегда бездѣльникомъ и негоднымъ ни къ какой должности. Невѣстка сія призналась также, что сіе уже она вѣдаетъ отъ него самаго, но что слезы и

раскаяніе его убѣдили ее отпустить его, и что не знаетъ, куда онъ ушолъ. Монархъ, сдѣлавъ ей довольно чувствительной за сіе выговоръ, сказалъ, что жалость ея погубила его, а можно бы, де, сего молодаго и проворнаго дѣтину еще исправить и употребить со временемъ въ какое либо полезное служеніе (*).

XVI.

(*) Отъ той же Адмиральши, слышанное ею отъ свекра же своего; она къ сему прибавила, что сей *Юрловъ* на Вологдѣ постригся въ монахи, и нареченъ *Львомъ*; что способность и разумъ его, а можетъ де быть, и данные ему отъ Царицы червонцы, отличили его при домѣ Архіерейскомъ; что проходя разныя должности духовныя, достигъ наконецъ до сана Архіерейскаго въ Воронежскую епархію. И такъ, продолжала она, хотя де и избавился онъ наказанія Государева, но судъ де Божій наказалъ его: онъ поссорился съ Губернаторомъ, и другъ другу искали погибели. По вступленіи на престолъ Императрицы *Анны Ивановны*, Губернаторъ тотъ, получа объ ономъ изъ Сената указъ, послалъ къ Архіерею, чтобъ онъ былъ въ соборъ для молебствія о вступленіи Императрицы на престолъ, и для приведенія чиновниковъ и гражданъ къ присягѣ; но Архіерей отъ того отрекся неполученіемъ отъ своего правительства о томъ указу. Губернаторъ паки велѣлъ ему сказать, что онъ получилъ изъ Сената указъ, которому долженъ онъ вѣрить; однакожъ къ нещастію онъ презрѣлъ то, сказавъ, что будетъ ожидать о томъ указа изъ Святѣйшаго Синода.

Гу-

XVI.

Грубость Воронежскихъ гражданъ, тронувшая чувствительно Государя.

Ежели мы видѣли выше (XII Анекдотъ) описанную грубость знатнаго дворянства, то какая уже должна быть оная въ нижнемъ званіи людей, а паче отдаленныхъ отъ столицы? Сему доказательство представляетъ слѣдующій Анекдотъ.

Великій Государь, устроя въ Воронежѣ корабельную верфь, многократно пріѣжживалъ въ городъ сей. Въ великой постъ потребовалъ *Его Величество* кислой капусты; послано было за оною къ членамъ Магистратскимъ, состоявшимъ изъ тамошняго купечества; но сіи, бывъ тогда въ собраніи, посовѣтовавъ о томъ, заключили: что, есть-

Губернаторъ отправилъ о семъ нарочнаго въ Сенатъ курїера, описавъ самыми черными красками то отреченїе его. Сїе было причиною, что лишенъ онъ былъ Архїерейства и священства, взятъ въ Москву, гдѣ высѣченъ кнутомъ, и сосланъ въ ссылку. А хотя де въ царствованїе Императрицы *Елисаветы Петровны*, въ концѣ 1742 году, онъ изъ ссылки и возвращенъ и Архїерейство ему дано, однакожъ безъ епархїи, и жилъ въ Знаменскомъ Московскомъ монастырѣ по смерть свою.

естьли де одинъ разъ дадимъ требуемой капусты: то уже и всегда не только къ Государю, но и ко всѣмъ при немъ находящимся отпускать ее будемъ принуждены; а чрезъ то и у самихъ насъ скоро въ оной послѣдуетъ недостатокъ. И такъ разсудили отказать въ оной, что будто бы нѣтъ ее у нихъ. Монархъ, вѣдая, что сіе происходитъ отъ одного грубаго ихъ воспитанія, не огорчился на нихъ, но почувствовалъ только крайнее сожалѣніе о толикой ихъ грубости. Онъ послалъ одного изъ денщиковъ своихъ осмотрѣть у самихъ тѣхъ членовъ ледники; сей нашолъ въ нихъ цѣлые чаны оной. Великій Государь, призвавши ихъ къ себѣ, представляетъ имъ съ отеческою милостію ихъ глупость и грубость, что они Государю своему, пекущемуся о ихъ благосостояніи, отказываютъ въ ничего незначущей малости, имѣя оной у себя съ излишествомъ. Не могли они не почувствовать и милости его и своего непростительнаго проступка въ отказѣ капусты; они, упавъ къ ногамъ его, со слезами просили въ томъ прощенія. Монархъ, сдѣлавъ имъ еще увѣщаніе, прощаетъ ихъ, пригрозя

од-

однако же, что естьли они впредь подобное сему что учинятъ, тобъ страшились гнѣва его.

XVII.

Князь Меншиковъ выбриваетъ бороды симъ членамъ и одѣваетъ ихъ въ Нѣмецкое платье, къ великому удовольствію Государя.

Суевѣріе въ то время столь владычествовало надъ умами, что самое, такъ сказать, ничтожное представлялось имъ грѣхами смертными, какъ-то бритье бороды, покрой платья, несообразной съ платьемъ предковъ ихъ; самыхъ членовъ Магистратскихъ въ помянутомъ городѣ никакъ не могъ уговорить Государь обрить бороды и перемѣнить платье. Они хотѣли лучше платить штрафъ и нести гнѣвъ его, нежели согласиться на такое, по мнѣнію ихъ, преступленіе. И хотя прискорбно сіе было *Его Величеству*: но онъ не хотѣлъ однако же принудить ихъ къ тому властію, а ожидалъ того отъ времени и отъ воспитанія дѣтей ихъ.

Князь

Князь *Меншиковъ*, желая угодить Государю, изготовя для всѣхъ сихъ членовъ Магистратскихъ Нѣмецкие платье даже до рубашекъ, на канунѣ праздника Пасхи, предъ самою уже заутренею, призвалъ ихъ всѣхъ къ себѣ, и обьявилъ имъ, будто бы имянной *Его Величества* указъ, чтобъ они тотчасъ или обрили бороды и одѣлись въ Нѣмецкое платье, или бы готовились въ ссылку въ Сибирь, указавъ имъ на изготовленныя уже къ тому и подводы; и что не допуститъ онъ ихъ ниже проститься съ женами и семействомъ ихъ, но тотъ же часъ увезутъ ихъ, ежели они явятся преслушными указу.

Поднялся плачь, рыданіе и вопль бѣдныхъ сихъ поистиннѣ людей. Они упали къ ногамъ его, просили милости и заступленія его у Государя, говоря при томъ, что они готовы все сдѣлать, нежели растлить (какъ они говорили), образъ Божій, и что лучше согласятся потерять головы, нежели бороды, и проч. Головъ вы не потеряете, отвѣтствовалъ Князь; но онъ не смѣетъ просить Государя о перемѣнѣ своего указа, и такъ должны

вы

вы сей часъ садиться въ кибитки. При семъ словѣ по приказу его вошли солдаты, и готовились вести ихъ къ кибиткамъ. Предразсудокъ столь былъ силенъ, что они съ плачемъ и рыданіемъ согласились лучше ѣхать въ заточеніе, нежели лишиться бородъ; но какъ однако же повели ихъ изъ покоевъ на дворъ, то одинъ изъ нихъ, которой былъ помоложе, любя свою жену, при пролитіи горькихъ слезъ перекрестяся сказалъ: буди воля Божія! и согласился на обритіе бороды. Топчасъ обрили ему оную, что видя и всѣ другіе, тѣмъ же сожалѣніемъ о женахъ, дѣтяхъ и домахъ своихъ бывъ тронуты, одинъ по другому согласились послѣдовать примѣру товарища своего; и такъ были они обриты и наряжены въ Нѣмецкое платье. Князь видя однако же неутѣшно ихъ плачущихъ, хотя не былъ онъ и самъ Богословъ, утѣшалъ ихъ, говоря, что нѣтъ въ томъ никакого грѣха, когда волосы будутъ обрѣзаны; но въ томъ грѣхъ, естьли будутъ заповѣди Христовы и Апостольскія не сохранены, а одна изъ заповѣдей сихъ поучаетъ, что противляющіеся предержащей власти противляются повелѣнію Божію:

нѣсть

нѣсть бо власть, аще не отъ Бога, и проч.

Все сіе продолжалось даже до заутрени; и когда уже Монархъ былъ въ соборѣ, тогда Князь пришолъ съ ними въ оной и поставилъ новопреображенныхъ сихъ за крылосомъ. Монархъ сначала не примѣтилъ ихъ входа, но въ продолженіе заутрени, нечаянно оглянувшись, увидя стоящихъ въ новыхъ Нѣмецкихъ кафтанахъ одинаковаго цвѣта, и не могши никакъ узнать ихъ, подозвавъ къ себѣ Князя, спросилъ: что это за люди? Князь донесъ, что члены здѣшняго Магистрата. Государь столько обрадовался тому, что тотъ же часъ сошелъ къ нимъ съ крылоса, и прежде еще времени поцѣловалъ ихъ каждаго, говоря: *Христосъ воскресе*, благодарилъ ихъ, что они для праздника такъ его обрадовали, и оборачивая каждаго изъ нихъ, говорилъ: *ахъ! какіе молодцы! посмотрите пожалуйте, тѣ ли вы стали, какіе были прежде?* а на другой день праздника пригласилъ ихъ къ столу своему и пилъ ихъ здоровье.

Примѣръ сей доволенъ къ доказательству какъ того, что одинакое чувствованіе было у жителей и всѣхъ дру-

другихъ отдаленныхъ отъ столицы городовъ, такъ и того, колико желалъ Монархъ ихъ просвѣщенія.

XVIII.

Поступокъ ПЕТРА I съ Воронежскимъ Архіереемъ Митрофаномъ.

Презрѣніе пышности и роскоши, трудолюбіе и воздержаніе, милосердіе и вспомоществованіе неимущимъ, кротость и непамятозлобіе, любовь къ паствѣ и къ отечеству, украшали сего Пастыря словесныхъ овецъ; овцы сіи любили его, какъ отца своего; и ПЕТРЪ Великій въ отличной содержалъ его милости, какъ-то изъ слѣдующаго увидимъ.

Когда Великій Государь, устроя въ Воронежѣ верфь корабельную, сооружалъ флотъ, къ пораженію Турокъ и къ отнятію у нихъ Азова необходимо нужный: тогда сей Архіерей, отъ избытка, такъ сказать, усердія своего къ Государю и отечеству, въ простыхъ, но сильно надъ сердцами народа дѣйствующихъ поученіяхъ, возносилъ хвалами намѣренія Государевы, и увѣщавалъ трудящихся въ ра-

работахъ и весь народъ къ ревностному содѣйствію отеческимъ попеченіямъ сего Монарха. А когда провѣдалъ онъ, что происходила въ дѣлѣ томъ нѣкоторая остановка отъ недостатка въ казнѣ денегъ, то онъ оставшіеся у него отъ благотвореній его 6000 рублей серебреными копѣйками привезъ къ Государю, и вручая оныя *Его Величеству*, говорилъ: Всякой сынъ отечества долженъ посвящать остатки отъ издержекъ своихъ нуждѣ государственной; прими же Государь и отъ моихъ издержекъ оставшіяся сіи деньги, и употреби оныя противъ невѣрныхъ.

Можно себѣ представить, съ какою милостію принялъ Монархъ толикое свидѣтельство любви къ отечеству и нестяжанія сего добродѣтельнаго мужа. Нелѣстность усердія таковаго доказалъ онъ и въ продолженіи, отсылая всегда накоплявшіяся у него отъ издержекъ деньги къ Государю, а въ отсутствіе его въ Адмиралтейское казначейство, при запискахъ своихъ: *на ратныхъ.*

Слѣдующее же происшествіе паче еще докажетъ намъ, колико Монархъ уважалъ его добродѣтели.

Его

Его Величество имѣлъ маленькой свой дворецъ на островку рѣки Воронежа; входъ въ оной украшали статуи языческихъ боговъ, какъ-то *Юпитера*, *Нептуна*, *Минервы*, *Геркулеса*, *Венеры* и другихъ. Однажды Монархъ велѣлъ сему Архіерею быть къ себѣ во дворецъ сей. Старецъ тотъ же часъ пошолъ: но войдя во дворъ, и увидя помянутыя статуи, въ числѣ коихъ и нагую *Венеру*, поворотился назадъ и ушолъ. Донесли о семъ Монарху; и *Его Величество*, не понимая причины страннаго поступка сего, послалъ по него паки; но сей добродѣтельный впрочемъ, но простодушный и неученый Пастырь, сказалъ присланному: Пока Государь не прикажетъ свергнуть идоловъ, соблазняющихъ весь народъ, то онъ не можетъ войти во дворецъ его. Великій Государь не могъ не огорчиться на него; онъ послалъ вторично къ нему съ таковымъ указомъ: что, естьли онъ не придетъ, то ослушаніемъ предержащей власти подвергнетъ себя смертной казни. Въ жизни моей Государь властенъ, отвѣтствовалъ онъ, но не прилично Христіанскому Государю ставить языческихъ идоловъ,

и тѣмъ соблазнять простыя сердца; и такъ охотнѣе онъ приметъ смерть, а не подтвердитъ присутствіемъ своимъ сихъ языческихъ чтилищъ.

Сколь ни былъ Государь раздраженъ таковымъ грубымъ отвѣтомъ и непослушаніемъ Архіерея сего: но любя и почитая въ немъ добродѣтели его, снесъ сіе терпѣливо. Поелику же происходило сіе уже предъ вечеромъ, то Монархъ, услыша благовѣстъ въ соборѣ въ большой колоколъ, спросилъ: Развѣ завтра праздникъ? но какъ отвѣтствовано, что не было никакого, то и повелѣлъ Монархъ узнать сего причину отъ самаго Архіерея. Чтожъ отвѣтствовалъ онъ присланному къ нему? Понеже мнѣ отъ *Его Величества* сказана смерть, того ради онъ, яко человѣкъ грѣшный, долженъ предъ смертію своею принесть Господу Богу покаяніе, и испросить грѣховъ своихъ прощеніе соборнымъ моленіемъ; и для сего-то назначилъ онъ быть всенощному бдѣнію.

Государь, получа такой отвѣтъ, вмѣсто того, чтобъ болѣе еще прогнѣваться, не могъ удержаться, чтобъ не разсмѣяться; да и тотъ же часъ послалъ ему сказать, что онъ его во

всемъ

всемъ прощаетъ, и для того перестал бы тревожить народъ необыкновеннымъ звономъ; сего еще не довольно: снизходительнѣйшій Государь повелѣлъ снять соблазнившія его статуи. Архіерей, на другой сего день увѣдавъ заподлинно, что статуи тѣ сняты, пришелъ къ Государю благодарить его за оное. Какой былъ при семъ между ими разговоръ, не извѣстно, то только вѣрно, что Великій Государь не отмѣнилъ къ нему ни любви ни уваженія своего; онъ пожаловалъ еще дому Архіерейскому нѣсколько крестьянскихъ дворовъ; и въ каждый пріѣздъ свой въ Воронежъ заѣжжалъ напередъ къ нему. Когда же Монархъ въ одинъ пріѣздъ свой по обыкновенію заѣхалъ прежде къ нему, то нашедъ его при самой уже смерти, тронутъ былъ тѣмъ даже до слезъ. Чувствительный Государь пробылъ у него до самыя его кончины, и своими руками затворя ему очи, и давъ повелѣніе заготовить все къ приличному его погребенію, *вышелъ весь въ слезахъ.*

Когда же насталъ день погребенія: то Монархъ на выносъ тѣла его прибылъ со всѣми знатными, и морскими

Офицерами и мастерами корабельными; и когда готовились духовные поднять гробЪ его, тогда Великій Государь, обратяся кЪ пришедшимЪ сЪ нимЪ: стыдно намЪ будетЪ, сказалЪ, естьли мы не засвидѣтельствуемЪ нашея благодарности благодѣтельному сему Пастырю отданіемЪ ему послѣдней чести; и такЪ вынесемЪ тѣло его сами. При словѣ семЪ МонархЪ принялся первый за гробЪ его. А по отпѣтіи погребальной панихиды, *Его Величество* паки сЪ Вельможами и Офицерами своими поднялЪ гробЪ и опустилЪ оный вЪ землю.

ТакЪ Великій Государь почиталЪ добродѣтели, и забывалЪ досады, когда не отЪ злости и коварства оныя происходили (*).

Такія благодарныя чувствованія имѣлЪ *Кай Юлій Цесарь*. Когда спросилЪ у него однажды КонсулЪ *Манилій*, чѣмЪ бы удобнѣе думалЪ онЪ снискать вѣчную славу? *прощать легко досады и награждать щедро вѣрность и добродѣтели*, отвѣтствовалЪ сей ирой Римскій.

XIX.

(*) Три сіи Анекдота слышалЪ я отЪ ВоронежскихЪ старожиловЪ, а послѣдній нашелЪ и вЪ запискахЪ нашихЪ.

XIX.

Монархъ самъ собою испытуетъ: доволенъ ли къ насыщенію солдата опредѣленной ему паекъ?

Извѣстно всему свѣту, что Великій Государь, въ нѣжныхъ еще возраста своего лѣтахъ, начало сдѣлалъ регулярнаго войска, въ которое записавшись самъ сначала барабанщикомъ, по томъ солдатомъ, проходилъ званія сіи не словомъ, но самымъ дѣломъ, исправляя всѣ должности оныхъ, какъ то: Стоялъ поочереди на караулѣ; спалъ съ солдатами въ одной палаткѣ; носилъ одинакой съ ними мундиръ; возилъ землю къ крѣпостному строенію на телѣжкѣ, собственными его же руками сдѣланной; туже съ ними принималъ пищу, и проч. и все сіе для того, дабы подать собою примѣръ безпрекословнаго начальникамъ послушанія; и чтобъ извѣдать собою же, можетъ ли солдатъ понести всю предписанную ему службу? Но все сіе происходило, какъ сказано, въ нѣжномъ еще возрастѣ лѣтъ его; почему и казалось сіе всѣмъ игрою только дѣтскою.

Извѣстно также, что изъ сего малаго начала родилась скоро цѣлая и великая армія, что введена въ оную строгая дисциплина, опредѣлено каждому жалованье и пайки хлѣба, крупъ и соли, чѣмъ себя долженъ содержать солдатъ; и что Монархъ и по учрежденіи арміи сей проходилъ самъ службу и жалованъ наряду съ прочими въ чины, и проч.

Но неизвѣстно можетъ быть то, что Великій Государь всякое таковаго рода учрежденіе не прежде издавалъ, какъ испытавъ прежде собственнымъ опытомъ, возможно ли исполнить оное? И такъ когда учредилъ онъ помянутые солдатамъ пайки: то, прежде нежели издалъ о семъ законъ, захотѣлъ испытать собою же собственно, можетъ ли солдатъ быть пайкомъ тѣмъ сытъ? Для сего, такъ какъ и въ показанномъ нѣжномъ возрастѣ своемъ, принялъ паки на себя въ строгой точности всю солдатскую службу; и цѣлой мѣсяцъ, служа съ ними наряду, довольствовался опредѣленнымъ солдату пайкомъ, ничего къ нему другаго не прибавляя. По таковомъ испытаніи Великій Государь вступя паки, такъ сказать, въ права свои, сказалъ окру-

жав-

жавшимъ его: *Слава Богу, теперь я увѣрился достовѣрно, что опредѣленный паекъ солдату къ его безнужному продовольствію доволенъ. Ибо,* примолвилъ Государь, *когда я, по возрасту и силамъ моимъ, большее количество требую пищи къ своему насыщенію, нежели многіе изъ солдатъ моихъ: то конечно уже каждой изъ нихъ будетъ совершенно сытъ.*

Черта, отличающая его отъ всѣхъ великихъ полководцовъ и законодателей!

Предавшій намъ сіе находилъ удовольствіе разсказывать о семъ всѣмъ; достовѣрность же сего не сомнительна по тому, что онъ самъ имѣлъ щастіе служить при семъ Великомъ Государѣ, въ гвардіи его Капитаномъ, и быть съ нимъ во многихъ походахъ, и что сіе де тогда было извѣстно всѣмъ, и разсказываемо какъ дѣло не подверженное ни малому сомнѣнію (*).

(*) Особа сія есть Господинъ Генералъ-Маіоръ *Бахметевъ*; а мнѣ доставилъ сей Анекдотъ внукъ его Дѣйствительной Статскій Совѣтникъ *Иванъ Ивановичъ Бахметевъ* же, многократно сіе слышавшій отъ того достойнаго ПЕТРА Великаго слуги, а своего дѣда.

XX.

Монархъ выпрашиваетъ у одного купца сына, обѣщаетъ сдѣлать его щастливымъ; но сынъ сей подъ Нарвою пропадаетъ безъ вѣсти, и отецъ подаетъ на Государя ему же о томъ челобитную.

Великій Государь, отправяся изъ Москвы въ 1700 году подъ Нарву, имѣлъ на пути своемъ квартиру у одного посадскаго, и увидѣлъ сына его, молодца виднаго, лѣтъ осьмнатцати, которой такъ ему понравился, что пожелалъ имѣть его въ гвардіи своей: однакожъ хотѣлъ, чтобъ согласился на то и отецъ его. Онъ предложилъ о томъ ему, обѣщая доставить сыну его щастіе; купецъ представляетъ Монарху, что онъ одинъ только у него и есть, и которой въ промыслѣ его великою ему служитъ помощію, и для того просилъ не отлучать его отъ него. Ты не разумѣешь своей и сыновней пользы, отвѣтствуетъ Государь; я его полюбилъ, слѣдовательно можешь ты надежно положиться во всемъ на меня; притомъ же ты не на вѣки разстанешься съ нимъ, но получишь его обратно, и уже Офицеромъ,

ромъ, а можетъ быть увидишь и при такой должности, что благодарнымъ ко мнѣ останешься навсегда; и такъ не противься, другъ мой, примолвилъ великодушный Государь. Не льзя было не уступить толико убѣдительной прозьбѣ Самодержца, могшаго и безъ того взять его. И такъ Монархъ взялъ его съ собою, записалъ въ Преображенской полкъ, и отдалъ его какъ бы на руки Генералу *Вейду*.

Но какъ извѣстно, что, въ отсутствіе Монаршее изъ-подъ Нарвы, армія Россійская разбита: то и сей молодецъ пропалъ безъ вѣсти.

Нещастный отецъ, пораженный потерею своего сына, въ которомъ одномъ только и полагалъ онъ все свое утѣшеніе, впалъ въ несказанную горесть, отсталъ отъ промысла своего, и непрестанно оплакивая его, пришелъ въ великой упадокъ и скудость. Наконецъ, по прошествіи уже одиннатцати лѣтъ, получилъ онъ письмо изъ Стокгольма, отъ Князь *Якова Ѳедоровича Долгорукаго*, бывшаго тамъ въ полону, что сынъ его живъ и находится съ ними въ полону же. Обрадованный симъ отецъ утѣшается надеждою видѣть его паки; и узнавъ, что

что Монархъ прибылъ въ Петербургъ, поѣхалъ туда, и написалъ челобитную на Полковника Преображенскаго полку *Петра Михайлова*, то есть на Государя, въ которой прописалъ, съ какимъ обнадеживаніемъ Полковникъ сей взялъ у него сына его, котораго онъ лишася, впалъ въ крайнюю печаль, и отъ того отсталъ отъ промысла своего и пришелъ въ скудость; а какъ де наконецъ извѣщенъ онъ, что сынъ его живъ и находится въ Швеціи въ плѣну, то и проситъ, выкупя его, возвратить ему, и за убытки понесенные имъ, прописавъ именно, сколько ихъ, наградить его, и проч.

Сію челобитную подаетъ онъ Государю, бывшему на Адмиралтейскихъ работахъ, и проситъ въ обидѣ его учинить ему справедливое удовольствіе. Монархъ, не принимая оныя, говоритъ ему: старикъ! ты знаешь, что есть на то учрежденныя мѣста, то и долженъ ты подать свою челобитную въ то изъ нихъ, куда она по содержанію своему слѣдуетъ, а меня не безпокоить; ибо де и ты долженъ то вѣдать, что самому мнѣ во всякое дѣло входить за множествомъ дѣлъ государственныхъ не можно; но старецъ

рецъ отвѣтствуетъ: вѣдаю, Государь, все сіе, и знаю указы твои, чтобъ самому тебѣ не подавать челобитенъ; но дѣло, о которомъ я прошу, иного роду, и такого, что челобитной моей не приметъ никакое судебное мѣсто, ибо отвѣтчикъ никому не подсудимъ. Удивленный Государь спросилъ: ктожъ бы онъ былъ такой? Ты самъ надежа Государь, и на тебя-то престарѣлый и удрученный печалію старецъ бьетъ челомъ. При семъ старикъ залился слезами, припоминаетъ ему о сынѣ своемъ, съ какимъ обнадеживаніемъ онъ его выпросилъ у него; что потеря его ввергла его въ смертную печаль, отъ которыя отсталъ онъ отъ промысловъ своихъ и совсѣмъ разорился.

Великій Государь принимаетъ челобитную, прочитываетъ оную; и не говоря ни слова, тотъ же часъ, описавъ обстоятельство дѣла, какъ оное происходило, безъ именъ челобитчика и отвѣтчика, посылаетъ оную въ Сенатъ, съ повелѣніемъ, разсмотря рѣшить по правотѣ, долженъ ли отвѣтчикъ выкупить сына, и возвратить всѣ показываемые отцомъ его убыт-

убытки, понесенные отъ печали, лишеніемъ сего сына его.

Сенатъ, получа таковое повелѣніе, рѣшилъ: „Что челобитчикъ ли„шился сына по тому одному, что „положился на увѣреніе отвѣтчика „сдѣлать его щастливымъ: но которой „не только не сдержалъ обѣщанія сво„его, но лиша отца сына, столько „лѣтъ безъ вѣсти пропадавшаго, былъ „причиною всего его нещастія; а по„тому отвѣтчикъ и долженъ 1. сына „его изъ полону выкупя, возвратить „отцу, и 2. всѣ показанные симъ от„цомъ убытки возвратить же.„

Монархъ на другой сего день, прибывъ самъ въ Сенатъ, спросилъ о семъ дѣлѣ, рѣшено ли оное? Отвѣтствовано, что рѣшено, и рѣшеніе сіе подано *Его Величеству*. Государь, прочтя оное, объявилъ, что сей отвѣтчикъ есть онъ самъ; благодарилъ за справедливое и безпристрастное рѣшеніе; и потомъ повелѣлъ, во чтобъ то ни стало, выкупить сего сына. А какъ упорный Король Шведскій не хотѣлъ и слышать о размѣнѣ плѣнныхъ: то должно было отдать за одного его нѣсколькихъ плѣнныхъ Шведскихъ Офицеровъ. И такъ выкупленъ былъ сей

сынъ;

сынъ; и Великій Государь имѣлъ удовольствіе, пожаловавъ его Офицеромъ гвардіи, возвратить его отцу, заплатить всѣ понесенные и отъ него показанные убытки его, и сверьхъ того щедро еще наградить его, съ такимъ опредѣленіемъ, чтобъ сей сынъ въ утѣшеніе родителя остался при немъ до его смерти, а по томъ бы паки вступилъ въ службу (*).

XXI.

Монархъ беретъ у одного стараго дворянина въ службу сына, а другаго оставляетъ ему; но когда и сей былъ общимъ указомъ взятъ въ службу, возвращаетъ его паки отцу.

Во время сего же перваго подъ Нарву походу Великій Государь, въ Новогородскомъ уѣздѣ ѣдучи близъ одного дворянскаго дому, заѣхалъ въ оной, и вой-

---

(*) Отъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника *Ивана Ивановича Неплюева*, и о семъ же самомъ кратко упоминаетъ и Г. *Татищевъ* въ примѣчаніи своемъ на Судебникъ стр. 84. но жаль, что первой забылъ, котораго города былъ сей купецъ, и фамилію его, а и другой о семъ не упоминаетъ же.

войдя вЪ домЪ, нашелЪ хозяина престарѣлаго, и при немЪ двухЪ его сыновей. Обрадованный старецЪ посѣщеніемЪ Государя, проситЪ удостоить его откушать у него; но *Его Величество*, отговоряся отЪ того поспѣшеніемЪ своимЪ, выкушалЪ у него рюмку водки, и закушавЪ, спросилЪ у старика, записаныль дѣти его вЪ службу? НѣтЪ, *Ваше Величество*, старость моя сему причиною, дабы отлученіемЪ ихЪ отЪ себя не умереть мнѣ прежде времени отЪ печали. Но ты знаешь, отвѣтствуетЪ МонархЪ, что службу государственную должно предпочитать нуждамЪ и прихотямЪ своимЪ, и вѣдаешь же ты и мои о томЪ указы. По крайней мѣрѣ, продолжаетЪ Государь, долженЪ бы ты былЪ хотя одного изЪ нихЪ отдать вЪ службу. И такЪ снисходительный Государь повелѣлЪ старшаго изЪ нихЪ записать и взять подЪ Нарву, сказавЪ отцу, что во утѣшеніе старости твоей до самыя смерти твоея оставляю при тебѣ младшаго. СтарикЪ, хотя и сЪ сожалѣніемЪ, принужденный разстаться сЪ однимЪ, благодарилЪ Монарха за милость его оставленіемЪ при себѣ другаго.

Къ нещастію сего стараго дворянина, сынъ его былъ убитъ подъ Нарвою; и какъ къ другому походу велѣно было поголовно всѣмъ дворянамъ быть на службѣ: въ слѣдствіе того взятъ былъ у него и другой его сынъ. Старецъ въ неизреченной бывъ горести, дождавшись Государя, ѣхавшаго подъ оной городъ, подаетъ *Его Величеству*, и на него же самаго челобитную въ несдержаніи слова своего, по коему оставилъ онъ при немъ до смерти другаго сына его. Монархъ, принимая отъ него бумагу, спрашиваетъ: на кого ты просишь? На тебя самаго, Государь, и у тебя же прошу справедливости, отвѣтствуетъ огорченный старецъ.

Великій Государь прочитываетъ оную, припамятываетъ обѣщаніе свое, и говоритъ старику: прозьба твоя справедлива; и слово мое должно быть сдержано; но онъ взятъ въ службу по генеральной высылкѣ всѣхъ дворянъ, а отнюдь не для того, чтобъ не хотѣлъ я сдержать моего слова, оставленіемъ при тебѣ сына твоего. И такъ, заключилъ Государь, оставляю его при тебѣ по первому слову моему; и тотъ же часъ далъ повелѣніе возвратить его къ отцу. Старый

сей дворянинъ до смерти своей не преставалъ превозносить, съ пролитіемъ благодарныхъ слезъ, правосудіе и милость Великаго Монарха (*).

XXII.

Въ критическомъ состояніи Монархъ пріемлетъ совѣтъ отъ одного пьянаго пушечнаго мастера.

Изъ исторіи Монаршей видѣли мы, что Великій сей Государь получилъ въ Новѣгородѣ извѣстіе о совершенномъ пораженіи войскъ своихъ подъ Нарвою, въ первую осаду города сего; и что вся артиллерія и денежная казна досталась непріятелю.

И хотя видѣли же мы, съ какимъ равнодушіемъ принялъ Монархъ сію печальную вѣдомость, но должно было однако же въ самой скорости имѣть ему новую артиллерію; мѣди же, изъ коей вылить оную надлежало, не было, и достать изъ другихъ государствъ такъ

(*) Отъ Г. Статскаго Совѣтника *Ивана Алексѣевича Ушакова*, удостовѣреннаго о семъ происшествіи отъ дяди своего роднаго *Ильи Ѳедоровича Ушакова*, служившаго при ПЕТРѢ Великомъ, въ Преображенскомъ его полку солдатомъ и каптенармусомъ.

такъ скоро ее было не можно. Естественно должно было привести сіе Монарха въ крайнее недоумѣніе; но въ самое то время видитъ онъ расхаживающаго взадъ и впередъ противъ окошка своего, въ размышленіи одного худо одѣтаго человѣка, и повелѣваетъ спросить его, чего онъ хочетъ. Сей отвѣчаетъ, что онъ пришелъ помочь горю Государеву. Монархъ повелѣваетъ представить его себѣ, и спрашиваетъ, какое имѣетъ онъ до него дѣло? *Прикажите*, Всемилостивѣйшій Государь, прежде поднести мнѣ чарку вина, умираю съ похмѣлья, а денегъ нѣтъ ни полушки. Изъ таковыя смѣлости заключаетъ Монархъ, что онъ нѣчто дѣльное представить ему хочетъ, и повелѣваетъ поднести ему добрую чарку: Говори же, продолжаетъ Государь. *Ваше Величество* думаете теперь о потерѣ артиллеріи, и гдѣ взять мѣди, на вылитіе новой, не правда ли? Монархъ ожидаетъ продолженія такой рѣчи, которая началомъ своимъ уже интересовала его. Ну! говори же, что далѣе? сказалъ Монархъ. Прикажите *Ваше Величество* подать другую чарку вина, истинно не охмѣлился одною.

Сколь ни должна быть досадна таковая наглость, но содержаніе начатой рѣчи было довольно важно, чтобъ дослушать оную; повелѣваетъ подать ему другую чарку. „Теперь до„воленъ, продолжаетъ опохмѣлившій„ся: мѣди, Государь, у тебя много, не „о чемъ такъ о ней думать: сколько „излишнихъ и ненужныхъ при цер„квахъ колоколовъ? что мѣшаетъ „тебѣ взять цѣлую половину оныхъ, „и употребить на вылитіе столь„кихъ пушекъ, сколько тебѣ угодно? „Нужда государственная важнѣе, не„жели многіе колокола; и половины „оныхъ слишкомъ довольно для того „предмета, для котораго они надѣ„ланы; а послѣ, какъ Богъ дастъ одо„лѣешь своего противника, то изъ „его же пушекъ надѣлать можно ко„локоловъ сколько хочешь; къ то„мужъ (заключилъ онъ) есть изъ „нихъ много разбитыхъ и безъ упо„требленія.„

Монархъ, выслушавши сіе, улыбнувшись произнесъ: *камень, егоже небрегоша зиждущіи, той бысть во главу угла.* Какое награжденіе учинилъ Государь сему пьяному, неизвѣстно; а извѣстно только то, что по сему

со-

совѣту было поступлено, и въ ту же еще зиму вылита изъ нѣкоторой части колоколовъ великая артиллерія.

Пьяной сей былъ пушечный мастеръ, и одинъ престарѣлый пушкарь, знакомецъ его, и бывшій того очевидцемъ предалъ намъ сіе (*).

XXIII.

Въ семъ же критическомъ положеніи Монархъ повелѣваетъ начальнику оружейной палаты передѣлать въ деньги всю посуду серебреную и вещи, хранившіяся въ оной палатѣ.

Когда предписаннымъ образомъ Великій Государь могъ доставить себѣ новую артиллерію на мѣсто потерянной подъ Нарвою: но денегъ достать въ то же время не такъ было легко.

Въ семъ критическомъ положеніи Монархъ писалъ въ Москву къ начальнику оружейной палаты и Предсѣдателю Приказа большой казны Князю *Петру Ивановичу Прозоровскому*, чтобъ онъ всю посуду и вещи серебреныя, хранящіяся въ помянутой палатѣ,

 пере-

(*) Сіе же самое происшествіе слышалъ я и отъ Г. *Крекшина*.

передѣлалъ въ деньги; и назнача сумму, какая необходимо нужна была, прислалъ оную къ нему какъ можно скоряе.

Князь отвѣтствовалъ, что онъ исполнитъ то повелѣніе, и чрезъ малое время въ самой вещи доставилъ *Его Величеству* требуемое число нововыбитою серебреною монетою.

Монархъ, получа сумму сію, остался въ томъ мнѣніи, что точно передѣлана посуда и вещи въ деньги. Въ самомъ же дѣлѣ, посуда и вещи оныя остались въ цѣлости.

Князь, бывъ еще при Царѣ *Алексѣѣ Михайловичѣ* главнымъ Казначеемъ и первымъ въ помянутомъ Приказѣ большія казны, изъ патріотическаго усердія во все время казначейства своего, вступающіе въ казну доходы государственные сохранялъ, и изъ оныхъ въ расходы употреблялъ съ такою бережливостію, и какъ бы сказать прижимкою, что всегда оставалось у него за расходами довольно; а изъ сихъ остатковъ отлагалъ онъ ежегодно на случай непредвидѣнной какой государственной нужды нѣкоторую часть; и такимъ образомъ накопилъ онъ нарочито знатную сумму.

Сумма

Сумма сія была у него непроницаемымъ никому таинствомъ, и онъ сохранялъ ее въ такомъ мѣстѣ, которое только кому, и можетъ быть еще одному изъ довѣреннѣйшихъ его, была извѣстна. Такъ сіе было даже до сказаннаго нещастнаго подъ Нарвою сраженія. Когда же получилъ онъ помянутое Государево о передѣлѣ посуды и вещей повелѣніе, и увидѣлъ ту нужду, для какой онъ сохранялъ накопленныя имъ деньги; тогда-то онъ употребилъ ихъ толь къ стати. Онъ повелѣлъ собрать и принести въ свой домъ всю ту посуду и вещи, и разглася, что оная передѣлается въ монету, сокрылъ оную въ тайномъ же мѣстѣ; а на число требованной Монархомъ суммы взявъ изъ оныхъ запасныхъ старыхъ денегъ, передѣлалъ въ новую монету и отправилъ оную къ Государю. Все сіе неизвѣстно было даже до одержанныхъ въ Лифляндіи надъ Шведами побѣдъ, и до пріѣзду Монарха въ Москву, для торжествованія оныхъ (*); и когда для торже-

 ства

(*) Иные относятъ сіе открытіе до коронаціи великой Супруги *Его Величества*; но кажется, укрывать того толь долгое время не можно к

ства сего между прочимъ надобно было убрать и грановитую палату, и Великій Государь, для распоряженія сего украшенія бывъ съ Княземъ симъ въ палатѣ оной, сказалъ: жаль, да нечѣмъ пособить, что нѣтъ уже тѣхъ вещей и посуды, чѣмъ убиралась оная прежде. Можно и теперь убрать ее также, отвѣтствовалъ Князь. Да чѣмъ? пресѣкъ его рѣчь Государь. — Посудою же. — Но гдѣ посуда? вить она передѣлана въ деньги. — Нѣтъ, не передѣлана, сказалъ на сіе Князь, а спрятана. — Какъ спрятана? перебилъ рѣчь его удивленный Государь. — Спрятана, я тебѣ сказываю. — Да гдѣжъ ты взялъ присланныя ко мнѣ деньги? — Изъ кладовой. — Изъ какой кладовой? развѣ я не знаю, что нѣтъ запасныхъ денегъ? — Не прогнѣвайся Государь, не знаешь; у меня на случай нужды сбережена довольно знатная сумма, о которой кромѣ меня по сіе время никто не вѣдаетъ, и которой еще довольно осталось на таковыя же нечаянныя нуж-

---

и не должно было, въ разсужденіи толь великихъ нуждъ государственныхъ, какова была описанная здѣсь, и каковыя встрѣчались въ продолженіе Шведскія войны.

нужды. При семъ разсказалъ Государю все, какимъ образомъ накопилъ онъ ее.

Монархъ нечаянностію таковою бывъ удивленъ, а вѣрностію и ревностію Князя сего пораженъ, обнялъ его, поцѣловалъ, и просилъ показать ему мѣсто то и остатки денегъ. — Изволь, покажу, отвѣтствовалъ Князь, только не прогнѣвайся Государь, съ договоромъ: не брать съ собою *Меншикова*, и не открывать ему сей тайны, а то онъ размытаритъ всѣ остатки тѣ; Монархъ обѣщалъ сіе, и далъ слово не открывать того ему *Меншикову*.

Послѣ сего Князь ввелъ Государя при свѣтѣ фонаря въ одинъ тайникъ, и показалъ ему въ ономъ еще цѣлый уголъ наваленныхъ денегъ. *Его Величество*, обозря оныя, своими руками отложилъ десять большихъ мѣшковъ на сторону. На что это? спросилъ у Монарха Князь. Это тебѣ, отвѣтствовалъ Государь. Мнѣ? сказалъ Князь, я бы могъ давно и всею казною сею овладѣть, не опасаяся извѣту, ежелибъ хотѣлъ, и не побоялся Бога нарушить крестное мое цѣлованіе. Но мнѣ не надо; ты знаешь Государь, продолжалъ Князь, что я по милости

Божіей, предковъ твоихъ и твоей доволенъ и своимъ; и при томъ одну только имѣю дочь, которая и безъ того нарочито богата будетъ.

Читатель можетъ самъ заключить, колико таковая примѣрная вѣрность, честность и заслуга пріятны были правосудному и чувствительнѣйшему Государю! и слѣдовательно какую признательность изъявить онъ сему почтеннѣйшему мужу долженъ былъ, какую признательность изъявить должны къ безкорыстію и патріотическому усердію къ отечеству сего великаго поистиннѣ человѣка, и всѣ сыны отечества (*)!

XXIV.

О пріѣздѣ въ Петербургъ перваго Голландскаго корабля, и какъ Государь принялъ шипора онаго.

1703 Году, въ началѣ Ноября мѣсяца прибылъ въ С. Петербургъ первый торговой Голландской корабль; сколько же сему обрадовался Государь, то до-

(*) Анекдотъ сей сообщенъ мнѣ отъ Его Сіятельства Князя *Александра Александровича Прозоровскаго*, слышанной имъ, какъ онъ увѣрялъ меня, отъ почтеннѣйшаго родителя своего.

докажетъ слѣдующій Анекдотъ. Монархъ узналъ о семъ кораблѣ на канунѣ прибытія его въ Кроншлотъ; но какъ въ заливѣ между Петербурга и Котлина острова (какъ тогда назывался тотъ, на которомъ построенъ Кроншпатъ), находятся мѣли, то *Его Величество*, вмѣсто того, чтобъ послать кого провести его, принялъ оное на себя. Онъ, нарядяся матросомъ, какъ и всѣ на шлюбкѣ его одѣты были, встрѣтилъ его у мѣлей залива; взошелъ на корабль, и поздравя шипора по Голландски съ прибытіемъ его перваго въ заводящійся новый портъ, объявилъ, что присланъ онъ отъ Губернатора проводить его до пристани, предупреждая тѣмъ, чтобъ не наѣхать ему гдѣ на мѣль. И сказавъ сіе сѣлъ паки въ свою шлюбку, велѣлъ шипору корабля слѣдовать за собою. Такимъ образомъ щастливо проведя его, присталъ съ нимъ къ пристани, сдѣланной на Васильевскомъ острову у дому Губернатора того Князя *Меншикова*, въ которомъ ему и всѣмъ матросамъ назначена уже была квартира. Хозяинъ встрѣтилъ ихъ у пристани, пригласилъ шипора того и всѣхъ матросовъ къ столу своему;

а

а дабы они не имѣли заботы о корабле своемъ, то явилася гвардейская команда, и обьявлено было шипору, что прислана оная отъ Государя, для караулу и безопасности корабля сего. И такъ Монархъ введя ихъ въ домъ Княжой, посадилъ всѣхъ ихъ съ собою, хозяиномъ и прочими знатными особами за изготовленной уже къ приходу ихъ столъ. Тогда-то шипоръ сей и матросы въ лицѣ провожатаго своего узнали Монарха! Можно себѣ представить ихъ изумленіе; однакожъ скоро они вышли изъ онаго, вспомня, что Великій сей Государь, въ бытность свою у нихъ въ Амстердамѣ, работалъ въ Адмиралтействѣ тамошнемъ, какъ простой плотникъ, а иногда и матросское исправлялъ званіе; а притомъ видя ласковое, или паче дружеское его съ ними обращеніе, нѣсколько же кубковъ выпитыхъ ими напитковъ сдѣлали ихъ еще смѣлѣе, такъ что забыли они, что видѣли въ мнимомъ матросѣ Государя; и когда такимъ образомъ веселились, въ то время выгружены были изъ корабля всѣ ихъ товары въ анбары Княжіе, и показаны назначенные имъ для житья, доколѣ они пробудутъ

въ

въ Петербургѣ, покои. Наконецъ Монархъ, угостя ихъ до довольнаго, такъ сказать, степени охмѣлѣнія, побратовался съ шипоромъ, и отведя его въ назначенную ему комнату, пожелавъ ему съ его матросами доброй ночи, оставилъ ихъ. Поутру прибылъ паки къ нему Государь, объявилъ ему, что все бывшее и оставшееся на кораблѣ охраняется надежнымъ карауломъ, и потребовалъ отъ него реэстра грузу; оной состоялъ изъ разныхъ винъ и Испанской соли; далъ позволеніе безпошлинно продавать все повольною цѣною, а между тѣмъ купилъ для употребленія двора своего знатную часть винъ и соли; рекомендовалъ всѣмъ знатнымъ господамъ послѣдовать въ томъ примѣру своему, и въ краткое время весь сей товаръ его раскупленъ съ знатною для него прибылью. Когда же изготовились они къ отъѣзду, то паки угощены они были за столомъ Княжимъ; и Монархъ, присутствовавшій за онымъ же, подарилъ шипору 500 червонныхъ, и каждому матросу по 300 ефимковъ; и при томъ сказано было, что первому послѣ его торговому же кораблю оказанъ будетъ такой же пріемъ, и

въ

вЪ награжденіе дастся шипору 300 червонныхЪ, а матросамЪ по 200 ефимковЪ; второму за тѣмЪ кораблю, по соразмѣрности сего же, учинено будетЪ награжденіе и проч. НаконецЪ *Его Величество*, не взирая на толь позднее время года, выпроводилЪ корабль сей самЪ до Кроншлота, обнялЪ шипора и пожелалЪ имЪ щастливаго пути.

ШипорЪ сей и матросы тронуты при прощаньѣ семЪ даже до слезЪ; имЪ все время пребыванія ихЪ вЪ Петербургѣ представлялось какЪ бы пріятнѣйшимЪ соннымЪ привидѣніемЪ: столь-то казались имЪ милостивыя поступки сЪ ними Великаго Государя чрезвычайными и неимовѣрными, каковыми они были поистиннѣ и вЪ самой вещи.

Толико-то желалЪ МонархЪ привлечь вЪ любимый сей градЪ иностранную торговлю (*).

XXV.

(*) ОтЪ почтеннаго старца, Московскаго купца и фабриканта *Ивана Михайловича Полуярославцова*, слышавшаго сіе отЪ Голландскаго купца его пріятеля, Г. *Гутфеля*, Коммисіонера *Его Величества*.

XXV.

О подобномъ Монархомъ пріемѣ перваго Аглинскаго торговаго же корабля, прибывшаго въ С. Петербургъ.

Изъ первыхъ Аглинскихъ купцовъ, которые при семъ Великомъ Государѣ прибыли въ Санктпетербургъ, былъ *Томсинъ - Фогуль и Компанія.* Сей *Томсинъ*, торговавшій долгое время въ Россіи, выѣхалъ въ отечество, уже по кончинѣ *Его Величества*, съ знатнымъ капиталомъ и съ преисполненнымъ благодарности къ великому сему Монарху сердцемъ; онъ доставилъ намъ слѣдующій Анекдотъ.

Первый торговый Аглинскій корабль, прибывшій къ новому С. Петербургскому порту, не зная залива Финскаго, въ пути своемъ отъ Котлина острова до Петербурга, наѣхалъ на мѣль, съ которой никакъ не могъ оной сняться. Великій Государь, знавшій уже, когда корабль сей изъ Кроншлота отправиться былъ долженъ, поѣхалъ на встрѣчу ему, какъ и первому, въ шлюбкѣ, одѣвшись въ шиперское простое платье, а всѣхъ бывшихъ при немъ Го-

Господъ, должность гребцовъ исправлявшихъ, нарядилъ въ матросское. Монархъ, увидя Агличанъ трудящихся въ снятіи съ мѣли корабля своего, подъѣхалъ къ оному, и спросилъ по Голландски, что за корабль? Получа же отвѣтъ, что Аглинской, но что не зная залива сего, сбился съ фарватера и попалъ на мѣль. Великій Государь, какъ истинной шиперъ, съ мнимыми матросами своими, тотъ же часъ принялся помогать имъ, и съ великими трудами, чрезъ цѣлой часъ продолжавшимися, стащили его съ мѣли; и потомъ велѣлъ оному слѣдовать за шлюбкою своею, и привелъ его щастливо къ самой биржѣ. Благодѣяніе сіе было крайнѣ чувствительно Агличанину; онъ позвалъ господина шипора на корабль свой, и въ засвидѣтельствованіе благодарности своей поднесъ ему лучшей шерстяной Аглинской матеріи на шиперское же платье; но господинъ шиперъ, не взявъ подарка сего, сказалъ, что съ своего брата шипора стыдно и грѣшно взять ему что либо за такое дѣло, которое на морѣ имъ общее; ибо, де, легко случиться можетъ впасть и ему въ такое же нещастіе, однако же по усильной

прозь-

прозьбѣ Агличанина обѣщалъ, въ знакъ дружбы своей, принять подарокъ его, ежели пожалуетъ онъ и съ матросами своими завтра къ нему отобѣдать. Агличанинъ сіе обѣщалъ; условились о часѣ, въ которой мнимой шипоръ пришлетъ къ нему одного изъ своихъ матросовъ проводить въ его квартиру. Матросъ сей въ назначенной часъ къ нему явился; и Агличанинъ ни мало не воображая, чтобъ звавшій его на обѣдъ былъ другой кто, а не шипоръ, безъ всякихъ чиновъ пошелъ съ присланнымъ. Когдажъ сей привелъ его къ дому, предъ которымъ стоялъ на плацъ-парадѣ гвардейской караулъ, то шипоръ спросилъ, что это за домъ? Дворецъ Государевъ, отвѣтствовалъ провожатый. — Такъ куда же вы насъ ведете? — къ шипору; но я проведу васъ чрезъ дворецъ, ибо чрезъ оной гораздо ближе, а тобѣ, де, далеко было обходить. Онъ нечувствительно вводитъ его въ комнаты, и пройдя оныхъ двѣ, въ третей, шипоръ и матрозы его увидѣли одолжившаго ихъ шипора, уже въ видѣ Монарха, стоящаго съ Монархинею и окруженныхъ придворными чинами.

 Можно

Можно себѣ представить, въ какое долженъ былъ онъ и матрозы его приведены быть изумленіе отъ столь неожидаемыя сцены. Они сдѣлались неподвижны, и не смѣли даже очей своихъ поднять; но тотъ часъ выведены были изъ изумленія своего, когда *Его Величество* подошедъ къ шипору, взялъ его за руку, подвелъ къ Государынѣ, а сія его крайнѣ обласкала и приглася въ столовую пошла съ нимъ въ оную; всѣ матрозы туда же приглашены; ихъ посадилъ Монархъ подлѣ себя, и въ продолженіе стола разспрашивая шипора о пути его, о товарахъ имъ привезенныхъ и о прочемъ, пилъ между тѣмъ за здоровье Короля ихъ, Парламентовъ, его шипорское и матрозовъ. Они должны были благодарить за оное подносимыми имъ пакалами, пары которыхъ, столько при концѣ стола воздѣйствовали, что нужно было ихъ отвести подъ руки на шлюбку, въ которой привезли ихъ на корабль ихъ, на коемъ уже былъ между тѣмъ поставленъ Царской караулъ, для безопасности ихъ и корабля.

Во какомъ былъ шипоръ сей и матрозы удивленіи проспавшись, удобно можетъ Читатель вообразить

Агли-

Агличанинъ вмѣсто назначеннаго прежде мнимому шипору подарка, поднесъ того же дня Государю и Государынѣ, по штукѣ лучшаго полотна Голландскаго, и изъявлялъ съ благоговѣнiемъ Ихъ *Величествамъ* благодарность свою. Подарки сiи были приняты, и онъ былъ отдаренъ за оныя щедро. Предъ обратнымъ его отъѣздомъ, Великiй Государь дружески съ нимъ простяся и со всѣми матрозами, пожелалъ имъ добраго пути.

Я уже умалчиваю о томъ, что Монархъ споспѣшествовалъ ему, равно какъ и предупомянутому Голландскому шипору расторговаться съ нарочитою его прибылью.

Сей великодушный Государевъ поступокъ, какъ увѣрялъ предавшiй намъ Анекдотъ сей, прославлялся во всей Англiи, и что, де, прославляться оной не престанетъ и навсегда (*).

Два сiи Анекдота доказываютъ, какъ желанiе *Его Величества*, привлечь

 въ

(*) Отъ почтеннаго Московскаго купца Г. *Ситникова*, имѣвшаго дружбу по торговлѣ съ помянутымъ Аглинскимъ купцомъ *Томсинымъ* и *компанiею*, а мнѣ доставленъ отъ сына его *Семена Дмитрича Ситникова* жъ.

вЪ новый и любимый свой портЪ иностранную торговлю, такЪ и склонность его кЪ таковому роду забавЪ.

XXVI.

Опрокинутый подносъ съ рюмками на Государя.

Во время бытности *Карла XII.* вЪ Малороссіи, Великій Государь противопоставляя ему всегда силы свои, разъѣжжалЪ повсюду, гдѣ присутствіе его было нужно. ПрибывЪ вЪ Кіево-печерскую крѣпость, и вЪ Лаврѣ оныя отслушавЪ святую литургію, удостоилЪ посѣщеніемЪ своимЪ тамошняго Архимандрита вЪ его кельѣ, со всѣми бывшими при немЪ; но когда соборной изЪ ученыхЪ монахЪ, по приказу Архимандрита, по старому обычаю, на большемЪ подносѣ со множествомЪ рюмокЪ сталЪ подносить, и подошелЪ кЪ первому Монарху: то *Его Величество,* разговаривая вЪ то время сЪ своими о какомЪ-то сраженіи, не примѣтилЪ подношатаго, и махнувЪ рукою, опрокинулЪ весь подносЪ на платье свое, и рюмки всѣ разбились вЪ дребезги.

Мно-

Многими изъ предстоявшихъ, по суевѣрію тогдашнему, принято сіе за худое предзнаменованіе, и подношатаго охуляли за неосторожность; но умный монахъ, не пришедъ отъ того, какъ всѣмъ казалось, нещастнаго для него случая въ смущеніе и робость, указавъ на разбитыя рюмки; сказалъ Государю: *Тако сокрушиши, Великій Государь, силы сулостатовъ твоихъ.* Монархъ улыбнувшись отвѣтствовалъ ему: *дай Богъ, чтобъ пророчество твое сбылося*, не оказавъ впрочемъ ни малаго на подношатаго неудовольствія; принесенъ былъ между тѣмъ другой подносъ; Монархъ и всѣ выпили по рюмкѣ, и *Его Величество* поблагодаря Архимандрита, тогожъ числа отправился къ арміи.

Когда же по одержаніи Полтавской побѣды Монархъ прибылъ въ Кіевъ, и въ той же лаврѣ отслушавъ св. литургію, благоволилъ паки посѣтить Архимандрита въ его кельѣ, и прибывъ, потребовалъ того старца, которой опрокинулъ на него подносъ, и представленному ему сказалъ: *пророчество твое, отецъ святый, сбылося, сулостаты такъ сокрушены, какъ тѣ рюмки,*

кои ты сокрушилъ опрокинувъ на меня; и похваливъ присутствіе въ немъ духа, тогда же далъ повелѣніе, посвятить его въ знатный монастырь въ Архимандриты (*).

XXVII.

Любопытное происшествіе при свиданіи Монарха съ Королями Польскимъ и Датскимъ.

Извѣстно, что Великій Государь многократныя имѣлъ свиданія съ Королями Польскимъ и Датскимъ. Однажды, и кажется по одержаніи уже Полтавской побѣды, бывъ они вмѣстѣ, забавлялись послѣ обѣда разными веселостями и разговорами; и когда между прочимъ зашла рѣчь о храбрости и безпрекословномъ повиновеніи солдатъ, то Король Датскій сказалъ: должно неоспоримо дать преимущество его Датскимъ солдатамъ, яко старымъ и къ дисциплинѣ издавна пріобыкшимъ; Король Польскій

(*) Преданіе о семъ сохраняется у Малороссійскаго духовенства, отъ котораго слышавъ Протоіерей Архангельскаго Собора Петръ Алексѣевичь, сообщилъ мнѣ оное.

скій напротивъ отдавалъ преимущество Саксонскимъ своимъ войскамъ, приводя изъ Исторіи нѣкоторые примѣры отличной ихъ храбрости. ПЕТРЪ Великій, выслушавъ оное, обратяся къ послѣднему, сказалъ: Я бы совѣтовалъ тебѣ молчать съ твоими Саксонцами; я ихъ знаю совершенно, они не много лучше трусовъ Поляковъ; а ваши (оборотяся къ Датскому) солдаты, сколь они ни стары, но противъ моихъ и новыхъ никуда не годятся. Но когда они усиливались оспоривать Монарха въ преимуществѣ солдатъ своихъ: хорошо, сказалъ по томъ Государь, сдѣлаемъ теперь пробу тому; призовите сюда по одному изъ своихъ солдатъ, кто изъ нихъ храбрѣйшій и вѣрнѣйшій, по мнѣнію вашему, и велите имъ броситься изъ окошка, покажутъ ли они къ повелѣніямъ вашимъ безпрекословную готовность; а я въ своихъ увѣренъ, ежелибъ хотѣлъ только изъ тщеславія обезчестить себя пожертвованіемъ одного изъ нихъ, тобъ каждой безпрекословно исполнилъ оное; да и настоялъ, чтобъ опытъ сей былъ сдѣланъ. Начато сіе съ Датскаго, призванъ одинъ изъ неустрашимѣй-

шихъ и преданнѣйшихъ по мнѣнію ихъ гренадиръ. Король повелѣваетъ ему броситься изъ окна, (надобно вѣдать, что сіе произходило въ третьемъ этажѣ); гренадиръ падаетъ предъ Королемъ на колѣни, проситъ о помилованіи; но Король кажется не внемлющимъ, повторяетъ приказъ свой; гренадиръ проливаетъ слезы и проситъ по крайней мѣрѣ сказать вину его, и дать время на покаяніе. Ирой нашъ разсмѣяся говоритъ Королю: полно, братъ, дай ему время на покаяніе и выслалъ его вонъ; а съ твоими Саксонцами, обратяся къ Польскому, сказалъ, и пробы таковой дѣлать не надобно, опытъ сей только бы острамилъ тебя. Наконецъ призываетъ къ себѣ Монархъ своего Офицера, велитъ ему ввести какого нибудь изъ своихъ гренадира; вводятъ его, и Государь съ холоднымъ духомъ велитъ ему броситься изъ окна. Гренадиръ ударя рукою по шапкѣ своей, идетъ къ окну, и перекрестяся поднимаетъ ногу на окошко. Остановись! закричалъ Монархъ, мнѣ тебя жаль, и поди вонъ. Гренадиръ оборачивается, и паки дѣлаетъ честь удареніемъ рукою по шапкѣ и выходитъ.

Мо-

Монархъ спрашиваетъ удивленныхъ Королей: Каковы имъ кажутся его солдаты? Признаются они, что сей подлинно неустрашимъ, и есть слѣпой исполнитель воли Государя своего; и просятъ отличить его награда Офицерскимъ чиномъ; Монархъ отвѣтствуетъ, что не одинъ онъ таковъ, но что и всѣ его солдаты таковы же точно; и по вашему надобно будетъ всѣхъ мнѣ пережаловать въ Офицеры. Не хотите ли, продолжалъ Монархъ, подобно же испытать и другихъ? Изберите изъ нихъ сами такого, которой бы по мнѣнію вашему менѣе имѣлъ духа; я увѣренъ, что и оной также поступитъ. Однакожъ Государи сіи не захотѣли пуститься на новую таковую пробу, а настояли только о пожалованіи Офицеромъ перваго; Великій Государь снисходитъ на ихъ прозьбу, призываетъ его паки, и объявляетъ ему чинъ Офицерской; Короли же пожаловали ему по сту червонныхъ (*).

Ж 5 XXVIII.

(*) Отъ Г. *Крекшина*, увѣрявшаго меня лично о истиннѣ сего происшествія.

XXVIII.

Солдатъ, стоявшій на часахъ, не пускаетъ Монарха въ крѣпость.

Добродѣтельный впрочемъ Императоръ Римскій *Маркъ-Аврелій* имѣлъ у себя одного сына *Коммода* и дочь *Луцилію*, выданную имъ за *Помпеяна*. *Коммодъ* поведеніями своими осрамлялъ родителя и самый родъ человѣческій; а *Помпеянъ* добродѣтелями и поведеніями своими дѣлалъ ему и роду же человѣческому честь. Императоръ зналъ ихъ обоихъ совершенно. Всѣ, вѣдая добродѣтели и любовь его къ подданнымъ, мнили, что онъ лишитъ наслѣдія престола сына, а удостоитъ онымъ зятя; но въ томъ однако же обманулись. Онъ, по нѣжности своей къ сыну, яко къ крови своей, пожертвовалъ благомъ миліоновъ подданныхъ. Но нѣжность Ироя нашего предпочла благо подданныхъ благу единороднаго же сына своего Царевича *Алексѣя Петровича*. Онъ, не видя въ немъ свойствъ Царскихъ, ни желанія себя исправить, лишилъ его наслѣдія престола. Я, говорилъ отецъ сей отечества, *лучше отдамъ престолъ достойному чужому,*

неже-

нежели недостойному сыну своему. Слѣдовательно, колико сей отецъ подданныхъ своихъ долженъ былъ обрадоваться, когда родился у него другой сынъ и наслѣдникъ, котораго образовать сердце хотѣлъ принять онъ на себя самаго. Мы описали уже въ Дѣяніяхъ его сію радость, причиненную ему рожденіемъ Царевича *Петра*; а здѣсь присовокупимъ еще слѣдующее того же доказательство. Коль скоро разрѣшилась Монархиня, и дано было имя Царевичу; въ тужъ минуту послалъ Государь Генералъ-Адъютанта своего въ крѣпость къ Оберъ-Коменданту, дабы онъ тотъ же часъ возвѣстилъ народу сію радость пушечными выстрѣлами. Но какъ предъ тѣмъ строгое дано было отъ *Его Величества* повелѣніе, не впускать въ крѣпость никого послѣ пробитія вечерней зари; и въ слѣдствіе онаго каждому часовому отдаваемъ былъ сей приказъ Монаршей: то стоявшій на часахъ при входѣ въ крѣпость изъ новонабранныхъ солдатъ, остановилъ сего Генералъ-Адъютанта, говоря: поди прочь! не велѣно никого впускать. — Меня Государь послалъ за важнымъ дѣломъ.

домъ. — Я того не знаю; а знаю то одно, что не велѣно мнѣ никого впускать; и я застрѣлю тебя, ежели не отойдешь. — Нечего было дѣлать. Онъ возвращается къ Государю и доноситъ сіе. Нетерпѣливый Монархъ, въ сюртукѣ безъ всякихъ отличій идетъ самъ въ крѣпость — и говоритъ тому же часовому: Господинъ часовой! впусти меня. — Не впущу, отвѣтствуетъ солдатъ. — Я тебя прошу — Не впущу, повторяетъ онъ — Я приказываю — А я не слушаю. — Да знаешь ли ты меня? — Нѣтъ — Я Государь твой. — Не знаю, а знаю то одно, что онъ же запретилъ никого не впускать. — Да мнѣ нужда есть — Ничего я слышать не хочу. — Богъ даровалъ мнѣ сына, и я спѣшу обрадовать народъ пушечными выстрѣлами. — Наслѣдника? вскричалъ часовой съ восхищеніемъ. Полно правда ли? — Правда, правда. — А когда такъ, что за нужда, пусть хотя разстрѣляютъ меня завтра! Поди и обрадуй народъ сею вѣстью сего дня.

Великій Государь на минуту заходитъ къ Оберъ-Коменданту, объявляетъ о рожденіи сына своего, повелѣ-

велѣваетъ тотчасъ возвѣстить народу радость сію сто однимъ выстрѣломъ пушечнымъ, поспѣшаетъ въ Соборъ, приноситъ усерднѣйшее благодареніе Господу при звонѣ колокольномъ; и солдата того жалуетъ сержантомъ и десятью рублями денегъ (*).

XXIX.

Солдатъ на часахъ едва не зокололъ Князя Меншикова.

ПЕТРЪ Великій, имѣвшій нужду душевныя силы свои, истощаваемыя всегдашними напряженіями размышленій, облегчать, удалялся иногда для сего въ свою токарню, и занимался трудами рукъ своихъ, что было единымъ его отдохновеніемъ. Въ одно изъ таковыхъ время, проходя въ свою токарню, приказалъ Государь солдату, стоявшему у дверей оныя на часахъ, не впускать къ себѣ никого, во все время пребыванія своего въ оной. Чрезъ чет-

---

(*) Отъ Г. Коллежскаго Совѣтника *Василья Ѳедоровича Братищева*; и сей же Анекдотъ сокращенно напечатанъ и въ Меркуріи С. Петербургскомъ, Часть IV стр. 174.

четверть часа пришолъ Князь *Меншиковъ*; и спрося у часоваго: здѣсь ли Государь? хотѣлъ войти къ нему. Но солдатъ отвѣчалъ: Государь здѣсь, но не велѣлъ никого къ себѣ пускать. Меня ты можешь впустить, сказалъ Князь. Не пущу, отвѣтствовалъ паки солдатъ. Но ты знаешь, кто я. — Знаю, но не пущу. — Я имѣю до Государя нетерпящую времени нужду. — Что ты ни говори, а я знаю приказанное мнѣ. — Вѣдаешь ли ты дерзской, что я, какъ Подполковникъ твой, велю тебя тотчасъ смѣнить и жестоко наказать? — Послѣ часовъ ты воленъ поступить со мною какъ хочешь, но прежде времени смѣнить меня не можешь; а и тогда долженъ я смѣняющему меня отдать сей же приказъ Государевъ. — *Меншиковъ* въ досадѣ хотѣлъ было оттолкнувъ часоваго войти; но сей уставя противъ груди его штыкъ: отойди! закричалъ грозно, или я тебя заколю. Князь принужденъ былъ отступить на нѣсколько шаговъ отъ яростнаго устремленія солдата. Шумъ сдѣлавшійся отъ сего услышавъ Монархъ, отворилъ двери, и увидя солдата, въ позитурѣ таковой стоящаго, спросилъ:

что

что это такое? *Меншиковъ* разжаловался на солдата, что едва было онъ его не заколол. Монархъ спросилъ у часоваго о причинѣ таковаго поступка его. Вы приказали мнѣ, отвѣтствуетъ солдатъ, не впускать къ себѣ никого, а онъ хотѣлъ было силою войти оттолкнувъ меня; и мнѣ не оставалось инаго дѣлать, какъ заколоть его, ежелибъ онъ еще усиливаться сталъ; при чемъ разсказалъ и весь свой разговоръ съ Княземъ и угрозы его себѣ.

Великій Государь, выслушавъ сіе, сказалъ *Меншикову*: *Данилычъ!* онъ больше знаетъ свою должность, нежели ты. Мнѣбъ жаль было, ежели бы онъ закололъ тебя; но тыбъ пропалъ вмѣсто собаки. И по семъ строго запретилъ ему наказывать солдата, похвалилъ поступокъ его, пожаловалъ ему пять рублей; и тогда же приказалъ придворному живописцу своему, на дверяхъ комнаты той изобразить часоваго сего въ такой точно позитурѣ, въ какой увидѣлъ его Монархъ отворя двери.

Слышавшій сіе Господинъ Статскій Совѣтникъ *Иванъ Алексѣевичъ Ушаковъ* отъ дяди своего *Ильи Ѳедо-*

дорогита Ушакова же, служившаго при *Его Велигестве* въ томъ же полку Каптенармусомъ, заключаетъ, что онъ самъ будучи Капитаномъ гвардіи въ 1756 и 57 годахъ, видѣлъ еще сіе изображеніе при входѣ изъ сѣней въ бывшую Государеву токарню, въ старомъ лѣтнемъ Дворцѣ, что близъ рѣки Фонтанки.

Таковы были солдаты ПЕТРОВЫ, таковы они и нынѣ!

XXX.

Солдатъ изъ носонабранныхъ на гасахъ.

Одинъ изъ новонабранныхъ солдатъ стоялъ на караулѣ въ такомъ мѣстѣ, куда, думалъ онъ, не придетъ такъ скоро командиръ его, всего же меньше ожидалъ онъ тогда самаго Государя, по тому больше, что уже время было обѣденное. Сей постъ его былъ на самомъ берегу Невы, или Невки; и какъ время было весьма жаркое, то и вздумалъ онъ раздѣться и искупаться. Но сверьхъ чаянія своего увидѣлъ идущаго къ его посту Государя, и такъ уже близко, что успѣлъ онъ выскочивъ изъ воды надѣть

дѣть на себя одно только исподнее платье; шляпу и перевязь, и подхватя ружье и ставъ въ позитуру, отдалъ онымъ честь и продолжалъ стоять вытянувшись. По строгости, съ каковою Монархъ желалъ, чтобъ хранима была воинская дисциплина, казалося, что онъ велитъ его какъ преступника наказать; но вмѣсто того не могъ, смотря на него, не разсмѣяться, сказавъ сопровождающимъ себя: *хоть голъ да правъ?* онъ спросилъ солдата, давно ли въ службѣ? *Не давно*, отвѣчалъ часовой. Знаешь ли ты, продолжалъ Государь, что велѣно дѣлать съ тѣми часовыми, которые оставляютъ постъ свой и кидаютъ ружье, какъ сдѣлалъ ты? *Виноватъ*, сказалъ солдатъ. Ну! быть такъ, заключилъ Государь, прощается сіе тебѣ, какъ новику, но берегись впередъ дерзнуть чтолибо сдѣлать сему подобное (*).

(*) Отъ Г. *Крекшина.* И сіе же сокращенно помѣщено въ Меркуріи Санктпетербургскомъ.

XXXI.

Щедрость Монарха въ награжденіи заслугъ.

Великій Государь, имѣя даръ проницать характеры людей, увидѣвъ полку своего Преображенскаго солдата, стоявшаго на часахъ, посмотрѣлъ нѣсколько минутъ ему въ глаза, полюбилъ его и взялъ къ себѣ въ ординарцы. Сей солдатъ есть *Александръ Ивановичъ Румянцовъ* изъ Дворянъ, однакожъ очень не богатыхъ. Расторопность, вѣрность и честность его пріобрѣли скоро всю къ нему довѣренность Великаго Государя; онъ пожаловалъ его Сержантомъ въ томъ же полкѣ, и въ семъ званіи употребляемъ былъ отъ *Его Величества* во многія важныя посылки, которыя всѣ исполнялъ онъ къ удовольствію Монарха. По заслуженіи же достоинства Капитана гвардіи, еще важнѣйшія возлагались на него коммисіи, въ числѣ каковыхъ было и сысканіе бѣжавшаго и сокрывавшагося Царевича. А по сей мѣрѣ довѣренности умножалась къ нему и благосклонность Монаршая; и онъ съ такою всегда свободою говаривалъ съ *Его Величествомъ*, какую толь-

только раждаетъ непорочность сердца и служенія; онъ жаловался иногда Государю на свои недостатки, но всегда получалъ на то отвѣтъ: *подожди!* По крайней мѣрѣ изъясните мнѣ, сказалъ наконецъ Румянцовъ *Его Величеству*, чтожъ за причина, что удостоивая меня всей вашей довѣренности, заставляете меня въ то же время претерпѣвать, и въ самомъ нужномъ, недостатки. — *Надобно научиться терпѣнію*, отвѣтствовалъ Монархъ, *я уже тебѣ не однажды сказывалъ, подожди! и теперь то же говорю, подожди! пока рука моя развернется, а тогда посыплется на тебя всякое обиліе.*

Но какъ между тѣмъ всѣ большіе Господа видѣли къ нему Монаршее благорасположеніе, и не сомнѣвались, чтобъ онъ со временемъ не былъ однимъ изъ его любимцовъ; то по сему одинъ изъ нихъ...... и предположилъ ему въ невѣсты дочь свою съ тысячью душъ приданаго. Въ положеніи, въ какомъ былъ тогда Господинъ *Румянцовъ*, казалось ему предложеніе сіе столь великимъ, сколь и не ожидаемымъ щастіемъ. Онъ принялъ оное съ изъявленіемъ признательнѣйшія благодарности. Условленось и назначенъ день бала и сговора, естьли

только будетъ на то соизволеніе *Его Величества.*

Восхищенный таковымъ щастіемъ Г. *Румянцовъ*, приходитъ къ Монарху, и падши ему въ ноги, открываетъ все то, и молитъ дать на оное соизволеніе свое. Монархъ поднявши его спрашиваетъ, видѣлъ ли онъ невѣсту, и хорошаль она? — Не видалъ, но слышу, что она не дурна и не глупа. — Слушай, *Румянцовъ*! сказалъ Государь, балу быть я дозволяю, а отъ сговору удержись; я самъ буду на балъ и посмотрю невѣсту; и буде она достойна тебя, то не буду препятствовать твоему щастію.

Въ назначенной вечеръ бала съѣхались къ отцу невѣсты всѣ родственники, пріятели и женихъ; и, ожидавъ Монарха часу до десятаго, заключили, что *Его Величество*, занявшись какимъ важнымъ дѣломъ, не будетъ уже; и балъ открылся. Но Монархъ однако при началѣ бала пріѣжжалъ тайно въ санкахъ; и какъ двери въ залу были отворены, то онъ замѣшавшись между людьми, увидѣлъ невѣсту; и сказавъ про себя, но такъ, что слышали и другіе, въ дверяхъ стоявшія: *ничему не бывать*! уѣхалъ. Хозяинъ и женихъ узна-

узнаютъ о семъ и приходятъ въ крайнее безпокойство.

На другой день Г. *Румянцовъ* съ весьма печальнымъ видомъ предстаетъ предъ Монарха, и *Его Величество*, лишь только увидѣлъ его, сказалъ: нѣтъ, братъ, невѣста тебѣ не пара и свадьбѣ не бывать. Но не безпокойся симъ, я твой сватъ; положись на меня, я высватаю тебѣ гораздо лучшую. А чтобъ сего вдаль не откладывать, то приходи ввечеру, и мы съ тобою поѣдемъ туда, гдѣ ты увидишь, правду ль я говорю; и такъ Монархъ пріѣхалъ съ нимъ къ Графу *Матвѣеву* и сказалъ хозяину: у тебя есть невѣста, а я привезъ ей жениха. Толикая нечаянность смутила крайне отца, потому паче, что казался ему жёнихъ недостойнымъ дочери его, яко не изъ родословныхъ Бояръ; Монархъ тотчасъ проникши въ мысль его, сказалъ: ты знаешь, что я его люблю, и что въ моей власти соравнять его съ самыми знатнѣйшими. Нечего было дѣлать, какъ согласиться на желаніе такого свата; словомъ: дочь его, *Марья Андреевна*, тогда же объявлена невѣстою Г. Румянцова, и ударено въ присутствіи

Монарха по рукамЪ; вскорѣ же за симЪ воспослѣдовала и свадьба.

Молодой толь щасливо сочетавшись, не скорбѣлЪ уже больше о томЪ, что никакой не получалЪ отЪ Монарха награды. ЧрезЪ краткое однакожЪ время, Великій Государь, былЪ на балѣ у Князя *Меншикова*, на которой приглашены были и молодыя сіи; и вЪ самое то время, когда молодая танцовала, *Его Величество*, написавЪ цыдулку, свернулЪ и велѣлЪ оную отдать *Румянцову*, а сей получа ее положилЪ вЪ карманЪ не читая; ибо не думалЪ, чтобЪ она заключала вЪ себѣ такую важность, которая бы не терпѣла времени. Великій Государь видя, что его не благодарятЪ, приказалЪ своему АдЪютанту спросить у *Румянцова*, прочелЪ ли онЪ цыдулку? Можно себѣ представить ту радость, которую онЪ ощутить былЪ долженЪ, увидя вЪ ней сверхЪ чаянія пожалованна себя знатнымЪ чиномЪ. . . . . (*) и больщими волостьми крестьянЪ. ОнЪ находитЪ свою супругу танцующую, и не ожидая окончанія танца, бе-

(*) Бригадира или ГенералЪ-Маіора. Предавшій мнѣ сіе, забылЪ какой именно, также и число душЪ пожалованныхЪ, только, де, много.

беретъ ее за руку, выводитъ изъ круга, объявляетъ ей милость сію; приходятъ оба къ Государю, повергаются къ ногамъ его, и изъявляютъ со слезами благодарность свою; тогда Великій Государь сказалъ молодому: *Я вить тебѣ говорилъ, чтобъ ты подождалъ, пока развернется рука моя; теперь она развернулась* (*).

Впрочемъ и заслуги сего мужа отечеству были велики; но та, что произвелъ онъ такую отрасль, каковъ есть Ирой нашего вѣка Графъ *Петръ Александровичъ Румянцовъ - Задунайскій*, дѣлаетъ его въ Исторіи безсмертнымъ.

(*) Отъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, *Михайла Ивановича Веревкина.* Я самъ имѣлъ удовольствіе слышать о всемъ семъ отъ знаменитыя Графини *Марьи Андреевны*; но какъ не думалъ я тогда писать Дѣяній Ироя моего, то къ сожалѣнію моему и не записалъ того, а по прошествіи не малаго времени всего слышаннаго мною отъ Ея Сіятельства припомнить не могъ; слѣдственно утверждаюсь токмо на Г. *Веревкинѣ.* Знаменитые потомки сего *Петрова* любимица, ежели заблагоразсудятъ, могутъ на сіе сдѣлать свои замѣчанія и сообщить ко мнѣ, по которымъ я при другомъ изданіи сихъ Анекдотовъ и исправлю.

XXXII.

Монархъ разъѣжжаетъ ночью по Москвѣ, видитъ большой свѣтъ въ домѣ одного Секретаря, заѣжжаетъ въ оной. Увѣщаніе его хозяину дома сего.

Вь предыдущемь томѣ видѣли мы, что Великій Государь, по совершеніи путешествія своего, въ Декабрѣ 1709 году вѣѣхалъ въ Москву съ тріумфомъ. По окончаніи праздниковъ сихъ въ Генварѣ наставшаго года, по обыкновенію своему разъѣжжалъ онъ не рѣдко ночью по улицамъ Московскимъ въ санкахъ съ однимъ только деньщикомъ своимъ. Намѣреніе таковыхъ разъѣздовъ его состояло въ томъ, чтобъ смотрѣть за стражею и тишиною города. Въ одну изъ сихъ поѣздокъ, былъ съ нимъ деньщикъ его Полозовъ; въ 1 часу по полуночи, Монархъ усмотря въ одномъ домѣ великой свѣтъ, останавливается, посылаетъ того деньщика провѣдать, кому принадлежитъ домъ тотъ. Сей возвратяся тотъ же часъ доноситъ, что оной принадлежитъ одному Секретарю. *Врешь*, сказалъ Государь, поди удостовѣрься подлиннѣе; деньщикъ, возвратяся, подтвердилъ прежнее,

нее, и что Секретарь сей есть Помѣстнаго Приказа, у котораго нынѣ были крестины сыну его, и онъ пируетъ съ гостьми.

Монархъ взъѣжжаетъ безъ шуму на дворъ, входитъ въ покой, и найдя множество пирующихъ гостей, сказалъ: Богъ въ помочь! Господа. Можно себѣ представить, въ какое замѣшательство пришли должны гости, особливо же хозяинъ; однакожъ Великій Государь ласковымъ обращеніемъ своимъ успокоиваетъ всѣхъ, и говоритъ хозяину: Мнѣ показался необыкновеннымъ свѣтъ въ домѣ вашемъ, и я изъ любопытства заѣхалъ къ вамъ; и узналъ на крыльцѣ, что у васъ крестины новородившемуся сыну вашему, и причиною свѣта такого крестинной пиръ; — такъ поздравляю тебя съ сыномъ! какъ же его зовутъ? примолвилъ Государь, какова родильница? и можно ли ему ее видѣть? и по семъ въ предшествіи хозяина входитъ въ спальню къ родильницѣ, поздравляетъ и ее съ сыномъ, цѣлуется съ нею и кладетъ на зубокъ рубль. Хозяинъ подноситъ *Его Величеству* сладкой водки; Монархъ, прикушавъ оную, спросилъ, нѣтъ ли анисовой? — есть, Всемилостивѣйшій Государь, отвѣт-

 вѣт-

вѣтствуетъ хозяинъ; перемѣнена рюмка, и Монархъ выпивъ до половины оной, обозрѣлъ все убранство спальни и комнатъ, и наконецъ пежелавъ всѣмъ веселиться, уѣжжаетъ.

Поутру рано посылаетъ караульнаго своего Офицера въ домъ Секретаря сего; велитъ его взять: но не потревожь, примолвилъ Монархъ родильницы, и для того дождись у воротъ выходу его, и взявъ привези въ Преображенскъ. Сіе исполнено; и Монархъ былъ уже въ помянутомъ Приказѣ.

Великій Государь, поблагодаря его за вчерашнее угощеніе, спрашиваетъ: изъ Дворянъ ли онъ? и имѣетъ ли у себя помѣстье? и буде имѣетъ, сколько получаетъ съ онаго доходу? трепещущій Секретарь отвѣтствуетъ, что онъ не изъ Дворянъ, а подъяческой сынъ, и что помѣстья и крестьянъ не имѣетъ. Богату ли взялъ ты за себя жену? паки вопрошаетъ Государь. Не богату, отвѣтствуетъ онъ. — Изъ какихъ же доходовъ нажилъ ты такой домъ, и такіе дѣлаешь пиры? Секретарь падаетъ на колѣни, доноситъ: Все, что ни имѣю, Всемилостивѣйшій Государь, нажито мною

отъ

отъ подарковъ помѣщиковъ, имѣющихъ въ Приказѣ тяжебныя дѣла; и сколько могъ упомнить объявляетъ именно, сколько кто изъ нихъ ему далъ деньгами и припасами. Чистосердечное таковое признаніе пріемлетъ Государь милостиво. *Я вижу,* сказалъ ему, *что ты не плутъ, и за признаніе твое Богъ тебя проститъ; но съ тѣмъ однакожъ, что буде ты изъ посяжки какой что возметъ, и будешь дѣла волочить наровя знатному, то поступлено будетъ съ тобою какъ съ преступникомъ.* Обрадованный Секретарь толикою милостію, повергается къ ногамъ Государя, клянется, что онъ и прежде того не дѣлалъ и дѣлать не будетъ, и ни съ кого уже впредь ничего не возьметъ. — *Изъ благодарности послѣ справедливаго рѣшенія дѣла, по коему ты трудился,* говоритъ ему паки Государь, *можешь присылаемые къ тебѣ запасы взять, но отнюдь не прежде окончанія дѣла, и не прижимая тяжущихся. И берегись,* пригрозя ему пальцомъ, *всѣ твои поступки не скроются отнынѣ отъ меня.*

По томъ Монархъ разчисливъ по получаемому имъ жалованью и законнымъ доходамъ, полагая въ то число

и доброхотно изъ благодарности отъ Дворянъ присылаемые ему столовые запасы, назначилъ, сколько и на что долженъ онъ издерживать, и отнюдъ не жить пышнѣе, и такихъ пировъ, какой онъ видѣлъ у него, не дѣлать. *Разсуди*, продолжалъ Государь, *ежели будутъ такіе дѣлать расходы Секретари, какіежъ уже, въ сравненіи съ ними, дѣлать должны Судьи, какіе Сенаторы, и какіе самъ Государь?* И наконецъ изъяснилъ ему именно, какое можетъ произойти зло изъ несоразмѣрныхъ доходамъ расходовъ, и сколь нужно удерживать каждаго отъ таковаго расточенія, и дабы всякой по пословицѣ: *по одежки протягивалъ ножки.*

Послѣ сего Великій Государь развѣдалъ, что Секретарь сей подлинно былъ человѣкъ честной, благодарной и въ должности своей исправной.

Такое нравоученіе чаятельно было памятно во всю жизнь Секретарю сему и многимъ, которымъ онъ сообщилъ безъ сомнѣнія оное (*).

XXXIII.

(*) Анекдотъ сей предалъ намъ самъ Г. *Полововъ*, бывшій уже въ глубокой старости.

XXXIII.

Монархъ подобно же разъѣжжаетъ по Москвѣ въ розвальняхъ, и наказываетъ озорничество.

Въ другой разъ Великій Государь къ таковому же ночному разъѣзду благоволилъ употребить розвальни, имѣя при себѣ одного же деньщика и кучера, которому между прочимъ приказано было ѣхать чрезъ Воскресенскія ворота. Предъ прибытіемъ же къ онымъ, старинная карета о шести лошадяхъ, въ воротахъ оныхъ наѣхавъ на другія розвальни же, задѣла за оныя и опрокинула; и какъ опроверженіемъ ихъ карета остановилась, то прежде нежели оныя подняты и карета могла разъѣхаться, сидѣвшій въ оныхъ вытерпѣлъ отъ форрейтера и кучера нѣсколько ударовъ бичемъ. Въ сіе-то самое время розвальни Государевы прибыли къ воротамъ; кучеръ и лакей увидя ихъ кричали, *а тамъ что за чортъ въ розвальняхъ?* Монархъ приставши отвѣтствовалъ, *не равенъ чортъ въ розвальняхъ*; и тотъ же часъ велѣлъ деньщику помочь выправить опрокинутыя розвальни; и узнать, кто въ нихъ сидѣлъ? причину, отъ чего онѣ опроки-
кину-

кинулись? остановить рыдванъ, и кто въ немъ ѣдетъ? Стоило только произнести деньщику одно слово, то есть, что самъ Государь въ тѣхъ розвальняхъ: шумъ утихъ, розвальни выпровожены за вороты, и рыдванъ остановился. Деньщикъ доноситъ *Его Величеству*, что въ розвальняхъ ѣхалъ соборной дьяконъ; что кучеръ, правившій рыдваномъ, изъ одного озорничества опрокинулъ розвальни, и прибилъ дьякона; и что карета принадлежитъ такому-то Боярину, и въ ней ѣдетъ его боярская жена.

Монархъ велѣлъ деньщику дать кучеру и форрейтеру по нѣскольку ударовъ палкою; а Боярынѣ выговорить за потворство ихъ людямъ, и проч.

Поутру же *Его Величество*, того же деньщика своего послалъ къ Боярину тому съ таковымъ же выговоромъ и съ повелѣніемъ, при немъ деньщикѣ, высѣчь кучера, форрейтера и лакея бывшаго при каретѣ; а за побои и за обиду причиненныя дьякону заплатить ему 50 рублей; и что естьли впредь случится подобное какое либо отъ людей его нахальство

и

и озорничество, то за все то отвѣтствовать будетъ онъ (*).

XXXIV.

Одинъ выборной, будучи при питейномъ сборѣ, похитилъ изъ казенныхъ денегъ нѣкую сумму, раскаялся въ томъ, поднесъ ихъ самому Государю, и получилъ отъ него прощенiе.

Въ сiю же бытность *Его Величества* въ Москвѣ, одинъ изъ купцовъ, бывшiй за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ выборнымъ при питейныхъ, или какъ называли тогда, при кабацкихъ сборахъ, изъ выручаемыхъ и казнѣ принадлежащихъ денегъ, присвоилъ себѣ, или сказать лучше, похитилъ сумму, состоявшую въ нѣсколькихъ тысячахъ рубляхъ; но бывъ столько еще честенъ, что чувствовавъ всегдашнее о томъ угрызенiе совѣсти, открылъ оное на исповѣди отцу своему духовному. Но добродѣтельный тотъ и умный Свя-

(*) Дьяконъ сей, бывъ уже Священникомъ, въ старости своей все сiе разсказывалъ одному изъ знакомцовъ моихъ; но сей не записавъ именъ ни дьякона ни Боярина того, чрезъ долго прошедшее время не могъ оныхъ вспомнить.

Священникъ сказалъ ему, что таковаго роду грѣховъ не имѣетъ онъ власти разрѣшать и прощать; а должно загладить грѣхъ сей возвращенiемъ похищенныхъ имъ денегъ казнѣ, коей они принадлежали. Кающiйся отвѣтствовалъ на сiе, что онъ весьма бы охотно и давно сiе учинилъ; но боится гнѣва Царева, и быть причиною нещастiя жены и дѣтей своихъ. Священникъ настоялъ однакожъ о непремѣнномъ онаго исполненiи, буде желаетъ онъ загладить грѣхъ сей, удостовѣряя его притомъ, что, яко Отецъ Евангельскiй принялъ раскаянiе заблуждшаго сына, тако приметъ и его раскаянiе Государь; и совѣтовалъ сiю сумму поднести самому Монарху, не опасаяся прогнѣвить его тѣмъ.

Совѣстный купецъ прiемлетъ искренннимъ сердцемъ совѣтъ отца своего духовнаго: полагаетъ всю сiю сумму золотомъ на серебренное блюдо; приходитъ къ Монарху, поставляетъ блюдо съ деньгами на столикъ; повергается въ ноги къ Государю и, признаваяся въ похищенiи казны его, молитъ простить ему преступленiе сiе, и похищенныя имъ деньги милостиво отъ него принять.

Вели-

Великій Государь приказываетъ ему встать и говоритъ: *Богъ тебя проститъ!* но скажи, при какомъ случаѣ присвоилъ ты себѣ сіи казнѣ принадлежащія деньги, и кто тебѣ присовѣтовалъ возвратить оныя мнѣ? Обрадованный сею милостію купецъ, открываетъ то и другое искренне.

Великодушный Государь толико былъ симъ раскаяніемъ, и совѣтомъ священника тронутъ, что не малую часть изъ принесеннаго тогда же пожаловалъ купцу сему, говоря: знаю я, что ты употребишь оныя на Богоугодныя дѣла; а священника призвавши къ себѣ, похвалилъ его благоразуміе и толь добродѣтельный поступокъ, пожаловалъ ему сто червонныхъ и на рясу Китайскаго атласу.

Мы впрочемъ во всѣхъ дѣяніяхъ Великаго сего Государя видѣли, что какое бы кто ни сдѣлалъ преступленіе, прощалъ оное, естьли только усматривалъ истинное раскаяніе и признаніе въ преступникѣ; и въ такомъ случаѣ обыкновенное слово Его было: *Богъ тебя проститъ*; коль же скоро единожды произнесено было имъ священное имя Божіе, никогда уже не нарушалъ онаго, неисполненіемъ за-

печатлѣннаго такъ сказать симъ великимъ именемъ даннаго своего слова.

Анекдотъ сей доставленъ намъ отъ любимаго Монархомъ Московскаго купца и шелковой фабрики содержателя, почтеннаго старца, *Ивана Михайловича Полуярославцова*, такъ какъ и другой слѣдующій за симъ (*).

XXXV.

Попеченіе Монаршее о приведеніи фабрикъ въ лучшее оныхъ состояніе, и великодушной его поступокъ съ однимъ изъ фабрикантовъ.

Монархъ, любя помянутаго почтеннаго старца Г. *Полуярославцова*, и желая заведенную имъ шелковую фабрику видѣть въ лучшемъ состояніи, въ каждую бытность свою посѣщалъ его, и фабрику его; за многое его благодарилъ, а иное приказывалъ переправить, давалъ ему своеручные чертежи и изустныя наставленія; садился иногда самъ за станъ, принимался

(*) Мнѣ же сообщены оные отъ сына его *Алексѣя Ивановича Полуярославцова*, которой сіе отъ родителя своего при многихъ случаяхъ слышалъ произносящаго ихъ со слезами.

мался за челнокъ, и ткалъ разныя материи, какъ мастеръ.

Въ одну изъ таковыхъ бытность *Его Величества* у сего Г. *Полуярославцова*, послѣ обѣда между прочимъ спросилъ у него: имѣетъ ли онъ у себя хорошее Руское пиво? и какъ дѣйствительно таковое у него тогда случилось, то Монархъ выкушавъ стаканъ онаго, сказалъ: пиво очень хорошо, и я, когда случится мнѣ мимо дому твоего ѣхать, буду къ тебѣ заѣжжать. Въ одно время Монархъ, послѣ обѣда же заѣхавъ къ нему, спросилъ хозяина; но *Его Величеству* отвѣтствовано, что тотчасъ его разбудятъ, ибо, де, послѣ обѣда онъ уснулъ. Монархъ запретилъ его будить, пошолъ въ садъ его, и велѣлъ подать себѣ кружку пива того.

Между тѣмъ хозяинъ проснулся; ему сказано, что Государь въ саду его прогуливается; онъ негодуетъ на домашнихъ, что его не разбудили; одѣвается съ поспѣшностію, приходитъ къ *Его Величеству* и проситъ простить его, что не могъ принять *Его Величества*, какъ долгъ подданнаго ему предписываетъ: но Великій Го-

сударь на сіе сказалъ ему: *Я, другъ мой, заѣжжаю къ тебѣ не съ тѣмъ, чтобъ тебя безпокоить; такъ за чтожъ мнѣ на тебя сердиться, когда ты исправя свои утреннія дѣла, имѣешь нужду въ отдохновеніи?*

XXXVI.

Продолженіе того же.

Изъ первыхъ суконныхъ фабрикъ, въ Москвѣ, по изустному повелѣнію *Его Величества* заведена была одна Московскимъ купцомъ *Сѣриковымъ*; и Монархъ, доставя ему нужные къ оной инструменты, и проч. повелѣлъ ему къ назначенному сроку сдѣлавъ пробную половинку сукна, принести оную къ себѣ.

И хотя по новости дѣла сего, и по малому знанію мастера, первая сія половинка сукна весьма была плоха; однакожъ онъ долженъ былъ принести оную къ *Его Величеству* во дворецъ. Ему показана была комната, въ которой онъ съ половинкою сукна своего долженъ былъ дождаться Монарха.

Монархиня, старавшаяся всегда угождать великому супругу своему, подра-

подражаніемъ, сколько могла, дѣяніямъ его, знала купца *Дубровскаго;* и въ то же время, когда приказано было *Сѣрикову* завести ту фабрику, просила и его завести таковую же у себя, снабдила его всѣмъ нужнымъ; и чтобъ къ тому же самому сроку, къ которому было приказано и *Сѣрикову,* сдѣлалъ на пробу половинку же сукна, и какъ возможно получше и подобротнѣе *Сѣриковой*, во чтобъ впрочемъ оная ни стала. Сіе желаніе Монархини Г. *Дубровской* исполнилъ въ совершенствѣ, которой, сверхъ чаянія *Сѣрикова,* явился также съ своею половинкою въ томъ же самой покой, и положа оную на другой столикъ, ожидалъ подобно же прибытія Монарха. *Сѣриковъ* не зная ни *Дубровскаго*, ни того, чтобъ была имъ заведена фабрика, подошедъ къ половинкѣ сукна, пощупалъ, и увидя оное несравненно лучшимъ, нежели его, приведенъ былъ въ крайней страхъ отъ чаемаго гнѣва на него Монаршаго, котораго мнилъ онъ себя по справедливости заслуживающимъ; въ самую ту минуту отворились двери, и Государь съ Монархинею вошли. *Его Величество* былъ только въ фуфайкѣ канифасной, съ костяными пуговками, и пожало-

вавъ ожидавшихъ его къ рукѣ, подошелъ сперва къ половинкѣ *Сѣриковой*, пощупалъ сукно; а въ то же время Ея Величество сказала Государю: посмотрите, батюшка, каково вамъ покажется сукно моего-то фабриканта? Монархъ не говоря ни слова, подошелъ и къ сей половинкѣ, и пощупавъ также сукно, сказалъ: *Дубровской!* изъ какой шерсти дѣлалъ ты сукно свое? Не могъ не признаться *Дубровской*, что дѣлано оно изъ одной пуши; а ты, *Сѣриковъ*, изъ какой? спросилъ у сего послѣдняго Государь. Изъ обыкновенной стригушки, отвѣчалъ онъ трепещущимъ голосомъ. Послѣ сихъ отвѣтовъ Монархъ обратяся къ Государынѣ сказалъ: чтожъ ты хвастаешь своимъ-то сукномъ, оно ни куда не годится; и ты *Дубровской* впередъ не выщипывай пуши одной, ты перепортишь у меня тѣмъ всю шерсть; а старайся изъ стригушки дѣлать получше: ибо (заключилъ Государь) мнѣ надобно столько сукна, чтобъ одѣть всю армiю мою, не выписывая иностраннаго; а это, указывая на сукно *Сѣриково*, сказалъ паки Государь супругѣ своей, чѣмъ дурно? оно дѣлано изъ стригушки, какова она ни есть, цвѣтно,

но, плотно и для солдата прочно и тепло. — Благодарствую, Господинъ *Сѣриковъ*, я увѣренъ, что ты постараешься получше сего дѣлать. Таковое милостивое ободреніе возбудило въ Г. *Сѣриковѣ* ревностнѣйшее желаніе, угодить возлюбленному Государю; и съ сего времени неусыпное прилагалъ онъ попеченіе о доведеніи фабрики своей до лучшаго состоянія.

Впрочемъ колико Монархъ доволенъ былъ и началомъ еще сихъ фабрикъ, о томъ можемъ мы судить изъ письма *Его Величества* къ Князю *Меншикову*, писаннаго въ послѣднихъ числахъ Декабря еще 1705 году. *Сукна дѣлаютъ*, (точныя его слова) *и умножается дѣло сіе зѣло изрядно; и плодъ даетъ Богъ изрядный; и я сдѣлалъ себѣ кафтанъ изъ него къ празднику (Рождества Христова).*

XXXVII.

Продолженіе о фабрикахъ же.

Великій Хозяинъ сей, когда ни бывалъ въ Москвѣ, хотябъ то было и на краткое время, никогда не оставлялъ того, чтобъ не осмотрѣть Ему

самому всѣ фабрики Московскія; свидѣтель сему сей же самый Г. *Сѣриковъ*. Онъ при всякомъ случаѣ со слезами разсказывалъ, что Великій Государь, въ каждую бытность свою въ Москвѣ, не только заѣжжалъ на его фабрику, не только ничего не оставлялъ не осмотрѣвъ; не только давалъ всегда наставленія, какъ лучше что исправить, что перемѣнить, что вновь сдѣлать; но и училъ самъ ткачей, садяся за станы, и ткавши обьяснялъ всѣ подробности и пріемы, нужныя въ искусствѣ тканья.

Въ одно изъ таковыхъ посѣщеній *Сѣриковой* фабрики, осматривая по обыкновенію своему всѣ работы въ оной, сдѣланныя сукна, матеріалы, припасы, и проч. ходя самъ по кладовымъ и по анбарамъ, и повелѣвая каждый изъ нихъ отпирать; и такимъ образомъ, въ одномъ анбарѣ усмотря Государь не малое число половинокъ каразеи, спросилъ: Для чего столь много лежитъ у него оной? *Сѣриковъ* отвѣчалъ на сіе, что велѣно было ему указомъ изъ Адмиралтейской Коллегіи, сдѣлать видимое здѣсь количество каразеи на мундиры матрозовъ; но послѣ, продолжалъ *Сѣриковъ*, сіе отмѣнено, по чему вся

она

она и осталась на рукахъ моихъ. Такъ для чего же ты ее не продаешь? спросилъ Монархъ. — Не покупаютъ, Всемилостивѣйшій Государь, ибо никому она не надобна, а для подкладки солдатскихъ мундировъ обязались дѣлать другіе фабриканты, назвавъ ихъ поименно. — Такъ вить тебѣ убытокъ? — Чтожъ дѣлать, надежа Государь! — По чему стоитъ тебѣ аршинъ? — По 28 копѣекъ! — Доволенъ ли ты будешь барышомъ по гривнѣ на рубль? — Я бы, отвѣчалъ паки *Сѣриковъ*, радъ былъ сбыть ее съ рукъ и безъ барыша. — Безъ барыша-то братъ не долго наторгуешь, заключилъ Государь; и по томъ обратяся къ Меншикову сказалъ: *Данилычъ, вели завтра же всю сію каразею принять, и раздѣлить ее по гошпиталямъ; она очень годится для больныхъ на одѣялы.*

Сіе исполнено въ точности; и *Сѣриковъ*, съ прибылью по гривнѣ на рубль, сбывъ ее съ рукъ, чрезъ нѣсколько дней получилъ и деньги (*).

(*) Два сіи Анекдота доставилъ мнѣ Московской купецъ *Михайла Андреевичъ Мамоновъ*, слышавшій оные отъ самаго Г. *Сѣрикова*.

Впрочемъ Читатели видѣли въ Дѣяніяхъ *Его Величества*, коликое прилагалъ онъ стараніе о заведеніи въ Малороссіи лучшихъ иностранныхъ породъ овецъ, дабы можно было со временемъ обойтися Россійскимъ фабрикамъ безъ выписки иностранной шерсти, и сколь уже далеко въ томъ успѣлъ. Множество ихъ разведено и роздано фабрикантамъ съ обязательствомъ, чтобъ не только оныя у нихъ не перевелись, но и умножались бы время отъ времени; однакожъ кончиною *Его Величества* полезное сіе заведеніе разрушилось.

XXXVIII.

Монаршій гнѣвъ на браковщика Голландца за пристрастной его бракъ пеньки, и высылка его за границу.

По заведеніи въ Санктпетербургѣ Адмиралтейства, поставка нужнаго для онаго количества пеньки возлагалась на города, торговавшіе оною; расположенная часть на городъ Калугу привезена была въ Адмиралтейство купцомъ того города *Алферовымъ*.

Браковщикъ Адмиралтейской, изъ Голландіи выписанной и въ службу Госу-

Государеву принятой, замѣтивъ смиренность и робость купца сего, вздумалъ что нибудь сорвать съ него; и на сей конецъ забраковалъ пеньку имъ привезенную, угрожая ему еще и гнѣвомъ Государевымъ. Устрашенный симъ купецъ, просить его сдѣлать милость, не доносить о семъ Государю, обѣщавая служить ему; но въ самое сіе время Монархъ входитъ въ анбаръ, гдѣ бракъ сей происходилъ. Бѣдной поставщикъ трепещетъ; Государь узнаетъ все происшедшее, разсматриваетъ самъ пеньку; и бравъ многія оной горсти между колѣнъ, встряхиваетъ и разнимаетъ ихъ помастерски; видяжъ ее первой доброты, прогнѣвался на пристрастнаго браковщика, говоря ему: *бездѣльникъ! у васъ нѣтъ такъ хорошаго и шолку, какова сія пенька.* Потомъ повелѣлъ всю сію пеньку принять, а браковщика выгнать изъ службы, и выслать за границу.

Могло ли же что нибудь подобное укрыться отъ прозорливости сего Великаго Государя (*)?

XXXIX.

(*) Отъ ближняго сродника сего *Алферова* Калужскаго же купца *Екима Алферова*, слышавшаго сіе отъ самаго отдатчика.

XXXIX.

Отеческое попеченіе Монарха о переведенныхъ на житье въ С. Петербургъ всякаго званія людяхъ.

Что первоначальные жители Санктпетербурга были переселенцы изъ разныхъ городовъ всякаго званія, сіе извѣстно уже всякому; но какое Великій Государь прилагалъ о нихъ попеченіе, тому послужитъ довольнымъ доказательствомъ и одинъ слѣдующій Анекдотъ.

Въ одной мѣщанской фамиліи, переселенной изъ Серпухова, по прозванію *Ямщиковой*, занемогъ старшій сынъ сухоткою. Великій Государь въ началѣ болѣзни сей узнаетъ о семъ, и присылаетъ къ больному своего Лекаря; а дабы по стариннымъ предразсудкамъ не пренебрегали они его предписаній, то чрезъ нѣсколько дней самъ навѣщаетъ больнаго, приказываетъ ему и старику отцу его, чтобъ они исполняли въ точности всѣ приказы Лекарскіе; и что самъ онъ за ними того назирать будетъ. Въ самомъ дѣлѣ, сей Отецъ подданныхъ когда ни выѣжжалъ для осмотру работъ, заѣжжалъ и къ сему больному, что благоволилъ

волилъ продолжать до самаго выздоровленія сего Ямщикова. Въ одинъ изъ таковыхъ пріѣздовъ, Монархъ увидѣлъ старика, отца сѣмейства того, метущаго дворъ; — странно сіе показалось *Его Величеству*; — Онъ говоритъ ему, что таковаго роду работа ему, яко начальнику фамиліи и человѣку старому, не прилична: ужъ не принуждаютъ ли тебя дѣти твои къ таковымъ работамъ? спросилъ его наконецъ Монархъ. Нѣтъ, надежа Государь! отвѣтствовалъ старикъ, они еще и отводятъ меня отъ работы; но я не привыкъ быть празднымъ, и пока силы мои есть, тружусь; а сія работа по силамъ моимъ. Монархъ похвалилъ его за сіе; однакожъ войдя въ избу спрашиваетъ дѣтей его, а паче старшаго больнаго: не заставляютъ ли они работать старика отца своего? Но всѣ подтвердили справедливость словъ отцовскихъ. *Радъ я*, сказалъ на сіе Государь, *что ошибся въ моемъ заключеніи: но естьли бы*, продолжалъ Государь, *увѣдалъ я, что нѣтъ отъ васъ должнаго почтенія отцу, тобъ ощутили вы весь гнѣвъ мой; ибо, де, не почитающія давшихъ имъ жизнь, суть самыя неблагодарнѣйшія твари; а не-*

благо-

благодарность изъ всѣхъ пороковъ есть найгнуснѣйшій.

Въ продолженіе сказанныхъ посѣщеній, Великій Государь, заставая иногда сѣмью сію за обѣдомъ, обыкновенно говаривалъ, *хлѣбъ соль*; а однажды благоволилъ съ ними обще и отобѣдать. Достовѣрность бытія сего есть не сомнительна; она воспоминается потомками сихъ *Ямщиковыхъ* съ восхищеніемъ, изъ которыхъ правнукъ помянутаго старика по матери, С. Петербургской купецъ *Иванъ Вонифатьевъ*, въ послѣднюю мою въ Петербургѣ бытность, (въ 1789 году) былъ еще живъ, отъ котораго я все описанное и заимствовалъ.

XL.

Монархъ пируетъ съ плотниками.

Изъ показанныхъ переведенцовъ цѣлая слобода плотниковъ поселена была на Охтѣ. Великій Государь построилъ въ оной церковь во имя св. *Іосифа Древодѣля.* По освященіи оныя, на которомъ самъ Онъ присутствовалъ, далъ знатный столъ плотникамъ, и за онымъ пировалъ съ ними равно

равно какъ старшій изъ нихъ, безъ наималѣйшихъ чиновъ и вида величества; по окончаніи стола давъ повелѣніе угощать ихъ всѣмъ, что къ веселью ихъ потребно, и пожелавъ имъ столь же весело препроводить остатокъ дня, поѣхалъ, оставя ихъ въ несказанномъ удовольствіи (*).

XLI.

Хозяйственной его за всѣмъ присмотръ.

Изъ таковыхъ же переведенцовъ былъ изъ купцовъ пивоваръ по прозванію *Лапшинъ.* Великій Государь, по всегдашнему своему обыкновенію разъѣжжая по работамъ, заѣжжалъ и на пивоварню сего *Лапшина*; и увидя нѣкогда изъ устья печнаго выпыхивающій не малый огонь, сказалъ ему: *Лапшинъ, вижу я, что ты и не думалъ о береженіи дровъ*; и указывая на пламень, *смотри, сколько у тебя попусту пропадаетъ дровъ; ты видишь только подъ носомъ, что около Петербурга нынѣ лѣсу много, и дрова дешевы; а не разсуждаешь, что безъ бережи и самые большіе лѣса истре-*

(*) Отъ Адмирала *Алексѣя Ивановича Нечаева.*

требиться могутъ въ краткое время; и такъ должно тебѣ передѣлать печь и сдѣлать оную такъ, чтобъ траты таковой дровъ отнюдь не было. Потомъ потребовалъ бумаги, начертилъ ему планъ сей печи, и объясня ему оной, сказалъ наконецъ: *когда передѣлаешь печь, то я прiѣду и посмотрю, нѣтъ ли какой еще ошибки?* но видно однакожъ, что Великiй Государь, или недоволенъ былъ печью сею, или пивоварами своими, которыхъ предразсудки были почти непобѣдимы. Сiе заключить можно изъ того, что Великiй Хозяинъ сей выписалъ изъ Голландiи пивоваровъ; и построилъ на Выборгской сторонѣ каменныя на Голландской манерѣ пивоварни, которыя не рѣдко посѣщая, совѣтовалъ всегда съ пивоварами тѣми о возможнѣйшемъ уменьшенiи дровъ въ варенiи пива (*).

Читатели впрочемъ видѣли изъ Дѣянiй *Его Величества*, колико онъ занимался во всю свою жизнь бережениемъ лѣсовъ во всемъ пространствѣ Имперiи своей, и сколь много въ томъ успѣлъ.

XLII.

(*) Отъ сына сего *Лапшина Ивана.*

XLII.

Монархъ, ѣхавъ на обѣдъ къ Князю Меншикову, заѣжжаетъ къ матросу, и по прозьбѣ его у него кушаетъ.

Изъ Исторіи *Его Величества* извѣстно, что Князь *Меншиковъ* часто угощалъ Монарха обѣденными и вечерними столами. Въ одно время звалъ онъ Ихъ Величествъ къ обѣденному столу, къ которому также приглашены были имъ всѣ иностранные Министры и многіе знатные господа. Монархъ, давъ слово быть къ нему, поѣхалъ прежде для осмотрѣнія работъ Адмиралтейскихъ; между же тѣмъ Ея Величество и всѣ гости прибыли къ нему *Меншикову*.

Великій Государь, по осмотрѣніи работъ, и по учрежденіи всего нужнаго, и самъ поѣхалъ къ нему же въ обыкновенномъ почти лѣтнемъ экипажѣ своемъ, то есть въ одноколкѣ. Матросъ, ожидавшій Монарха на дорогѣ, упалъ предъ одноколкою его на колѣни; Государь остановился и спросилъ: что онъ хочетъ? Богъ даровалъ мнѣ сына, а тебѣ Государь матроса, отвѣтствовалъ сей; удостой посѣтить его. Государь спросилъ, далеко ли

онъ живетъ? — близко. — Хорошо; сказалъ Монархъ; и такъ въ предшествіи матроса, Великій Государь поѣхалъ за нимъ, и вошелъ въ хижину его. Родильница поднесла *Его Величеству* на деревянной тарелкѣ чарку вина; Монархъ, поздравя ее съ сыномъ; выкушалъ, и положилъ на тарелку два рубли. Столъ у хозяина былъ уже накрытъ, на которомъ стоялъ пирогъ съ морковью и яицами; Монархъ, отломя кусокъ пирога, закушалъ. А какъ между тѣмъ хозяинъ, поставя на столъ же горячія щи, хотя отвѣдай батюшка, сказалъ, матроскихъ-то щей: то сего довольно было къ убѣжденію *Его Величества*; Онъ ихъ отвѣдалъ, ему оныя полюбились, присѣлъ и довольно ихъ покушалъ. Потомъ выпилъ поднесенной ему стаканъ пива, пожелалъ хозяевамъ добраго здоровья, поѣхалъ, и прибывъ къ Князю уже въ третьемъ часу, просилъ у гостей извиненія, что онъ заставилъ ихъ такъ долго дожидаться себя: ибо, де, Богъ даровалъ мнѣ новаго матроса; и я не могъ отказать отцу его, чтобъ къ нему не заѣхать и не отвѣдать его щей (*).

XLIII.

(*) Отъ *Крекшина.*

XLIII.

Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ избавляется изъ плѣна Шведскаго рѣшимостію достойною его, и приводитъ въ Ревель фрегатъ Шведской.

Извѣстно, что сей знаменитый мужъ, за учиненнымъ отъ Короля Шведскаго подъ Нарвою договоромъ, задержанъ съ прочими Генералами въ плѣну: отведенъ въ Стокгольмъ; и какъ *Карлъ XII* никогда не хотѣлъ согласиться на размѣну плѣнныхъ; то онъ съ прочими и содержался въ ономъ, яко плѣнникъ, до 1711 году. Сей достойный Россіянинъ, въ показанномъ году, освободился изъ плѣна слѣдующимъ образомъ.

Правительство Шведское разсудило часть плѣнныхъ Россіянъ, содержавшихся въ Стокгольмѣ, перевезти моремъ въ Готтенбургъ; въ числѣ сихъ былъ и Князь сей. А какъ на фрегатѣ томъ находилось Россіянъ больше, нежели Шведовъ: то сего и довольно было вложить ему мысль, овладѣть фрегатомъ и уѣхать на ономъ въ Россію. Онъ сообщаетъ намѣреніе сіе сотоварищамъ своимъ; и они охотно

соглашаются слѣдовать во всемъ мужеству и примѣру его. Князь опредѣляетъ на исполненіе предпріятія своего вечеръ субботы, то есть, когда въ вечернюю службу запоютъ *всемірную славу*, и допоютъ до сихъ словъ: *дерзайте убо, дерзайте людіе Божіи*, въ мигъ броситься всѣмъ имъ на Шведовъ, обезоружить ихъ, и овладѣть фрегатомъ. Все сіе исполнено въ точности; они какъ львы при послѣднемъ словѣ бросились на невображавшихъ того Шведовъ; обезоружили ихъ, и противящихся однихъ покололи, другихъ постолкали въ море, третьихъ повязали и заключили подъ палубу; оставили свободнымъ одного только шипора, и Князь, приставя къ груди его шпагу, сказалъ: ежели хочешь быть живъ, то вези насъ къ Кроншлоту или къ Ревелю; но берегись измѣнить! Не осталось инаго ему, какъ или умереть, или повиноваться; онъ избираетъ послѣднее, приводитъ фрегатъ въ Ревель и входитъ въ гавань съ пушечною пальбою. Сколь ироическій таковый поступокъ пріятенъ былъ Монарху, то можетъ удобно представить себѣ Читатель: *Его Величество*, бывъ тогда въ

въ Петербургѣ, въ письмѣ своемъ къ Князю *Меншикову* называетъ освобожденіе его изъ плѣну чудеснымъ. Коль же скоро Князь прибылъ къ Монарху, то *Его Величество* обнялъ его, и неоднократно цѣлуя, выхвалялъ неустрашимую его рѣшимость. Слезы радости, пролитыя Княземъ при семъ свиданіи, прослезили самаго Монарха и всѣхъ бывшихъ при томъ. Скоро по семъ Великій Государь объявилъ его Сенаторомъ и поручилъ ему сверьхъ того Коммисаріатъ (*).

Великія достоинства сего знаменитаго Князя увидимъ мы въ последствіи.

(*) Въ числѣ освободившихся съ Княземъ показаннымъ образомъ изъ плѣна, находился и Олонецкой купецъ, по прозванію *Чаблинъ*; сего *Чаблина*, яко ревностнаго участника рѣшимости Княжой, Великій Государь содержалъ до смерти его въ великой милости. Родственники сего *Чаблина* доставили мнѣ Анекдотъ сей, подтвержденной и Адмираломъ ***Алексѣемъ Ивановичемъ Нагаевымъ.***

XLIV.

Ироическои поступокъ одного Россіянина, содержавшагося въ Стокгольмской темницѣ въ оковахъ; и признательность къ оному Великаго Государя.

Предупомянутое происшествіе толико огорчило Правительство Шведское, что всѣ почти плѣнные Россіяне, оставшіеся въ Стокгольмѣ, были окованы, и содержались въ разныхъ темницахъ съ великою суровостію, аки злодѣи. Въ числѣ сихъ плѣнныхъ находился Новогородской купецъ *Иголкинъ*, которой, до войны еще Шведской, торговывалъ въ Швеціи и научился языку ихъ. И какъ извѣстно, что *Карлъ XII* началъ войну съ Россіею тѣмъ, что всѣхъ Россіянъ, бывшихъ тогда въ Швеціи, какого бы ни были они званія, повелѣлъ задержать въ плѣну; и такъ сей *Иголкинъ* съ 1700 году содержался въ неволѣ сей; а по уходѣ Князя *Долгорукаго*, какъ уже сказано, всѣ Россіяне были окованы и разведены по разнымъ тюрьмамъ.

Г. *Иголкинъ* содержался въ одной изъ нихъ до возвращенія *Карла XII* изъ

изъ Турціи, и до начавшихся чрезъ Барона *Герца* мирныхъ переговоровъ. Въ сіе-то время сей достойный Россіянинъ, услыша отъ двухъ на караулѣ въ темницѣ той стоявшихъ солдатъ, говорившихъ между собою обидныя и ругательныя слова Россійскому Государю, не могъ сего вытерпѣть; онъ увѣщавалъ ихъ, чтобъ они унялись и не дерзали ругать Великаго Государя, которой есть помазанникъ Божій. И по чему, де, знаемъ мы ихъ дѣла, за что они съ Королемъ вашимъ воюютъ? — но солдаты, съ ругательствомъ презря его увѣщаніе, продолжали дерзкой свой разговоръ. Г. *Иголкинъ* призываетъ унтеръ-офицера, жалуется ему на тѣхъ часовыхъ, и проситъ унять и наказать ихъ, яко ругателей Великаго Государя: но и сей унтеръ-офицеръ, также оное презрѣвъ, смѣялся только жалобѣ его.

Чтожъ сей Россіянинъ предпріемлетъ? Онъ рѣшился самъ доставить себѣ надъ солдатами управу; онъ бывъ росту высокаго, и сложенія крѣпкаго, молча и какъ бы безъ намѣренія подошедъ къ нимъ, бросился на нихъ какъ изступленной, вырываетъ у одного

ного ружье, и штыкомъ онаго закалаетъ сперва вооруженнаго, а по томъ и обезоруженнаго; и исполня ироическое сіе дѣйствіе, ожидаетъ спокойно своего жребія. Офицеръ караульный съ командою вбѣгаютъ въ темницу, схватываютъ ироя, ни мало уже не противящагося; окавываютъ страшными цѣпями, и доносятъ о происшедшемъ вышшему начальству; и на вопросъ, какъ онъ осмѣлился убить солдатъ, отвѣчаетъ съ неустрашимостію: я, какъ вѣрный подданный своего Государя, обязанъ закономъ Божіимъ, гражданскимъ и присягою, пролить за честь его послѣднюю каплю крови моей; слыша же священное имя Его ругаемое, увѣщавалъ ихъ уняться; они презрѣли оное; я призвалъ унтеръ - офицера, жаловался ему на нихъ; но и сей вмѣсто удовольствія смѣялся только надо мною; и паче еще поносить стали великую Особу Помазанника Божія. Что осталось мнѣ дѣлать? я долженъ былъ или отмстить ругателямъ смертію, или пролить свою кровь. Но правосудный Богъ помогъ мнѣ наказать тѣхъ дерзкихъ ругателей; теперь участь моя въ вашихъ рукахъ, дѣлай-

лайте что вамъ угодно; я, по исполненіи долгу моего, презираю всѣмъ, и безъ страху готовъ принять смерть за честь моего Государя.

Рѣчь сія толь чрезвычайная сдѣлала судей безгласными; они, повелѣвъ заключить его паки, не смѣли учинить никакого о немъ приговора, не донеся съ подробностію Королю своему. *Карлъ XII*, почитая и въ непріятеляхъ своихъ великой духъ, пораженъ бывъ прочтя доносимое, вскричалъ: *въ толь грубомъ народѣ толь великій человѣкъ!* онъ повелѣлъ его привести къ себѣ. И какъ уже происходили тайные между имъ и Россійскимъ Государемъ о мирѣ переговоры; и онъ видѣлъ себя принужденна искать у великаго соперника своего дружбы: то и рѣшился отослать Г. *Иголкина* къ Государю его, не сомнѣваяся, что принятъ оный будетъ за великій подарокъ, описавъ при томъ съ подробностію о ироическомъ его дѣйствіи, поздравляя *Его Величество* съ такимъ подданнымъ, какихъ у него, по мнѣнію его, или нѣтъ, или очень мало.

Представленъ сей сѣдинами украшенный достойный подданный Монарху; Великій Государь не могъ про-

честь помянутаго о немъ описанія не прослезяся; и по томъ обратяся къ предстоящимъ, *вотъ*, сказалъ, *образецъ вѣрности!* подошелъ къ нему, обнялъ его съ горячностію, поцѣловалъ въ голову, и признавался, что толь отличная вѣрность его къ нему достойна соразмѣрной награды; проси у меня, другъ мой, что тебѣ угодно, я все тебѣ обѣщаю.

Тронутый толикою милостію Г. *Иголкинъ*, проливая радостныя слезы, сказалъ Монарху: у меня, надежа Государь, по милости Божіей и твоей столько еще осталося въ Новѣгородѣ доходу, что могу прожить онымъ остатки дней моихъ безъ нужды; и потому нечего мнѣ больше желать, какъ только носить на себѣ твою Монаршую милость.

Но Государь отвѣчалъ на сіе: нѣтъ! Я не буду покоенъ, ежели не награжу тебя; и такъ воля моя есть непремѣнная, чтобъ обьявилъ ты мнѣ, что тебѣ надобно. — Когда тебѣ сіе непремѣнно угодно, сказалъ старикъ, то велите находящійся близъ дому моего въ Новѣгородѣ кабакъ отдать мнѣ. Монархъ на сіе отвѣтствовалъ улыбнувшись: ежели бы ты по-

попросилъ у меня и весь Новгородъ, не могъ бы я отказать тебѣ.

Сверьхъ сего Г. *Иголкинъ*, въ прибавокъ къ кабаку, получилъ отъ Монарха за полонное терпѣніе и ревность его, какъ изъяснялся Монархъ, довольно знатную сумму денегъ, съ которыми и отпущенъ онъ при указѣ въ Новгородъ.

Съ сего времени Великій Государь инако не называлъ его, какъ дѣдушкою; и никогда не проѣзжалъ Новагорода не посѣтя его. Въ одно изъ таковыхъ посѣщеній Монархъ, полюбивъ внука его, молодца лѣтъ дватцати, сказалъ ему: дѣдушка! отдай мнѣ внука своего, я запишу его въ мой полкъ и мѣсяца чрезъ три сдѣлаю его Офицеромъ, и постараюсь о его щастіи. Но дѣдушка сей отвѣчалъ на сіе: нѣтъ Государь, не могу я съ нимъ при старости разлучиться; у меня только и радости что онъ, да и дѣлами моими безъ него управлять нѣкому. На повторительныя же убѣжденія Монаршія старикъ сказалъ: у тебя Государь и кромѣ того, чтобъ помнишь о внукѣ моемъ, есть безчисленное множество дѣлъ и заботъ, а потому легко станется, что ты про него и за-

забудешь. Нѣтъ дѣдушка, перебилъ рѣчь его Монархъ, я никогда не забываю заслугъ. Словомъ: Г. *Иголкинъ* принужденъ былъ напослѣдокъ исполнить волю своего Государя.

Его Величество, взявъ его съ собою, записалъ въ Преображенской свой полкъ въ солдаты; но частыя Его отлучки, крайнія заботы о всемъ, а паче о начавшихся мирныхъ съ *Карломъ XII* переговорахъ, по которымъ Онъ большею частію находился въ Лифляндіи, близъ Конгресса, были причиною, что въ самомъ дѣлѣ забытъ былъ сей внукъ; прошло три мѣсяца, прошло уже и пять, а онъ оставался все еще солдатомъ. Огорченный симъ дѣдъ его писалъ ко внуку, чтобъ онъ съ дозволенія командира своего, или хотя и безъ дозволенія, но пріѣхалъ бы къ нему непремѣнно, что онъ и исполнилъ.

Г. *Иголкинъ*, увѣдомяся, что Монархъ прибылъ въ С. Петербургъ, пріѣхалъ туда и самъ со внукомъ; онъ написалъ челобитную въ Сенатъ, на Полковника Преображенскаго полку *Петра Михайлова*, и прописавъ въ оной все происходившее, жаловался горестно на неустойку его, и проч. Онъ челобитную сію въ присутствіи

въ

въ Сенатѣ Государя подаетъ; но ее не принимаютъ, объявляя, что сей Полковникъ есть самъ Государь; а Государь не подсудимъ нигдѣ, и проч. Старикъ поднимаетъ вопль, жалуется на свою обиду; а какъ зданіе Сената состояло тогда въ низенькихъ мазанкахъ, то происшедшій отъ вопля того шумъ дошелъ, какъ желалъ онъ, до ушей Государя; и *Его Величество* спросилъ о причинѣ онаго? на сіе отвѣтствовано: какой-то безумной старикъ проситъ съ воплемъ принять отъ него челобитную на Полковника Преображенскаго полку; и хотя, де, ему толкуютъ, что Полковникъ сей самъ Государь, на котораго не можно нигдѣ принять челобитной, но онъ, де, кажется не понимающимъ сего, и неотступно проситъ о принятіи ее. *Ахъ!* сказалъ Государь, *онъ не безуменъ; я знаю, кто онъ, и я виноватъ предъ нимъ; примите у него челобитную, введите его сюда и помирите меня съ нимъ.*

Принята челобитная, прочтена; и потомъ введенъ и самъ старикъ; онъ войдя поклонился всѣмъ низко, а на Монарха и не смотритъ. Тогда Князь *Яковъ Ѳедоровичь Долгоруковъ*, знавшій его

его въ полону, началъ говорить первый: старинушка! Государь признается, что виноватъ предъ тобою, помирися съ нимъ; но онъ проливая слезы отвѣтствуетъ: какая мнѣ польза въ признаніи его, когда внукъ-то мой и по сю пору еще солдатомъ? Встаетъ самъ Монархъ, подходитъ къ нему и съ чувствительностію говоритъ: *дѣдушка! я виноватъ, забылъ обѣщаніе мое; но какъ должно было внуку твоему быть уже два мѣсяца Прапорщикомъ, то нынѣ за вину мою жалую его Подпоручикомъ; — помиримся!*

Старикъ, проливая, но уже отъ радости, а не отъ печали слезы, говоритъ Монарху: когда такъ, Государь; то я не истецъ; Богъ тебя проститъ. Монархъ обнялъ его, поцѣловалъ, и посадя съ собою въ одноколку, привезъ его къ Государынѣ; разсказалъ ей все происшедшее. Монархиня оправдала просителя, и похвалила признательность великаго Супруга своего. Ихъ Величества удостоили его посадить за столъ свой; внукъ пожалованъ и отпущенъ съ дѣдушкою въ Новгородъ, на такое время; сколь-

сколько онъ захочетъ продержать его при себѣ (*).

XLV.

Признательность Монаршая и снисхожденіе его на дерзновенной поступокъ Г. Головина.

Въ продолженіе со Швеціею войны, одно изъ главнѣйшихъ попеченій Монарха было о продовольствіи арміи провіантомъ. Когда же, по разбитіи *Карла XII* подъ Полтавою, театръ военныхъ дѣйствій изъ Малороссіи перенесенъ въ Лифляндію, откуда происходили отправленія флотовъ въ разныя мѣста, въ томъ числѣ и въ самую Швецію: то и настояла нужда доставлять на армію и флотъ провіантъ въ С. Петербургъ; но доставленіе въ оной было тогда весьма еще затруднительно.

А какъ въ 1710 году понадобилось онаго большее предъ прежнимъ количество:

(*) Происшествіе сіе записано мною изъ словъ Новогородскаго дворянина *Флора Исаковича Неплюева*; а потомъ получилъ я сіе и на письмѣ отъ Ректора Новогородской Семинаріи, Архимандрита *Транквиллина*.

ство: того ради Монархъ, по прибытіи своемъ изъ Москвы въ С. Петербургъ, и повелѣлъ Князю *Меншикову* предложить, будтобы отъ себя, Господамъ Сенаторамъ, составлявшимъ часть Сената, о собраніи и доставленіи въ сію новостроящуюся столицу свою, къ Маію или Іюню мѣсяцу, не достающаго не малаго числа хлѣба; а я де, примолвилъ Государь, и самъ къ вамъ буду.

Князь предложилъ Господамъ Сенаторамъ: что *Его Величеству* потребно еще знатное количество хлѣба, для удовольствованія онымъ арміи, а паче флота къ его отправленію въ море; и какъ, де, Государь къ такому скорому времени недоумѣваетъ, откуда бы оной взять, то по причинѣ того находится въ крайнемъ о семъ безпокойствіи; и вы, продолжаетъ Князь, сдѣлаете великую угодность Монарху сысканіемъ удобнѣйшаго средства къ доставленію потребнаго того количества хлѣба. Господа Сенаторы, по нѣсколькихъ о средствахъ того разсужденіяхъ, не могли сыскать удобнѣйшаго, какъ собрать требуемое количество хлѣба съ крестьянъ Новогородской, якô ближайшей губерніи,

ніи, расположа на душу, по чему придетъ.

Меншиковъ, желая угодить Государю, постарался къ пріѣзду его заготовить о семъ и опредѣленіе, которое въ самомъ дѣлѣ заготовлено и Сенаторами подписано, кромѣ *Ивана Михайловича Головина*, не бывшаго на то время въ собраніи Сенаторовъ, за случившимися ему нуждами по Адмиралтейству.

Надобно вѣдать, что сей Господинъ *Головинъ* прикомандированъ былъ Монархомъ на время присудствовать въ Сенатѣ.

По подписаніи помянутаго опредѣленія прибылъ Монархъ; и Гг. Сенаторы донесли *Его Величеству*, что они, извѣстяся чрезъ Князя *Меншикова* о нуждѣ, какую *Его Величество* имѣетъ въ хлѣбѣ, опредѣлили собрать оной, по краткости времени, съ крестьянъ Новогородской губерніи: ибо, де, изъ дальнихъ губерній ни собрать, ни привезти онаго въ Петербургъ къ объявленному имъ времени не можно. Опредѣленіе сіе прочтено, и Монархъ по нуждѣ былъ онымъ доволенъ. Но, какъ сказано, не было тогда въ собраніи Г. *Головина*, то *Его Величество* и

повелѣлъ послать за нимъ, по прибытіи котораго предложено было ему опредѣленіе оное. Но сей достопочтенный сынъ отечества, приказавъ Секретарю читать оное, при каждой почти строкѣ, качая головою, говорилъ: куда какія умныя головы! *слышъ ты*, (сіе было присловіе его); а по прочтеніи взялъ опредѣленіе, и не говоря ни слова, разодралъ оное пополамъ, и сталъ писать на бѣломъ листѣ, ворча нѣчто про себя.

Великій Государь, съ крайнею досадою за дерзость сію вскоча съ креселъ, подбѣжалъ къ нему, какъ казалось, съ намѣреніемъ ударить его; но присутствіе духа его остановило его за креслами *Головина*. Монархъ полюбопытствовалъ посмотрѣть, что онъ пишетъ; а сей, не примѣчая будто бы ничего, продолжалъ писать; Государь, читая изъ-за него писанное имъ, дождался окончанія онаго. Можно себѣ представить, сколь было пріятно Ему, когда прочелъ Онъ все написанное Головинымъ; оно содержало слѣдующее: *Стыдно и грѣшно Сенаторамъ возлагать на отягченной и безъ того народъ новое бремя, когда сами они безъ большаго отягощенія поднять могутъ оное на себя:*

себя: и для того настоящую нужду въ провiантѣ наполняютъ они изъ собственнаго своего запаснаго хлѣба, которой есть у нихъ въ Петербургѣ и въ деревняхъ ихъ; въ слѣдствiе сего Иванъ Головинъ прiемлетъ на себя поставить десять тысячь четвертей. Написавъ сiе, не обращая на Государя глазъ своихъ, подалъ листъ сей сотоварищамъ своимъ, сказавъ: *слышь ты*, вотъ какое надо опредѣленiе! подписывайтежъ сколько кто сможетъ; а на насъ смотря подпишутъ и всѣ знатные по мѣрѣ своей. Устыжены будучи симъ товарищи его и *Меншиковъ*, подписали каждой по столькужъ, а послѣднiй втрое, чему по томъ соревновали и всѣ знатные.

Когда жъ Великiй Государь благодарилъ за усердiе Г. *Головина*, то сей на оное отвѣтствовалъ: не за что Государь благодаришь; мы должны тебѣ всѣ по возможности помогать; и ты, чаю, по исправѣ велишь взятое отъ насъ число всѣмъ намъ возвратить со временемъ (*).

(*) Отъ Адмирала *Алексѣя Ивановича Нагаева.*

XLVI.

Монархъ обвиняется судомъ въ отнятіи у Рижскаго гражданина гака, и которой лаки ему возвращается.

Великій Государь, по завоеваніи Риги, бывъ тамъ впервые, наградилъ услуги Генералъ-Фельдмаршаловъ, Графа *Шереметева* и Князя *Меншикова*, пожалованіемъ имъ не малаго числа въ завоеванной землѣ сей гаковъ, изъ числа которыхъ послѣднему достался одинъ принадлежавшій Рижскому гражданину.

Гражданинъ сей, не зная никакихъ за собою преступленій, менѣе же еще, чтобъ онъ чѣмъ либо оскорбилъ *Его Величество*, осмѣлился къ новому Государю своему притти, и объясниться, что онъ ни въ чемъ предъ *Его Величествомъ* не провинился, и ни малѣйшей не подалъ причины ко гнѣву его; и по тому не понимаетъ, за что родовой его гакъ, по указу *Его Величества*, отнятъ у него и отданъ Князю *Меншикову*.

Монархъ, выслушавъ оное терпѣливо, сказалъ ему безъ гнѣву: *Ежели ты правъ, то можешь принадлежащее тебѣ отъискивать судомъ.* — Но на кого и гдѣ

гдѣ могу я просить? — *На Меншикова и въ здѣшней ратушѣ. Естьлижъ дѣло сіе коснется и до меня, то и я отвѣтствовать буду долженъ*, сказалъ Монархъ: *ибо, де, когда кто находится здѣсь, то ктобъ онъ ни былъ, подлежать долженъ и законамъ здѣшнимъ.* Удивленный таковымъ отвѣтомъ гражданинъ, и не видя ни малаго въ Монархѣ гнѣва, спрашиваетъ паки: и такъ Всемилостивѣйшій Государь вы позволите мнѣ принесть за сіе жалобу? — *Никто не можетъ у тебя отнять права защищать себя*, заключаетъ Монархъ.

Гражданинъ сей, написавъ челобитную на Князя *Меншикова*, яко на насильнаго завладѣтеля наслѣдственнаго гака его, подаетъ оную въ ратушу; но Судьи не принимаютъ оныя, объясняяся, что гакъ его съ прочими пожалованъ Князю, по именному *Его Величества* указу; слѣдовательно прозьба твоя относится на Высочайшее лице самаго Государя; а Государя судить они не могутъ. Гражданинъ объявляетъ, что онъ изъяснялся о семъ съ самимъ Государемъ, и *Его Величество* именно повелѣлъ ему просить о семъ въ ратушѣ. По многимъ разсужде-

ніямъ наконецъ челобитная сія принята; и найдено: что такъ его точно ему принадлежитъ; и что въ указѣ, коимъ пожалованы *Меншикову* таки, не объявлено ни вины его, и ниже имени его не воспомянуто. Въ слѣдствіе сего отряженъ одинъ Членъ къ Князю *Меншикову*, съ донесеніемъ ему о сей на него прозьбѣ; и что, по законамъ здѣшнимъ, Его Свѣтлость долженъ притти въ ратушу, и выслушать сію прозьбу и приговоръ ратушской; но Князь отвѣтствуетъ, что онъ така того не отнималъ, а пожалованъ ему отъ Монарха. Все сіе чрезъ Члена же ратушскаго представлено *Его Величеству*, и Монархъ подтвердилъ отвѣтъ *Меншикова*. Такъ что же приказать изволите? говоритъ присланной Членъ — *Дѣлайте, что законы ваши повелѣваютъ; и буде такъ тотъ дѣйствительно принадлежитъ гражданину тому, то я долженъ буду на оное отвѣтствовать.* — Въ такомъ случаѣ Всемилостивѣйшій Государь, должно будетъ *Вашему Величеству* самому пожаловать въ ратушу къ отвѣту. — *Хорошо*, сказалъ Государь, *когда повѣстите мнѣ, я буду.*

Дѣло

Дѣло разсмотрѣно вновь; такъ приговорено возвратить законному онаго владѣльцу; и Монарху о семъ повѣщено.

Великій Государь, по таковой повѣсткѣ тотчасъ пришелъ въ ратушу; встрѣтили его у крыльца, и Монархъ взошедъ съ ними въ присутственную палату, повелѣлъ имъ сѣсть; а на особомъ стулѣ и самъ сѣлъ. Прочли ему дѣло; спросили: не имѣетъ ли *Его Величество* къ оному чего прибавить? и когда отвѣтствовалъ Государь, что не имѣетъ, тогда прочтенъ другой законъ, по коему повелѣвалось при заключеніи дѣла не быть въ палатѣ, ни просителю ни отвѣтчику; и Монархъ вышелъ въ другую палату. Заключеніе учинено: проситель оправданъ; а отвѣтчикъ обвиненъ. Позвали паки Монарха въ присутственную палату; и прочли рѣшительное заключеніе Великій Государь, выслушавъ оное, благодарилъ ихъ за безпристрастіе въ рѣшеніи дѣлъ; поцѣловалъ каждаго въ голову, и сказалъ: *что, когда Государь ихъ повинуется закону, то да не дерзнетъ никто противиться оному.* И такъ тотъ возвращенъ просителю.

Достопамятное сіе происшествіе слышалъ въ Ригѣ, въ 1765 году, бывшій по торговлѣ товарищъ мой купецъ *Иванъ Волковъ*, отъ самаго сего гражданина, которой бывъ въ глубокой старости и Ратстеромъ сей же ратуши, разсказывалъ сіе будучи съ нимъ вмѣстѣ въ компаніи, проливая слезы (*).

Кто не заключитъ изъ послѣднихъ словъ Великаго Государя, сказанныхъ въ ратушѣ, что въ возвращеніи гака того и въ произвожденіи дѣла о немъ не другое было намѣреніе *Его Величества*, какъ только то, чтобъ собственнымъ своимъ примѣромъ утвердить силу и важность законовъ, особливо же въ отношеніи къ новымъ его подданнымъ?

XLVII.

(*) Сожалительно, что Г. *Волковъ* позабылъ фамилію сего гражданина, и выправиться объ оной не было большой нужды прежде, по тому паче, что не имѣлъ еще я тогда и намѣренія издавать что либо о Монархѣ.

XLVII.

Сравненіе дѣлъ Царя Алексѣя Михайловича съ дѣлами великаго его Сына, и заключеніе о семъ Монархѣ.

Неутомимый въ дѣлахъ Государь болѣе всего бережливъ былъ на время; Онъ жалѣлъ проводить безъ пользы и одинъ часъ онаго; Онъ не терпѣлъ никогда, даже и во время стола, праздныхъ, или ничего важнаго не заключающихъ въ себѣ разговоровъ; но обыкновенно разсуждалъ о какихъ нибудь полезныхъ и наставительныхъ матеріяхъ. И для того-то не позволялъ, чтобъ были при столахъ его и самые служители, которые, подавъ блюды съ кушаньемъ, должны были тотъ же часъ выходить; Онъ о сихъ послѣднихъ говаривалъ, что сіи люди смотрятъ только каждому въ ротъ, и часто толкуя слова превратно, разсѣеваютъ оныя столь же превратно и въ народѣ.

Мы представимъ сему изъ многихъ примѣровъ одинъ только слѣдующій: Въ 1714 году, Монархъ, со многими знатными Господами бывъ на одномъ пиру, завелъ рѣчь о дѣлахъ Царя родителя своего, бывшихъ въ Польшѣ, и

о великихъ препятствіяхъ, чиненныхъ ему отъ Патріарха Никона. Всякой изъ присутствовавшихъ за столомъ дѣлалъ о томъ свои разсужденія, между которыми Графъ *Мусинъ-Пушкинъ*, сталъ выхвалять дѣла *Его Величества*, и напротивъ унижать дѣла Царя родителя его; говоря между прочимъ, что ежели какія при немъ и были важныя дѣла, то оныя отнести должно больше *Морозову* и другимъ искуснымъ его Министрамъ, а не ему. Великій Государь едва могъ дослушать оное, не изъявя гнѣва своего; выслушавъ же далъ ему почувствовать свое неудовольствіе сими словами: *ты хулою дѣлъ отца моего, а лицемѣрною мнѣ похвалою, болѣе меня бранишь, нежели я стерпѣть могу;* и вставши изъ-за стола, подошелъ къ Князю *Якову Ѳедоровичу Долгорукову*, сидѣвшему еще за столомъ, и ставши за его стуломъ, сказалъ: *дядя! я знаю, что ты больше всѣхъ бранишь меня, и такъ тяжко спорами своими досаждаешь, что я часто едва могу стерпѣть: но какъ разсужу, то и увижу, что ты меня и государство вѣрно любишь и правду говоришь; для того я тебя внутренне и благодарю; нынѣ же*

тебя

тебя спрошу и вѣрю, что о дѣлахъ отца моего и моихъ не лицемѣрную правду скажешь.

Князь на сіе сказалъ Государю: изволь сѣсть; а я подумаю. И какъ Монархъ подлѣ него сѣлъ; и всѣ присутствовавшіе обратили на него свое вниманіе, желая слышать судъ его: тогда сей *Катонъ Россійскій*, подумавши не много, и по повадкѣ большіе свои усы поглаживая, началъ такъ:

„Государь! сей вопросъ не льзя „кратко изъяснить для того, что „дѣла разныя: въ иномъ отецъ твой; „а въ иномъ ты больше хвалы и „благодаренія нашего достоинъ. Главныя *дѣла* Государей, по коимъ они „отличаются, *три*. Первое: *внутренняя расправа*, и главное дѣло ваше „есть правосудіе; въ семъ отецъ „твой больше сдѣлалъ, нежели ты: „*онъ сдѣлалъ намъ Уложенье, по коему „и нынѣ мы судимся;* но когда и ты „о семъ прилѣжать будешь, то можетъ быть и превзойдешь его, и „пора уже тебѣ о томъ и думать. „Второе: *военныя дѣла;* отецъ твой „много чрезъ оныя хвалы удостоился,

„и

„ и пользу великую государству принесъ, и тебѣ устроеніемъ нѣсколькихъ регулярныхъ войскъ путь показалъ; но по немъ несмысленные „почти всѣ его учрежденія разорили, „что ты почитай все вновь дѣлалъ „и въ лучшее состояніе привелъ: однакожъ я, много думая о томъ, еще „не знаю, кого болѣе хвалить, но конецъ войны твоей прямо намъ то „покажетъ. Третіе: *въ устроеніи флота, въ союзахъ и поступкѣ съ иностранными*, ты далеко большую „пользу государству, и себѣ честь „пріобрѣлъ, нежели отецъ твой, и „сіе все самъ, надѣюсь, за правду примешь. Чтожъ разсуждаютъ, якобы Государи каковыхъ Министровъ „умныхъ или глупыхъ имѣютъ, таковы ихъ и дѣла; но я противно „разумѣю: мудрый Государь умѣетъ „мудрыхъ и совѣтниковъ избирать и „вѣрность ихъ наблюдать; и такъ „у мудраго не могутъ быть глупые „Министры: понеже онъ о достоинствѣ каждаго разсудить, и правые „совѣты отъ неправыхъ и вредныхъ „различить можетъ. „

Великій Государь съ великимъ вниманіемъ все сіе выслушавъ, разцѣловалъ его

его и сказалъ Христовы слова: *благій рабе и вѣрный, въ малѣ былъ ми еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю.*

Предавшій намъ сіе (*) заключаетъ, что все слышанное и видѣнное ими *Меншикову* и другимъ весьма было прискорбно; и всѣ мѣры прилагали озлобить на него Государя, но не успѣли ничего.

Сей великій мужъ, къ которому лесть и клевета никогда приступны не были, не рѣдко распаленный гнѣвъ Государевъ правотою своею укрощалъ, и мудрыми противурѣчіями своими склонялъ его отмѣнять даже и данные уже имъ указы свои, кои не были довольно обдуманы, или были тягостны народу, какъ-то мы увидимъ изъ слѣдующихъ Анекдотовъ.

XLVIII.

Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ оспориваетъ подписанное Государемъ опредѣленіе; и Государь за оное благодаритъ его.

По новости Санктпетербурга, и по неопытности торгующихъ хлѣбомъ,

(*) *Василій Никитичъ Татищевъ*, достовѣрнѣйшій всего сего свидѣтель.

бомъ, мало его было привозимо въ оной; а изъ завоеванныхъ у Швеціи провинцій, яко долговременною войною разоренныхъ, равно какъ и изъ ближнихъ губерній, не могли онаго доставать въ довольномъ количествѣ: и по тому надлежало къ доставленію его вызывать подрядчиковъ, и привозить оной съ Низу; отъ чего произходила иногда опасность въ претерпѣніи въ немъ недостатка. Въ одно изъ таковыхъ время по рапортамъ оказалось, что въ магазейнахъ оставалось для пропитанія войска хлѣба только на одинъ мѣсяцъ; буде же бы скупить оной у торгующихъ, тобъ по небольшому *оставшагося у нихъ количеству*, необходимо оголожены были жители; а идущій съ Низу водою подрядной хлѣбъ не могъ, по разчисленію времени, притти прежде двухъ, или и трехъ мѣсяцовъ.

Великій Государь, бдящій неусыпно за всѣмъ, предложилъ Сенату, чтобъ употребилъ все стараніе свое, удобнѣйшимъ и неотягопительнѣйшимъ народу средствомъ, предупредить ожидаемой недостатокъ въ хлѣбѣ, и отвратить неминуемую опасность голода.

Се-

Сенатъ, по долгомъ разсужденіи, не могъ сыскать инаго къ тому средства, какъ такое же, какое и въ предупомянутомъ Анекдотѣ показано, то есть, собрать по четверику съ души крестьянской, Новогородской, яко ближайшей къ С. Петербургу губерніи.

Монархъ, бывъ занятъ безчисленными заботами и попеченіями, и не имѣвъ времени входить въ сіе разсужденіе Сената, подтвердилъ то опредѣленіе его, указавъ немедленно послать, куда слѣдуетъ, о томъ указы; съ таковымъ однако же прибавленіемъ, чтобъ къ сбору того хлѣба опредѣлить людей добрыхъ и честныхъ, дабы не могло быть въ сборѣ онаго какихъ либо злоупотребленій. Въ слѣдствіе сего учинено опредѣленіе и всѣми Сенаторами подписано, кромѣ одного Князя *Долгорукаго*, котораго на то время не было въ Сенатѣ, и заготовлены по оному всѣ указы. Когда же Князь сей по изготовленіи всего того прибылъ въ оной: то и подано ему опредѣленіе, подписанное, какъ сказано, всѣми Сенаторами и утвержденное самимъ Государемъ, по которому за тѣмъ

толь-

только не посланы указы, что имЪ не подписано еще опредЪленіе.

Князь, прочитавЪ опредЪленіе, и не говоря ни слова, потребовалЪ сургуча и огня; собралЪ всЪ заготовленные указы, и сЪ онымЪ опредЪленіемЪ сложа вмЪстЪ, запечаталЪ; и, ни слова же не говоря, вышелЪ изЪ Сената и поЪхалЪ кЪ обЪднЪ.

ВсЪ Господа Сенаторы, таковымЪ поступкомЪ удивленные, одни сожалЪли о немЪ, а большая ихЪ половина внутренне радовались, что умникЪ сей, (такЪ его вЪ ироническомЪ, можетЪ быть, смыслЪ называли они тогда) непремЪнно подпадетЪ подЪ тяжкой гнЪвЪ Государя, *яко по такому дЪлу*, которое не терпитЪ отсрочки и утверждено *Его ВеличествомЪ*. ТотчасЪ доносятЪ о семЪ Монарху, бывшему тогда вЪ АдмиралтействЪ; присовокупя кЪ тому, что онЪ подобныя остановки вЪ дЪлахЪ несогласіями и спорами своими всегда причиняетЪ; и даже до того, что дерзаетЪ иногда и самое высочайшее его повелЪніе презирать: какЪ, де, то и вЪ семЪ нужномЪ дЪлЪ оказалЪ онЪ себя. Недоброжелательствующіе изЪ нихЪ уже внутренне торжествовали о неми-

минуемомъ по ихъ мнѣнію низверженіи его.

Монархъ, прочтя донесеніе сіе, прогнѣвляется, пріѣжжаетъ тотъ же часъ въ Сенатъ, спрашиваетъ *Долгорукаго*; увѣдомляется, что онъ уѣхалъ къ обѣднѣ; посылаетъ за нимъ, чтобъ былъ въ Сенатъ; посланный объявляетъ ему Монаршее повелѣніе, но Князь на оное сказалъ только: *слышу*. Прогнѣвленный Монархъ, не видя пріѣзду его, посылаетъ по него паки, чтобъ тотъ же часъ былъ къ нему. Посланный получаетъ отъ него таковой же отвѣтъ, какъ и прежде: *слышу*; и остается въ церкви. Монархъ, и по повторительной сей посылкѣ, не видя пріѣзду его, паче еще раздражается; а сотоварищи, не любившіе его за правоту и противурѣчіе, не упускаютъ случая сего, въ большее озлобленіе привести на него Государя; одни изъ нихъ пожимая плечами, будто бы про себя говорили: *какое дерзкое упорство*! а другіе и самому Монарху: *Ваше Величество* можете изъ толикаго противоборства волѣ вашей заключить, какую уже мы должны сносить досаду отъ упорства и противурѣчія его по дѣламъ, всегдашнюю остановку

причиняющаго, и всѣ наши резоны съ презрѣніемъ отвергающаго, и проч. Огорченный всѣмъ симъ до крайности Государь, посылаетъ по него въ третіе, и приказываетъ сказать ему, что естьли онъ съ симъ посланнымъ не придетъ, то вѣдалъ бы, что поступлено будетъ съ нимъ, какъ съ ослушникомъ и презрителемъ верховной власти. Посланный пересказываетъ ему всѣ слова прогнѣваннаго Государя; но Князь, не отвѣчая ничего, молится, повторяя нѣсколькократно въ слухъ слова Христовы: *воздадите Божія Богови, а Кесарева Кесареви.* Посланный спрашиваетъ: что онъ прикажетъ донесть Государю. *Донеси*, сказалъ Князь, все, что ты видишь и слышишь. Сей доноситъ отвѣтъ его и слышанныя имъ слова, въ молитвѣ его повторенныя; но обѣдня между тѣмъ окончалась, и Князь вскорѣ за послѣднимъ посланнымъ самъ пріѣжжаетъ въ Сенатъ. Сколь былъ прогнѣвленъ на него Государь, оное оказалось при входѣ его. Монархъ, подбѣжавъ къ нему, одною рукою взялъ его за воротъ, а другою выхватилъ свой кортикъ, говоря: ты долженъ умереть какъ противникъ Государевъ и ослушникъ воли и повелѣнія

лѣнія его; Князь, не теряя духа, раскрывъ грудь свою, сказалъ: Вотъ грудь моя! я безъ ужасу готовъ принять смерть за правду; и ты будешь *Александръ*, а я *Клитъ*. При сихъ словахъ Монархъ опускаетъ руки и отскакиваетъ отъ него на нѣсколько шаговъ, какъ бы чего испугавшися; и по семъ поглядя ему въ глаза съ полминуты, сказалъ: Какъ ты осмѣлился остановить опредѣленіе, утвержденное мною? — Ты самъ повелѣлъ мнѣ, отвѣтствуетъ Князь, представлять тебѣ истинну, и стараться о пользѣ твоей и народа твоего: такъ могу ли по совѣсти исполнять то, что противно истиннѣ и пользѣ твоей и народной? Монархъ, уже умягченный таковымъ отвѣтомъ, спросилъ его: Но гдѣжъ возмемъ мы хлѣбъ? развѣ хочешь ты видѣть печальное слѣдствіе голода? — Нѣтъ, Государь, сохрани насъ отъ того Богъ! и средство къ отвращенію мнимой сей опасности не стоитъ таковаго безпокойства, въ каковомъ я теперь вижу тебя, и сихъ Господъ, указавъ на Сенаторовъ. Средство сіе, продолжалъ Князь, въ нашихъ рукахъ, и удобнобъ могли оное выразумѣть, ежелибъ только хотя не много по-

усерднѣе обѣ ономѣ подумали, сѣ тою еще выгодою, что подданные твои Новогородской губерніи, болѣе другихѣ отѣ войны тяготы понесшіе, не будутѣ обременены симѣ новымѣ налогомѣ. Какое же сіе средство? вопрошаетѣ паки совершенно успокоившійся уже Государь. — Изволь-ка сѣсть Государь, я тебѣ скажу, гдѣ взять хлѣбѣ. Монархѣ и всѣ Сенаторы сѣли; и Князь продолжалѣ: провіантѣ твой будетѣ сюда по крайней мѣрѣ не прежде, какѣ чрезѣ два мѣсяца; а до того времени есть у меня столько-то кулей муки; а мнѣ на продовольствіе дому моего надобно только половина, или не много побольше: слѣдственно около половины есть у меня излишняго; у Князя *Меншикова* за всѣми его расходами, какѣ я заподлинно знаю, останется гораздо еще больше половины; у Адмирала тожѣ; у того и того столько-то; и такѣ наименовавѣ всѣхѣ поименно; и разочтя, что у всѣхѣ излишняго за двумѣсячнымѣ употребленіемѣ своимѣ останется гораздо еще болѣе, нежели сколько онаго потребно до прибытія ожидаемаго провіанта, на продовольствіе войска и бѣдныхѣ граждамѣ,

данъ, сказалъ: сіи остатки возмите у насъ, яко не нужные намъ, и такимъ образомъ никакой не будетъ нужды; а какъ прибудетъ ожидаемой хлѣбъ, то и можешь ты всѣмъ намъ взятой у насъ возвратить новою мукою, мы же довольнѣе еще останемся, что вмѣсто лежалой получимъ свѣжую; войско твое и всѣ будутъ снабжены, а бѣдные крестьяне Новогородскіе не потерпятъ излишней сей тягости; да не думаешь ли ты, Государь, продолжалъ паки Князь, чтобъ крестьянинъ могъ въ такомъ случаѣ раздѣлаться однимъ четверикомъ? Нѣтъ! ему мало будетъ на раздѣлку сію и двухъ; воры коммисары сыщутъ къ тому средство; они подъ предлогомъ, что мука дурна, прогорькла, и проч. не станутъ ее принимать, и крестьянинъ принужденъ будетъ съ поклонами просить, чтобъ хоть вдвое да взяли, только бы его не мучили; а какъ я уже сказалъ, что губернія Новогородская отъ войны гораздо болѣе предъ другими чувствуетъ отягощенія, и многіе изъ нихъ съ нуждою едва и себя съ семействомъ своимъ прокармливаютъ: то разсуди,

заключилЪ Князь, какая бы это была для нихЪ тягость!

МонархЪ, выслушавЪ все сіе сЪ великимЪ вниманіемЪ, обратяся кЪ другимЪ СенаторамЪ, кои всѣ молчали, сказалЪ: ЧтожЪ вы молчите и не противурѣчите? Правдуль онЪ говоритЪ или нѣтЪ? Тогда принуждены были всѣ они признаться, что Князь говоритЪ дѣльно и справедливо; и изЪявили охотность свою отдать всѣ свои избытки хлѣба. Вижу я, заключилЪ Государь, смотря на нихЪ, что можно вамЪ упорство и противорѣчія его сносить. НаконецЪ Великій Государь вЪ чувствительныхЪ выраженіяхЪ благодарилЪ Князя, и признаваяся вЪ неразсмотрительности своей, что положился на представленное ему отЪ Сената мнѣніе, и вЪ напрасномЪ своемЪ на него гнѣвѣ, просилЪ вЪ томЪ у него прощенія.

Признательность таковая вЪ Самодержцѣ, и прошеніе у подданнаго прощенія, не есть ли драгоцѣннѣйшимЪ всѣхЪ бриліантовЪ украшеніемЪ короны его (*)?

XLIX.

(*) АнекдотЪ сей сообщенЪ мнѣ отЪ Г. Статскаго Совѣтника *Ивана Алексѣевича Ушакова*, ко-

XLIX.

Тотъ же Князь Долгоруковъ вторично оспориваетъ Государевъ указъ, и подобно же получаетъ отъ Его Величества благодареніе за оное.

Въ другое время Великій Государь, имѣя нужду въ немаломъ количествѣ муки и другаго хлѣба для флота, прислалъ въ Сенатъ указъ, повелѣвая доставить къ веснѣ означенное въ ономъ количество хлѣба изъ Низовыхъ мѣстъ, дабы непоставкою онаго не остановить флота.

Прочтенъ въ полномъ собраніи указъ сей; но Князь *Долгоруковъ*, по выслушаніи онаго, качая головою, сказалъ: *спустя лѣто да въ лѣсъ по малину*; но полно можно извинить Государя безчисленными его заботами, что не обдумавши написалъ указъ сей; ну какъ можно, (продолжалъ онъ) исправиться къ веснѣ поставкою сюда изъ такой дали хлѣба, упустя время? А хотябъ и положить, что съ нуждою поставить можно, но въ та-

которой онъ слышалъ отъ дяди своего *Ильи Ѳедоровича Ушакова* же, служившаго при семъ Великомъ Государѣ въ гвардіи его.

комъ случаѣ станетъ онъ вдвое; а самъ же онъ имѣетъ нужду въ деньгахъ. Сказавъ сіе, положилъ тотъ указъ подъ сукно.

Тотчасъ донесено о семъ Государю; и *Его Величество* немедленно прибывъ самъ въ Сенатъ, спросилъ съ досадою, исполнено ли по послѣднему его указу? Не исполнено, отвѣтствуетъ на сіе Князь: ибо исполнить онаго не можно. Монархъ со гнѣвомъ перебивъ его рѣчь, сказалъ: отъ тебя всегда противурѣчія я слышу, съ чѣмъ же я флотъ мой выпроводить могу? Не гнѣвайся Государь, но выслушай сперва — Ну что такое? — А вотъ что: время уже упущено, и вычисля, что изъ столь дальнихъ мѣстъ поставить въ Петербургъ онаго къ веснѣ никакъ не можно; а хотябъ, продолжалъ Князь, и можно было исправиться, но станетъ онъ цѣною почти вдвое, такъ за чѣмъ же такая напрасная трата въ деньгахъ, въ коихъ ты еще и нужду имѣешь? А ежели еще и при всемъ томъ не можетъ онъ къ тому времени поставиться, какъ-то и думать можно, то не станешь ли ты болѣе еще тогда на насъ гнѣваться? А можно и безъ того исправиться, и фло-

флоту твоему въ свое время выпти въ море. Да какъ же? сказалъ Государь. А вотъ какъ, продолжалъ паки Князь; у меня скоро будетъ сюда хлѣба больше нежели сколько на употребленіе дому моего надобно; у *Меншикова*, я слышу, идетъ его и гораздо большее количество, нежели сколько ему надобно; да чаю и у всѣхъ у нашей братьи тожъ; такъ ты Государь и можешь у всѣхъ насъ излишки тѣ отобрать; а я навѣрное надѣюсь, что сихъ излишекъ будетъ столько, сколько тебѣ надобно; буде же бы того было и мало, то можно для твоей нужды и изъ настоящей пропорціи намъ понѣскольку ущербить, но до того, чаю, не дойдетъ; а между тѣмъ не торопяся, въ свое время и безъ передачи въ цѣнѣ, хлѣбъ сюда доставить; тогда ты Государь всѣмъ намъ, какъ и прежде было, взятое у насъ количество отдашь, такъ и ты и мы всѣ будемъ безъ убытку, а хлопотъ-та уже никакихъ и не будетъ. Вотъ для чего, заключилъ Князь, исполнить-та указу твоего было не можно.

Монархъ, выслушавъ оное, поцѣловалъ его въ голову, и сказалъ: спасибо

дядя! ты, право, умнѣе меня, и не напрасно называютъ тебя *умникомъ*. На сіе Князь отвѣчалъ: нѣтъ Государь, не умнѣе, но у меня меньше дѣла, и потому есть время мнѣ обдумать, а и тутъ иногда ошибаюсь; у тебя же ихъ безъ числа, такъ и не дивно, что ты иного и не обдумаешь.

Послѣ сего Государь взявъ свой указъ, при всѣхъ оной разодралъ.

Толико-то Великій Государь любилъ правду, хотя оная и очень была груба; и такъ-то не стыдился признаваться, ежели что докажутъ ему справедливо, хотя бы то было и въ точную противность данаго отъ него повелѣнія!

Слѣдующій Анекдотъ паче еще подтвердитъ сіе заключеніе.

L.

Третично оспориваетъ Князь Долгоруковъ указъ Его Величества.

Не за долго до заключенія съ Швеціею мира, Монархъ, присутствуя въ Сенатѣ, повелѣлъ для Петербургскихъ и въ окрестностяхъ онаго производимыхъ

мыхъ работъ, сдѣлать по прежнему нарядъ работниковъ изъ губерній.

Но сей же Князь, съ обыкновенною ему смѣлостію и чистосердечіемъ, сказалъ на сіе Монарху: *пора бы уже тебѣ губерніи-та отъ сего и освободить.* Такъ по твоему, пресѣкъ Монархъ рѣчь его, надобно работы остановить? Знаменитый мужъ сей вмѣсто отвѣта на сіе сказалъ Государю: время уже обѣдать, а хлѣбъ-соль не бранятся; пожалуйте ко мнѣ Государь откушать, такъ я тебѣ скажу, что и наряду работниковъ изъ губерній не надобно, и работы твои не остановятся.

Хорошо, сказалъ на сіе Государь, поѣдемъ, и что-то я отъ тебя услышу?

По пріѣздѣ въ домъ Княжой, послѣ рюмки водки хозяинъ заговорилъ: Теперь Государь у тебя война слава Богу приходитъ къ окончанію, и арміи твоей по крайней мѣрѣ половина безъ дѣла: то естьли опредѣлишь ты и однихъ праздныхъ солдатъ къ работамъ симъ, давая имъ сверьхъ жалованья заработныя деньги, по чему и другимъ работникамъ платится; тогда и они и губерніи твои весьма бу-

будутъ тѣмъ довольны; а особливая выгода отъ того будетъ еще и та, что солдаты твои, стоя на квартирахъ безъ дѣла, не избалуются.

Признательнѣйшій Монархъ благодарилъ его за такое наставленіе, и указъ свой уничтожилъ (*).

Слѣдующій за симъ Анекдотъ, для большаго доказательства безпредѣльнаго снисхожденія Великаго Государя, и таковыя же признательности, займу я у Г. Профессора *Штелина.*

LI.

Величіе духа въ Государѣ и снисхожденіе его на сдѣланное Сенаторомъ Долгоруковымъ преступленіе изъ патріотическія ревности.

ПЕТРЪ Великій, (говоритъ Г. *Штелинъ*) при самой очевидности яснаго оскорбленія величества своего, умѣлъ себя воздерживать, доколѣ не изслѣдовано

(*) Два сіи Анекдота получилъ я отъ Г. Адмирала *Алексѣя Ивановича Нагаева*, служившаго при семъ же Великомъ Государѣ, засвидѣтельствованные и *Аврамомъ Петровичемъ Ганнибаломъ.*

довано было дѣло въ точности; и есть-ли находилъ, что погрѣшность происходила изъ любви къ отечеству и имѣла предметомъ пользу государственную, то не только прощалъ, но и благодарилъ еще виноватаго за усердіе его ко благу отечества.

Его Величество при первомъ начатіи работы большаго Ладожскаго канала опредѣлилъ, чтобъ владѣльцы деревень Новгородской и Петербург-ской губерній, посылали на работу оную крестьянъ своихъ; и будучи въ Сенатѣ, самъ подписалъ указъ о семъ.

Князь *Яковъ Өедоровичъ Долгоруковъ*, одинъ изъ первѣйшихъ Сенаторовъ, къ коего прозорливости и опытности Великій Государь имѣлъ отличное уваженіе и довѣріе, занятъ будучи другими важными дѣлами, случившимися въ тотъ день, не присутствовалъ тогда въ Сенатѣ; и потому не зналъ, что безъ него происходило въ ономъ.

На другой день, когда надлежало приступить къ исполненію указа онаго, прибылъ онъ въ Сенатъ; и по обыкновенію своему прежде всего спросилъ: О чемъ вчера въ Сенатѣ было разсуждаемо? Ему подали подписанный всѣми Сенаторами протоколъ, въ кото-

торомъ записано было Монаршее повелѣніе о томъ, чтобъ крестьяне Новогородской и Санктпетербургской губерній употреблены были для копанія того Ладожскаго канала.

Князь, по прочтеніи онаго, началъ съ жаромъ говорить, что таковое повелѣніе противно государственной пользѣ, и что о томъ должно Государю непремѣнно и въ самой скорости доложить, дабы не поспѣшествовать конечному разоренію сихъ и безъ того уже предъ прочими истощенныхъ губерній. И какъ онъ продолжалъ ревностно оспоривать сіе не довольно обдуманное опредѣленіе; то дабы убѣдить его, что того перемѣнить уже не льзя, предложили ему подписанное самимъ Государемъ опредѣленіе: но *Долгоруковъ*, слѣдуя единой ревности своей къ пользѣ общей, къ изумленію всего Сената, разорвалъ сіе подписанное Монархомъ опредѣленіе. Всѣ Сенаторы ужаснулись, вскочили съ мѣстъ своихъ и спрашивали его: Знаетъ ли онъ, что сдѣлалъ, и что ему будетъ за толь дерзостный поступокъ? Знаю, что я сдѣлалъ, отвѣтствовалъ онъ; и буду за сіе отвѣт-

вѣтствовать предъ Богомъ, предъ Государемъ и предъ отечествомъ.

Въ самое сіе время ПЕТРЪ Великій вошелъ въ Сенатъ; онъ удивился смятенію Сенаторовъ и спросилъ: Что значитъ необыкновенный сей шумъ? Генералъ-Прокуроръ съ трепетомъ подалъ *Его Величеству* подписанное имъ и *Долгорукосымъ* изодранное опредѣленіе. Монархъ симъ происшествіемъ въ началѣ приведенный въ сильной гнѣвъ, спросилъ Князя съ жаромъ: Что побудило его сдѣлать столь неслыханное преступленіе противу верховной власти? Ничто иное, какъ ревность моя къ твоей славѣ и къ благосостоянію твоихъ подданныхъ. Не гнѣвайся на меня *ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ*, продолжалъ онъ, я надѣюсь на твое благоразуміе, что ты собственную свою землю не хочешь разорить такъ, какъ *Карлъ XII* разоряетъ свою. Ты поторопился дать сіе повелѣніе и не размыслилъ, въ какомъ состояніи находятся обѣ сіи губерніи, которыя доселѣ больше, нежели всѣ вмѣстѣ провинціи Россійскія въ настоящую войну претерпѣли. Сколько въ нихъ людей вымерло, и сколь великъ въ оныхъ нынѣ недостатокъ

токъ въ народѣ? Что препятствуетъ тебѣ, къ работѣ сего необходимо нужнаго для твоего Петербурга канала, взять работниковъ изъ другихъ провинцій, изъ каждой по немногу? Они несравненно болѣе могутъ дать людей, нежели сіи двѣ безлюдныя почти губерніи, и они отъ того не много потерпятъ. Сверьхъ того есть у тебя довольно военноплѣнныхъ Шведовъ, коихъ ты, вмѣсто собственныхъ своихъ подданныхъ, къ сей тяжкой работѣ употребить можешь.

Монархъ все сіе слушалъ съ написаннымъ на лицѣ его удовольствіемъ. Все это хорошо, сказалъ онъ; но на чтожъ драть подписанное мною опредѣленіе, зная, что сіе такая дерзость, которая нигдѣ не можетъ быть стерпима? — Въ этомъ-то только я и виноватъ, Государь, что не утерпѣлъ, отвѣтствовалъ сей вѣрной подданной. Послѣ сего Монархъ нѣсколько подумалъ, и обратяся къ прочимъ Сенаторамъ, сказалъ: хотя я было такъ сперва и положилъ, однакожъ сіе дѣло еще разсмотрю, и дамъ Сенату мое послѣднее о томъ повелѣніе. На семъ дѣло сіе и остановилось; въ послѣдствіи же

Ве-

Великій Государь для копанія Ладожскаго канала нашелъ другія средства, по точнѣйшему разсмотрѣнію онаго, чаятельно съ *Долгоруковымъ*, на коего онъ толико полагался. Вскорѣ потомъ отправилъ на работу оную нѣсколько тысячь военноплѣнныхъ Шведовъ (*).

LII.

Князь Меншиковъ жалуется Государю на Князя Долгорукова; слѣдствіе о томъ.

Великій Государь, для приведенія въ наилучшій порядокъ Коммисаріатскихъ дѣлъ, поручилъ оныя въ вѣдѣніе сего же Князя *Долгорукова*. Въ одно время, по недостатку синяго сукна, отпустилъ онъ на одинъ *Меншикова* полкъ на плащи солдатамъ, вмѣсто синяго, зеленое сукно. *Меншиковъ*, не зная причины, для чего сего цвѣта сукно отпущено, вообразилъ, что сдѣ-

(*) Г. Профессоръ *Штелинъ* слышалъ все сіе отъ Горнаго Совѣтника *фонъ-Гейстера*, которой, де, разсказывалъ о томъ, какъ о извѣстномъ всему Петербургу происшествіи; а я нѣсколько словъ прибавилъ къ оному, слышанныхъ мною отъ Коммисара Г. *Крекшина*.

сдѣлано то въ угодность его, дабы, то есть, полкъ его отмѣнить отъ другихъ, поелику одни только гвардейскіе полки имѣли зеленые плащи; и былъ симъ отличіемъ весьма доволенъ. Но какъ, по прошествіи опредѣленнаго срока мундиру, отпущено было на плащи въ тотъ же его полкъ по прежнему синее сукно: то *Меншиковъ*, принявъ сіе за обиду себѣ, посылаетъ къ Князю *Долгорукову* одного изъ тварей своихъ, котораго онъ изъ низкаго званія, за приверженность къ себѣ и наушничество, производя изъ чина въ чинъ, рекомендаціями своими и прозьбою къ Государю, довелъ напослѣдокъ до Полковниковъ. Онъ приказываетъ сему Полковнику спросить, для чего на полкъ его прислано сукно не такого *колеру*. Полковникъ сей, или не вслушавшись, или не разумѣя, что значитъ слово *колеръ*, и позабывъ оное, пришедши къ нему, отъ имени приславшаго его говоритъ: что Его Свѣтлость проситъ Ваше Сіятельство дать ему знать, для чего на полкъ его отпущено сукно не того *калибра*? — Что ты говоришь? — Не того *калибра*, повторяетъ Полковникъ. Глупъ братъ ты, сказалъ ему Князь, да и тотъ

та-

таковъ же, кто тебя и въ Полковники-та произвелъ; и съ тѣмъ его отпустилъ.

Полковникъ сей, возвратяся съ такимъ отвѣтомъ, расказалъ Его Свѣтлости все, какимъ словомъ отпотчивалъ *Долгоруковъ* его. *Меншиковъ*, принявъ все то на свой щетъ, положилъ непремѣнно отмстить ему.

А какъ въ сіе время Великій Государь возложилъ на Господъ Сенаторовъ, чтобъ строеніе кораблей происходило подъ ихъ смотрѣніемъ; и дабы никакія отговорки не имѣли уже мѣста, тобъ каждой изъ нихъ взялъ на себя особой корабль, и за оной отвѣтствовалъ, въ числѣ которыхъ въ угодность *Его Величества* и Князь *Меншиковъ* принялъ на себя построеніе одного корабля. Сей любимецъ Государевъ, имѣвшій предъ другими болѣе способовъ, корабль свой построилъ прежде всѣхъ, при спускѣ котораго присутствуя самъ Монархъ со всѣми Сенаторами, былъ весьма веселъ, и благодарилъ его *Меншикова* за поспѣшное построеніе онаго. При семъ-то случаѣ положилъ онъ отмстить чувствительнѣйшимъ образомъ Князю *Долгорукову*; онъ представилъ помяну-

нутаго Полковника *Его Величеству*, какъ несносно обиженнаго *Долгоруковымъ*, и дерзость его, которой, де, не только Полковника сего, но и того, кто его въ Полковники произвелъ, разругалъ, называя и того и другаго дураками; при чемъ Полковникъ сей, ставъ предъ Монархомъ на колѣни, просилъ защитить себя отъ сего вельможи, и проч.

Князь *Долгоруковъ*, не вѣдая о происходившемъ, спокойно сидитъ съ нѣкоторыми Господами за особымъ столикомъ и подпиваетъ съ ними; но Адъютантъ его, бывшій потомъ Сенаторомъ *Өедоръ Васильевичъ Наумовъ*, слышавшій ту *Меншикова* и Полковничью жалобу, предварилъ о томъ Князя, сказавъ ему на ухо тѣ на него навѣты; но сей, презирая оное, сказалъ съ холодностію: *пусть ихъ жалуются какъ хотятъ.*

Между тѣмъ Монархъ донесеннымъ ему весьма огорчился на *Долгорукова*; Онъ, подошедъ къ нему, сказалъ съ гнѣвнымъ видомъ: *давно ли я у тебя въ дураки попалъ?* Но *Катонъ* нашъ равнодушно отвѣтствуетъ Монарху, что вопросъ сей его удивляетъ; ибо того и въ мысль ему притти не можетъ. Государь спрашиваетъ его

паки:

паки: говорилъ ли ты присланному къ тебѣ отъ *Меншикова* Полковнику, что онъ дуракъ, а таковъ же и тотъ, кто его произвелъ въ Полковники? — Говорилъ, отвѣтствуетъ Князь; но ктожъ жалуетъ въ Полковники? пресѣкаетъ рѣчь его Государь, вить это Я; слѣдовательно и Я у тебя дуракъ. — Нѣтъ Государь, сего ты на свой счетъ принять не долженъ; вы знаете, какъ я васъ разумѣю; а сіе сказано мною о *Меншиковѣ*, которой дурака того, изъ подлости и изъ измѣнничья сына, производя довелъ до Подполковника, котораго ты по его же убѣжденію уже пожаловалъ въ Полковники. Но тыбъ, по правотѣ своей, конечно его не пожаловалъ въ такой чинъ, ежелибъ *Александра* похвалою службы его тебя къ тому не убѣдилъ. Но спроси, гдѣ онъ служилъ и чѣмъ себя отличилъ, то окажется вся его заслуга въ коварномъ только ласкательствѣ и въ наушничествѣ ему *Александру*. — Какого же измѣнника онъ сынъ? спросилъ паки Монархъ. Казненнаго такого-то стрѣльца, отвѣтствовалъ Князь; я о семъ узналъ достовѣрно и хотѣлъ было тебѣ о томъ сказать, но ты меня самъ

предупредилъ; при чемъ разсказалъ Монарху, за что онъ назвалъ его дуракомъ. Поелику же *Его Величество* вѣрилъ во всемъ сему мужу, то и обратился весь гнѣвъ его уже на *Меншикова*; однако же не давъ онаго ему почувствовать, помолчавъ не много, сказалъ *Долгорукову*: хорошо дядя, я все сказанное тобою изслѣдую, и тогда же въ удовлетвореніе обиды, причиненной ему, Полковника того приказалъ арестовать и отвести въ крѣпость.

Можно себѣ представить, сколь оборотъ такой былъ чувствителенъ *Меншикову*; и онъ не смѣлъ уже тогда предстательствовать за того любимца своего, а увидѣлъ себя принужденна, для спасенія его, искать помощи въ семъ же Князѣ.

И такъ на другой сего день *Меншиковъ* пріѣхалъ къ нему, и какъ бы не зная его разговоровъ съ Государемъ, касательно себя, говорилъ ему: вы не сдѣлали нещастія ни одному человѣку, то можно ли было ожидать, чтобъ погубили вы въ чемъ предъ тобою невиннаго Полковника? Не я его погубилъ, а ты самъ, отвѣтствовалъ онъ; ты конечно не то ему приказывалъ

валъ сказать мнѣ, что онъ совралъ, за что и назвалъ я его дуракомъ; и тебѣ бы должно о томъ снестися прежде со мною, а не жаловаться Государю. *Меншиковъ* признался, что онъ виноватъ, и просилъ его съ покорностію спасти Полковника того, котораго онъ любитъ. Хорошо, сказалъ сей добродѣтельный мужъ, но надобно для сего дождаться спуску моего корабля; тогда я не упущу случая просить о немъ Государя; а оной, примолвилъ Князь, скоро поспѣетъ, ежели ты поможешь мнѣ въ работникахъ, которыхъ у меня маловато, и достать ихъ не могу.

Меншиковъ, не распуская своихъ работниковъ, того же еще дня всѣхъ ихъ прислалъ на Долгоруковъ корабль, и чрезъ нѣсколько дней оной заготовленъ къ спуску.

Монархъ, въ своемъ же присутствіи спустя его на воду, имѣлъ наономъ и обѣденной столъ, данный строителемъ, за которымъ присутствовали Ея Величество, и всѣ знатные, въ числѣ которыхъ и Князь *Меншиковъ*.

Сколько былъ Монархъ веселъ и доволенъ строителемъ и угостителемъ,

 лемъ,

лемъ, сіе доказалъ *Его Величество* послѣ стола; Онъ, взявъ супругу свою за руку, подошелъ къ Князю, и сѣвши подлѣ его, говорилъ Монархинѣ: *Дядя нашъ больше намъ другъ, нежели подданный; никто столько насъ не любитъ, какъ онъ; всегдашняя правда, говоренная имъ мнѣ, и ревность его къ отечеству сіе доказываетъ ясно, и ты обязана его столь же много любить, какъ и я; проси другъ мой у меня*, сказалъ наконецъ Государь Князю, *я все для тебя сдѣлаю.* Хорошо, сказалъ Князь, посмотрю, сдѣлаешь ли, о чемъ тебя попрошу. *Сдѣлаю*, повторилъ Государь; такъ простите же арестованнаго Полковника: я больше ни о чемъ тебя не тружу.

Великій Государь похвалилъ его великодушіе, и тотъ же часъ простилъ его и освободить повелѣлъ.

Князь, возблагодаря Монарха, тужъ минуту предупомянутаго Адъютанта своего послалъ къ Полковнику сему, объявить о семъ указѣ Государевомъ; и велѣлъ притомъ сказать ему, что естьли Государь самъ о чемъ будетъ спрашивать его, чтобъ сказалъ ему всю правду, не осмѣляся отнюдь что либо утаить, а паче солгать; но до

сего

сего однако же не дошло: *Его Величество* уже не видалъ его; ибо въ наказаніе Князя *Меншикова*, опредѣлилъ его въ одну дальную крѣпость Комендантомъ, куда и долженъ былъ онъ на другой день по освобожденіи своемъ отправиться (*).

LIII.

Довѣренность Государева къ томужъ Князю Долгорукову.

Великій Государь, однажды разговаривая съ симъ же Княземъ о разныхъ важныхъ матеріяхъ, между прочимъ, когда дошла рѣчь до полковъ гвардіи, то *Его Величество* сказалъ: я благодарю Бога, что гвардію мою довелъ до такого степени совершенства, что она можетъ служить всей арміи моей достойнымъ къ подражанію образцомъ. Я знаю, отвѣтствовалъ на сіе послѣднее Князь, что она добра; да есть ли изъ Офицеровъ

(*) Отъ Г. Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника *Верешкина*, слышанное имъ отъ родственниковъ упомянушаго *Ѳедора Васильевича Наумова.*

оной такіе, на которыхъ бы ты во всемъ полагаться могъ, паче же касательно до некорыстолюбія, безпристрастія и вѣрности? Есть, перебилъ рѣчь его Государь, и много, а особливо два изъ нихъ достойны всей моей довѣренности. Кто таковы сіи два? спросилъ Князь. Ты ихъ знаешь, отвѣчаетъ Государь. Да я и всѣхъ знаю; но о сихъ отличныхъ догадаться не могу. — Я къ тебѣ ихъ завтра пришлю; посмотри ихъ. На другой день въ 5 часовъ поутру явились къ Князю Гг. *Ушаковъ* и *Волковъ*, доложа ему, что прислалъ ихъ къ Его Сіятельству Государь, и что онъ имъ прикажетъ?

Князь вступилъ съ ними въ пространной разговоръ, котораго содержаніе было, должность вѣрноподданническая, съ какимъ усердіемъ и ревностію обязаны всѣ исполнять начальничьи, а паче верховной власти повелѣнія, и проч. и какъ разговоръ сей продлилъ Князь до того времени, въ которой надлежало имъ быть у должностей своихъ, то они откланиваяся спрашиваютъ: что Его Сіятельство приказать имъ изволитъ? Ничего, отвѣтствовалъ Князь. — Чтожъ

они

они могутъ сказать Монарху, пославшему ихъ къ нему? Ничего, паки сказалъ Князь, а я самъ увижусь съ нимъ; да что такъ торопитесь? примолвилъ онъ, вы можете еще побыть у меня и поговорить. — Никакъ не можно намъ продлить время; ибо насталъ тотъ часъ, въ которой мы должны быть у должности. — Ну такъ прощайте, заключилъ Князь.

Великій Государь, того же дня увидяся съ нимъ, спросилъ его: каковы показались ему Офицеры? Я ихъ знаю, отвѣтствовалъ Князь; но не зналъ только того, что ты ихъ отъ прочихъ такъ отличаешь. *Ушаковъ* подлинно хорошъ, продолжаетъ онъ; а другой хотя можетъ быть столь же вѣренъ, но мнѣ показался онъ плоховатъ. — Нѣтъ, нѣтъ дядя, перебилъ Государь, не смотри на видъ, онъ не хуже *Ушакова* исправить можетъ все, что ему ни поручи; однимъ словомъ, заключилъ Государь, я равно на обоихъ ихъ положиться во всемъ могу; и ежелибъ я такихъ много у себя имѣлъ, тобъ могъ себя назвать совершенно щастливымъ. *Правда*, отвѣтствовалъ Князь, *не всѣ съ расными родятся способностями; но добрыхъ*

и способныхъ людей найдется много, когда не ослабѣвая примѣчать ты ихъ будешь, и достойному воздавать достойное; и спасибо тебѣ, что ты о семъ и рачишь (*).

LIV.

Сей же Князь Яковъ Ѳедоровичъ повелѣваетъ одному обвиненному Сенатомъ, подать на Сенатъ и на себя самаго Государю челобитную.

Исторія древняя и средняя свѣта показываетъ намъ, что при всякихъ пирушкахъ и празднествахъ приносились, такъ сказать, жертвы *Бахусу*; и сіе древнее обыкновеніе не чуждо было и знатныхъ домовъ и даже самихъ Дворцовъ Государей, какъ Азіатическихъ, такъ и Европейскихъ; и попойки таковыя не только не почитались порокомъ, но ставили даже въ честь себѣ, кто больше выпивать могъ. Чаша *Геркулесова* обращалась въ рукахъ многихъ изъ нихъ; *Александру* приписываютъ и самую преждевре-

(*) Отъ Сенатора *Григорья Николаевича Теплова.*

временную смерть его, выпитію сей чаши, для того только, что не хотѣлъ онъ уступить и въ сей чести сему Ирою древности (*). *Киръ младшій*, хотя доказать, что онъ большими обладаетъ дарованіями, нежели старшій братъ его *Артаксерксъ Мнемонъ*, между прочимъ хвалился и тѣмъ, что онъ больше его вынести можетъ крѣпкихъ напитковъ. Нашъ Великій Князь *Владимиръ* отвергъ предлагаемую ему Магометанскую вѣру, между прочимъ и для того, что оная запрещала употребленіе сихъ крѣпкихъ напитковъ, говоря: *что у насъ всякія веселія въ подлитіи бываютъ*. Не чуждъ сего былъ и *Генрихъ IV*, толико впрочемъ достойный Государь: *естьли я люблю*, говаривалъ онъ, *попить, то для того, чтобъ развеселить духъ.*

Во

(*) *Александръ*, по одержаніи одной изъ побѣдъ своихъ, пригласилъ храбрѣйшихъ Офицеровъ къ столу своему и предложилъ награжденіе тому, кто болѣе изъ нихъ выпьетъ. *Промахъ* выпилъ всѣхъ больше, и получилъ за сіе золотой вѣнецъ; но торжество его продолжалось не долго: онъ чрезъ три дни отъ сей побѣды своей умеръ, и его смерть послѣдуема была еще 40 человѣками изъ тѣхъ, кои оспоривали у него честь въ семъ покальномъ сраженіи.

Во время, въ кое жилъ и нашъ Ирой, также не могли похвалиться большимъ предъ прежними временами воздержаніемъ отъ излишняго употребленія крѣпкихъ напитковъ, особливо же о святкахъ при славливаніяхъ; и извѣстно, что при такихъ попойкахъ преступившіеся въ чемъ нибудь, вмѣсто наказанія, долженствовали выпивать предъ другими больше. *Князь-Папа Зотовъ* не рѣдко таковыя дѣлалъ наказанія; а одного изъ знатныхъ отправилъ и на тотъ свѣтъ.

Предисловіе сіе нужно для слѣдующаго Анекдота.

Полковникъ *Блеклой* имѣлъ въ Сенатѣ тяжебное дѣло съ помянутымъ *Зотовымъ*. Сенаторъ Князь *Яковъ Ѳеодоровичъ Долгоруковъ*, почитая на сторонѣ перваго справедливость, увѣрилъ его, что дѣло рѣшится въ пользу его; и Г. *Блеклой* крайне положился на слово и справедливость сего *Катона* нашего; но сверьхъ чаянія, соперникъ его оправданъ, а онъ обвиненъ; а какъ опредѣленіе оное между прочими подписано и Княземъ симъ, то онъ, пришедъ къ нему, жаловался ему на него же самаго; и сей безпристрастный

ный Судія повторяетъ ему, что онъ дѣйствительно правъ; но онъ долженъ былъ подписать, да и приказалъ ему непремѣнно подать на сіе рѣшеніе Сената и на него самаго, аппелляціонную челобитную Государю.

Сей исполняетъ оное; Монархъ спрашиваетъ его, не принимая еще оныя: что значитъ сія бумага? — Челобитная на Сенатъ, отвѣтствуетъ Г. *Блеклой*. Но подписалъ ли опредѣленіе *Долгоруковъ*? вопрошаетъ паки Государь; и узнавъ, что подписалъ, принялъ челобитную, велѣлъ взнести къ себѣ дѣло; разсмотрѣлъ, и нашедъ дѣйствительно его правымъ, призываетъ къ себѣ *Долгорукова*, и спрашиваетъ у него о семъ дѣлѣ. Сей отвѣтствуетъ, что *Блеклой* правъ, а *Зотовъ* виноватъ; да какъ же ты подписалъ обвиняющее его опредѣленіе? спрашиваетъ паки Государь. Сильная рука *Зотова* превозмогла, говоритъ Князь; нынѣ наступили святки, а онъ брата моего по злобѣ на него уже опоилъ, то естьлибъ я обвинилъ его, была бы можетъ быть и мнѣ отъ него та же участь; а какъ ты Государь, заключаетъ Князь, передѣлаешь и

насъ

насЪ обвинишь, такЪ не на кого будетЪ ему и сердиться.

Правосудный однако же Государь не былЪ доволенЪ симЪ извиненіемЪ Князя; онЪ оправдавЪ *Блеклова*, положилЪ на всѣхЪ СенаторовЪ знатный штрафЪ, а Князя оштрафовалЪ предЪ другими вдвое, для того, заключаетЪ Государь сіе рѣшеніе свое, что онЪ всѣхЪ ихЪ умнѣе (*).

LV.

Сего же Князя совѣтЪ принимаетЪ МонархЪ сЪ благодарностію, касательно рекрутскаго набора.

Великій Государь прислалЪ вЪ СенатЪ указЪ о новомЪ наборѣ рекрутЪ; а какЪ наборЪ сей случился прежде обыкновеннаго, то когда прочтенЪ былЪ сей указЪ вЪ Сенатѣ, Князь *ДолгоруковЪ* сЪ негодованіемЪ сказалЪ: *долголь быть симЪ разорительнымЪ народу и государству наборамЪ?* и по обыкновенію своему вЪ такихЪ случаяхЪ, положилЪ оной подЪ сукно. Исправлявшій тогда должность ОберЪ-

(*) ОтЪ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника *Ивана Ивановича Неплюева*.

Оберъ-Прокурора, гвардіи Маіоръ *Иванъ Ильичь Дмитріевъ-Мамоновъ большой*, и всѣ Сенаторы, говорятъ ему: какъ онъ осмѣливается остановить исполненіе указа Самодержца своего? Я знаю, что дѣлаю, отвѣтствуетъ сей. Тотчасъ доносятъ о всѣхъ словахъ и дѣйствіяхъ его Монарху, и можетъ быть съ прибавленіемъ еще.

Великій Государь, хотя и увѣренъ былъ о ревности сего Сенатора, но не могъ не прогнѣваться на него за такую дерзость; онъ призываетъ его къ себѣ, и выговариваетъ ему объ оной съ досадою. Но Князь говоритъ на сіе: *Государь! ты отецъ подданныхъ своихъ, такъ не ужъ ли не чувствуете вы скорби и разоренія ихъ отъ такъ частыхъ наборовъ рекрутскихъ? Не ужъ ли не трогаютъ васъ слезы, рыданіе и вопль отцовъ, дѣтей и женъ сихъ бѣдныхъ людей при разлукѣ съ ними? Не ужъ ли не чувствуете, сколько рукъ отнимается отъ земледѣлія? Ежели жъ бы хорошенько подумали о семъ, тобъ конечно сыскали средство, по крайней мѣрѣ на сей разъ, обойтись и безъ сего набору.*

Сколь ни долженствуетъ показаться такая рѣчь Монарху огорчитель-

ною, но онъ не могъ однакожъ не тронуться оною, и безъ досады сказалъ ему: какоежъ средство сыскать можно обойтись безъ рекрутъ, когда они къ наполненію полковъ необходимо нужны? А вотъ какое, отвѣтствуетъ Князь: ты знаешь Государь, сколько понынѣ находится рекрутъ въ бѣгахъ, и кроются отъ страха наказанія въ лѣсахъ, изъ которыхъ многіе вдались въ воровство и разбои; отвѣдайте простить всѣхъ ихъ за побѣги, и увѣрьте ихъ, что буде они добровольно отъ публикованія указа явятся чрезъ полгода, или какъ изволишь назначить срокъ, то никакого какъ имъ, такъ и укрывающимъ ихъ не будетъ наказанія. Я надѣюсь, заключилъ Князь, что столько ихъ явится, сколько тебѣ нынѣ надобно.

Монархъ, выслушавши сіе, сказалъ: добро дядя, отвѣдаю поступить нынѣ по твоему; и увидимъ, будетъ ли такъ, какъ ты предполагаешь.

Въ самомъ дѣлѣ сей милостивый указъ оправдалъ надежду Княжую; и столько ихъ явилось, что не было уже надобности въ публикованіи на

тотъ

тотъ разъ о наборѣ рекрутскомъ указа (*).

Разсуждая о таковыхъ противурѣчіяхъ и спорахъ съ Самодержцемъ своимъ сего Князя, и многихъ другихъ подобныхъ ему сыновъ отечества, не можно не ощутить, что Великій Государь не мнилъ отнюдъ о себѣ, чтобъ заключенія его были безошибочны, и чтобъ не было другихъ основательнѣйшихъ (**). Не можно не ощутить, чтобъ вниманіемъ толь колкихъ ис-

(*) Отъ *Флора Исаковича Неплюева.*

(**) *Фридерикъ II*, Король Прусскій, названный отъ многихъ *Великимъ*, весьма разнствовалъ въ семъ случаѣ отъ Ироя нашего. Описывающій характеръ Графа *Герцберга*, Министра его, вотъ какъ изъясняется о семъ: „Министръ сей, въ предначертаніяхъ видовъ, въ „составленіи плановъ, и въ кабинетскихъ дѣ„лахъ крайне былъ ограниченъ ревностію Ко„роля, которой хотѣлъ одинъ всему быть „виновникомъ и самоправителемъ. Многіе хо„рошіе планы, которые можно бы здѣсь при„вести, предложенные имъ Королю, не приня„ты отъ него; ибо извѣстно, что *Фриде„рикъ II* не охотно смотрѣлъ, когда кто „предускорялъ его мысли, и онъ тогда дѣлалъ „противное.„ Отъ чего же сіе произходило? Отъ того, по мнѣнію моему, что сей любилъ больше мнимую славу, на самолюбіи основанную; а нашъ Ирой любилъ больше отечество, нежели славу таковую.

тинн, и соглашеніями своими на оныя, не изъявлял онъ желанія пріучить всѣх открывать себѣ искренне чувствованія сердец своих, и говорить съ собою таким же тоном. Мы въ Дѣяніях его видѣли ясно обращенія его съ подданными, и подданных съ ним, коль были оныя искренни и просты, так что, кажется, всѣ занимавшие важнѣйшія мѣста щеголяли и как бы гордились друг пред другом тѣм, чтоб спорить съ Государем и поставлять на своем. Не есть ли же сія одна из черт, отличивших его от всѣх бывших до него Государей, Великими названных?

Об *Адріанѣ*, Императорѣ Римском, пишет *Авл-Геллій*, (Аѳинских ночей гл. 3), что он ненавидѣл всѣх, кои были ученѣе, или умнѣе его, и многіе лишены были от него за то самое и жизни; а толь же было опасно и спорить съ ним. Его времени Философ *Фасорин* говаривал, что для него три вещи удивительны: 1. что он, будучи Галл, говорил по Гречески; 2. что быв евнухом, обвиняем был въ прелюбодѣяніи; и 3. что спорил съ *Адріаном*, и не был лишен

шенъ жизни. Но сколь же многихъ *Адріановъ* представляетъ намъ исторія!

LVI.

Хитрость корыстолюбивыхъ купцовъ Голландскихъ.

Извѣстно, сколь малы были при Ироѣ нашемъ государственные доходы; и что потому не рѣдко *Его Величество* чувствовалъ нужду въ деньгахъ. Изъ Голландскихъ купцовъ, къ которымъ Монархъ былъ весьма благосклонно расположенъ, одна компанія, вѣдая сію нужду, предложила *Его Величеству*, что можетъ она доставить ему новаго доходу, безъ всякаго отягощенія народа, въ годъ до миліона и болѣе рублей. Государь, благосклонно выслушавъ предложеніе сіе, желалъ знать источникъ тотъ, изъ коего они почерпнуть могутъ такую прибыль; тогда купцы сіи подали *Его Величеству* приготовленной уже ими проектъ на письмѣ, содержаніе котораго было слѣдующее:

I. Отдать имъ на откупъ на десять лѣтъ сборъ внутренней пошлины; а они за оное обязуются пла-

тить, сверьхъ той суммы, какая изъ трехгодичной сложности выдетъ, по 30 копѣекъ на рубль, не прибавляя ни на какія вещи ни цѣны, съ каковой берется пошлина, и не увеличивая оной; слѣдовательно, де, ни малѣйшей тягости не прибавится ни продающимъ ни покупающимъ тѣ вещи.

II. А за сіе требуютъ они, на толикое же число годовъ, дать имъ право покупать самимъ изъ первыхъ рукъ внутри всея Россіи всякіе продукты, произрастѣнія и издѣлья; а ими привозимые всякіе же товары продавать гуртомъ и въ розницу всякому повольною цѣною. Изъ сихъ двухъ пунктовъ выводили они, сверьхъ толь знатной прибавочной ими къ пошлиннымъ сборамъ суммы, еще и слѣдующія выгоды: 1. что сею торговлею ихъ увеличится торговля внутренняя, а слѣдовательно и портовая пошлина; 2. что земледѣльцамъ подастся способъ къ размноженію продуктовъ своихъ; 3. Россіяне изъ ближайшаго таковаго обращенія съ иностранцами переймутъ отъ нихъ новыя познанія, особенно же купечество Россійское, изъ коего многіе служа у нихъ прикащиками, узнаютъ искусство вести порядочную торговлю.

Мо-

Монархъ, прочтя проектъ сей, хотя и проникъ въ скрытую ихъ хитрость, однакожъ съ благосклонностію отвѣчалъ, что онъ о семъ подумаетъ, и дастъ имъ знать волю свою. И такъ въ тотъ же еще день, прибывъ самъ въ Сенатъ, предложилъ проектъ тотъ Г. Сенаторамъ, желая знать на оной ихъ мнѣніе, дая при томъ знать, что онъ имѣетъ нужду въ деньгахъ; а миліонъ рублей прибыли можетъ нужду сію удовлетворить.

Господа Сенаторы, по нѣкоемъ разсужденіи, признали оной полезнымъ; но одинъ изъ нихъ, и именно Князь *Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ*, во все время разсужденія ихъ не говорилъ ни слова. Великій Государь, замѣтивъ сіе, сказалъ сему послѣднему: *а ты дядя что же ничего не говоришь?* Для того, отвѣчаетъ сей, что я размышлялъ о коварствѣ предложившихъ проектъ тотъ, и удостовѣренъ, что они дадутъ и по 50 копѣекъ на рубль пошлинной, или и больше, толькобъ имъ прибрать въ однѣ свои руки всю внутреннюю торговлю. Велите только призвать ихъ въ Сенатъ, и дайте мнѣ волю поговорить съ ними: то

увидите, правдуль я говорю? Монархъ охотно на сіе позволилъ; и какъ уже было поздо, то назначенъ къ сему завтришній день.

На сей день всѣ Господа Сенаторы съѣхались ранѣе обыкновеннаго, и послали просить предложившихъ проектъ купцовъ въ Сенатъ, по прибытіи которыхъ Князь началъ съ ними говорить: Что Государь пріемлетъ предложеніе ихъ милостиво; но какъ сами они вѣдаютъ, колико *Его Величество* ихъ жалуетъ, любитъ и бережетъ какъ собственныхъ своихъ дѣтей, и для того надѣется, что они конечно прибавятъ еще къ 30 копѣйкамъ. Голландцы, желая будто бы показать, сколько они чувствуютъ милость его, прибавили первымъ словомъ еще по гривнѣ; на увѣщаніе же Княжое и другихъ Сенаторовъ, по нѣкіихъ оговоркахъ, что могутъ они остаться въ убыткѣ, согласились однако же наконецъ, поговоря между собою въ другой камерѣ, прибавить и еще по гривнѣ, то есть по полтинѣ на рубль. Князь, поблагодаря ихъ за усердіе, отпустилъ, обѣщаяся доложить того же еще дня о всемъ Государю.

Въ

Въ самомъ дѣлѣ Князь изъ Сената поѣхалъ къ *Его Величеству*; онъ представилъ ему, сколь они охотно прибавку ту учинили; но я васъ Государь увѣряю, продолжалъ Князь, что они дадутъ и больше; но сколь сіе разорительно будетъ твоимъ купцамъ и всему народу, то могутъ тебѣ яснѣе представить сами купцы твои; призовите только ихъ къ себѣ, и поговорите съ ними сами о всемъ томъ.

Великій Государь, поблагодаря Князя, того же еще дня призвалъ лучшихъ изъ нихъ, въ числѣ коихъ былъ и Московской гость *Евреиновъ* (*), мужъ старой, почтенной и знающій торговлю, котораго Монархъ довольно и зналъ. *Его Величество* предложилъ имъ сей Голландской проектъ, и требовалъ на оной ихъ мнѣнія. Купцы прочтя поглядывали другъ на друга и молчали. Тогда Государь сказалъ помянутому *Евреинову*, назвавъ его по имени: чтожъ ты молчишь? тебѣ особливо надобно говорить, какъ старику, и какъ больше другихъ знающему свое дѣло. Всемилостивѣйшій Государь! отвѣтствовалъ сей, я осмѣлюся спросить у тебя: для арміи

(*) *Матвей Андрѣевичъ.*

твоей надобныль тебѣ холстѣ, шерсть и кожи? — Безѣ сомнѣнія! — Хорошо; надобно ли тебѣ Государь еще, чтобѣ твои подданные отѣ торговли богатѣли и оную вѣ пользу государственную разпространяли? — И то неотмѣнно нужно, отвѣтствовалѣ паки Государь. А когда такѣ, сказалѣ старикѣ, то я доношу тебѣ, естьли отдать всю внутреннюю Рускую торговлю однимѣ Голландцамѣ, то все погибнетѣ безвозвратно; они, яко люди весьма богатые, скупать будутѣ всѣ наши продукты и произрастѣнія одни; и вѣ 10 лѣтѣ не только разорятѣ купцовѣ твоихѣ, но и самыхѣ крестьянѣ, унижая годѣ отѣ году цѣну оныхѣ; да и портовая торговля претерпитѣ великой упадокѣ: ибо что будутѣ покупать другіе иностранные купцы, когда у однихѣ Голландцовѣ вѣ рукахѣ всѣ наши будутѣ товары? А ты, Государь, ту прибыль, какую они тебѣ обѣщаютѣ, сѣ лихвою назадѣ имѣ отдашь, покупая у нихѣ для арміи твоей и холстѣ и кожи и все нужное, а можетѣ быть и самой хлѣбѣ, такою цѣною, какую они назначатѣ. Чтожѣ они баютѣ, что могутѣ научить насѣ порядочнѣе вести торговлю: то напротивѣ они и то

знаніе,

знаніе, какое мы уже имѣемъ, у насъ отнимутъ. Кто имъ велитъ научать насъ тому, что вредить можетъ собственной ихъ пользѣ? Да и могутъ ли, заключилъ Г. *Евреиновъ*, успѣвать въ такомъ случаѣ какія либо твои въ разсужденіи торговли и фабрикъ заведенія, когда они все приберутъ въ свои руки?

Великій Государь, со вниманіемъ выслушавъ все сіе, сказалъ: спасибо старикъ, что ты дѣло разумѣешь; и такъ Голландцамъ было отказано.

Изъ всего сего заключить должно, что не льзя, чтобъ толико остроумный Монархъ не проникъ въ коварство предлагавшихъ, какъ-то мы съ самаго начала сего замѣтить не оставили; но онъ однакоже, любя дѣлать все съ совѣту и пользоваться искренностію подданныхъ, не только предлагаетъ Сенату своему оное на разсужденіе, но и призываетъ купцовъ, и яко въ дѣлѣ, до части ихъ относящемся, желаетъ знать ихъ мнѣніе, какъ бы для повѣрки собственныхъ своихъ заключеній, и благодаритъ ихъ за совѣтъ (*)

LVII.

(*) Отъ потомка показаннаго купца, Г. *Михайла Абрамовича Евреинова*.

LVII.

Подобная же хитрость Голландцовъ, но также отринутая.

Когда Г. Голландцы ничего не успѣли въ разсужденіи показаннаго своего проекта, а увидя, что Россійскія суконныя фабрики начали заводиться и время отъ времени успѣвать; съ другой же стороны, какъ и въ предшествующемъ Анекдотѣ мы видѣли, зная Государеву нужду въ деньгахъ, то желая въ самомъ началѣ, такъ сказать, подорвать заводимыя въ Россіи тѣ фабрики, предложили *Его Величеству* планъ, по коему обязывались десять лѣтъ ставить на всю его армію сукно съ уступкою противъ Рускихъ суконъ у аршина по гривнѣ.

Великій Государь, хотя также проникъ въ коварство сего плана, но желая узнать и на оное мнѣніе Сената своего, отослалъ планъ сей въ оной, повелѣвая чрезъ три дни представить себѣ на то мнѣніе ихъ.

Господа Сенаторы, не проникнувъ намѣреній коварныхъ сихъ Голландцовъ, принялись за изчисленіе только прибыли, сколько оной получитъ казна отъ таковыя уступки въ десять

лѣтъ;

лѣтъ; и увидя, что знатная состависится изъ оной сумма, безъ дальнихъ размышленій признали планъ сей за полезной. Одинъ только изъ нихъ тотъ же Князь *Долгоруковъ*, молчавшій до того, обьявилъ свое мнѣніе, что онъ съ ними несогласенъ, и плана коварныхъ Голландцовъ не апробуетъ; а какіе имѣетъ на то резоны, обѣщалъ изъясниться на письмѣ. Прибывъ же изъ Сената въ домъ свой, посылаетъ просить къ себѣ знакомаго ему суконнаго фабриканта *Симонова*, бывшаго тогда въ Петербургѣ. Сей приходитъ; Князь предлагаетъ ему планъ Голландцовъ, и требуетъ отъ него на оной мнѣнія.

Сумма, говоритъ на сіе Г. *Симоновъ*, уступаемая Голландцами, довольно велика, и что имъ по той цѣнѣ ставить своихъ суконъ не можно. Но сею казенною прибылью до основанія разорятся всѣ, съ толикимъ трудомъ и иждивеніемъ заведенныя Россійскія фабрики; и мы всѣ, продолжаетъ Г. *Симоновъ*, должны будемъ ихъ бросить, а обученные дѣлу суконному люди разойдутся; и какъ отвыкли они отъ крестьянскихъ работъ, то сдѣлаются ежели не ворами, такъ по крайней

мѣрѣ

мѣрѣ ни къ чему негодными тунеядцами; когда же такимъ образомъ фабрики изчезнутъ, и заводители оныхъ разорятся, то вновь заводить ихъ по прошествіи десяти лѣтъ будетъ еще труднѣе; чтожъ тогда останется дѣлать? не принуждена ли уже будетъ казна у тѣхъ же самыхъ Голландцовъ доставать сукна, и такою цѣною, какую они сами назначатъ? Изъ сего Ваше Сіятельство заключить можете, не во вредъ ли невозвратной мнимая сія Голландцами обѣщаемая прибыль будетъ казнѣ и всѣмъ намъ? Къ тому же и то представить надобно, что естьли казна нынѣ и лишнее платить будетъ своимъ фабрикантамъ за сукны, то вся трата сія въ томъ только состоять будетъ, что изъ казны перейдетъ нѣкая сумма въ руки подданныхъ, а не вывезена будетъ въ иноплеменныя государства.

Князь, выслушавъ сіе и поблагодаря за то, отпустилъ его.

Между тѣмъ Сенатъ, не дождавшись отъ Князя обѣщаннаго имъ изъясненія, чрезъ три дни донесъ *Его Величеству* какъ о своемъ мнѣніи, такъ и о несогласіи съ ними *Долгорукова*,

рукова, отъ коего не могли они изтребовать причинъ тому.

Монархъ призываетъ его къ себѣ, и спрашиваетъ: какіе онъ имѣетъ резоны несоглашенію своему съ товарищами его?

Князь пересказываетъ *Его Величеству* весь свой разговоръ съ *Симоновымъ*, и заключаетъ: вотъ тѣ причины, для чего я несогласенъ съ ними.

Великій Государь, возблагодаря чувствительно за усердіе его, и поцѣловавъ его въ голову, сказалъ: я не сомнѣваюсь, чтобъ вы не были таковы и впредь. И такъ помянутый Голландцовъ проектъ, какъ и первой, былъ отвергнутъ. Г. *Симоновъ* получилъ подобную же отъ признательнѣйшаго Государя благодарность; и должно себѣ представить, что Великій Государь не оставилъ конечно изъясниться подробнѣйше о семъ съ послѣднимъ (*).

LVIII.

(*) Отъ суконнаго фабриканта Г. *Сѣрикова*.

LVIII.

Происшествіе, касающееся до Князя же Долгорукова, по которому подпалъ было онъ однажды подъ гнѣвъ Монаршій.

Сей ревностнѣйшій изъ слугъ Петровыхъ мужъ впалъ было однажды, хотя и неумышленно, въ искушеніе, прогнѣвавшее Государя, о которомъ онъ однакожъ сожалѣлъ во всю свою жизнь, какъ-то слѣдующій Анекдотъ докажетъ намъ.

Во время слѣдствія, производившагося надъ Княземъ *Гагаринымъ*, которой по богатству и знатности своей имѣлъ многихъ сильныхъ защитниковъ, и въ числѣ ихъ Князя *Меншикова*, а чрезъ него и самую Императрицу; когда виновный сей опасался изъ судей своихъ паче другихъ Князя *Долгорукова*, яко неприступнаго ни къ какому лакомству и пристрастію: то приложено было всевозможное старание поколебать добродѣтель сего *Катона*.

Хотя же по строжайшему безпристрастію его не смѣлъ никто показаться къ нему съ какими либо подарками; замѣ-

замѣчено однакоже, что онъ любилъ при покупкѣ вещей, нужныхъ ему, выторговывать въ цѣнѣ, и даже покупать и такія, какія хотя были ему и не надобны, но казались слишкомъ дешевыми. Съ сей-то стороны покусилися, по дѣлу сему, уловить его; въ чемъ отчасти и удалось имъ: подкупленъ былъ любимой его дворецкой, которой предложилъ Князю, что *Гагаринъ*, имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, между прочими вещами своими, продаетъ пребогатую Персидскую, или Китайскую, чего, де, я заподлинно не знаю, палатку, за самой безцѣнокъ; она, де, стоитъ по меньшей мѣрѣ пяти тысячь рублей, (хотя въ самомъ дѣлѣ стоила она и гораздо болѣе), а просятъ за нее полторы тысячи; не прикажете ли, продолжаетъ коварной дворецкой, поторговать ее? можетъ, де, быть можно будетъ выторговать не мало и изъ сей цѣны.

Князь, ни мало не подозрѣвая дворецкаго своего, котораго онъ любилъ, сказалъ ему: можно ли ее видѣть? Не знаю, сказалъ сей коварникъ; но я постараюсь о томъ. На другой день, будто бы онъ стараніемъ своимъ, чрезъ посредство пяти рублей, имъ

на то издержанныхъ, досталъ ее для показанія Князю; ему она весьма полюбилась, а особливо по тому, что была дешева; онъ поручилъ дворецкому сему ее поторговать; сей чрезъ нѣсколько будто бы дней, торгуя ее, купилъ за тысячу рублей. Князь находкою сею такъ былъ доволенъ, что изъ онаго родилось въ немъ большее сожалѣніе о судимомъ Князѣ *Гагаринѣ*; и замѣчено, что онъ послѣ сего не такъ уже строго судилъ о его дѣлахъ.

Но какъ извѣстно, что никакія ходатайства за сего преступника, никакіе подкупы, пронырства и хитрости, не могли его у правосуднаго Государя защитить, а прямаго средства къ спасенію своему нещастный сей Князь или не зналъ, или не хотѣлъ онаго употребить, то есть, на увѣщаніе Государево признаться во всѣхъ своихъ преступленіяхъ, которое бы одно могло его спасти: ибо истинное раскаяніе въ погрѣшеніяхъ своихъ всегда склоняло Монарха на милость (*).

По

(*) Ниже въ особомъ Анекдотѣ увидимъ мы о семъ обстоятельнѣе.

По совершеніи казни надъ симъ нещастнымъ, недоброжелатели Князя *Долгорукова* внушили Государю, что онъ съ казненнаго взялъ взятки, и именно пребогатую такую-то палатку, которая, де, и нынѣ у него въ домѣ находится.

Можно себѣ представить, сколь долженъ былъ раздражиться на него Государь, почитавшій всегда въ немъ безкорыстіе и безпристрастіе за непоколебимыя добродѣтели. Онъ призываетъ его къ себѣ, и со гнѣвомъ говоритъ ему: *правда ли*, что ты съ *Гагарина* взялъ взятки? Князь отвѣтствуетъ, что не правда, и что какой нибудь бездѣльникъ обнесъ его у *Его Величества*. Монархъ уличаетъ его палаткою оною. Она мнѣ не подарена, и никто не смѣлъ мнѣ и предложить о томъ отъ стороны *Гагарина*, отвѣтствуетъ онъ; а куплена дворецкимъ моимъ за тысячу рублей, и деньги тѣ я самъ выдалъ. Знаю *я*, сказалъ на сіе Монархъ, что ты выдалъ тысячу рублей; но сія тысяча осталась у плута дворецкаго твоего, а ты за тысячу рублей имѣешь такую палатку, которая стоитъ болѣе 5000; да и повелѣлъ оную принести

къ себѣ; и какъ въ самомъ дѣлѣ она несравненно стоила больше заплаченныхъ за нее денегъ, то Монархъ сказалъ: можно ли за тысячу рублей купить ее? и ты еще запираешься въ бездѣльничествѣ своемъ.

Пристыженный симъ Князь въ первые еще поклялся предъ Монархомъ, что онъ отнюдь не почелъ сіе за взятки, или за хитрость; и разсказавъ въ точности всѣ слова дворецкаго своего, просилъ въ неумышленномъ семъ преступленіи своемъ прощенія, и что онъ впредь никогда уже не впадетъ въ подобное искушеніе.

Дворецкой былъ о семъ допрошенъ, и признаніемъ своимъ во всемъ оправдалъ Князя. Онъ былъ наказанъ какъ бездѣльникъ, и по прозьбѣ его же Князя, не хотѣвшаго отнюдь имѣть уже плута сего у себя, посланъ въ ссылку.

Монархъ принялъ паки его въ прежнюю свою милость, пригрозя однако же ему, что естьли онъ впредь подобное сему что учинитъ, тобъ не пѣнялъ уже на него; ибо, де, я, заключилъ Государь, ни для кого не нарушу правосудія.

Послѣ сего Князь сей столь былъ остороженъ, что никогда у Дворянъ

и

и у находившихся въ службѣ не покупалъ ничего, не доложась Государю; а тѣ, кои имѣли по Сенату, или въ Коллегіяхъ и Канцеляріяхъ какія дѣла, не осмѣливались и подобнаго уже покушенія надъ нимъ сдѣлать (*).

(*) Отъ Г. *Крекшина.*

Служба сего рѣдкихъ достоинствъ мужа началась при Царѣ *Алексѣѣ Михайловичѣ*, во 179 году (1672) Стряпчимъ, и въ томъ же году пожалованъ Стольникомъ. При Царѣ *Θеодорѣ Алексѣевичѣ* былъ въ Казанскомъ разрядѣ Воеводою, и велѣно ему писаться Намѣстникомъ Симбирскимъ. При ПЕТРѢ Великомъ во 184, 190 и 191 годахъ, былъ Комнатнымъ Стольникомъ; во 197 былъ въ Крымскомъ походѣ; во 198 въ Судномъ Московскомъ Приказѣ Судьею; въ 203 году былъ въ Низовомъ и Азовскомъ походахъ; въ 205 паки присутствовалъ въ Судномъ Приказѣ, и въ томъ же году возложено на него охранять границы со стороны Крыма, и пожалованъ Ближнимъ Стольникомъ, и Воеводою *съ вичемъ*, а по томъ Бояриномъ, и въ Азовскомъ походѣ Сходнымъ Товарищемъ Боярина и главнаго Воеводы *Алексѣя Семеновича Шеина*; въ 207 году поручены ему взятые у Турокъ города. Въ 1700 году Февраля 18, пожалованъ начальникомъ Приказовъ Иноземческаго и Рейтарскаго и Генераломъ-Коммисаромъ; въ семъ чинѣ подъ Нарвою взятъ былъ *Карломъ XII*, за даннымъ отъ него словомъ, въ полонъ. Какимъ образомъ избавился изъ плѣна сего, то показано выше. Скончался послѣ 49-лѣтней службы 1720 году Іюня 24,

имѣя

LIX.

Строгое правосудіе.

„Правосудіе, говоритъ одинъ пи„сатель (*), есть Царь добродѣте„лей, и заключаетъ въ себѣ множе„ство благодѣяній, коими оно надѣ„ляетъ

имѣя отъ рожденія около семидесяти лѣтъ. Погребенъ въ присутствіи Государя въ Петербургѣ; онъ былъ тогда Тайнымъ Совѣтникомъ, Сенаторомъ и Ревизіонъ-Коллегіи Президентомъ; онъ женатъ былъ на двухъ женахъ, изъ коихъ первая изъ роду *Наумовыхъ*, *Уліана*; вторая изъ роду Князей *Черкаскихъ*, *Ирина*: отъ первой имѣлъ дочь Княжну *Анну*, бывшую за флота Порушчикомъ *Алексѣемъ Петровичемъ Шереметевымъ*; отъ второй дочь же, которая на пятомъ году жизни своей скончалась.

Сей великій мужъ имѣлъ пословицы:

Любить Царя, любить отечество.

Царю правда лучшій слуга.

Служить, такъ не картавить; картавить, такъ не служить.

ПЕТРЪ Великій, истинный цѣнитель достоинствъ, внималъ его противурѣчіямъ, съ свойственною Князю сему грубостію смѣшаннымъ, и всегда обращалъ оныя въ пользу государственную. Имя сего добродѣтельнаго мужа и твердость его никогда не будутъ забвенны; но колико онъ тѣмъ обращаетъ къ себѣ почтенія, толико преумножаетъ онаго и Ироою нашему, довѣренностію своею къ нему доказавшему, колико онъ ненавидѣлъ лесть.

(*) Графъ *Оксенштирнъ*.

„ляетъ смертныхъ. Оно есть бичь „преступленій и ужасъ злодѣйствъ; „оно истребляетъ порокъ, обуздываетъ дерзость, защищаетъ невинность, награждаетъ добродѣтель, „хранитъ миръ и тишину въ государствѣ. Древніе (продолжаетъ онъ) „изображали правосудіе въ коронѣ, „дабы чрезъ оную означить важность, „величество и славу, неразлучно сопряженныя съ онымъ; въ одной рукѣ „держащее скипетръ, означающій „полную его власть, которой никто „противиться безъ прогнѣвленія Бога „и безъ вреда государственнаго не можетъ; въ другой вѣсы въ равновѣсіи, „изъявляющія непоколебимую истинну, которую ни прибытокъ, ни „преимущество, ни милость, ни довѣренность, ни одобреніе, покривить „не могутъ; съ покрываломъ на глазахъ, означающимъ безпристрастіе „его, по которому друзья, непріятели, богатые, убогіе, знатные и незнатные всѣ ему равны.„

Великій Государь, въ себѣ самомъ старавшійся представить такое изображеніе Правосудія, не нарушалъ онаго ни для кого, и ни для чего.

Въ предшествующемъ Анекдотѣ видѣли мы въ немъ сему примѣръ казнію знатнаго Вельможи, Сибирскаго то есть Губернатора, Князя *Матвѣя Петровича Гагарина*, а сей покажетъ намъ яснѣе еще оное въ дѣлѣ того же самаго Князя.

Коль скоро Великій Государь извѣстился чрезъ доносъ о противныхъ закону и должности поступкахъ сего Губернатора: то не утверждаяся на доносѣономъ, призываетъ къ себѣ одного изъ заслуженныхъ и любимыхъ своихъ Полковниковъ - - - - - - - вручаетъ ему инструкцію, и повелѣваетъ ѣхать въ Сибирь подъ другимъ званіемъ, и по дорогѣ, въ обширной той губерніи, стараться разспрашивать у жителей о поступкахъ Губернаторскихъ; а пріѣхавъ въ Тобольскъ, естьли не можетъ онъ укрыть пріѣзда своего отъ начальства тамошняго, то дать о себѣ такой тонъ, что ѣдетъ онъ на Китайскую границу по коммисіи, касательно Китайцовъ, или какъ онъ за лучшее, смотря по обстоятельствамъ, разсудитъ; и остановяся будто бы для какихъ нуждъ своихъ, стараться всевозможно подъ рукою обо всемъ написанномъ въ инструкціи

раз-

развѣдывать; и буде узнаетъ въ томъ или другомъ которомъ преступленіи его виновнымъ, въ такомъ случаѣ, по данному ему же указу, которой тогда же Монархъ вручилъ ему, запечатать кабинетъ его, и какія въ немъ найдетъ письма, всѣ запечатавъ же привезти къ нему Государю. Я надѣюсь, заключилъ Монархъ, на тебя, что во всемъ томъ поступишь, какъ долгъ вѣрнаго и честнаго Офицера повелѣваетъ. Сказавъ сіе, обнялъ его, и сказалъ: поѣзжай съ Богомъ.

Коммисія сія не укрылась отъ Ея Величества; она, покровительствуя сего Князя, призываетъ къ себѣ тайно Полковника того, и проситъ, что естьли паче чаянія узнаетъ онъ въ самомъ дѣлѣ о какой неисправности Губернатора, то чтобъ сокрылъ оное отъ Государя.

Сколь ни вѣренъ былъ Полковникъ сей, но прошеніе Монархини такъ было убѣдительно, что онъ принужденъ дать Ея Величеству въ томъ слово. Между тѣмъ извѣщенный о всемъ семъ Князь *Гагаринъ* умѣлъ и съ своей стороны, по пріѣздѣ Полковника того въ Тобольскъ, такъ обласкать, что онъ обѣщалъ и ему по-

ступить по обратномъ пріѣздѣ его такъ, какъ онъ обѣщалъ и Ея Величеству.

Великій Государь, или возъимѣвъ какое на Полковника того подозрѣніе, или желая испытать вѣрность его, чрезъ нѣсколько дней послѣ отправленія его посылаетъ туда же тайно одного изъ деньщиковъ своихъ; повелѣваетъ ему, пріѣхавъ въ Тобольскъ, буде не запечатаны посланнымъ предъ нимъ Полковникомъ бумаги Губернаторскія, запечатать оныя, и всѣ ихъ привезти съ собою, а между тѣмъ по запечатаніи, по данному ему указу, о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ преступленіяхъ развѣдать, и что объ ономъ узнаетъ, донести въ точности, пріѣхавъ обратно.

Сей деньщикъ имѣлъ между прочимъ и то повелѣніе, чтобъ ѣхать сколько можно скрытнѣе, не объявляя о себѣ, кто онъ, и за чѣмъ ѣдетъ въ Сибирь, а паче не дать какого либо подозрѣнія Полковнику тому, естьли съ нимъ встрѣтится. Но онъ однако же съ нимъ разъѣхался, и Полковникъ сей по пріѣздѣ поступилъ такъ, какъ желала Ея Величество, донеся Монарху, что онъ никакого подозрѣ-

нія на Губернатора о какихъ либо преступленіяхъ его не довѣдался; и что, де, всѣ тамъ поступками его довольны.

Между тѣмъ деньщикъ, по отбытіи изъ Тобольска Полковника, сверьхъ чаянія Губернаторскаго прибывъ исполнилъ въ точности все ему предписанное; онъ опечаталъ и забралъ всѣ его бумаги, узналъ о многихъ его преступленіяхъ; и возвратяся донесъ Монарху все противное донесенію Полковника; а бумаги, привезенныя имъ, паче еще доказали пристрастіе перваго.

Можно себѣ представить, сколь прогнѣвленъ быть долженъ Монархъ на Полковника онаго; онъ призываетъ его паки къ себѣ, доказываетъ невѣрность его, презрѣніе воли своея, и повелѣнія даннаго ему. Нещастный сей падаетъ предъ *Его Величествомъ* на колѣни, признается во всемъ, представляя въ извиненіе свое волю Ея Величества, которой онъ не могъ отказать.

Великій Государь спрашиваетъ его: кому ты присягалъ въ вѣрности, мнѣ ли, или женѣ моей? Нечего иного было отвѣтствовать, какъ *Вашему Величе-*

личеству. Тогда правосуднѣйшій Монархъ сказалъ ему: *Я самъ предъ тѣмъ же Богомъ присягалъ въ душѣ моей сохранять ненарушимо правосудіе, наказывать нарушающихъ оное, ктобъ онъ ни былъ, и искоренять всякую неправду. Въ силу сего священнѣйшаго обязательства и долгу моего долженъ ты умереть какъ нарушитель истинны, укрыватель злодѣйства и преступникъ верховной власти, ввѣренной мнѣ отъ Бога.*

Нещастный сей поражается приговоромъ симъ, какъ громовымъ ударомъ; онъ падаетъ на колѣни, обнажаетъ грудь свою, и указывая на раны свои, полученныя за отечество, молитъ изъ великодушнаго уваженія къ нимъ простить его.

Сколь я почитаю раны, полученныя за отечество, отвѣтствуетъ Государь, *то сіе тебѣ докажу,* и преклоняся на колѣно, поцѣловалъ оныя; *но ты однако же при всемъ томъ долженъ умереть; правосудіе требуетъ отъ меня сея жертвы. Тыбъ,* продолжалъ Государь, *тотъ же часъ долженъ былъ сказать мнѣ о противной прозьбѣ хозяйки моей. Тебѣ не должно было опасаться открытіемъ симъ произвести*

меж-

между мужемъ и женою какое либо несогласіе; я зналъ бы, какъ въ такомъ случаѣ поступить, не нарушая ни мало сѣмейнаго спокойствія, которое мнѣ толь дорого; и такъ необходимо долженъ ты омыть преступленіе сіе кровію своею.

Нещастный сей взятъ былъ подъ стражу; и вся милость къ нему состояла только въ томъ, что оная ему отсрочена до изслѣдованія преступленій Князя *Гагарина* и до казни его, дабы между тѣмъ имѣлъ онъ время, принесеніемъ покаянія и раскаянія о грѣхахъ своихъ, предуготовить себя къ смерти (*).

Въ продолженіи увидимъ мы подобную строгость правосудія его.

LX.

Монархъ наказываетъ Оберъ-Секретаря кнутомъ, и паки опредѣляетъ его къ должности.

Изъ инструкціи, данной *Его Величествомъ* Оберъ-Секретарю Сената, ясно видно, сколь важною почиталъ Монархъ должность его, какова она и есть

(*) Отъ Коммисара *Крекшина*, и отъ Библіотекаря Академіи Наукъ Г. *Бухвостова*.

есть въ самомъ дѣлѣ, и на сей-то конецъ чинъ его сравнилъ съ чиномъ Полковника; а желая, дабы онъ не имѣлъ нужды прибѣгать къ непозволеннымъ средствамъ для содержанія своего, опредѣлилъ ему жалованье несравненно большее, нежели другимъ сего чина служащимъ, которое по тогдашнему времени и въ разсужденіи крайней дешевизны жизненныхъ потребностей весьма было довольно къ безнужному содержанію себя и продовольствію.

Одинъ изъ сихъ Оберъ-Секретарей. . . . . . человѣкъ весьма дѣловой и знающій законы, носилъ отличную на себѣ милость *Его Величества.* Сей Оберъ-Секретарь, ведши себя въ должности своей безпорочно, прельщенъ былъ напослѣдокъ корыстію, и изъ взятковъ кривя вѣсами правосудія, довольно обогатился, построилъ несоразмѣрной состоянію своему домъ, и проч.

Монархъ, отъ котораго прозорливости ничто укрыться не могло, въ одно время ѣхалъ въ Сенатъ въ саняхъ. Стоявшіе назади оныхъ два деньщика, изъ зависти къ сему Оберъ-Секретарю, завели объ немъ между собою рѣчь, какъ онъ разбогатѣлъ,

ка-

какой построилъ домъ, какъ его богато убралъ; а всѣ, де, знаютъ, что онъ не изъ дворянъ, и никакихъ доходовъ, кромѣ жалованья, не имѣетъ. Таково-то, заключили они разговоръ свой, быть Оберъ-Секретаремъ. Разговоръ сей вели они довольно громко, съ намѣреніемъ, чтобъ Государь вслушался въ оной.

Монархъ, не подавъ однакоже виду, чтобъ внималъ ихъ, притворился, что онъ прозябъ; и подъѣзжая къ дому того Оберъ-Секретаря, сказалъ: какъ бы заѣхать къ кому обогрѣться? а поверставшись съ домомъ его, примолвилъ: да вотъ изрядной домъ, и повелѣлъ взъѣхать на дворъ. Хозяинъ уже былъ тогда въ Сенатѣ; а хозяйку, приведенную симъ нечаяннымъ посѣщеніемъ въ смятеніе и страхъ, Государь тотчасъ успокоилъ милостивымъ и ласковымъ обращеніемъ съ нею, сказавъ: не прогнѣвайтесь хозяюшка, что я заѣхалъ къ вамъ обогрѣться; потомъ похвалилъ домъ ихъ, любовался всѣми приборами, и просилъ показать ему всѣ покои и спальню; и наконецъ поблагодаря ее поѣхалъ; и прибывъ въ Сенатъ, сказалъ Оберъ-Секретарю, что былъ онъ въ его домѣ,

кото-

которой, де, такъ прибранъ, что ктобъ и тысячу душъ имѣлъ за собою, не могъ бы имѣть лучшаго.

По окончаніи присутствія, поелику Монархъ не терпѣлъ никакого отлагательства дѣлъ и продолжительныхъ слѣдствій, взялъ его въ особой покой; и наединѣ требовалъ отъ него искренняго признанія, изъ какихъ доходовъ могъ онъ такой построить себѣ домъ, и такъ богато его убрать?

Къ нещастію своему Оберъ-Секретарь сей возмнилъ, что можетъ онъ удовлетворить вопросы *Его Величества* разными увертками, относя то частію экономіи своей, частію помощи друзей своихъ, и проч.

Извѣстно же, что ничѣмъ толико не прогнѣвлялся Монархъ, какъ непризнаніемъ; онъ изъ Сената же повелѣлъ ему слѣдовать за собою, и прибывъ въ крѣпость, требовалъ отъ него грозно во всемъ признанія. Сей, видя, такъ сказать, бѣду свою, принужденъ былъ признаться, что домъ свой построилъ изъ взятковъ, и что съ кого и за какое дѣло взялъ.

Тебѣ было, сказалъ Монархъ, таковое признаніе учинить должно въ Сенатѣ, не допуская себя до сего мѣста; а

а изъ сего видно, что ты бы и никогда не учинилъ онаго, не видя предъ собою кнута. И такъ повелѣвъ безъ свидѣтелей дать ему онымъ нѣсколько ударовъ, отпустилъ его домой.

Но какъ сей наказанный, по знанію своему въ дѣлахъ, былъ *Его Величеству* нуженъ, то чрезъ три дни бывъ въ Сенатѣ, спросилъ его; но отвѣтствовано, что онъ боленъ. Монархъ, зная тому причину, призвавъ его ввечеру къ себѣ во дворецъ, поручаетъ ему, какъ Оберъ-Секретарю, одно важное дѣло. Сей, падши къ ногамъ *Его Величества*, представляетъ, что онъ по законамъ не можетъ уже не токмо носить на себѣ званіе Оберъ-Секретаря, но и считаться между честными людьми; буде же *Его Величеству* угодно, чтобъ онъ вступилъ паки въ прежнюю свою должность, тобъ изъ Монаршаго милосердія указалъ очистить его прикрытіемъ знамя. Монархъ улыбнувшись, сказалъ: дуракъ! теперь никто не вѣдаетъ того, что ты наказанъ, а тогда всякой узнаетъ, что ты битъ кнутомъ; и сдѣлавъ ему увѣщаніе, чтобъ онъ забылъ и наказаніе свое и всѣ проступки свои, за которые наказанъ; и вѣдалъ бы, 1.

что онъ прощается не по правосудію и не по милосердію, а по надобности въ немъ; 2. что естьли впредь узнаетъ онъ о подобныхъ его бездѣльствахъ, тогда публично уже будетъ наказанъ, или, смотря по винѣ, и смертію казненъ, безъ всякаго милосердія (*).

LXI.

Подобной сему же поступокъ Монаршій съ Адмиралтейскимъ Магазейнъ-Вахтеромъ.

Въ Дѣяніяхъ Великаго Государя видѣли мы, коль часто посѣщалъ онъ Адмиралтейскія работы, и при оныхъ обращался съ мастерами и другими служителями, какъ бы равной, удостоивая каждаго именемъ товарища. Въ одну изъ сихъ бытностей его при работахъ, Адмиралтейской Магазейнъ-Вахтеръ. . . . . . просилъ *Его Величество* сдѣлать ему милость, воспріять отъ купели новорожденнаго сына его. Снисходительнѣйшій Государь, никогда и никому въ семъ не отказывавшій, сказавъ

(*) Отъ Генералъ-Полицiймейстера, *Алексѣя Даниловича Татищева*, одного изъ помянутыхъ двухъ денщиковъ Государевыхъ.

сказавъ ему: *хорошо*; спросилъ только, далеколь онъ живетъ? Въ морскихъ слободахъ, отвѣтствовалъ сей. Такъ припомнижъ мнѣ предъ выѣздомъ моимъ отсюда, сказалъ ему на то Монархъ.

Магазейнъ-Вахтеръ сіе исполнилъ; и Великій Государь, приказавъ ему стать назади одноколки своей, вмѣстѣ съ денщикомъ его, пріѣхалъ къ нему. Онъ нашолъ домъ хотя не большой, но чистой и весьма хорошо убранной.

Послѣ крещенія Монархъ поздравилъ родильницу, поцѣловалъ ее, и пожаловалъ на зубокъ два рубли. Хозяинъ поднесъ *Его Величеству* рюмку Гданской водки. Государь, прикушавъ оную, сказалъ ему: кумъ! это Гданская водка; вить она дорога и не по твоему жалованью. — Для такого кума, каковъ *Ваше Величество*, отвѣтствовалъ онъ, ничего нѣтъ у меня дорогова. Однакожъ, сказалъ Государь, нѣтъ ли анисовой? Подали и ту; и Государь, отдавъ первую, выкушалъ сію послѣднюю.

Кумъ сей просилъ потомъ Монарха сдѣлать ему милость, чѣмъ Богъ послалъ, откушать у него. Хорошо, сказалъ Государь; но позови, примол-

вилъ, того и того изъ членовъ Коллежскихъ и изъ мастеровъ корабельныхъ.

По прiѣздѣ сихъ послѣднихъ сѣли за столъ. Великiй Государь не оставилъ замѣтить, что скатерть, салфетки, посуда, вины, всѣ были чужестранныя и лучшiя; кушанье соотвѣтствовало приборамъ, и все доказывало изрядной достатокъ хозяина.

По окончанiи стола, Монархъ поблагодарилъ кума за хорошее угощенiе, и оставя гостей, уѣхалъ.

На другой день Великiй Государь прибылъ въ Коллегiю, и по окончанiи присутствiя повелѣлъ позвать къ себѣ вчерашняго кума. — Монархъ, поблагодаря его за вчерашнее угощенiе, сказалъ: Слушай-ка кумъ, ты живешь такъ хорошо и достаточно, что я хочу знать твои доходы, изъ какихъ ты такъ роскошничаешь; потомъ повелѣлъ его формально о всемъ допросить; допросы сiи были слѣдующiе: изъ дворянъ ли онъ? давно ли въ службѣ? сколько получилъ онъ отъ отца наслѣдства, и за женою приданаго? не пришло ли ему какого сторонняго наслѣдства? и проч. и оказалось, что онъ изъ подьячихъ, дослужился въ настоящiй чинъ

въ

въ десять лѣтъ; что наслѣдство отцовское и приданое за женою было весьма малое; и что со стороны ни отъ кого никакого наслѣдства не получалъ же. По семъ Монархъ повелѣлъ спросить: изъ какихъ же доходовъ Магазейнъ-Вахтеръ тотъ имѣетъ такой домъ, и все, что онъ видѣлъ у него въ домѣ? ибо, примолвилъ Государь, изъ жалованья его не можно того имѣть.

Трепещущій кумъ сей принужденъ былъ наконецъ признаться, что все имъ нажито отъ порученной ему должности непозволеннымъ образомъ, и именно какимъ.

Ну кумъ! сказалъ тогда Государь, жаль мнѣ тебя, но нечѣмъ пособить; правда моя требуетъ, чтобъ поступлено было съ тобою по закону, котораго я преступить не могу, дабы нарушеніемъ онаго не подать и другимъ повода къ подобному же похищенію казеннаго, или паче народнаго интереса.

Слѣдствіе, произведенное о сихъ похищеніяхъ, открыло все его плутовство; и онъ, какъ преступникъ, соразмѣрно преступленію былъ наказанъ.

 Тако-

Таковыя средства не суть ли самыя достовѣрнѣйшія къ открытію подобныхъ похищеній и злоупотребленій? и строгость таковаго правосудія не могла ли служить великимъ обузданіемъ всѣмъ при казенныхъ должностяхъ находившимся (*)?

LXII.

Поступокъ Великаго Государя съ одною дворянкою, отдавшею въ службу сына своего.

Извѣстно, коликую трудность имѣлъ Великій Государь довести городовыхъ дворянъ своихъ до того, чтобъ добровольно отдавали дѣтей своихъ въ службу.

Одна дворянка вдова, бывъ принуждена строгостію указовъ разлучиться съ считающимся въ недоросляхъ осмнатцатилѣтнимъ любезнымъ сынкомъ своимъ, привезя его въ Петербургъ, записала въ Ингермаландской полкъ въ солдаты.

Предъ

(*) Отъ Вице-Адмирала *Захара Михайловича Мишукова.*

Предъ нѣсколькими же предъ тѣмъ годами, сею же вдовою отданъ былъ въ солдаты дворовой ея человѣкъ, по имени *Иванъ*; сей, научася въ службѣ грамотѣ, проворствомъ и расторопностію своею скоро дослужился въ семъ же самомъ полку до сержантовъ; и прежній его баринъ, помянутый недоросль, сдѣлался по командѣ отъ него зависящимъ. Но городской дворянинъ мнилъ, что сержантъ его все еще тотъ же *Ванька*, которой былъ и прежде; и что потому не можетъ онъ имъ повелѣвать; сіе было причиною, что не хотѣлъ онъ исполнять приказовъ его. Сержантъ за ослушаніе жестоко наказалъ его палкою; а онъ разжаловался матушкѣ своей, что *Ванька* больно прибилъ его.

Мать сія взвыла, и мнила найти на *Ваньку* сего управу у Государя; она со слезами проситъ у Монарха на *Ваньку* управы, обьясняяся, что онъ, бывъ слугою, прибилъ своего господина не на животъ, а на смерть.

Монархъ, разспрося ее, кто тотъ *Ванька*, и кто сынъ ея; и узнавъ, что *Ванька* сержантъ, а сынъ ея солдатъ, приказалъ обоихъ ихъ къ себѣ

представить, и спрашиваетъ сержанта: За что онъ билъ сына сей старухи? За непослушаніе, отвѣтствуетъ сержантъ; я приказывалъ ему быть въ четвертомъ часу къ ученью, а онъ преслушавъ не пришелъ. Я, заключаетъ сержантъ, велѣлъ его привести силою и наказалъ какъ ослушника. Государь, бывъ на то время веселъ, и ободря его мановеніемъ, спросилъ: да какъ ты его билъ? Сержантъ, понявъ намѣреніе Государя, поставя его въ позитуру, далъ ему еще нѣсколько ударовъ палкою, приговаривая: не ослушайся, не ослушайся! вотъ такъ я билъ его Государь! — Мать завыла, а Монархъ сказалъ: видишь старуха, какой *Ванька*-та твой озорникъ, что и въ моемъ присутствіи не унимается; я совѣтую тебѣ поскорѣе отойти, дабы и тебѣ самой чего отъ него не досталось; вить за непослушаніе вездѣ бьютъ (*).

LXIII.

(*) Отъ Князя *Петра Никитича Трубецкаго.*

LXIII.

ПЕТРЪ Великій, отдавая справедливость талантамъ, въ комъ бы оные ни были, употребляетъ одаренныхъ оными къ важнѣйшимъ должностямъ.

По старинному учрежденію избирались изъ купечества къ сборамъ казенныхъ денегъ, пошлиннымъ, кабацкимъ, и прочимъ.

Великій Государь, во вторую бытность свою въ городѣ Архангельскомъ, замѣтивъ способности въ выборномъ къ таможеннымъ сборамъ Московскомъ купцѣ *Ильѣ Исаевѣ*, записалъ имя его въ карманной своей книжкѣ.

По прошествіижъ не малаго времени, бывъ въ первые въ Ригѣ по завоеваніи оныя, усмотрѣлъ, что надобенъ ему тамъ изъ Россіянъ исправной и расторопной человѣкъ къ таможеннымъ сборамъ; въ тотъ же часъ вспомнилъ помянутаго *Исаева*; онъ вызвалъ его изъ Москвы; наименовалъ его Оберъ-Инспекторомъ, и опредѣлилъ къ сей должности въ тамошнюю таможню; и сверьхъ того возложилъ на него завести тамъ казенную торговлю, паче же пенькою. Сіе особливо нужно было Великому Госу-

дарю для того, дабы доставить кредитъ сему важному продукту во всей Европѣ, посредствомъ строгаго брака.

Дабы же сей *Исаевъ* рачительнѣе исправлялъ возложенное на него, то опредѣлилъ ему жалованья въ годъ по 2000 ефимковъ, и сверьхъ сего наименовавъ двухъ его сыновей, въ молодыхъ еще ихъ лѣтахъ, ему помощниками, каждому изъ нихъ пожаловалъ въ годъ же по 600 ефимковъ, Сумма! по тогдашнему времени весьма знатная, каковую получали одни только первѣйшіе государственные чиновники.

Великій Государь удостоивалъ нерѣдко сего *Исаева* своеручными письмами; и изъ исторіи *Его Величества* извѣстно, что сей избранный имъ привелъ какъ таможенныя, такъ и торговыя дѣла въ исправнѣйшій порядокъ, особливо же въ отношеніи къ пенькѣ, къ великой пользѣ подданныхъ и государственной (*).

LXIV.

(*) Отъ потомковъ сего Г. *Исаева*.

LXIV.

Второе сего же доказательство.

Князю *Меншикову* знакомъ былъ одинъ сидѣлецъ въ гостиномъ дворѣ, человѣкъ молодой, и по бытности его нѣсколько лѣтъ въ городѣ Архангельскомъ, разумѣвшій Нѣмецкой языкъ. Великій Государь, не рѣдко посѣщая гостиный дворъ не для прогулки, но для присмотру за порядкомъ торгующихъ; и входя въ лавки, естьли усматривалъ въ которой непорядочно расположенные товары, приказывалъ при себѣ иначе ихъ переложить; и по таковомъ расположеніи говаривалъ хозяину: посмотри, не порядочнѣе ли теперь расположены твои товары? Войдя же въ лавку помянутаго сидѣльца, нашолъ у него лучшій въ расположеніи товаровъ порядокъ и чистоту, и самаго одѣтаго въ Нѣмецкое платье, похвалилъ его за оное. При семъ случаѣ бывшій съ Монархомъ *Меншиковъ* сказалъ *Его Величеству*, что молодецъ сей знаетъ еще и Нѣмецкой языкъ. Несказанно пріятно было сіе Государю; Онъ на семъ языкѣ разспросилъ его, какого онъ города уроженецъ; есть ли у него отецъ;

гдѣ

гдѣ онъ научился сему языку; давноль живешъ въ Петербургѣ? и проч. Порядочные сидѣльцовы отвѣты доказали Монарху, что онъ довольно былъ уменъ. *Меншиковъ*, обѣщавшій прежде сему молодому человѣку доставить случай познакомить его съ Государемъ, велѣлъ ему имѣть у себя въ лавкѣ на такой случай хорошую водку, и къ оной закуску; и какъ былъ тогда одиннатцатой часъ въ исходѣ, то и не упустилъ онъ сего случая; не угодно ли, Государь! сказалъ онъ, сдѣлать честь сему знакомцу моему, выкушать у него водки? Монархъ, посмотря на часы, сказалъ: хорошо. Сидѣлецъ поднесъ *Его Величеству* Гданской водки, и поставилъ закуску. Монархъ, прикушавши оной, поставилъ рюмку, и спросилъ: хозяинъ ли онъ, или сидѣлецъ? Сидѣлецъ, Всемилостивѣйшій Государь, отвѣтствовалъ сей. А сколько получаешь ты жалованья? спросилъ Монархъ. — Сто рублей. — Изъ такова жалованья не сходно покупать тебѣ такія водки, да онѣ и совсѣмъ излишни, особливо же для тебя, сказалъ Монархъ; сверьхъ сего не хочу я, продолжалъ Государь, чтобъ ты поставилъ на щетъ хозяину, что по-

ку-

купалъ Гданскую водку для Государя; и такъ, не ставъ пить оныя, вышелъ. Но съ сего однако же времени Великій сей Хозяинъ, когда ни бывалъ въ гостиномъ дворѣ, всегда къ сему сидѣльцу захаживалъ въ лавку, и всегда что нибудь говорилъ съ нимъ по Нѣмецки; узнавъ же больше его способности, выпросилъ его у хозяина въ свою службу, повелѣвъ однако же прежде его сосчитать и дать себѣ знать, доволенъ ли онъ будетъ его исправностію; получа же отъ хозяина доброй о немъ аттестатъ, опредѣлилъ его въ портовую таможню третьимъ Членомъ (*).

LXV.

Третіе сему же доказательство.

Великій Государь, будучи еще въ младыхъ лѣтахъ, не задолго до перваго своего въ чужіе краи путешествія, прогуливаяся по Московскимъ торговымъ лавкамъ; и въ панскомъ ряду за-

---

(*) Отъ купца *Лапшина*, бывшаго сему очевидцемъ; но онъ однако же забылъ фамилію сего сидѣльца.

замѣтивъ проворство одного молодаго сидѣльца, остановился у лавки его, вступилъ съ нимъ въ разговоръ; и изъ отвѣтовъ его узналъ его разумъ, а въ продолженіе разговоровъ свѣдавъ, что онъ разумѣетъ Нѣмецкой, Французской и Польской языки, спросилъ: Гдѣ онъ учился? сей отвѣтствовалъ, что у отца своего. Кто же отецъ твой? вопрошаетъ паки Государь. — Посольскаго приказа Переводчикъ. — А кто хозяинъ твой? — Московской гость *Евреиновъ*.

Монархъ напослѣдокъ повелѣлъ ему именемъ своимъ сказать хозяину его, чтобъ онъ его сосчиталъ; и взявъ аттестатъ, пришли съ отцомъ своимъ къ нему: ибо, де, ты мнѣ надобенъ.

Изъ сего-то сидѣльца вышелъ славный Господинъ *Петръ Павловичъ Шафировъ*.

На третій день отецъ съ сыномъ предстали предъ Монарха; и сынъ поднесъ *Его Величеству* данное ему отъ хозяина о порядочномъ поведеніи его свидѣтельство. Великій Государь опредѣлилъ его въ Посольской приказъ; и по краткомъ времени заступилъ онъ мѣсто своего отца. По семъ взялъ

его

его съ собою въ первое свое путешествіе въ чужіе краи, и употреблялъ въ важныя дѣла, которыя всегда онъ исправлялъ къ великому удовольствію *Его Величества*. Заслуги и дарованія его наконецъ доставили ему достоинство Вице-Канцлерское, а потомъ Сенаторское, съ чиномъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника: но однако же сей, отличившійся заслугами и дарованіями своими мужъ, напослѣдокъ забылъ себя столько, что въ надеждѣ на свою знатность, заслуги и милость къ себѣ Государеву, причинялъ разные противные законамъ безпорядки, подвергшіе его суду, строгостію котораго приговоренъ былъ къ лишенію чиновъ, имѣнія и самыя жизни: правосудіе *Его Величества* подтвердило рѣшеніе суда сего; но милосердіе, уважа его заслуги, оставило ему жизнь, какъ-то мы все сіе видѣли въ Дополненіяхъ къ Дѣяніямъ *Его Величества* (*).

LXVI.

(*) Отъ внука бывшаго его хозяина *Михайла Евреинова*, и отъ Г. Коммисара *Крекшина*.

LXVI.

Четвертое того же доказательство.

Великій Государь, въ бытность свою въ Астрахани, осматривая между прочимъ пріѣжжихъ купцовъ лавки и анбары, и разспрашивая каждаго, откуда кто, давно ли продолжаетъ тамъ торги, хозяинъ ли кто, или прикащикъ? замѣтилъ одного изъ нихъ Калмыка; и узналъ отъ него, что онъ принадлежитъ предупомянутому Московскому гостю *Евреинову*, и прозывается *Сердюковъ*. Отвѣты его на всѣ вопросы Монарха были остры и основательны. *Его Величество*, полюбя его, велѣлъ ему притти къ себѣ на другой день, и къ удовольствію своему примѣтилъ въ немъ не одну расторопность и познаніе въ торговлѣ, но и природную еще склонность къ механикѣ. Сего довольно было для Монарха, чтобъ употребить таланты его въ общую пользу.

По возвращеніи же своемъ въ Москву, Великій Государь призываетъ къ себѣ Г. *Евреинова*, спрашиваетъ его, доволенъ ли онъ Калмыкомъ своимъ *Сердюковымъ*, и съ вѣрностію ли онъ исправляетъ порученное ему? *Евреиновъ* от-

отдаетъ ему справедливость, и Монархъ изъявляетъ желаніе свое, чтобъ онъ отпустилъ его; ибо, де, онъ мнѣ надобенъ. *Его Величество* записываетъ *Сердюкова* въ Новогородское купечество, поручаетъ ему разныя казенныя коммисіи, а наконецъ ввѣряетъ ему Вышневолоцкіе слюзы; и когда увидѣлъ, что онъ и сію важную для Петербурга должность исправилъ къ удовольствію его, отдаетъ ему слюзы оные въ вѣчное владѣніе, и снабдѣваетъ знатными его привилегіями, которыя и содержалъ онъ въ исправнѣйшемъ состояніи къ общему удовольствію, а паче проходящихъ слюзы оные, по самую свою смерть, и которые оставилъ въ наслѣдіе и дѣтямъ своимъ (*).

LXVII.

Слуга награждается достоинствомъ морскаго Офицера, а господинъ его опредѣляется въ матросы.

Между множествомъ разосланныхъ Монархомъ въ чужіе краи молодыхъ Россіянъ, изъ всякаго званія людей,

(*) Отъ того же Г. *Евреинова.*

для изученія разнаго рода наукЪ, художествЪ, рукодѣлій и торговли, находился одинЪ изЪ достаточныхЪ Калужскихъ помѣщиковЪ, по фамиліи *Слафаріевъ.* ОтецЪ его далЪ ему слугу изЪ КалмыковЪ, человѣка ума остраго, ко всему способнаго и весьма вѣрнаго и приверженнаго кЪ дому ихЪ.

Сей КалмыкЪ, никогда почти не отлучаяся отЪ господина своего, воспользовался преподаваемымЪ ему ученіемЪ, а паче касательно до морской науки; кЪ чему наиглавнѣйше и назначенЪ былЪ Г. *Слафаріевъ.* НапротивЪ же сей господинЪ его, или не имѣя способности и раченія, или по стариннымЪ предувѣреніямЪ, яко дворянинЪ достаточный, считая для себя сего рода науку низкою и излишнею, ни вЪ чемЪ не успѣлЪ, колико впрочемЪ ни напоминалЪ ему о томЪ КалмыкЪ его. А какЪ, по прошествіи назначенныхЪ ученію лѣтЪ, возвратился сЪ прочими сей *Слафаріевъ* вЪ ПетербургЪ, и долженЪ былЪ выдержать экзаменЪ вЪ присутствіи самаго Монарха вЪ Коллегіи Адмиралтейской: то КалмыкЪ сей пожелалЪ быть при семЪ испытаніи, дабы могЪ онЪ выводить изЪ замѣшательства господина

дина своего напоминовеніемъ ему, что должно отвѣчать на вопросы, а можетъ быть и для того, дабы имѣть случай выставить и себя; но какъ бы то ни было, онъ вошелъ съ прочими предъ присутствіе Монарха, посредствомъ проворства своего, то есть: онъ забралъ съ собою всѣ рисунки, черченные при ученіи господиномъ его, которые и доставили ему входъ сей.

И такъ, прежде нежели дошла очередь до господина *Слафаріева*, Калмыкъ для напоминанія ему нужнаго употреблялъ тѣ секунды, въ которыя Монархъ, ходившій по палатѣ, оборачивался къ нимъ спиною; Государь однако же сіе примѣтивъ, спросилъ Калмыка, за чѣмъ онъ здѣсь? Я, отвѣчалъ онъ, Всемилостивѣйшій Государь, принялъ смѣлость войти сюда съ господиномъ своимъ для поправленія его въ случаѣ замѣшательства его въ отвѣтахъ. — Да развѣ ты что разумѣешь? — Я, *Ваше Величество*, бывъ неотлученъ отъ господина моего, старался воспользоваться преподаваемымъ ему наставленіемъ. — Монархъ, удивяся сему, сталъ самъ его разспрашивать по части морскихъ познан.й; и къ великому удовольствію

своему нашелъ его весьма въ томъ знающимъ. Послѣ сего подобно же началъ Монархъ испытывать господина его, и нашелъ, что сколько слуга его былъ знающъ, столько онъ несвѣдущъ; какое же правосудный Государь учинилъ рѣшеніе? Калмыку сему не только пожаловалъ вольность, но и чинъ Мичмана во флотѣ; а господина его повелѣвъ написать матросомъ, отдать въ команду ему, дабы онъ постарался научить его тому, что самъ разумѣетъ.

Калмыкъ сей въ 1723 году былъ уже морскимъ Капитаномъ, а потомъ дошелъ по службѣ и до Контръ-Адмиральскаго чина, и прозывался *Калмыковымъ* (*).

LXVIII.

Неусыпность Великаго Государя въ трудахъ.

Великій Государь, воспріявъ отъ купели Африканскаго Арапа, наименовалъ его *Авраамомъ*, и въ память Африканскаго же славнаго въ древности

(*) Отъ Адмирала *Нагаева.*

сти Генерала, *Ганнибала*, далъ ему сію самую фамилію.

Сей Россійскій *Ганнибалъ*, между другими дарованіями, имѣлъ чрезвычайную чудкость, такъ что какъ бы онъ ни крѣпко спалъ, всегда на первой спросъ просыпался и отвѣчалъ. Сія чудкость его была причиною, что Монархъ сдѣлалъ его своимъ камердинеромъ, и повелѣвалъ ночью ложиться или въ самой своей спальнѣ, или подлѣ оныя.

Сей *Ганнибалъ* самъ предалъ намъ сей Анекдотъ, разсказывая всегда оной со слезами, то есть, что не проходило ни одной ночи, въ которую бы Монархъ не разбудилъ его, а иногда и не одинъ разъ. Великій сей Государь просыпаяся кликивалъ его: *Арапъ!* и сей тотъ же часъ отвѣтствовалъ: *чего изволите? — Подай огня и доску*, (то есть аспидную, которая съ грифелемъ висѣла въ головахъ Государевыхъ). Онъ подавалъ оную, и Монархъ пришедшее себѣ въ мысль или самъ записывалъ, или ему приказывалъ, и потомъ обыкновенно говорилъ: *повѣсь и поди спи.* Поутру же неусыпный и попечительнѣйшій Государь обдѣлывалъ сіи свои мысли, или внеся оныя

въ записную свою книжку, отлагалъ исполненіе оныхъ до другаго времени, смотря по важности дѣла (*).

Но какъ Великій Государь примѣтилъ въ семъ Арапѣ многія хорошія способности, которыя могли приносить пользу отечеству: то колико ни нуженъ былъ ему такой камердинеръ, однако же онъ отлучилъ его отъ себя; онъ послалъ его во Францію для ученія, главнѣйше же инженерству; а по возвращеніи оттуда пожаловалъ его Офицеромъ въ бомбардирскую роту гвардіи своей; въ послѣдствіи же достоинства его доставили ему чинъ Инженеръ-Генерала и Кавалера Святаго Александра Невскаго.

Послѣдніе сіи Анекдоты заключу я словами Г. *Болтина*: „ПЕТРЪ Великій „(говоритъ онъ) отдавая достоин„ствамъ почесть, не предубѣждался „лицепріятіемъ, или пристрастіемъ; „низкаго и вышшаго состоянія люди, „свои и чужестранные, въ рѣшеніи „семъ не имѣли у него перевѣса: свидѣ„тельствуютъ сіе многіе изъ низкаго „званія возведенные на вышшія до-

„стоин-

(*) Мнѣ же разсказывалъ сіе слышанное отъ него Г. Дѣйствительной Статской Совѣтникъ *Михайла Ивановичь Веревкинъ.*

„ стоинства, изъ которыхъ особливо „ извѣстны *Боуръ*, *Ягушинской*, *Меншиковъ*, *Остерманъ*; „ а я прибавлю и вышеписанные (*).

LXIX.

Замѣчанія Государевы о Г. Черкасовѣ.

Кабинетъ-Министръ Баронъ *Иванъ Антоновичъ Черкасовъ* былъ при Государевѣ Кабинетъ-Секретарѣ *Макаровѣ* сна-

---

(*) Можно бы здѣсь описать кратко достоинства всѣхъ сихъ избранныхъ Монархомъ мужей; но сїе оставлю я до другаго времени; здѣсь же только касательно до Г. *Остермана* выпишу изъ книги, сочиненной *Фридерикомъ II*, Королемъ Прускимъ, (Исторїя моего времени, Томъ I, стр. 60 Россїйскаго переводу) „ Времена ПЕТРА I образовали такого человѣка, „ которой, при преемникахъ сего Государя, по „ опытамъ своимъ весьма былъ способенъ къ „ понесенїю бремени государственнаго правленїя. „ То былъ Графъ *Остерманъ*; подобно искус- „ ному кормчему, во время бурныхъ перемѣнъ, „ управлялъ онъ кормиломъ государства не- „ погрѣшительною рукою; онъ былъ родомъ „ графства Маркскаго, что въ Вестфалїи, изъ „ незнатнаго происхожденїя; но природа надѣ- „ лила его дарованїями, не смотря на простую „ его породу. Сей Министръ зналъ Россїю, „ такъ какъ *Верней* человѣческое тѣло; онъ „ былъ

сначала копеистомъ, и получалъ жалованья сто рублей. Прилѣжность къ должности и способности его скоро Монархомъ были замѣчены, и пріобрѣли ему милость какъ *Его*, такъ и Ея Величествъ; при всемъ томъ однако же оставался онъ довольное время безъ награжденія и въ бѣдности. Въ одну осень подаетъ онъ Государю письмо, въ коемъ описавъ свою скудость, и что кромѣ ста рублей жалованья не имѣетъ никакихъ доходовъ, и которыхъ съ нуждою только достаетъ ему на содержаніе свое и семейства его, продолжаетъ: зима, Государь, приходитъ, а одѣть себя и семьи своей нечѣмъ, домишка развалился, а поправить его и обогрѣться нечѣмъ же; и заключаетъ прозьбою о прибавкѣ жалованья. Монархъ прочтя тогда же на ономъ подписалъ: *въ награжденіе три ста, и жалованья по три ста рублей въ годъ изъ Кабинета.* А какъ сіе происходило въ присутствіи Государыни, то Ея Величество просила при ономъ наградить его и чиномъ: *онъ очень золъ*,

---

„былъ остороженъ, смотря, какъ того требо„вали обстоятельства, и удалялся отъ при„дворныхъ пронырствъ, для того, чтобы „удержать при себѣ правленіе дѣлъ.„

золъ, отвѣтствовалъ Государь, *такъ надобно еще его поморить, дабы сдѣлался помягкосердѣе, а тогда не будетъ онъ оставленъ.*

Сему Господину *Черкасову* Монархъ въ походахъ своихъ поручалъ разныя, а иногда и квартирмейстерскую должности, и находятся два *Его Величества* къ нему письма касательно до послѣдней. Вотъ оныя: *Иванъ! мѣсто по твоему отводу водою и лѣсомъ довольно, да травы нѣтъ, и видно братъ что ты проспалъ; вставай ранѣе, дабы я съ тобою не побранился.*

II.

Иванъ! мѣсто отведенное тобою всѣмъ довольно, и за то тебѣ спасибо (*).

ПЕТРЪ.

LXX.

Князь Меншиковъ жалуется Государю на Черкасова; резолюція Его Величества.

Когда отъ фискаловъ поданы были разные о преступленіяхъ Князя *Мен-*

(*) Отъ Г. Подполковника *Бартенева*, служившаго при немъ при Кабинетѣ, сообщившаго мнѣ все сіе.

шикова доносы, и когда отъ непрiятелей его разславлены уже были оныя преступленiя его въ народѣ, помянутый господинъ *Черкасовъ*, ненавидѣвшiй его за презрѣнiе, оказываемое отъ него ему, и давно уже собиравшiй все то изъ дѣлъ его, что относилось не къ чести его, возпользовался доносами тѣми, и умножилъ оными выписку свою, съ намѣренiемъ, дабы употребить оную къ стати. Въ одно время былъ онъ присланъ къ нему по должности; и поелику принятъ отъ него былъ, какъ ему казалось, съ большимъ прежняго презрѣнiемъ, то осмѣлился сказать ему: что ежели бы о всѣхъ дѣлахъ его узналъ Государь, тобъ не столько кичиться онъ могъ своею знатностiю, и не презиралъ бы такъ людей честныхъ.

Можно себѣ представить, коль досадны должны быть таковые отъ Канцеляриста укоры Вельможѣ, не привыкшему слушать ни отъ кого подобныхъ. Онъ въ тотъ же еще день разжаловался на него Государю, изъясняяся, что подьячей вашъ разругалъ меня, мужика заслуженнаго и отличеннаго вашею милостiю.

Вели-

Великій Государь призываетъ къ себѣ *Черкасова*, и говоритъ ему гнѣвнымъ голосомъ: какъ ты смѣлъ бранить Фельдмаршала? Сей отвѣтствуетъ безъ робости, что онъ его не бранилъ, а сказалъ только, не вытерпя оказаннаго отъ него себѣ презрѣнія, въ чемъ и признаетъ себя виноватымъ, что ежели бы Государь зналъ всѣ дѣла его и не столько его любилъ, тобъ не кичился онъ своею знатностію, и проч. и какъ уже Г. *Черкасовъ* приготовился къ сему, то все собранное о немъ, а паче касательно до корыстолюбія его, донесъ *Его Величеству.* Монархъ, выслушавъ все то терпѣливо, отпустилъ его безъ гнѣва, и увидяся съ *Меншиковымъ*, сказалъ: ты самъ презрѣніемъ своимъ принудилъ *Черкасова* сказать тебѣ правду; и ежели по изслѣдованію найдется все такъ, какъ онъ мнѣ говорилъ, то страшись гнѣва моего (*).

LXXI.

(*) Отъ тогоже Г. *Бартенева.*

LXXI.

Дерзость Князя Меншикова.

Извѣстно, что Великій Государь, не любя пышности и шуму при дворѣ своемъ, оставилъ великолѣпіе двора Монаршаго представлять Князю *Меншикову;* и по сему любимецъ сей имѣлъ при домѣ своемъ между прочимъ и пажей изъ дворянъ.

Въ одно время просилъ онъ Государя, чтобъ пажей его пожаловалъ Офицерами; но Монархъ отвѣтствовалъ: не будучи солдатами, Офицерами быть не льзя; однакожъ, примолвилъ, я о семъ подумаю. Чрезъ нѣсколько же времени Великій Государь, пославъ къ нему предупомянутаго Г. *Черкасова*, велѣлъ объявить ему свое соизволеніе, чтобъ онъ пажей своихъ записалъ въ гвардейской его полкъ въ солдаты; но Князь, не будучи симъ доволенъ, и можетъ быть въ надеждѣ на милость къ себѣ Государеву, объявивъ имъ чины сержантовъ, далъ о семъ знать въ полкъ; чрезъ нѣкоторое же время *Его Величество*, яко Полковникъ полку того, усмотря изъ рапортовъ о пожалованіи ихъ сержантами, призвалъ къ себѣ *Черкасова* и

со

со гнѣвомъ сказалъ: я велѣлъ тебѣ обьявить *Меншикову*, чтобъ онъ пажей своихъ записалъ въ солдаты, а не въ сержанты. *Черкасовъ* отвѣчалъ, что онъ въ точности исполнилъ указъ его. Не льзя статься, сказалъ паки Государь, чтобъ *Меншиковъ* преступилъ мое повелѣніе. — Я не знаю того Государь; а знаю только то, что именно исполнилъ ваше повелѣніе, чтобъ записалъ онъ ихъ въ солдаты. — Поди же къ нему и скажи моимъ именемъ, какъ онъ осмѣлился пренебречь указъ мой? и вѣдаетъ ли онъ, что за сіе самъ онъ попадетъ въ солдаты?

Князь, не любя Г. *Черкасова*, въ досадѣ своей сказалъ: это все отъ тебя подьячей; ты уже не разъ подводилъ меня подъ гнѣвъ Государевъ; но я съ тобою управлюсь. Сказавъ сіе, поѣхалъ самъ къ Монарху; но увидя *Его Величество* весьма гнѣвнымъ, упалъ на колѣни и просилъ простить его въ преступленіи своемъ. Великій Государь, бывъ подлинно весьма гнѣвнымъ, далъ ему почувствовать оный нѣсколькими ударами палки своей, и повелѣлъ тотъ же часъ переименовать ихъ солдатами. Поподчиванный симъ образомъ Господинъ Подполковникъ гвар-

гвардіи, вышедъ отъ Монарха и встрѣтившись съ Г. *Черкасовымъ*, пожавъ дружески руку его, съ великою учтивостію сказалъ: все ли вы другъ мой въ добромъ здоровьѣ?

Предавшіе намъ сіе прибавляютъ, что *Его Величество*, дабы не столько чувствительны были *Меншикову* побои тѣ, чрезъ три дни пожаловалъ пажей оныхъ паки въ сержанты (*).

LXXII.

Поползновенія Князя Меншикова и поступки Монаршіе въ отношеніи къ онымъ.

Мы въ своемъ мѣстѣ видѣли уже, что славный Князь *Александръ Даниловичь Меншиковъ*, родившійся въ Москвѣ отъ бѣднѣйшаго, какъ увѣряютъ, Польскаго Шляхтича въ 1674 году; и оставшись сиротою, въ девятилѣтнемъ возрастѣ своемъ разносилъ по Москвѣ пироги; и припѣвами своими привлекъ на себя вниманіе Г. *Лефорта*, которой въ 1686 году взялъ его къ себѣ во услуженіе, отъ котораго

(*) Отъ Коммисара *Крекшина*, и отъ Г. *Верёвкина*.

раго достался онъ Монарху, записавшему его въ потѣшную свою роту солдатомъ, и изъ сего-то состоянія попалъ онъ, такъ сказать, въ любимѣйшія чада *фортуны*. Онъ природными дарованіями своими пріобрѣтя себѣ Монаршую милость и довѣренность, достигъ до самыя первѣйшія степени знатности, такъ что не оставалось уже болѣе чего ему желать: ибо былъ онъ первый въ государствѣ и по чинамъ и по богатству; и сверьхъ того, Великій Государь, не любя пышности и церемоніаловъ, предоставилъ ему представлять великолѣпіе двора своего.

Но какъ человѣкъ по естеству своему никогда не перестаетъ желать себѣ новаго приращенія щастія: ибо то, какое онъ уже имѣетъ, какъ бы ни было оно блистательно и велико, его болѣе не прельщаетъ; и по сему-то таковые любимцы фортуны, все имѣя, желаніями новаго пріобрѣтенія безпокоятся болѣе, нежели когда они ничего не имѣли. Поелику же онъ, окончавши всѣ напольности свои съ 1714 году, оставляемъ былъ почти навсегда отъ Монарха въ Петербургѣ, и живя въ нѣдрахъ покойной пышности,

не

не могъ болѣе ожидать чего либо отъ Государя, наградившаго уже всѣ его службы щедро: то и стремились желанія его къ пріобрѣтенію новыхъ себѣ богатствъ, какими бы то ни было путями. Въ такомъ-то положеніи при всемъ щастіи своемъ находился сей мнимый щастливецъ; его мучили непрестанныя желанія обогащать себя паче и паче; слѣдственно, ежели бы не всѣ, такъ сказать, истощены на него были милости Монаршія, тобъ былъ онъ несравненно щастливѣе: ибо остались бы у него тогда одни только законныя желанія, и надежда, когда либо удовлетворить оныя, его бы услаждала; но лишася сея усладительныя надежды, попускается онъ въ порочныя крайности (*), какъ изъ слѣдующихъ откроется Анекдотовъ.

Въ

(*) „Человѣкъ, (говоритъ одинъ умный писа„тель,) не имѣющій уже чего желать, или „получившій все то вдругъ во всей полноcти, „что только возмогъ бы пожелать, было бы „бытіе самое нещастнѣйшее; ничего бы для „него не было мучительнѣе, какъ быть внѣ „возможности ожидать еще какого либо при„бавленія къ щастію своему. Въ семъ-то горе„стномъ положеніи видимъ мы человѣковъ, „достигшихъ, или, лучше сказать, слѣпымъ „ща-

Въ XI Томѣ Дополненія къ Дѣяніямъ ПЕТРА Великаго видѣли мы, что сей любимецъ Государевъ попускался въ безсовѣстные казенные хлѣбные подряды, производя оные тайно подъ чужими лицами; и что производилъ оные по большой части

„щастіемъ возведенныхъ на высочайшую степень честей, знатности, могущества и богатства, утопающихъ во всѣхъ изощреннымъ вкусомъ изобрѣтенныхъ роскошахъ, удовольствіяхъ и сладострастныхъ нѣгахъ. Сіи возлюбленнѣйшія щастія чада теряютъ напряженность воображенія; теряютъ нѣжную щекотливость чувствованія, дѣятельность самыхъ чувствъ; лишаются всѣхъ силъ, желаній, вкуса, побужденій; скучаютъ, томятся, стонутъ въ позлащенныхъ чертогахъ и злашотканныхъ одеждахъ. Сіи блестящіе свѣтомъ фосфора кумиры, при всѣхъ чинимыхъ имъ подлыми душами колѣнопреклоненіяхъ, стократно нещастливѣе въ посредственномъ состояніи, подъ тѣнію тихой и спокойной добродѣтели благоденствующихъ мужей, взирающихъ на сіи лучезарные водяные пузыри, на сіи воздушные *Монголфіеровы* шары, равнодушнымъ и незавидливымъ окомъ, такъ какъ на мгновенно показывающіяся явленія и мгновенно же изчезающія.„

Но естьли, какъ извѣстно, никогда не престаютъ въ человѣкѣ желанія, то какимъ же имъ быть уже должно въ семъ мучителномъ положеніи таковыхъ мнимыхъ щастливцевъ?

преданный ему Новогородской Вице-Губернаторъ *Корсаковъ.*

Видѣли также, что огорченный симъ Монархъ нарядилъ для изслѣдованія сего строгую коммиссію, подъ предсѣдательствомъ Князя *Василья Володиміровича Долгорукова.*

Коммиссія дѣло сіе изслѣдовала и *Меншикова* нашла виновнымъ; Предсѣдатель докладываетъ о семъ Государю, и проситъ, чтобъ *Его Величество* разсмотрѣлъ производство и заключеніе ихъ, и сдѣлалъ бы конецъ оному, прибавя къ тому: теперь, Государь, все зависитъ отъ твоего рѣшенія. Монархъ повелѣлъ ему съ дѣломъ тѣмъ притти въ свою токарню, назнача оному день и часъ.

Долгоруковъ въ сей самый часъ съ дѣломъ онымъ и пришолъ. *Его Величество* заперъ самъ дверь и велѣлъ ему читать; въ продолженіе чтенія сего стали въ дверь стучать. Монархъ, думая, что то супруга его, крайнѣ прогнѣвался; но отворя двери, увидѣлъ, что то былъ Князь *Меншиковъ*, которой лишь только вошелъ, палъ предъ нимъ на колѣни, и со слезами просилъ помилованія, изъясняяся, что злодѣи его всѣ силы прилагаютъ погубить его.

На

На сіе, прежде еще, нежели что либо произнесъ Монархъ, Князь *Долгоруковъ* сказалъ виноватому: *Александръ Даниловичь!* дѣло твое разсматривалъ и судилъ я съ сочленами коммиссіи, а не злодѣи твои; самое дѣло безъ приговору нашего обличаетъ тебя въ похищеніи казеннаго интереса, и по сему жалоба твоя крайнѣ несправедлива.

Между тѣмъ *Меншиковъ* продолжалъ стоять на колѣняхъ и рыдать. Великій Государь, безъ сомнѣнія тронувшись слезами того, котораго онъ привыкъ изъ дѣтства любить, обратяся къ *Долгорукову*, сказалъ: отнеси дѣло къ себѣ; я выслушаю оное въ другое время. Неизвѣстно, что Монархъ, оставшись съ однимъ *Меншиковымъ*, дѣлалъ.

По прошествіи же нѣкотораго времени Предсѣдатель паки докладываетъ Государю о семъ же самомъ; и *Его Величество*, назнача день, обѣщалъ для выслушанія дѣла быть къ нему въ домъ. Насталъ сей день, и Монархъ прибылъ, и выслушавъ оное, не говоря ни слова, сталъ ходить по комнатѣ. Князь паки проситъ резолюціи; тогда Великій Государь сказалъ ему: *Не тебѣ Князь судить меня съ Даниловичемъ, а*

судить насъ съ нимъ будетъ Богъ. — Чтожъ съ дѣломъ симъ дѣлать? спрашиваетъ Князь. Я знаю, что я буду дѣлать, отвѣтствуетъ Государь. Вижу я, сказалъ паки Князь, что тебѣ жаль *Меншикова*, и что не хочешь ты наказать его; но естьли ты не знаешь, продолжалъ онъ, что съ нимъ дѣлать, то послушай пожалуй, что я тебѣ скажу: однажды пришелъ я къ родственнику моему *Лобанову*, и найдя его съ повязанною головою и очень смутнымъ, спросилъ: что ему сдѣлалось? — Голова у меня болитъ отъ крайней досады, отвѣтствовалъ онъ. — Какаяжъ сія досада? — Управитель мой *Кулага* обокралъ меня. — Такъ высѣки его и сошли въ деревню въ работу. — Но я не могу сего сдѣлать; ибо привыкъ къ нему изъ дѣтства, и противъ воли люблю его. — Такъ я тебя научу, что тебѣ дѣлать съ нимъ: не помогалъ ли ему кто обкрадывать тебя? — Помогалъ ключникъ. — Ну такъ сего ключника, при глазахъ плута *Кулаги*, высѣки хорошенько, и приговаривай общую ихъ кражу. Онъ такъ и поступилъ; такъ и ты Государь сдѣлай: помогалъ въ плутовствѣ *Меншикову Корсаковъ*, и ты накажи

кажи его при немъ за ихъ общее плутовство, да тѣмъ и дѣло кончи.

Монархъ, терпѣливо выслушавъ все сіе, сказалъ: ты меня равняешь съ дуракомъ *Лобановымъ.* — Нѣтъ, не равняю, отвѣтствовалъ Князь; но надобно чѣмъ нибудь да кончить; когда ты не можешь съ нимъ разстаться, инъ накажи помощника и совѣтника его. Поди, сказалъ наконецъ Государь, я обдумаю лучше твоего (*).

LXXIII.

Продолженіе того же.

Между тѣмъ открыты коммиссіею новыя сего же рода преступленія, въ которыя замѣшались многія другія особы.

Анекдотъ касательно до Князя *Меншикова*, полученный мною отъ вѣрной руки (**), яко весьма любопытный, прилагаю при семъ.

 Огор-

(*) Отъ Князя *Александра Александровича Прозоровскаго.*

(**) Отъ Г. Статскаго Совѣтника *Ивана Алексѣевича Ушакова*, которой доставилъ ему дѣдъ его, служившій при семъ же Великомъ Государѣ въ гвардіи, *Иванъ Ильичъ Ушаковъ* же; но послѣ ли, или прежде предупомянутаго происшествія сіе происходило, заподлинно неизвѣстно, но кажется, что послѣ.

Огорченный таковыми преступленіями Монархъ присовокупляетъ къ коммиссіи оной новыхъ судей, состоящихъ изъ Капитановъ обоихъ полковъ твардіи своей. Безпристрастіе судей находитъ *Меншикова* во многомъ виновнымъ, и опредѣляетъ допросить его въ судѣ лично по пунктамъ. На другой сего день самъ Монархъ присутствовалъ въ сей коммиссіи, и *Меншиковъ*, чувствуя свою неправду, прибѣгъ къ надежнѣйшему средству, то есть къ раскаянію и милосердію Монаршему. На сей конецъ написалъ повинную, и пришедъ въ судъ, подаетъ оную въ руки самаго Государя. Повинной видъ, съ каковымъ онъ предсталъ, и тонъ, съ какимъ произносилъ слова, тронули сердце *Его Величества*, великія же его заслуги у сего сердца были ходатаями за него; онъ принялъ сію его бумагу, и прочтя про себя, сказалъ: Э братъ! и того ты написать не умѣлъ; и сталъ оную чернить. Таковое расположеніе сердца Монаршаго къ судимому видя одинъ изъ младшихъ членовъ, вставъ съ своего мѣста, сказалъ товарищамъ: пойдемте братцы, намъ дѣлать здѣсь нечего; и взявши шляпу, сталъ выходить изъ палаты. Монархъ, нѣ-

нѣсколько прогнѣвавшись толикою свободою, и остановя его, сказалъ: куда это? Домой! отвѣтствовалъ Капитанъ. — Какъ домой? — Да! домой: ибо что намъ остается здѣсь дѣлать, когда ты самъ научаешь вора, какъ ему отвѣтствовать? такъ ты одинъ и суди его, какъ изволишь; а мы лишніе.

Великій Государь, вмѣсто, чтобъ прогнѣваться на толикую дерзость, говоритъ ему съ ласковымъ видомъ: сядь на свое мѣсто и говори, что ты думаешь. А вотъ что, отвѣтствовалъ сѣвши Капитанъ: когда мы по твоей волѣ здѣсь судьи, то вопервыхъ бумагу его должно прочитать всѣмъ намъ въ слухъ; а *Меншикову*, какъ виноватому, стать у дверей, и по прочтеніи выслать его вонъ; а я, какъ младшій членъ, долженъ буду первой оговаривать его бумагу и сказать мое мнѣніе, чего онъ достоинъ; а потомъ каждой по очереди скажетъ свое мнѣніе, и такимъ образомъ сохранится тобою же установленный порядокъ и законъ. Монархъ, нѣкоторымъ образомъ пристыженный справедливостію сего вѣрнаго подданнаго, сказалъ *Меншикову*: слышишь *Данилычъ*, какъ

должно поступать? *Меншиковъ*, яко виновный, сталъ у дверей; прочтена въ слухъ повинная его, и по прочтеніи онъ высланъ вонъ. Тогда Капитанъ сей началъ говорить: сей недостойный толикія милости, каковою *Ваше Величество* его пожаловали, яко первый въ государствѣ вельможа, долженъ бы быть всѣмъ намъ образцомъ въ вѣрномъ храненіи законовъ, и въ безпорочной къ тебѣ и отечеству службѣ; но какъ онъ, къ великому соблазну всѣхъ твоихъ подданныхъ, учинился самъ причастникомъ воровству, то по мѣрѣ своего возвышенія, примѣрнаго и наказанія достоинъ, въ страхъ всѣмъ другимъ: *ибо рабъ, вѣдый больше волю господина своего, и не сотворивый по воли его, и біенъ долженъ быть больше.* И такъ мое мнѣніе, заключаетъ Капитанъ, есть, отсѣчь ему публично голову, и описать въ казну все имѣніе его, яко обличеннаго преступника, и въ чемъ самъ онъ учинилъ признаніе. По семъ слѣдовали мнѣнія другихъ, но также очень строгія: одинъ говорилъ, чтобъ наказать его публично и сослать въ ссылку; другой, чтобъ простоять ему у столба цѣлой день, и потомъ также по-

послать въ ссылку; самое легчайшее изъ мнѣній было то, чтобъ сослать его безъ наказанія въ ссылку. Послѣ всѣхъ сихъ мнѣній Великій Государь сказалъ судьямъ симъ: *Гдѣ дѣло идетъ о жизни, или о чести человѣка, то правосудіе требуетъ взвѣсить на вѣсы безпристрастія, какъ преступленіе его, такъ и заслуги, оказанныя имъ отечеству и Государю; и буде заслуги перевѣсятъ преступленія, то въ такомъ случаѣ милость должна хвалиться на судѣ.* И потомъ Монархъ вычислилъ кратко всѣ его заслуги, а паче, что онъ не однократно спасалъ и собственную его жизнь: *и такъ*, заключилъ Монархъ, *по мнѣнію моему довольно будетъ, сдѣлавъ ему въ присутствіи за преступленія его строгій выговоръ, наказать его денежнымъ штрафомъ, соразмѣрнымъ хищенію; а онъ мнѣ и впредь нуженъ, и можетъ еще сугубо заслужить оное.*

По выслушаніи сей Государевой рѣчи, тотъ же младшій членъ сказалъ: мы всѣ, надѣюсь, согласны теперь съ волею твоею, Государь. Когда онъ имѣлъ щастіе спасти твою жизнь, то по справедливости должно и его

жизнь спасти намъ, что подтвердили и всѣ другiе члены.

По семъ, въ сохраненiе порядка, сдѣлана выписка о подрядахъ его, которые онъ подъ разными производилъ видами съ 1710 году, и изъ оной докладъ отъ коммиссiи сей поданъ Монарху. На семъ-то докладѣ правосудный Государь, 1714 году Декабря 7, подписалъ резолюцiю свою тако: *За первый подрядъ ничего не брать, понеже своимъ именемъ, а не подставою учиненъ, и прибыль зѣло умѣренна; съ подрядовъ, кои своимъ же именемъ подряжалъ, но зѣло съ лишкомъ, взять всю прибыль; а кои подъ чужими именами, съ тѣхъ взять всю прибыль, да штрафу по полтинѣ съ рубля; также и тѣ деньги взять, которыя взяты за хлѣбъ, а хлѣбъ не поставленъ* (*).

Впрочемъ мы въ XI Томѣ Дополненiя видѣли, что сiе рѣшенiе Монаршее не было еще окончательное: *Меншиковъ* судимъ былъ весьма строго по другимъ его дѣламъ, и слѣдствiе объ оныхъ крайнѣ его терзало во всю жизнь

(*) Сей Анекдотъ, съ малою токмо перемѣною, слышалъ я устно и отъ Г. Коммисара *Крекшина.*

жизнь Монаршую, хотя и не былъ онъ однако же лишенъ ни чести ни должности; наконецъ, къ вящщему его же *Меншикова* наказанію, съ преданнымъ ему Вице-Губернаторомъ Новогородскимъ *Корсаковымъ*, спомоществовавшимъ ему въ оныхъ недозволенныхъ подрядахъ, или паче присовѣтовавшимъ ему оные, поступлено такъ, какъ въ предшествующемъ Анекдотѣ совѣтовалъ Князь *Долгоруковъ*, весьма строго.

LXXIV.

Сей же Князь Меншиковъ впадаетъ въ новое преступленіе, но раскаяніемъ своимъ паки снискиваетъ себѣ милость Монаршую.

Сколь ни томимъ, такъ сказать, былъ Князь сей помянутыми слѣдствіями и наказаніями: однакожъ корыстолюбіе не оставляло его, которое и навлекло на него новое бѣдствіе.

Въ XIV Томѣ Дополненія видѣли мы, коль щедро Великій Государь наградилъ его заслуги, такъ что уже имѣлъ у себя онъ болѣе 50000 душъ кре-

крестьянЪ, не считая движимаго великаго имѣнія; но первою переписью открыто, что сверьхЪ помянутаго числа душЪ нашлось вЪ деревняхЪ его бѣглыхЪ всякаго званія болѣе 32000 душЪ, и за сіе повелѣлЪ МонархЪ всѣ сіи души не только возвратить, кому оныя принадлежали прежде, но и на своемЪ коштѣ развезти ихЪ на первыя жилища; но прежде, нежели сіе открыто, главный управитель его *ВороновЪ* представилЪ ему, что можетЪ онЪ присовокупить кЪ деревнямЪ своимЪ немалое пространство земли отЪ окрестныхЪ владѣльцовЪ; и естьли дастся ему такой межевщикЪ, которой бы преданЪ былЪ ему, то оныя и утвердятся неоспоримо за Его Свѣтлостію: тѣмЪ, де, больше, что владѣльцы тѣ, яко люди мѣлкіе, и просить о томЪ не посмѣютЪ. И какЪ корыстолюбіе по нещастію было его господствующею страстію, то онЪ и не отринулЪ сего безсовѣстнаго представленія; онЪ ему дозволилЪ дѣлать все, и выпрося такого межевщика, которой былЪ ему совершенно преданЪ, отпустилЪ ихЪ.

ВороновЪ и межевщикЪ отрѣзали не малое число у помянутыхЪ владѣльцовЪ

цовъ земель; и обиженные, боясь принести на него Государю жалобы свои, молчали.

Но по нѣкоемъ времени нѣкоторые изъ нихъ пріѣхали въ Петербургъ, и прибѣгли къ Князю *Якову Θедоровичу Долгорукову*; а сей праводушный мужъ не умедлилъ донести о семъ Государю. Монархъ, не увѣряяся на семъ, сказалъ ему: надобно сего управителя *Меншикова* взять и съ письмами его, и привесть сюда.

Между тѣмъ *Меншиковъ* о семъ узнаетъ, и отлучаетъ его въ неизвѣстную на то время посылку; посылается другой, но и тотъ его не находитъ, и возвращается ни съ чѣмъ. Монархъ замѣчаетъ сіе, и поручаетъ коммиссію сію Офицеру гвардіи своей *Аθанасью Θедоровичу Микулину*, дабы, то есть, схватить ему того управителя, и со всѣми, какія найдутся у него, бумагами привести къ себѣ. Но и сіе повелѣніе не скрывается отъ *Меншикова*, о чемъ однако же узнаетъ и Г. *Микулинъ*, и употребляетъ хитрость, обманувшую Князя; онъ разславляетъ о себѣ, что Государь поручаетъ ему коммиссію ѣхать по такой-то дорогѣ и заѣхать туда и туда;

а потомъ въ село *Меншиково* Ивановское, состоящее въ Рыльскомъ уѣздѣ, гдѣ пребываніе свое имѣлъ *Воронов*, и гдѣ главное правленіе волостей *Меншикова* находилось. Князь сей посылаетъ преданныхъ ему людей на ту дорогу, по которой, по словамъ Г. *Микулина*, ѣхать ему надлежало; а между тѣмъ и управителю своему даетъ знать, чтобъ онъ взялъ всю осторожность, особливо же скрылъ бы всѣ письменныя дѣла, касательно до присвоенія тѣхъ земель, и самъ въ неизвѣстной никому путь отлучился. Но Г. *Микулинъ* предупреждаетъ сіе Княжое повелѣніе; онъ, избравъ совсѣмъ не ту дорогу, о коей разславилъ, а самую кратчайшую, застаетъ *Воронова* еще спящаго, схватываетъ его, и забравъ всѣ бумаги, тою же дорогою привозитъ его въ Петербургъ прямо во дворецъ Государевъ. *Меншиковъ* узнаетъ о семъ, и употребляетъ повинность, яко надежнѣйшее средство къ умилостивленію Монарха; онъ сначала упадаетъ къ ногамъ Императрицы, всегдашнія своея покровительницы, разсказываетъ ей все дѣло, и молитъ со слезами защитить его отъ заслуженнаго гнѣва;

а потомъ въ простомъ Офицерскомъ мундирѣ, имѣя въ рукахъ всѣ свои ордены и шпагу, входитъ къ прогнѣванному Монарху, повергается къ ногамъ его, кладетъ у оныхъ тѣ ордены и шпагу свою, признаваяся недостойнымъ сихъ знаковъ чести, и проливая слезы, кается въ семъ преступленіи своемъ; и наконецъ молитъ наказать его, какъ *Его Величеству* угодно, не предая только его въ руки непріятелей его.

Монархъ всѣмъ симъ умягчается; всѣ заслуги его предстаютъ, такъ сказать, мыслямъ его, и за него ходатайствуютъ. Монархиня узнаетъ расположеніе сіе, входитъ къ нему, и присоединяетъ свои прозьбы о виновномъ.

За симъ слѣдуютъ жестокіе ему выговоры, означающіе, какъ выражалъ Монархъ, подлое его сердце и рожденіе; винитъ самаго себя, что онъ возвелъ его въ таковое достоинство, и наконецъ повелѣваетъ ему встать и удовольствовать обиженныхъ возвращеніемъ имъ всѣхъ земель и убытковъ, какіе они ни покажутъ. И такъ прощенъ былъ Князь и въ сей разъ; но дабы однако же онъ не могъ забыть

быть преступленій своихъ; то всегда, когда Государь ни удостоивалъ его сажать за свой столъ, приглашалъ къ оному Г. *Ушакова*, и повелѣвалъ вычитать ему оныя сими словами: *Ушаковъ! рѣжь*; и *Меншиковъ* напоминовенія таковыя почиталъ за самое великое себѣ наказаніе (*).

Впрочемъ мы видѣли уже въ XI Томѣ Дополненія, сколь строго былъ онъ судимъ за подобное присвоеніе къ подаренному ему отъ Гетмана городу *Почепу* двухъ сотенъ Мглинской и Баклановской, и часть сотни Стародубовской; и что послѣ всѣхъ сихъ преступленій уменшилась Монаршая къ нему довѣренность и милость, хотя великія заслуги и были всегда у сердца его, которыя и оставили при немъ всѣ его чины и должности (**).

LXXV.

(*) Отъ самаго Графа *Андрея Ивановича Ушакова*, слышанное Адъютантомъ его *Михайлою Ивановичемъ Ярославовымъ*.

(**) Мы въ XIV Томѣ Дополненія, стр. 45 и слѣд. описали уже характеръ Кн. *Меншикова*; а здѣсь представлю портретъ, описанной единовременникомъ же его Генераломъ *Манштейномъ*: „Онъ весьма былъ преданъ своему Го„сударю и правиламъ его, касательно до по„лированія Россійской націи; благосклоненъ и „учтивъ къ чужестраннымъ; снисходите„ленъ къ тѣмъ, кои не хотѣли казаться его

„умнѣе;

LXXV.

Нѣчто о Князѣ-Кесарѣ Ромодановскомъ.

Къ Князю *Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому*, названному ПЕТРОМЪ Великимъ *Княземъ-Кесаремъ*, и которому порученъ былъ страшный приказъ Преображенской, на канунѣ праздника Св. Чудотворца *Николая*, одинъ изъ содержащихся по смертоубійству раз-

 бой-

„умнѣе; которые изъ Россіянъ умѣли ему „угождать, тѣмъ никакого не дѣлалъ зла; а „кои не столь знатны были, какъ онъ, съ тѣ„ми поступалъ кротко, и не забывалъ никогда „оказанныхъ себѣ заслугъ; отваженъ до самой „дерзости; ревностной другъ всѣмъ тѣмъ, „кои преданы были къ его интересамъ. Съ „другой стороны имѣлъ онъ безпредѣльное „любочестіе, не могъ терпѣть ни знатнѣе се„бя, ни равнаго; никогда не прощалъ тѣхъ, о „коихъ подозрѣвалъ, что хотѣли казаться его „разумнѣе; былъ ненасытный любостяжатель „и непримиримый непріятель. Отъ жестока„го гоненія его многіе изрядные Генералы при„нуждены были оставить службу Россійскую; „впрочемъ былъ онъ разуменъ; но не имѣя „воспитанія, въ поступкахъ своихъ былъ грубъ; „сребролюбіе часто доводило его до отвѣтовъ „предъ ПЕТРОМЪ Великимъ, за что не одно„кратно плачивалъ денежные штрафы; но со „всѣмъ тѣмъ, по арестованіи его, нашли у не„го въ дорогихъ каменьяхъ, посудѣ и въ день„гахъ до 3000000 рублей.

„Онъ,

бойникЪ просился допущенЪ быть предЪ Его Кесарское Величество, объявляя, что онЪ имѣетЪ важное дѣло. Князь велѣлЪ его представить предЪ себя; онЪ упалЪ кЪ ногамЪ его, и для великаго угодника Божія Св. Чудотворца *Николая*, просилЪ отпустить его вЪ деревню свою, не далеко отЪ Москвы отстоящую, дабы могЪ онЪ вЪ послѣднее сЪ родственниками своими отпраздновать день сей и проститься; ибо, де, я знаю, что по винѣ своей буду казненЪ. — КакЪ ты смѣешь, злодѣй, просить о семЪ? закричалЪ на него Князь. — Помилуй отецЪ мой! возопилЪ убійца; Святый ЧудотворецЪ *Николай* воздастЪ тебѣ за сіе со вторицею. Почитаніе, какое имѣлЪ сей Князь кЪ сему Святому, его умягчило: да кто можетЪ быть порукою по тебѣ, что ты возвратишься? сказалЪ Князь — СамЪ Святый ЧудотворецЪ, отвѣтствовалЪ просящій, и онЪ не по-

„ОнЪ, будучи изЪ ничего возвышенЪ до первыхЪ достоинствЪ государства, могЪ бы „безЪ сомнѣнія окончать жизнь свою со славою, „естьли бы не обладала имЪ самая безразсудная страсть любочестія, чтобЪ имѣть потомковЪ своихЪ на престолѣ; о сей-то камень многіе любимцы подобно ему расшибались.„

попуститъ солгать мнѣ. Сего увѣренія довольно казалось Князю; онъ велѣлъ ему предъ образомъ его учинить клятву, что онъ чрезъ пять дней неотмѣнно возвратится; и потомъ за симъ порукою былъ отпущенъ.

Недоброхоты Князя *Ромодановскаго*, узнавъ сіе, тотчасъ донесли Монарху; и *Его Величество*, прибывъ къ нему, спрашиваетъ его: отпустилъ ли ты разбойника въ деревню? Отпустилъ, сказалъ Князь, но только на пять дней, дабы онъ простился съ своею роднею. Да какъ ты могъ сіе сдѣлать и повѣрить злодѣю, что онъ возвратится? — Онъ далъ мнѣ въ томъ порукою великаго угодника Божія, которой не попуститъ солгать ему. — Но когда онъ могъ убить человѣка, то легче солгать ему Святому, и тѣмъ больше, что онъ уже изобличенъ въ убійствѣ и вѣдаетъ, что казненъ будетъ. — Но Князь стоялъ въ томъ, что Чудотворецъ не попуститъ ему солгать. — Ну! дядя, чтобъ не отвѣчать за него тебѣ, ежели онъ не будетъ на срокъ, заключилъ Государь.

Въ самомъ дѣлѣ убійца явился на срокъ, и упавъ Князю въ ноги, благода-

рилъ его, сказавъ, что Св. *Николай* заплатитъ ему за оказанную ему милость, и онъ теперь съ радостію готовъ принять заслуженную казнь.

Обрадованный Князь тотъ же часъ поѣхалъ къ Государю, и донесъ о томъ: Монархъ, удивившись сему, приказалъ представить къ себѣ убійцу того, и спросилъ его: вѣдаетъ ли онъ, что по законамъ за убійство имъ учиненное долженъ быть казненъ смертію? Вѣдаю, надежа Государь, отвѣчаетъ сей. — Да какъ же, вѣдая сіе, возвратился ты на извѣстную казнь? — Я далъ въ томъ порукою Св. Чудотворца *Николая*; а къ тому же, заключилъ онъ, я уже заслужилъ казнь смертную и приготовился къ оной покаяніемъ моимъ предъ Богомъ; да и ежелибъ я вздумалъ убѣжать, тобъ Св. *Николай* не попустилъ мнѣ того, и я бы скоро или не скоро былъ пойманъ и вящшую бы претерпѣлъ муку.

Сколь ни склоняли Монарха на милость раскаянія, ежели оныя были чистосердечны, однако же исключались изъ сея милости смертоубійцы; въ семъ же случаѣ Великій Государь раскаяніемъ сего убійцы, добровольнымъ его возвращеніемъ на извѣстную казнь дока-

доказаннымъ, такъ былъ тронутъ, что повелѣлъ его вмѣсто казни написать въ солдаты, и послать въ Сибирскіе полки (*).

LXXVI.

Ироническое слово, сказанное Государемъ объ одномъ Французѣ въ Парижѣ.

Великій Государь, во второе путешествіе свое въ чужіе краи будучи въ Парижѣ, и примѣтя одного изъ придворныхъ всякой разъ казавшагося ему въ новомъ платьѣ, сказалъ о немъ окружавшимъ его: *Мнѣ кажется, дворянинъ сей весьма недоволенъ портнымъ своимъ.*

LXXVII.

Посѣщаетъ Госпожу Ментенонъ.

Въ ту же бытность свою во Франціи Великій Государь ѣздилъ въ монастырь, построенный славною Госпожею *Ментенонъ*, въ которомъ и сама она имѣла пребываніе, дабы видѣть ее и учрежденіе, учиненное ею для воспитывавшихся въ ономъ дѣвицъ.

(*) Отъ Коммисара *Крекшина*.

Но какъ госпожа сія была на тотъ разъ больна, то и отказалась принять *Его Величество;* однакожъ Монархъ вошелъ въ ея спальню, и отдернувъ занавѣсъ ея кровати, сказалъ: *Мадамъ! извините мое любопытство; я пріѣхалъ во Францію, дабы видѣть все рѣдкое, такъ не могъ не видѣть и васъ.* Потомъ спросилъ ее, чѣмъ она больна? Старостію, отвѣтствовала Гжа. *Ментенонъ. Она утѣшать васъ должна, послѣ всѣхъ тѣхъ благодѣяній, которыми Франція обязана васъ, и когда напослѣдокъ окружаетеся вы толь многими дѣвицами, воспитаніемъ и щастіемъ своимъ вамъ единой обязанными, и память вашу безсмертною учинить имѣющими.* Напослѣдокъ пожелавъ ей лучшаго здоровья, осмотрѣлъ все учрежденіе воспитанія дѣвицъ, порядокъ ихъ жизни и упражненія, записавъ все то въ книжкѣ своей (*).

LXXVIII

(*) Оба сіи Анекдота слышалъ я отъ *Ивана Ивановича Неплюева.*

LXXVIII.

Смѣлость, съ каковою представляли Монарху подданные свои чувствованія.

Одного Философа спросили: какое животное страшнѣе всѣхъ человѣку? Въ простомъ народѣ, отвѣчалъ онъ, клеветникъ, а при дворѣ льстецъ.

Графъ *Оксенстирнъ*, утверждая мнѣніе Философа сего, разсматриваетъ льстеца со всѣхъ сторонъ, и находитъ въ свойствѣ его всѣ пороки; вотъ слова его: „ Онъ есть лжецъ, предлагая „ такія вещи, какимъ онъ самъ не „ вѣритъ; обманщикъ, говоря про- „ тивъ своего мнѣнія; трусъ, не смѣя „ сказать того, что думаетъ; злоб- „ ный, ибо возливаетъ масло на огнь „ самолюбія каждаго; безбожникъ, ибо „ ободряетъ порокъ другаго; тайный „ врагъ всѣхъ тѣхъ, коихъ онъ назы- „ ваетъ своими друзьями, ибо лестію „ своею утверждаетъ ихъ въ худой „ привычкѣ.„ Далѣе: „ Лесть подслащен- „ ный ядъ, отравляющій великихъ лю- „ дей, коихъ она увѣряетъ, будто бы „ пороки ихъ не иное что, какъ добродѣ- „ тели несовершенныя. Удивительно, „ (заключаетъ онъ) что опасный по-

 „ рокъ

„ рокъ сей при дворахъ Государей взо-
„ шелъ на толь высокую степень, что
„ безъ его помощи честному человѣку
„ почти и быть тамъ не можно. „

Смѣлость, съ каковою подданные предлагали истинну ПЕТРУ Великому, показываетъ, что лесть не имѣла входу ко двору его; а снисхожденіе, съ каковымъ онъ принималъ сію колкую истинну, доказываетъ, что онъ ненавидѣлъ льстецовъ, и что смертоносньмъ ядомъ симъ не былъ онъ отравленъ. Между прочимъ подтверждаетъ сіе Князь *Долгоруковъ*, какъ то мы видѣли сіе изъ Анекдотовъ до него относящихся, слѣдующій же паче еще сіе докажетъ.

По прибытіи *Его Величества* изъ предупомянутаго путешествія въ Москву, дошли до него жалобы на нѣкіихъ судей во взяткахъ, крайнѣ его прогнѣвавшія. Сіе видя бывшій съ нимъ въ путешествіи ономъ Генералъ *Иванъ Ивановичь Бутурлинъ*, сказалъ ему: *пока самъ ты не перестанешь брать взятокъ, то не истребишь оныхъ и въ подданныхъ твоихъ; твой примѣръ сильнѣе всякаго указа дѣйствуетъ надъ сердцами ихъ.*

Мо-

Монархъ, болѣе еще раздражившись толь дерзкими словами, сказалъ: какъ ты смѣешь такую сплесть на меня ложь? Не ложь, перебилъ рѣчь его Г. *Бутурлинъ*, а правду. Въ проѣздъ нашъ чрезъ городъ Тверь, продолжаетъ онъ, имѣлъ я квартиру у тамошняго купца, бывшаго тогда въ отлучкѣ, а оставалась въ домѣ жена его *Ивановна* съ дѣтьми. Въ тотъ день были ея именины, и собрались на обѣдъ гости, на которой приглашенъ былъ и я; и лишь только сѣли мы за столъ, пришелъ къ ней изъ Магистрата городской староста, съ требованіемъ тотъ же часъ ста рублей, говоря, что Магистратъ опредѣлилъ поднести поутру Государю въ гостинецъ довольно знатную по состоянію ихъ сумму денегъ, и что на ихъ домъ пало сто рублей. Встревоженная симъ именинница проситъ обождать мужа ея, которой, де, завтра возвратится; но староста отвѣтствуетъ, что время не терпитъ; она клянется, что у ней денегъ нѣтъ; но ей сказываетъ онъ, что безъ денегъ не велѣно ему выходить ни изъ котораго дома, и что буде тотъ же часъ она не сыщетъ денегъ, то долженъ будетъ взять ее

подъ карауль. Веселье превращается въ печаль, и бѣдная *Ивановна* со слезами снимаетъ съ себя жемчужной уборъ и отдаетъ ему оной; но староста не беретъ его, а требуетъ денегъ. Въ крайности сей именинница взвыла; а гости изъ за стола одинъ по другому съ сѣтованіемъ вставая разошлись, дабы на тотъ же подарокъ припасти доставшіяся и на ихъ части деньги. Я уговаривалъ старосту, чтобъ онъ подождалъ до утра пріѣзду ея мужа: вить, де, не такая бѣда, чтобъ не можно обождать. Но староста и мнѣ сказалъ: Бояринъ! я человѣкъ невольной, и мнѣ отсрочивать не велѣно ни до вечера. Жалость, смотря на хозяйку мою, меня столько тронула, что я принужденъ былъ дать ей свои деньги, и она такъ обрадовалась, что бросившись ко мнѣ въ ноги, произносила и Богъ знаетъ какую благодарность. Вотъ каковы добровольные-та, какъ говорятъ, тебѣ подарки; и ты, чаю, получая оные, не представляешь таковыхъ печальныхъ слѣдствій: такъ разсуди же, (заключаетъ Г. *Бутурлинъ*) можно ли требовать отъ подданныхъ, чтобъ они

взя-

взятокъ не брали, когда видятъ они, что и самъ ты берешь оныя?

Великій Государь, по выслушаніи таковыя толь непріятныя, какъ казалось, истинны, обнялъ Г. *Бутурлина;* благодарилъ, что онъ вразумилъ его, и не только не принялъ отъ гражданъ того подарка, но велѣлъ возвратить и другимъ городамъ поднесенные ими сего же рода подарки; да и положилъ за правило себѣ впредь никогда не принимать оныхъ (*).

LXXIX.

Монархъ нечаянно пріѣзжаетъ въ Олонецъ, и посѣщаетъ Канцелярію Воеводскую.

Великій Государь посѣщалъ часто и нечаянно города, когда граждане отнюдь его и не ожидали; и для сего употреблялъ на поѣздки свои самые простые экипажи и малую свиту. Въ одинъ изъ таковыхъ пріѣздовъ прибывъ Монархъ въ Олонецъ, прямо пошелъ въ Воеводскую Канцелярію и засталъ въ оной

(*) Отъ Адмирала *Алексѣя Ивановича Нагаева*, подтвержденныя и Коммисаромъ *Крекшинымъ.*

оной Воеводу, украшеннаго сѣдинами, простосердечіемъ и непорочностію, какъ изъ слѣдующаго то явно.

Его Величество спросилъ его: какія есть въ Канцеляріи челобитчичьи дѣла? Воевода въ страхѣ повергается въ ноги Государю, и дрожащимъ голосомъ говоритъ: виноватъ Всемилостивѣйшій Государь, никакихъ нѣтъ. — Какъ никакихъ? вопрошаетъ паки Монархъ. — Никакихъ, надежа Государь, со слезами повторяетъ Воевода; виноватъ Государь, я никакихъ челобитенъ такихъ не принимаю и до Канцеляріи не допускаю, а всѣхъ таковыхъ соглашаю на миръ, и слѣдовъ ссорныхъ не оставляю въ Канцеляріи. Удивился Монархъ таковой винѣ; онъ поднялъ стоящаго Воеводу на колѣняхъ, поцѣловалъ его въ голову и сказалъ: я бы желалъ и всѣхъ Воеводъ видѣть столь же виноватыхъ, какъ ты; продолжай, другъ мой, таковое служеніе; Богъ и я тебя не оставлю.

Чрезъ нѣкое же время примѣтивъ въ Адмиралтейской Коллегіи между членами, а паче между Господами *Чернышевымъ* и *Крейцомъ* несогласіе, послалъ указъ къ Воеводѣ оному, чтобъ

чтобъ былъ къ нему въ Петербургъ, и по прибытіи опредѣлилъ его Прокуроромъ въ Коллегію, сказавъ: *Старикъ! я желаю, чтобъ ты и здѣсь былъ столь же виноватъ, какъ и въ Олонцѣ, и не принимая никакихъ ссорныхъ объясненій отъ членовъ, мирилъ ихъ. Ты ничѣмъ столько не услужишь мнѣ, ежели поселишь между ими миръ и согласіе* (*).

LXXX.

Монархъ встрѣчаетъ на пути вооруженнаго священника, ѣхавшаго съ святыми дарами.

Въ сіе ли, или другое время, Великій Государь, ѣхавшій изъ Олонца въ Петербургъ, встрѣтился съ священникомъ, ѣхавшимъ верьхомъ на лошади, у котораго висѣла на груди сумка, а за плечами ружье. Государь, остановя его, спросилъ: кто ты и куда ѣдешь? Священникъ, не зная, что онъ былъ Государь, отвѣтствуетъ, что онъ попъ изъ села такого-то, и ѣдетъ въ де-

(*) Отъ Олонецкаго купца *Барсукова*, любимаго Государемъ, слышанное, записалъ одинъ изъ пріятелей моихъ; но къ сожалѣнію запомнилъ онъ записать фамилію сего Воеводы.

деревню своего прихода съ запасными св. дарами, для пріобщенія оными больнаго. Благочестивый Государь, привставши съ благоговѣніемъ и воздавъ поклоненіе святымъ тайнамъ, вопрошаетъ его паки: на что же ты взялъ съ собою ружье? Здѣсь не очень смирно Баринъ, отвѣчствовалъ священникъ, и иногда нападаютъ злые люди на проѣжжихъ, убиваютъ и грабятъ. — Ну естьли ты кого изъ нихъ застрѣлишь, такъ вить не будешь ты тогда попомъ. — Это правда, Баринъ; но какъ и меня убьютъ, такъ я не буду уже и человѣкомъ; а живой оставшись куда нибудь да гожуся. — Отвѣтъ таковый *Его Величеству* весьма полюбился; онъ похвалилъ его за рѣшимость сію, записалъ имя его, и пожелалъ, дабы онъ никогда не повстрѣчался съ разбойниками (*).

LXXXI.

(*) Отъ Протоіерея Архангельскаго Собора *Петра Алексѣевича*, сообщенный ему отъ гвардіи Капитана - Порутчика П. С. *Хлонова*.

LXXXI.

Происшествіе касательно до Фельдмаршала Графа Шереметева.

Сей, толико впрочемъ заслуженный, фельдмаршалъ имѣлъ нещастіе подпасть однажды по какимъ-то дѣламъ подъ гнѣвъ Монаршій, и ему не велѣно было выѣжжать изъ дому. Болѣзненно было ему сколько то, что онъ прогнѣвилъ своего Государя и благодѣтеля, столько и то, что лишенъ былъ способа испросить у него прощеніе. Въ семъ случаѣ прибѣгнулъ онъ къ любимцу Государеву, *Ивану Михайловичу Головину*, и просилъ доставить ему случай увидѣться съ Государемъ; а сей и обѣщалъ ему завести Монарха въ домъ къ нему. Случай же къ тому избралъ онъ слѣдующій:

Когда Великій Государь, зимою въ санкахъ, во время жестокой стужи поѣхалъ по утру изъ Кремля въ Преображенскъ, взявъ съ собою одного только его *Головина*, и какъ дорога лежала мимо дому Фельдмаршала, то Г. *Головинъ*, подъѣжжая къ дому его, притворя себѣ болѣзнь живота, и тѣлесную не терпящую времени нужду, вскричавъ ой, ой, ой! сскочилъ

съ

съ санокъ, прося Государя или обождать его, или заѣхать въ домъ къ Фельдмаршалу; а самъ и побѣжалъ, сколько было силы, въ домъ Фельдмаршальской. Жестокая стужа заставила Государя заѣхать къ Графу, а сей и воспользовался минутою сею: онъ палъ предъ Монархомъ на колѣни, и со слезами просилъ простить его, представляя, что гнѣвъ *Его Величества* страшнѣе ему самой мучительной смерти. Заслуги сего мужа, слезы и объясненіе таковое, тронули сердце Государево, и онъ простилъ его и въ прежнюю принялъ милость.

По окончаніи сего явился и Г. *Головинъ*, и Великій Государь сказалъ ему съ видомъ удовольствіе означающимъ: *Къ стати приключилась тебѣ болѣзнь твоя; я чрезъ посредство оныя избавился отъ досады, какую имѣлъ на хозяина.* Простите же и меня, Всемилостивѣйшій Государь, что я изъ состраданія къ сему же хозяину притворилъ себѣ болѣзнь, дабы только завести васъ въ домъ къ нему. *Щастливъ ты*, отвѣчалъ на сіе Государь, *что плутовство твое имѣло удачу; но берегись впредь подобно сему пошутить надо мною; мнѣ жаль будетъ тогда,*

ежели

ежели не такъ щастливо съ рукъ тебѣ сойдетъ оное, какъ теперь. — Я бы и не открылся въ томъ Вашему Величеству, ежелибъ имѣлъ намѣреніе что нибудь подобное сему и впредь сдѣлать, сказалъ Г. *Головинъ* (*).

LXXXII.

Правосудіе Его Величества и уваженіе къ закону Божію.

Денщикъ *Его Величества Иванъ Михайловичь Орловъ*, узнавши объ одномъ тайномъ по вечерамъ сходбищѣ, и о составляющихъ оное людяхъ, подалъ о семъ ввечеру же Монарху записку. Великій Государь, прочтя оную, положилъ въ карманъ сюртука своего; но какъ карманъ подпоролся, то ошибкою бумага попала между сукномъ и подкладкою.

Сюртукъ сей Монархъ, ложася почивать, обыкновенно приказывалъ класть или подъ подушку свою, или на стулѣ у кровати.

(*) Отъ невѣстки Г. *Головина Марьи Іоничны Головиной* же, сообщенное мнѣ отъ предупомянутаго же Протоіерея.

Когда же *Его Величество* заопочивалъ, и Г. *Орловъ*, окончавшій дневанье свое, прогулялъ съ пріятелями своими всю ночь, Монархъ проснувшись захотѣлъ записку ту разсмотрѣть точнѣе; но, не найдя оныя въ карманѣ, заключилъ, что она украдена, и крайне прогнѣвался; онъ приказалъ позвать къ себѣ Г. *Орлова*, которой раздѣвалъ его; но его не нашли. Естественно должно было Государю въ большій отъ сего притти гнѣвъ; онъ велѣлъ его сыскать скорѣе; поелику же долго его сыскать не могли, то тѣмъ больше гнѣвъ его увеличиться быть долженъ. Наконецъ сысканъ будучи *Орловъ*, узналъ, что Монархъ чрезмѣрно на него гнѣвается; не вѣдая жъ тому причины, заключилъ, что конечно узналъ Государь о любовной его связи съ Камеръ-Фрейлиною *Гамильтоновою*, любимицею Ея Величества. Въ таковыхъ мысляхъ вошедши и увидя Монарха весьма гнѣвна, упалъ къ ногамъ его, вопія: виноватъ, Государь! люблю *Марьюшку* (такъ называлась Фрейлина оная). Государь изъ сего увидя, что въ похищеніи бумаги онъ невиненъ, успокоился; особливо же когда въ то же самое время дневальной денщикъ Г. *По-*

Послѣловъ, сыскавъ оную въ сюртукѣ, принесъ къ Монарху, сказавъ, гдѣ онъ ее нашелъ.

И такъ съ спокойнымъ уже видомъ спрашивалъ Государь *Орлова*, давно ли онъ любитъ ее? — Третій годъ. — Бывала ли она беременна? — Бывала. — Слѣдовательно и рожала? — Рожала, но мертвыхъ. — Видѣлъ ли ты ихъ мертвыхъ? — Нѣтъ, не видывалъ, а отъ нее сіе зналъ, отвѣтствуетъ *Орловъ*. Къ нещастію сея любовницы не за долго предъ тѣмъ при чищеніи нечистотъ найденъ мертвой младенецъ, обвернутой въ дворцовой салфеткѣ; но не могли тогда дойти до виновницы того. Изъ отвѣтовъ же сихъ заключилъ Монархъ, что сія убійца есть точно *Гамильтонова*. Онъ тотъ же часъ призываетъ ее къ себѣ, и при *Орловѣ* же спрашиваетъ ее о томъ. Къ нещастію виновная сія вздумала въ томъ запираться, и клятвенно невинность свою утверждать; однакожъ наконецъ бывъ уличена постыдною ея любовію съ *Орловымъ*, принуждена была признаться во всемъ, и что уже двухъ такимъ образомъ погубила младенцовъ. — Монархъ паки спрашиваетъ ее: зналъ ли о семъ *Орловъ?* Не зналъ,

 от-

отвѣчаетъ она; но Монархъ, оставшись въ подозрѣніи на него, повелѣваетъ его отвести въ крѣпость подъ стражу; а виновную, яко смертоубійцу и нераскаянную, отдать уголовному суду.

Судъ сей не могъ не осудить ее на смерть; опредѣленіе сіе Монархъ (въ 1719 году) подтверждаетъ, и дается ей нѣкое время на покаяніе и приуготовленіе себя къ казни.

Ея Величество, любя сію нещастную, всѣ силы свои употребляла спасти ее; присоединила она и прозьбы любимыхъ Монархомъ особъ, но все было тщетно. Наконецъ склонила она къ убѣжденію Великаго Супруга своего любимую его невѣстку Царицу *Параскевію Θеодоровну*, (которыя, говоритъ Г. *Татищевъ* (*), совѣты и прозьбы никогда Государь не презиралъ) и условленось, чтобъ на канунѣ казни *Гамильтоновой* сія Царица позвала Монарха къ себѣ съ Государынею, и пригласила бы къ тому же Графовъ *Апраксина*, *Брюса* и *Толстова*. По прибытіи Ихъ Величествъ и сихъ особъ, въ продолженіи разговоровъ Царица склонила рѣчь на нещастную *Га-*

(*) Въ примѣчаніи на Судебникъ Царя *Ивана Васильевича*.

Гамильтонъ, извиняла преступленіе ея слабостію человѣческою, страстію и стыдомъ; превозносила добродѣтель въ Государѣ милосердіе, уподобляющее его Богу, предъ которымъ всѣ смертные виновны и нечисты, но онъ терпитъ оныя и ожидаетъ покаянія нашего, и проч. Сіи разсужденія Царицыны утверждали, какъ самыя справедливѣйшія, и помянутые Министры, заключая свои разсужденія Псаломниковыми словами: *аще беззаконія назриши Господи, кто постоитъ?* и проч.

Монархъ, все то выслушавъ терпѣливно, не перебивая рѣчей ихъ, спросилъ невѣстку: Чей законъ есть на таковыя злодѣянія? Царица должна была признаться, что въ началѣ Божій, а потомъ Государевъ. — Чтожъ именно законы сіи повелѣваютъ? не то ли, *что проливаяй кровь человѣческую, да проліется и его?* Должна была подтвердить она и сіе, что за смерть смерть. *А когда такъ*, сказалъ паки Государь, *то разсуди невѣстушка: ежели тяжко мнѣ и законъ отца или дѣда моего нарушить, то коль тяжчае законъ Божій уничтожить!* и обратяся къ помянутымъ особамъ, сказалъ: *Я не хочу быть ни Сауломъ, ни Ахавомъ, кото-*

рые неразсудною милостїю законъ Божїй преступя, погибли и тѣломъ и душею; и естьли вы имѣете смѣлость, то возьмите на души свои сїе дѣло и рѣшите какъ хотите, я спорить не буду. Послѣ сего всѣ умолкли, не смѣя ни на себя того взять, и ниже просить за нещастную Государя; и Царица увидѣла себя принужденною замять рѣчь, говоритъ паки Г. *Татищевъ, шуточнымъ прикладомъ.* И такъ бѣдная *Гамильтонова* заплатила за убїйство рожденныхъ ею младенцовъ своею головою, которая на другой день сего разговора была отрублена публично.

Смертоубїйство, особливо же когда не примѣчалъ Государь въ убїйцѣ сердечнаго раскаянїя, никогда имъ не прощалось, какїя бы о прощенїи его ни были прозьбы. Въ семъ случаѣ подобенъ былъ ему *Генрикъ IV*. Одинъ изъ знатныхъ придворныхъ просилъ его о пощаженїи своего племянника, обвиненнаго въ смертоубїйствѣ: „Вамъ, „сказалъ сей Государь, очень къ стати, яко дядѣ, просить племяннику „помилованїя; а мнѣ также прилично, „яко Королю, слушать гласа правосудїя. Я извиняю васъ въ вашей прозьбѣ,

„из-

„ извините же и меня въ моемъ от-
„ казѣ. „

Впрочемъ, касательно до Г. *Орлова*, хотя онъ и всегда утверждалъ свою невинность въ соучастіи убійства помянутыхъ младенцовъ; однакожъ правосудный Государь оставался въ сомнѣніи о немъ очень долго, и сіе-то было причиною, что онъ оставилъ его на цѣлой годъ подъ стражею, по прошествіи котораго *Его Величество*, бывши на асамблеѣ, повелѣвъ его представить себѣ, увѣщавалъ паки, что естьли онъ соучаствовалъ въ убійствѣ томъ, тобъ признался: ибо, де, согрѣшить есть дѣло человѣческое, а не признаваться въ грѣхѣ есть дѣло дьявольское, увѣряя притомъ, что ежели онъ чистосердечно раскается, то онъ его проститъ; но какъ однако же Г. *Орловъ* и при семъ случаѣ не признался, и невинность свою утверждалъ клятвою: *ну*, сказалъ Государь, *ежели ты виновенъ, то какъ нѣтъ точныхъ тому доказательствъ, судить тебя будетъ Богъ, а я долженъ наконецъ положиться на твои клятвы.* И такъ повелѣвъ отроcшую бороду его выбрить, одѣть въ новой гвардейской Офицерской мундиръ, пожаловалъ его Порутчикомъ

гвардіи, сказавъ притомъ слѣдующія слова: *Страхъ подпасть подъ неправосудіе въ толь сомнительномъ дѣлѣ, принудилъ меня заключить тебя на годъ, яко виновника нещастію любовницы твоей, и ты самъ долженъ признать наказаніе сіе справедливымъ; оно послужитъ и тебѣ и другимъ наставленіемъ хранитъся отъ подобныхъ поползновеній* (*).

LXXXIII.

Примѣрная справедливость Великаго Государя.

Корабельный, или камельный мастеръ изъ дворянъ *Гуръ Ивановъ*, сынъ *Гурьевъ*, коего Монархъ за исправность и прилѣжность любилъ, въ одно время, когда *Его Величество* былъ на работахъ Адмиралтейскихъ, подаетъ ему бумагу. Государь, думая, что оная касается до какого нибудь объясненія по должности его, принялъ, развернулъ, и увидѣвъ челобитную на Сенатъ, съ торопливостію сказалъ ему: это челобитная на Сенатъ! — Да Государь, отвѣчалъ *Гурьевъ*. — Да вѣдаешь ли ты

(*) Отъ *Ивана Ивановича Неплюева*.

ты законъ, что тому опредѣлено, кто на Сенатъ бьетъ челомъ? — Вѣдаю, что подвергается тотъ смертной казни, кто въ неправдѣ на оной бьетъ челомъ. — И ты, вѣдая сіе, просишь на него? — Вѣдаю и бью челомъ, отвѣчаетъ паки *Гурьевъ*. — Пожалуй *Гуръ* возьми назадъ челобитную свою, продолжаетъ Монархъ; покажи ее знающимъ болѣе твоего законы. и потолкуй съ ними гораздо, на что даю тебѣ сроку три дни; мнѣ весьма жаль потерять тебя.

Чрезъ три дни *Гуръ* сей подаетъ Государю паки оную; и Монархъ спросилъ его: это та же бумага? Та же, отвѣчаетъ онъ. И ты казалъ ее Юристамъ? — Казалъ, Государь, и они меня оправдываютъ. — Боюсь я *Гуръ*, чтобъ ты не былъ виноватъ, и для того пожалуй поищи лучшихъ изъ нихъ, и поприлѣжнѣе съ ними потолкуй, разсказавъ чистосердечно все дѣло; и чрезъ три дни скажи мнѣ о томъ. — Хорошо Государь! отвѣчаетъ *Гурьевъ*.

Онъ чрезъ три дни паки подаетъ Государю челобитную свою, и паки спрашиваетъ его Монархъ: подлинноль ты удостовѣрился о своей справедли-

 вости?

вости? Удостоверился, отвечает *Гур*. Дай Богъ, чтобъ ты былъ правъ! заключилъ Государь.

Дѣло же Г. *Гурьева* состояло въ томъ: Сосѣдъ по деревнѣ его, господинъ знатной N. . . надѣясь на свою знатность и знакомство съ Господами Сенаторами, завладѣлъ частію земли его, которая была ему къ стати. Дѣло, бывши въ нижнихъ судахъ, по апелляціи дошло до Сената. Господинъ сей прозьбами своими и хитрыми обьясненіями склонилъ Господъ Сенаторовъ на свою сторону; онъ былъ оправленъ, а *Гурьевъ* обвиненъ.

Между тѣмъ Монархъ, разсмотря челобитную, приказалъ того же еще вечера быть къ себѣ Оберъ-Секретарю Сенатскому и съ дѣломъ тѣмъ; прочелъ все производство онаго, и нашелъ дѣло *Гурьево* справедливымъ; и Оберъ-Секретарь заключенія *Его Величества* не могъ оспорить. Чего же ты смотрѣлъ? вопрошаетъ Монархъ. Виноватъ, Всемилостивѣйшій Государь, не доразумѣлъ, отвѣтствуетъ онъ. Не доразумѣлъ! такъ я тебя вразумлю — и далъ ему почувствовать оное палкою своею; потомъ отдавши ему дѣло, велѣлъ приготовить оное къ завтрешнему

дню

дню паки къ докладу: Я самъ буду въ Сенатѣ, примолвилъ Монархъ.

Оберъ-Секретарь съ дѣломъ симъ зашолъ къ старшему изъ Сенаторовъ Князю *Якову Ѳедоровичу Долгорукову*, которой также подписалъ обвиняющее *Гурьева* опредѣленіе. Сей достойнопочтенный мужъ, той же ночи разсмотрѣвъ прилѣжнѣйше дѣло, нашолъ оное дѣйствительно неправо рѣшенымъ; и рано поутру привезъ оное съ собою въ Сенатъ. Скоро по семъ прибылъ и Монархъ; *Гурьевъ* же, дождавшись прибытія *Его Величества* на крыльцѣ, поклономъ своимъ напомнилъ ему о дѣлѣ своемъ.

Первое слово Государево, взошедши въ Сенатъ, было: *подайте дѣло Гурьево*. При семъ словѣ Князь *Долгоруковъ*, вставши съ мѣста своего и подойдя къ Монарху, говоритъ: Великій Государь! признаюсь предъ *Вашимъ Величествомъ*, яко предъ самимъ Богомъ, что никогда я не разсматривая и не читая дѣла не подписывалъ, а сіе подписалъ въ первые не читая. Я, продолжалъ онъ, при рѣшеніи онаго за болѣзнію моею не былъ въ Сенатѣ, и подписалъ оное въ домѣ моемъ будучи въ постелѣ, не читая, положася на

сото-

сотоварищей моихъ, подписавшихъ оное. Но какъ узналъ я, что вы Государь дѣло сіе брали къ себѣ, взялъ и я, разсмотрѣлъ и увидѣлъ, что Сенатъ, не вникнувъ въ дѣло, въ рѣшеніи своемъ погрѣшилъ; чего ради и прошу простить неумышленное погрѣшеніе рабу твоему.

Монархъ, не отвѣчая на сіе ничего, далъ повелѣніе, дѣло то перерѣшить: отнятое у *Гурьева* возвратить; съ соперника его, яко коварника, отписавъ у него столько же земли и пятьдесятъ душъ крестьянъ, отдать *Гурьеву*; съ Оберъ-Секретаря и Сенаторовъ взявъ по 200 рублей штрафу, отослать въ госпиталь, съ таковымъ напослѣдокъ заключеніемъ: *Поелику же по законамъ положена смерть тому, кто неправо бить челомъ будетъ на Сенатъ: то разумѣется, что и Сенаторы подвергаются той же казни за неправое рѣшеніе, отъ которой и не можетъ онъ ихъ избавить, естьли не проститъ ихъ Гуръ Гурьевъ.* Давъ сію резолюцію, вышелъ изъ Сената; и увидя на крыльцѣ же сего *Гурьева*, ударилъ его по плечу, сказавъ: поди домой и ѣшь щи съ чеснокомъ.

Гурьевъ

Гурьевъ обрадовавшись побѣжалъ домой, и дѣйствительно расположился ѣсть щи съ чеснокомъ.

Между тѣмъ по выходѣ Монарха изъ Сената, Князь *Яковъ Өедоровичь* выговаривалъ съ горестію товарищамъ своимъ за ихъ неосмотрительность, а можетъ де и за пристрастіе; охулялъ и свое лехкомысліе, что положася на нихъ, столь много обманулся, подписавъ толико несправедливое ихъ опредѣленіе; и заключилъ, что къ избавленію всѣхъ ихъ отъ бѣды другаго нѣтъ спасенія, какъ испросить у *Гурьева* прощеніе.

Пораженные Господа Сенаторы приговоромъ Монарха, просили его призвать Г. *Гурьева* къ себѣ въ домъ, гдѣ всѣ они будутъ его просить о томъ. Князь изъ Сената со всѣми ими прибывши въ домъ свой, послалъ къ нему Адъютанта своего и свою одноколку, наказавъ ему, какъ его просить, а именно: Поклоняся ему, сказать, что Князь *Долгоруковъ* приказалъ Его Высокоблагородіе просить, пожаловать теперь же къ нему въ домъ; для чего, де, прислалъ онъ и одноколку свою; онъ бы, де, и самъ былъ къ вамъ, но спа-

старость его и недосуги тому воспрепятствовали.

Господинъ *Гурьевъ*, тотъ же часъ одѣвшись, прiѣхалъ къ сему Князю и сколь скоро вошелъ, то всѣ Сенаторы съ покорностiю убѣдительнѣйше просить его стали, чтобъ онъ пожаловалъ простилъ ихъ. Сей, ни мало сего не воображавши, кланяяся каждому изъ нихъ, повторялъ: Богъ проститъ Ваши Сiятельства и Ваши Превосходительства. Обрадованные Гг. Сенаторы благодарили его чувствительно, и одаря щедро, кто чѣмъ могъ, отпустили. Послѣ чего Князь *Долгоруковъ* поѣхалъ къ Государю, и донесъ *Его Величеству*, что *Гуръ Ивановичъ* пожаловалъ простилъ ихъ. — Хорошо, щастливы вы, сказалъ Монархъ, что попали вы на добраго человѣка: а то бы я показалъ вамъ, какъ поступить съ тѣми, которые должны примѣромъ быть правосудiю, сами оное нарушаютъ. По отпускѣ же его Великiй Государь послалъ за *Гурьевымъ*, чтобъ онъ тотъ же часъ былъ къ нему. Повелѣнiе таковое устрашило его до крайности; онъ вообразилъ себѣ, что Государь прогнѣвался на него, что безъ воли

его

его простилъ Сенаторовъ. Въ такомъ бывъ предувѣреніи, упалъ онъ предъ Монархомъ, произнося: виноватъ, Государь; я ихъ простилъ! Не о томъ рѣчь, дуракъ, сказалъ Государь, что ты ихъ простилъ, да какъ простилъ? не угражкивали ли они чѣмъ тебѣ, буде ты ихъ не простишь? Сей разсказалъ съ подробностію *Его Величеству* всѣхъ ихъ униженность, и всѣ ихъ слова, и чѣмъ кто изъ нихъ его подарили. Монархъ усмѣхнувшись отпустилъ его.

LXXXIV.

Солдатъ уличаетъ Монарха въ неправосудіи.

Великій Государь въ лѣтнемъ своемъ саду имѣлъ одинъ дубъ, посаженной собственными его руками; около онаго сдѣланъ былъ круглой столъ, и стояли у онаго креслы, а на столъ, въ хорошую погоду, ставливалась чернильница и клалась бумага, за коимъ не рѣдко Монархъ садяся, углублялся въ размышленія; почему у мѣста сего и ставливался особой часовой.

Въ одно время *Его Величество*, писавъ на семъ столѣ, восклонился на кре-

креслы, и довольно громко проговорилъ: *Слава Богу! кажется правосудіе я возстановилъ.* Гренадиръ, стоявшій на часахъ, (которой былъ изъ дворянъ) услышавши сіе, также довольно громко сказалъ: *всѣ правосудны, кромѣ тебя.* Государь, сіе услыша, подозвалъ его ближе, и спросилъ: что онъ сказалъ? Гренадиръ, не обинуяся, повторилъ тѣ же слова. — Какъ ты смѣешь сіе сказать обо мнѣ? и изъ чего ты такъ заключаешь? сказалъ Государь съ видомъ удивленіе означающимъ. — Вы Государь сами рѣшили мое дѣло, отвѣчаетъ гренадиръ, и лиша меня онымъ послѣдней деревнишки, доставшейся мнѣ еще отъ прадѣда моего, отдали обидчику моему, господину знатному и богатому . . . . . назвавъ его именемъ. — Правду ли ты говоришь? спросилъ Государь. — Я не осмѣлился бы сказать вамъ неправды, отвѣчаетъ смѣло гренадиръ.

Послѣ сего Великій Государь призвалъ къ себѣ караульнаго Офицера, и приказалъ: когда онъ придетъ рапортовать его, то напомнилъ бы о Преображенскомъ гренадирѣ; а при смѣнѣ своей сказалъ бы сей же приказъ Офицеру,

церу, которой его смѣнитъ. Поутру Офицеръ, отрапортовавъ Монарха о состоянiи караула, присовокупилъ: изволите ли помнить о Преображенскомъ гренадирѣ? — *Помню, братъ, помню*, скоропоспѣшно отвѣчалъ Государь. На другой день припомнено *Его Величеству* паки то же, и таковой же былъ отвѣтъ его; но въ то же еще утро повелѣлъ принесть къ себѣ изъ Сената дѣло сiе; разсматривалъ его до самаго обѣда съ великимъ вниманiемъ; увидѣлъ, что соперникъ того гренадира умѣлъ столь хитро запутать сiе дѣло, и при помощи коварнаго стряпчаго, дать ему такой видъ справедливости, что Сенатъ и самъ Государь сочли его за таковое. Сколько же сiе чувствительно было Монарху, то доказалъ онъ въ слѣдующiй за симъ день; онъ, прибывши въ Сенатъ, сказалъ Гг. Сенаторамъ: *Мы всѣ, паче же я, стыдиться должны, что столь грубо обмануты хитростiю коварнаго ябедника; а ты, бездѣльникъ!* обратяся къ Оберъ-Секретарю, сказалъ съ гнѣвнымъ видомъ, *и не думалъ предостеречь насъ; я тебя научу, какъ вникать лучше въ дѣла; отведите его въ тюрьму на мѣсяцъ.* И по семъ далъ указъ,

 пове-

повелѣвающій прежнее рѣшеніе уничтожить; стряпчаго, писавшаго челобитную и за дѣломъ ходившаго, сослать, яко опаснаго ябедника, въ ссылку въ Сибирь; отнятое у того гренадира имѣніе, и отданное сопернику его, возвратить; а за убытки и за владѣніе, у того корыстолюбиваго обидчика, изъ собственнаго его имѣнія столько же земли и крестьянъ отписавъ, утвердить за обиженнымъ; и сверьхъ того взыскать съ него же 1000 рублей на госпиталь.

LXXXV.

Гвардіи Капитанъ лишается своего чина за ябедничество.

Капитанъ гвардіи Преображенскаго полку *Слицынъ*, бывшій у Государя, а паче у Ея Величества въ великой милости, имѣлъ въ Новогородскомъ уѣздѣ немалую деревню, въ сосѣдствѣ съ дворяниномъ, оставшимся отъ отца въ малолѣтствѣ. Г. *Слицынъ*, воспользуяся симъ, завладѣлъ деревнею сего безпомощнаго сироты; но дабы насильственное завладѣніе свое упрочить, такъ сказать, за собою, то

то принудивъ сироту того подать на себя исковую челобитную, завязалъ дѣло такъ, что оно, переходя изъ нижняго въ вышніе суды, дошло напослѣдокъ, по аппелляціи того же сироты, до Сената; чего самаго Г. *Слицынъ* и желалъ, дабы, то есть, рѣшеніемъ онаго быть ему оправданну, въ чемъ онъ и не сомнѣвался: ибо завременно предубѣждены уже были имъ въ пользу его Господа Сенаторы. А какъ къ тому же съ одной стороны интересовались въ немъ Князь *Меншиковъ* и сама Императрица; а съ другой стряпчимъ его хитрымъ и коварнымъ данъ дѣлу такой видъ правдоподобія, что и самые безпристрастные изъ Сенаторовъ не могли не обмануться: то и рѣшено дѣло въ его пользу. Оставалось для обидчика одно только сомнѣніе, чтобъ, по прибытіи въ Петербургъ Государя, обиженной на рѣшеніе сіе не подалъ *Его Величеству* жалобы; и для того убѣдилъ Сенатъ прозьбами и происками своими къ тому, что нещастной юноша, якобы за неправое утружденіе Сената, сосланъ въ Олонецъ; откуда не велѣно было его отпускать никуда безъ указу.

По щастію однакожъ его, скоро послѣ сего открылись въ Олонцѣ минеральныя воды; и Великій Государь, желая привесть ихъ въ славу, и тѣмъ привлечь къ онымъ многихъ изъ тѣхъ, кои для излѣченія своего ѣздятъ къ подобнымъ симъ иностраннымъ водамъ, рѣшился подать имъ примѣръ собственнымъ употребленіемъ оныхъ; и для того со всѣмъ дворомъ своимъ прибылъ въ Олонецъ. При Ихъ Величествахъ находился между прочими и Г. *Слицынъ*. Невинно сосланный туда юноша нашолъ случай упасть къ ногамъ Монарха и обьяснить ему все происшедшее и свою ссылку. Великій Государь, выслушавши все, сказалъ бывшему притомъ *Слицыну*: слышалъ ли *Слицынъ*? но сей, не показавъ ни малаго смущенія, отвѣтствовалъ, что глупому мальчишкѣ не можно вѣрить въ томъ, что уже Сенатъ, входя въ подробность дѣла, изслѣдовалъ и его оправдалъ, и проч. Монархъ сказалъ потомъ жалующемуся: здѣсь разсматривать дѣла твоего не можно, а поѣзжай со мною въ Петербургъ. На сіе слезящій юноша сказалъ: страшусь, Всемилостивѣйшій Государь, чтобъ далѣе еще куда меня не услали. —

Врешь,

Врешь, будь при мнѣ: никто тебѣ ничего не сдѣлаетъ, заключилъ Монархъ.

Коль же скоро Великій Государь прибылъ въ Петербургъ, то прежде всего повелѣлъ Сенату представить себѣ все дѣло оное. Можно себѣ вообразить, коль огорчиться онъ былъ долженъ, когда нашелъ въ самомъ дѣлѣ несправедливость *Слицына*, оправданную Сенатомъ. Онъ сдѣлалъ Сенату за невнимательность и пристрастіе его по дѣлу тому жестокой выговоръ; опредѣлилъ Секретаря, за болѣзнію Оберъ-Секретаря, и повытчика, исправлявшаго Секретарскую должность, яко соучастниковъ плутовству *Слицына*, лиша чиновъ, написать въ солдаты; деревню, завладѣнную *Слицынымъ*, и Сенатомъ за нимъ утвержденную, возвратить законному владѣльцу оныя, и всѣ понесенные обиженнымъ убытки изъ имѣнія обидчикова, взыскавъ вдвое, отдать ему же. Но симъ не кончено еще дѣло: Великій Государь, желая, дабы подобное ябедничество истребить, и Сенату оплошность его сдѣлать чувствительнѣйшею, прибывъ предъ представшій по приказу его въ строй полкъ Преображенской, повелѣлъ быть туда же

и всѣмъ Господамъ Сенаторамъ; а потомъ полку оному, окружа себя и ихъ, читать Секретарю своему сдѣланную изъ дѣла выписку, обьясняющую все коварное ябедничество и насиліе *Слицына*, учиненное невинному; и обольщеннаго имъ Сената рѣшеніе; и потомъ снять гвардейскій мундиръ съ обидчика: *ты достоинъ, бездѣльникъ, всякаго наказанія*, сказалъ прогнѣванный Государь, *и я стыжусь, что столь обманулся въ тебѣ;* и повелѣлъ написать его изъ Капитановъ гвардіи въ армейскіе Прапорщики, и послать въ дальной Сибирской гарнизонъ; Сенаторамъ же сдѣлалъ паки жестокой выговоръ, пригрозя, что естьли они что впредь подобное учинятъ, то будетъ съ ними поступлено, какъ съ преступниками, со всею строгостію (*).

LXXXVI.

(*) Недоросль сей былъ Новогородской дворянинъ, *Флоръ Исаковичъ Неплюевъ*, отъ котораго я какъ все сіе, такъ и предшествующіе сему два Анекдота слышалъ, въ 1780 году, въ Петербургѣ.

LXXXVI.

Признательность и снисхожденіе Великаго Государя.

Нижегородской дворянинъ, морской службы Офицеръ, *Иванъ Прокудинъ*, извѣстился, что дядя его, котораго былъ онъ ближайшій наслѣдникъ, скончался, оставивши знатное имѣніе и крестьянъ до 700 душъ; и что вступаются въ наслѣдство другіе; и о томъ уже начали приказную прозьбу. Онъ все сіе Монарху, бывшему у Адмиралтейскихъ работъ, донеся, просилъ отпустить его, дабы, де, не лишиться ему сего наслѣдства. Врешь, сказалъ на сіе Монархъ; когда ты по законамъ ближайшій наслѣдникъ, то никто у тебя онаго не отниметъ; а отпустить тебя до зимы не можно.

Огорченный симъ отказомъ Офицеръ сей, на другой день, паки проситъ Монарха о своемъ отпускѣ. Я уже сказалъ тебѣ, отвѣчаетъ Государь, что не льзя отпустить тебя прежде зимы. На третій день осмѣливается онъ паки о томъ же утруждать Государя. Монархъ съ гнѣвомъ закричалъ на него: *что ты привязался ко мнѣ дерзкой? поди прочь*; но сей од-

однако же не отходитЪ, говоря: бѣдной времени не терпитЪ. Выведенный симЪ изЪ терпѣнія МонархЪ даетЪ ему жестокую пощочину; но вЪ тотЪ же самый часЪ раскаевается и сЪ ласковымЪ уже видомЪ говоритЪ ему: *ты вывелЪ меня изЪ терпѣнія своею неотвязностію и выговорами своему Государю.* Признаніе таковое вЪ Самодержцѣ трогаетЪ Офицера до слезЪ, и онЪ повергается кЪ ногамЪ Государя, и признаваяся вЪ винѣ своей, проситЪ великодушно простить его. МонархЪ поднимаетЪ его, и тогда же отпускаетЪ, пожаловавЪ ему на дорогу 50 рублей.

Сей Г. *ПрокудинЪ*, получа наслѣдство, просилЪ Монарха для поправленія разстроенной вЪ деревняхЪ покойнаго дяди его экономіи, пожаловать отставить его отЪ службы; и Великій Государь, хотя и рѣдко на таковыя прозьбы соглашался, отставилЪ его сЪ награжденіемЪ чина Коллежскаго Ассессора. ОнЪ, доживЪ до глубокой старости, разсказывалЪ сіе пріятелю своему Нижегородскому же дворянину *Михайлу Павловичу Жукову*, отЪ котораго и мнѣ сіе сообщено.

LXXXVII.

LXXXVII.

Доказательство, колико надъ страстьми своими владѣлъ Монархъ.

Когда начатъ дѣлаться большой Ладожской каналъ, то Монархъ, нерѣдко пріѣжжая самъ для надзиранія за работами онаго, обыкновенно останавливался въ Старой Ладогѣ у знаемаго имъ тамошняго купца *Барсукова*, котораго за расторопность его болѣе еще полюбя, удостоилъ его назвать братомъ. Онъ поручилъ въ особое его надзираніе одну дистанцію канальной работы, и по его же выбору переселеніе купцовъ изъ Старой въ Новую Ладогу.

Снизходительнѣйшій Государь, имѣя въ домѣ сего *Барсукова* для пріѣзду своего особую комнату, всякой разъ, когда случалось ему пріѣжжать въ сію квартиру свою ночью, останавливаяся у воротъ, приказывалъ навѣдываться, не спитъ ли онъ; и буде спалъ, то вхаживалъ на дворъ сколько возможно тише, дабы не разбудить его; и хозяинъ не прежде узнавалъ прибытіе Императора, какъ уже поутру. Когда же онъ приносилъ предъ *Его Величествомъ* въ томъ, что не встрѣ-

тилъ его, извиненіе, тогда отвѣтствовалъ на оное великодушный Государь: *Я не люблю, когда меня кто разбудитъ; такъ долженъ судить по себѣ, что непріятно и тебѣ, когда кто разбудитъ и тебя; такъ за чѣмъ же мнѣ безъ нужды безпокоить тебя?* Купецъ сей имѣлъ жену молодую красавицу, веселаго и живаго свойства, и не меньше умную и добродѣтельную; а таковыя достоинства и не могли не полюбиться Монарху, истинному цѣнителю дарованій. Сія красавица умѣла притомъ угождать ему и своей стряпни кушаньемъ, а паче щами. Частое же его посѣщеніе дому ихъ, милостивое и безчиновное его съ ними обращеніе, оживляли болѣе еще пріятности красавицыны смѣлыми и вольными ея поступками, смѣшанными съ разумными шутками; и Монархъ, удостоя мужа названія братомъ, называлъ и ее невѣсткою.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ *Его Величества* къ нимъ не было хозяина въ домѣ; и Государь, поелику случился оный въ глухую полночь, прошелъ безъ шуму же въ свою комнату. Хозяйка, узнавъ о прибытіи Монаршемъ поутру, пришла къ нему, когда не было

еще

еще у него никого, и поздравя его съ прибытіемъ, спрашивала: что угодно ему приказать приготовить покушать?

Великій Государь, разговаривая съ нею съ удовольствіемъ на единѣ, или хотѣлъ испытать добродѣтель ея, или и въ самомъ дѣлѣ плѣняся ея пріятностями, сдѣлалъ ей любовное предложеніе. Но онъ удивился, когда красавица сія, вдругъ перемѣня пріятный и веселый видъ въ суровый, съ грубостію отвергла предложеніе его, сказавъ: что она никакъ не воображала, чтобъ Государь, который долженъ собою подавать примѣръ добродѣтели подданнымъ, могъ сдѣлать толь порочное предложеніе; развѣ по тому, примолвила она, назвали вы мужа моего братомъ, чтобъ отнять честь у жены его?

Монархъ, пораженный толикою добродѣтелію купецкой сей жены, оправяся, такъ сказать, сказалъ ей: *Спасибо невѣстка, что ты такова; я хотѣлъ только пошутить, чтобъ испытать твою добродѣтель и честность, и съ удовольствіемъ вижу, что не обманулся въ тебѣ; я хвалю тебя за то, и болѣе еще любить обѣихъ васъ буду.* И

дѣй-

дѣйствительно отъ сего времени Великій Государь обращался съ нею съ особенною ласкою и съ нѣкоторымъ родомъ почтенія (*).

Естьли въ самомъ дѣлѣ Монархъ почувствовалъ къ ней страсть: то коль рѣдкая есть добродѣтель въ Самодержцѣ и человѣкѣ толикое господствованіе надъ страстьми своими!

Генрихъ IV, великій же впрочемъ Государь, столько побѣжденъ былъ страстію сею, что хотя и чувствовалъ, что оная вредила славѣ его, не могъ однако же противиться оной. „Робость, трусливость и самая лживость и обманъ, (говоритъ исторія „о немъ) сдѣлались извѣстными ему съ „тѣхъ поръ, какъ предался онъ любо„страстію. Я часто примѣчалъ (при„даетъ къ сему Герцогъ *Сюлли*), что „онъ обманывалъ меня ложными увѣре„ніями, тогда, когда ничто не за„ставляло его открываться мнѣ въ „истиннѣ; а наконецъ доходилъ онъ „даже до безстыдства, обѣщаяся пре„рвать цѣпь свою, какъ въ то же вре„мя внутренне клялся не только ни„когда

(*) Самъ *Барсуковъ* сей предалъ намъ сіе; и одинъ изъ пріятелей моихъ, слыша отъ него о семъ, сообщилъ мнѣ оное.

„ когда не разрывать оковъ сихъ, но „ тѣснѣе еще связываться ими.„

Читатель, къ описанію сему прибавя другую, порочнѣйшую еще страсть сего Короля къ игрѣ, породившей многіе въ Парижѣ игрецкіе домы и мотовство (*), можетъ сдѣлать заключеніе, въ разсужденіи сравненія его съ Ироемъ нашимъ.

LXXXVIII.

Отличное снисхожденіе ПЕТРА Великаго.

Изъ Исторіи Ироя нашего мы видѣли, что никогда онъ не отказывалъ просившимъ его отцамъ о воспріятіи отъ купели дѣтей ихъ.

Одинъ, и именно Троицкаго собора Священникъ, коихъ онъ каждаго зналъ по имени, просилъ *Его Величество* сдѣлать ему милость воспріятіемъ отъ купели новорожденнаго сына его.

Великій Государь, снизойдя на сію прозьбу, обѣщалъ притти къ нему въ домъ на другой день послѣ обѣда, назнача и часъ тому. Священникъ спросилъ,

(*) Смотри Исторію его въ Историческомъ Словарѣ, подъ литерою *Г.*

силЪ, кого благоволитЪ начначить кумою? Какую ты изберешь изЪ твоихЪ родственницЪ, отвѣчалЪ Государь.

СвященникЪ ко дню тому заготовился кЪ принятію таковаго кума; но МонархЪ сверьхЪ обыкновенія своего занявшись случившимися на томЪ день важными дѣлами, забылЪ данное слово свое, и не прежде вспомнилЪ обЪ ономЪ, какЪ уже легши опочивать. Сколько же ему забытіе слова своего было чувствительно, то покажетЪ особенно сей АнекдотЪ: *Ахъ!* сказалЪ онЪ Великой Супругѣ своей: *я забылъ данное мною слово попу. Въ какомъ долженъ онъ и весь домъ его быть безпокойствѣ, ждавъ меня толь долго, и чаю по сей еще часъ ждутъ меня!* И хотя былЪ уже одиннатцатой часЪ вечера, и время настояло осеннее и ненастное: однакожЪ онЪ, томЪ же часЪ вставши, потребовалЪ одѣться, а между тѣмЪ велѣлЪ сыскать перевозное чрезЪ Неву судно; найдена верейка, и МонархЪ сЪ дневальнымЪ денщикомЪ своимЪ Г. *Татищевымъ*, переѣхавЪ на ней Неву, пришолЪ кЪ дому священника; но сей, не ожидавши уже Монарха такЪ поздо, отпустя куму, легЪ спать. На стукЪ у воротЪ

ротъ отперли оныя: можно себѣ представить изумленіе хозяина, узнавшаго о приходѣ Монарха; онъ едва могъ встрѣтить *Его Величество* въ дверяхъ уже спальни своея; но Великій Государь, не допуская его до изъясненія, просилъ простить себя, что надѣлалъ ему столько безпокойства; Я, продолжалъ Государь, за суетами забылъ, что обѣщалъ быть къ тебѣ, и здѣсь ли еще кума? а узнавши, что она уже уѣхала, велѣлъ послать за нею, сказавъ: я виноватъ предъ нею, заставивъ ее толь долго ждать себя, такъ долженъ и я подождать ее. Болѣе получаса прошло, какъ пріѣхала она; и Великій Государь, увидя ее, просилъ у нее прощенія въ безпокойствѣ, причиненномъ ей.

По окрещеніи младенца, Монархъ принесъ самъ онаго къ родильницѣ, поцѣловался съ нею и съ кумою, выкушалъ стаканъ пива, и пожелавъ доброй ночи, переѣхалъ на томъ же судынышкѣ паки во дворецъ (*).

LXXXIX.

(*) Отъ Г. *Крекшина*, и Императорской Академіи Библіотекаря Г. *Бухвостова*.

LXXXIX.

Доказательство памяти, какою одарен был Монарх.

Около 1720 году, Великій Государь, бывшій въ крестномъ ходу, между священниками примѣтилъ, съ восчувствованіемъ нѣкоего отвращенія, одного, котораго онъ видалъ нѣкогда не въ духовномъ званіи; и заключилъ, что долженъ онъ быть конечно изъ стрѣльцовъ, спасшихся отъ меча правосудія. И такъ по окончаніи процессіи подозвавъ его къ себѣ, сказалъ: лицо твое мнѣ знакомо; я видалъ тебя въ бѣльцахъ; изъ какого ты званія? скажи не утаевая. Приведенный сими вопросами попъ въ замѣшательство сдѣлался безгласенъ. Ты конечно изъ стрѣльцовъ? паки вопрошаетъ Государь — такъ, Всемилостивѣйшій Государь, упавши къ ногамъ его, отвѣтствуетъ попъ; я одинъ изъ тѣхъ, которые заслуживали праведное наказаніе. По разспросамъ, произведеннымъ ему, оказался онъ изъ самыхъ тѣхъ, которые въ большой бунтъ, взбѣгая на Красное крыльцо, спрашивали обоихъ Царевичей: они ли то? и проч.

Не-

Нещастнымъ тебя сдѣлать я не хочу, сказалъ наконецъ Государь; *но не могу смотрѣть, безъ вочувствованія отвращенія моего, на измѣнничье твое лицо; и такъ избери себѣ для житья и отправленія нынѣшняго званія своего отдаленное отъ столицы мѣсто, гдѣбъ я не могъ съ тобою опять встрѣтиться, и берегись казаться мнѣ впредь на глаза.*

Попъ принужденъ былъ избрать такое мѣсто, куда и былъ онъ отправленъ съ повелѣніемъ опредѣлить его на праздное священническое мѣсто (*).

Толико-то сильное произвело въ Монархѣ впечатлѣніе звѣрскихъ лицъ, стремившихся на его убіеніе, хотя то было и въ дѣтствѣ еще его.

XC.

Аудіенція прибывшему въ Петербургъ Датскому Послу на кораблѣ.

ПЕТРУ Великому, бывшему въ одно время на военномъ кораблѣ, и за-

(*) Отъ Статскаго Совѣтника *Ивана Алексѣевича Ушакова*, слышавшаго сіе отъ предупоминаемаго же дяди своего.

занявшемуся нужными разговорами съ Капитаномъ онаго Голландцемъ *Гослеромъ,* въ то самое время доложили ему о пріѣздѣ въ Петербургъ Датскаго Посла, и о требованіи онаго скорой у *Его Величества* аудіенціи: *чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,* сказалъ Монархъ; *представьте его ко мнѣ сюда теперь же.* Вся церемонія со стороны Государя состояла въ томъ, что онъ, предъ прибытіемъ Посла на корабль, снялъ свой кортикъ, и отдавъ оной Секретарю корабля того Г. *Новикову*, опоясалъ на себя его шпагу, и принялъ Посла стоя у мачты. По отпускѣ же его съ тою же шпагою сошелъ съ корабля; а кортикъ его остался у Секретаря, которой и понынѣ хранится въ фамиліи Господъ *Новиковыхъ*, изъ которой отъ одного я сіе и слышалъ.

XCI.

Монархъ оборачиваетъ съ мосту свою одноколку, дабы пропустить взъѣхавшій на оной возъ со щепами.

По устроеніи въ Санктпетербургѣ Адмиралтейства, и по учрежденіи кораблестроенія, чрезъ нѣкое время столько умножилось въ ономъ щепъ, что

что дѣлали онѣ затрудненіе въ самыхъ работахъ; и Коллегія опредѣлила было для свозу ихъ вызвать подрядчиковъ: но Монархъ, присутствуя въ Коллегіи и узнавши о семъ опредѣленіи, съ неудовольствіемъ сказалъ: у васъ все подряды да подряды! и повелѣлъ тогдажъ публиковать, что желающіе могутъ изъ Адмиралтейства брать щепы безденежно. А какъ окружавшія городъ болота и не всѣ еще вымощенныя улицы доставленіе дровъ изъ лѣсовъ дѣлали труднымъ: то и наѣхало въ Адмиралтейство множество повозокъ за сими щепами. Въ сіе время Великій Государь ѣхалъ въ Адмиралтейство на своей одноколкѣ; и когда сталъ взъѣжжать на подъемной мостъ онаго, то деньщикъ *Его Величества*, стоявшій за одноколкою его, увидя тѣлегу съ возомъ щепъ взъѣхавшую на томъ же мостъ, кричалъ ѣдущему съ возомъ, чтобъ онъ поворотился. Молчи! сказалъ ему Государь, и того-то ты не можешь разсудить, что поворотиться возу уже не возможно, а легче намъ съ одноколкою поворотиться. И такъ Великій Государь, сойдя съ оной вмѣстѣ съ деньщикомъ, своими руками поворотилъ

 оную,

оную, и пропустя возъ, паки сѣвъ въ одноколку свою, поѣхалъ. Съ возомъ щепъ оныхъ ѣхалъ предупомянутаго корабельнаго Секретаря *Новикова* слуга, по имени *Ларіонъ*. Чрезъ нѣсколько же дней случилось такъ, что Монархъ повстрѣчался на томъ же мосту паки съ тѣмъ же *Ларіономъ*, ѣдущимъ съ возомъ же щепъ; и какъ *Его Величество* взъѣхалъ на мостъ первый, а возъ оной только еще подъѣжжалъ къ мосту, то Государь и кричалъ ему, чтобъ онъ остановился и не ѣхалъ; однакожъ *Ларіонъ* не останавливаяся продолжалъ ѣхать. Тогда Монархъ, сойдя паки съ одноколки, и узнавъ того же самаго слугу, спросилъ его: вить ты же былъ тотъ, для котораго я поворотился съ одноколкою моею назадъ, дабы тебя пропустить? Я. отвѣтствовалъ *Ларіонъ*. Но тогда взъѣхалъ на мостъ прежде ты съ возомъ своимъ, сказалъ паки Государь, и поворотиться уже тебѣ было неудобно; а теперь видѣлъ ты, что прежде взъѣхалъ на мостъ я; а ты только что подъѣжжалъ къ оному, и поворотиться было мнѣ уже неудобно; да я же и кричалъ тебѣ, чтобъ ты остановился и пропустилъ

меня;

меня; однакожъ ты, не смотря на сіе, не останавливаяся все ѣдешь. Виноватъ, отвѣтствовалъ слуга. Такъ надобно, чтобъ оное ты помнилъ и не озорничалъ впредь, сказалъ наконецъ Государь; и тутъ же далъ ему нѣсколько ударовъ палкою своею, приговаривая: не озорничай, не озорничай, и пропускай прежде тѣхъ, кто прежде тебя на мостъ взъѣдетъ.

Слуга сей, дожившій до глубокой старости, случай тотъ съ собою всякому разсказывалъ съ пролитіемъ слезъ, какъ бы гордяся тою честію, что самъ Государь изъ своихъ ручекъ изволилъ его наказать своею палкою (*).

Многіе наказанные Государемъ, подобно сему *Ларіону*, съ таковыми же чувствіями удовольствія воспоминали сіи наказанія; но сіе и неудивительно, потому что оныя были справедливы; даже и самые тѣ, которые наказываны были отъ него не по винѣ, а по дѣйствію гнѣва его, съ таковыми же чувствіями остались къ па-

(*) Отъ одного же изъ фамиліи Гг. *Новиковыхъ* при которомъ служа до старости сей *Ларіон* умеръ.

мяти того; а сіе потому, что заглаждалЪ МонархЪ сіи наказанія признаніемЪ своимЪ, прошеніемЪ у нихЪ прощенія, и зачетомЪ того впредь, какЪ выражалЪ Государь, естьли сдѢлаютЪ они какое преступленіе. СлѢдующій АнекдотЪ подтвердитЪ послѢднее.

XCII.

Наказывается вмѣсто виноватаго невинный; и Монархъ проситъ у послѣдняго прощенія.

КумЪ и деньщикЪ *Его Величества, Аѳанасій Даниловичъ Татищевъ*, которой умѢлЪ кстати иногда и шутить, неисполненіемЪ какого-то повелѢнія столько прогнѢвалЪ Монарха, что *Его Величество* приказалЪ предЪ окошками дворца своего наказать его батожьемЪ. ОфицерЪ, кому сіе было приказано, заготовилЪ барабанщиковЪ, и виноватому должно было явиться кЪ онымЪ; но какЪ итти онЪ не торопился, и можетЪ быть питался надеждою, что пройдетЪ между тѢмЪ гнѢвЪ ГосударевЪ, то и пошелЪ онЪ кругомЪ дворца. На дорогѢ попался ему Каби-

нета

нета Государева писарь Г. *Замятинъ*, или *Замятнинъ*; и Г. *Татищеву* пришла мысль подставить вмѣсто себя сего: куда ты засунулся? сказалъ онъ ему, Государь тебя нѣсколько уже разъ спрашивалъ, и крайнѣ на тебя гнѣвается; мнѣ велѣно тебя сыскать; пойдемъ поскоряе; и какъ привелъ его къ барабанщикамъ, то въ самое то время Монархъ выглянувъ въ окощко, и сказавъ, *раздѣвайте*, отошелъ отъ онаго. *Татищевъ*, будто бы исполняя повелѣніе Государево, закричалъ на барабанщиковъ: чтожъ вы стали? принимайтесь, указавъ на *Замятина*. Въ мигъ бѣдняка сего раздѣли, положили, и начали исполнять повелѣнное; а *Татищевъ* и за уголъ. Скоро *Его Величеству* уже и жалокъ сталъ *Татищевъ*; и такъ выглянувъ паки въ окно, закричалъ *полно!* — и потомъ уѣхалъ въ Адмиралтейство.

Татищевъ, по сдѣланіи сей, такъ сказать, проказы, явился къ Ея Величеству, и Монархиня изъявила ему свое сожалѣніе; но какъ вы дерзки, примолвила она, забывая исполнять то, что вамъ приказывается? Сей, не допуская до дальнѣйшаго Ея Величества увѣщанія, бросился къ ногамъ

ея: помилуй, сказалЪ, Матушка, заступи и спаси! вить сЂкли-та не меня, а подЪячаго *Замятина*. КакЪ *Замятина?* спросила Государыня сЪ нЂкіимЪ смятеніемЪ. ТакЪ, *Замятина*; я грЂшникЪ вмЂсто себя подвелЪ его, отвЂтствовалЪ онЪ. — Что ты это надЂлалЪ? вить не льзя, чтобЪ Государь сего обману твоего не узналЪ, и онЪ тебя разсЂчетЪ. — О томЪ-то я и молю тебя, Всемилостивѣйшая Государыня! вступись за меня и отврати гнЂвЪ его. — Да какЪ это сталось? спросила паки Государыня. *Татищевъ*, стоя на колЂняхЪ, отвЂтствовалЪ: вить подЪ батожье-то ложиться не весело; — и разсказалЪ все, какЪ было. Монархиня, пожуря его довольно, обЂщала предстательствовать за него. По щастію *Татищева* Государь пріЂхалЪ сЪ работЪ весьма веселЪ; и Ея Величество за столомЪ заговорила о немЪ, и просила, чтобЪ уже простилЪ его. — ДЂло уже кончано; онЪ наказанЪ и гнЂву моему конецЪ, сказалЪ Государь. Должно при семЪ вЂдать, что ежели МонархЪ прощая кого скажетЪ: *БогЪ тебя простит*, то никогда уже не воспомянетЪ преступленія; и какЪ бы ничего

не

не бывало, начиналъ паки обращаться съ нимъ по прежнему милостиво. До сего-то слова, такъ сказать, и добивалась Государыня; почему, не много погодя, паки просила, чтобъ онъ уже не гнѣвался болѣе на него; и какъ на сіе промолчалъ Государь, то Ея Величество, не много погодя, и еще о томъ напомянула: да отвяжись пожалуй отъ меня, сказалъ наконецъ Государь: *ну! Богъ его проститъ.* Коль скоро выговорилъ слово сіе Монархъ, *Татищевъ* по условію очутился уже у ногъ *Его Величества*; и когда Монархъ подтвердилъ и ему прощеніе словомъ же Божіимъ, то *Татищевъ* въ тонѣ шутливомъ признался, что не онъ былъ сѣченъ, а *Замятинъ*, примолвя къ тому: и ништо ему подъячему крючку. Шутка сія однако же Монарху толь сильно не полюбилась, что онъ съ великимъ гнѣвомъ сказалъ, принимаяся за палку: я тебѣ покажу, какъ поступаютъ съ таковыми плутами, каковъ ты; но Государыня напомнила *Его Величеству*, что прощеніе его запечатлѣно именемъ Божіимъ. Слово сіе его останавливаетъ и укрощаетъ; и помолча нѣсколько, сказавъ, ну быть такъ! велѣлъ ему разсказать все происшед-

шедшее; и *Татищевъ* разсказалъ чистосердечно, не утая ничего, какъ онъ подвелъ *Замятина* подъ батожье; призванъ былъ и сей послѣдній, и подтвердилъ все сказанное первымъ, и Монархъ сказалъ ему: *ну братъ, прости меня пожалуй, мнѣ тебя очень жаль, но что дѣлать? пѣняй на плута Татищева; однако же я сего не забуду и зачту побои сіи тебѣ впредь.*

Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣкоторое время *Замятинъ* сей впалъ въ такое преступленіе, которое по законамъ заслуживало жесточайшее наказаніе, къ чему судомъ былъ уже и приговоренъ; но Великій Государь далъ на приговоръ судейскій такую резолюцію: *что хотя онъ и заслуживаетъ приговоренную казнь; но какъ нѣкогда наказанъ онъ былъ невинно, то и замѣнить ему оное за нынѣшнее преступленіе его* (*).

XCIII.

(*) Анекдотъ сей получилъ я отъ бывшаго Савинскаго Архимандрита *Евстафія*, увѣрявшаго, что онъ получилъ его отъ достовѣрной особы.

XCIII.

Доносятъ Монарху о взяткахъ Г. Татищева; — резолюція на оное Его Величества.

„ Лѣнивый, говоритъ Графъ *Оксенстирнъ*, бытіемъ своимъ дѣлаетъ „ твореніе Создателя безполезнымъ, „ и кажется мнѣ, такой человѣкъ не „ почтеннѣе любезной родственницы „ своей свиньи, за которою только и „ дѣла, что жретъ да спитъ; но и „ она, заключаетъ онъ, по крайней „ мѣрѣ чрезъ то жирѣетъ и становится полезною для пищи человѣку; а напротивъ празднолюбецъ, „ ни въ жизни своей ни по смерти, ни „ къ чему негоденъ. „

Ирой нашъ, таковыя же точно имѣя о праздныхъ людяхъ мысли, крайнѣ не терпѣлъ, а иногда и наказывалъ ихъ. Но чѣмъ таковые были ему несноснѣе, тѣмъ дѣятельные и неутомимые люди были ему любезнѣе; онъ всегда ихъ награждалъ и отличалъ какъ достойныхъ всей его милости. Изъ таковыхъ былъ *Никита Демидовичъ Демидовъ.* Великій Государь, замѣтивъ сію въ немъ неусыпную дѣятельность, когда еще былъ онъ

только что кузнецъ Тульской, полюбилъ его отлично, и за послѣдующія заслуги его и ревность подалъ ему всѣ способы къ нажитію великаго имѣнія; наградилъ его и весь родъ его дворянскимъ достоинствомъ, и до того простеръ къ нему милость свою, что *намѣрялся* поставить въ Петербургѣ въ публичномъ мѣстѣ статую его. Напротивъ же и благодарность сего достойнаго подданнаго къ толико благодѣющему ему Государю была безпредѣльна; онъ облегчалъ великія государственныя издержки, доставленіемъ для арміи, артиллеріи и флота, воинскихъ потребностей половинною предъ другими цѣною; открылъ не мѣдныя и желѣзныя токмо, но и богатыя серебреныя Колыванскія руды; и словомъ, всѣ его мысли и силы наиглавнѣйше къ тому были устремлены, чтобъ предупреждать всѣ тѣ желанія *Его Величества*, кои въ силахъ былъ онъ выполнить (*).

Мы

(*) Я отъ почтеннѣйшихъ старцовъ временъ ПЕТРОВЫХЪ слыхалъ, что когда Графъ *Апраксинъ* однажды сказалъ Государю: хорошо бъ было, ежелибъ такихъ, каковъ *Демидовъ*, было

у

Мы все сіе частію описали уже въ IX Томѣ Дѣяній, на стр. 443 и далѣе; а здѣсь къ чести же его прибавимъ слѣдующій Анекдотъ.

Сей Г. *Демидовъ* почиталъ за невѣрность, естьли видя что дѣлающееся противно волѣ и указамъ Государевымъ, не донесетъ о томъ *Его Величеству*. Такимъ образомъ, узнавъ, что Статскій Дѣйствительный Совѣтникъ *Василій Никитичь Татищевъ*, по дѣламъ, до рѣшенія его доходившимъ, бралъ взятки, не могъ не объявить объ ономъ Монарху. Великій Государь объявленію сему вѣрилъ; ибо вѣдалъ, что *Демидовъ* не донесетъ ему неправды, и въ чемъбы не былъ онъ точно удостовѣренъ. Но какъ же однако поступилъ онъ съ *Татищевымъ*? Онъ призываетъ его къ себѣ, и спрашиваетъ: правду ли объявляетъ на него *Демидовъ*? Правду, Государь, отвѣтствуетъ сей: я беру; но въ томъ ни предъ Богомъ ни предъ *Вашимъ Величествомъ* не погрѣшаю Лихоимство есть грѣхъ достойный наказанія, продолжаетъ *Татищевъ*; а мзда за труды не есть грѣхъ, приводя слова Апостоль-

---

у тебя человѣкъ десятка два; я бы щастливымъ себя почелъ, отвѣчалъ на сіе Государь, ежелибъ было такихъ пять-шесть, или и меньше.

стольскія, что *мзда дѣлающему не по благодати, но по долгу.* Монархъ нѣсколько остановяся, велѣлъ ему изъяснить сіе. *Татищевъ* продолжалъ слѣдующимъ образомъ:

1. Судья долженъ смотрѣть на состояніе дѣла: то естьли и ничего онъ не взялъ, а противъ закона сдѣлалъ, повиненъ будетъ наказанію; а естьли еще сдѣлаетъ сіе и изо мзды, тогда къ законопреступленію присовокупится уже и лихоимство, и повиненъ онъ будетъ сугубаго наказанія. Когда же право и порядочно сдѣлаетъ, и отъ праваго изъ благодарности его что возметъ, не можетъ за то осужденъ быть. 2. Естьли мзду за трудъ пресѣчь, и только одно мздоимство судить, то болѣе вреда государству и разоренія подданнымъ послѣдуетъ; ибо Судья долженъ за получаемое жалованье сидѣть въ приказѣ только до полудни, въ которое на рѣшеніе всѣхъ нужныхъ прозьбъ конечно не достанетъ времени; а послѣ обѣда трудиться должности его нѣтъ (*). 3. Когда, видя чье дѣло со-

(*) Сіе мѣсто показываетъ общую тогдашняго времени всѣхъ привычку вставать рано, и рано же приниматься за должность, каковая при-

сомнительное и запутанное, никогда внятно его изслѣдовать и о истиннѣ прилѣжать причины не имѣя, будетъ день отъ дня откладывать; а челобитчикъ съ великимъ отъ того убыткомъ волочиться и всего лишиться принужденъ будетъ. 4. Дѣла въ Канцеляріяхъ рѣшатся по реэстрамъ по порядку, и случается, что нѣсколько дѣлъ впереди весьма не нужныхъ; а послѣднему по реэстру такая нужда, что естьли ему дни два рѣшеніе продолжится, то можетъ нѣсколько тысячь убытка понести, что по купечеству не рѣдко случается. Итакъ, Государь, (продолжалъ Г. *Татищевъ*), естьли я вижу, что мой трудъ не втунѣ будетъ, то я не токмо послѣ обѣда, но и ночью потружуся; а для того и карты, и собакъ, и бесѣды, и всякія другія увеселенія оставлю; и не смотря на реэстры, нужнѣйшее прежде ненужнаго рѣшу, чѣмъ какъ себѣ, такъ и просителю пользу принесу, никого другаго не обидя; слѣдовательно въ такомъ

привычка такъ была сильна, что въ сообразность оныя и законъ состоялся, то есть, дабы до полудни только Судьямъ присутствовать въ приказахъ.

комЪ случаѣ за мзду, взятую за труды, ни отЪ Бога ни отЪ *Вашего Величества* осужденЪ быть не могу.

СЪ такою-то свободою сбЪяснялись подданные сЪ ГосударемЪ!

Великій Государь слушалЪ все сіе, не перебивая рѣчи; и по выслушаніи сказалЪ: *Хотя сіе и правда; и для совѣстныхЪ Судей невинно: но позволить сего отнюдЪ не льзя для безсовѣстныхЪ, чтобЪ подЪ видомЪ доброхотныхЪ подарковЪ не стали принужденно вымогать.*

ТакЪ предалЪ намЪ самЪ Г. *ТатищевЪ.* Но какЪ происшествіе сіе было тогда извѣстно многимЪ, то и слышалЪ я отЪ почтеннѣйшихЪ старцовЪ тѣхЪ же самыхЪ временЪ (*), что МонархЪ кЪ предупомянутымЪ словамЪ приложилЪ еще и слѣдующія: *Но ты позабылЪ*, говоря *Татищеву*, *что прямо добродѣтельный Судья служеніе свое почитаетЪ священнымЪ долгомЪ, которому всегда слѣдуя, не приходитЪ ему и вЪ мысль временная корысть; и что ты дѣлаешь изЪ мзды, то дѣлаетЪ онЪ изЪ добродѣтели, имѣя вЪ виду одну только* вЪ-

(*) *Ивана Ивановича Неплюева и Өедора Ивановича Соймонова.*

вѣчную награду отъ мздовоздателя Бога, которую предвкушаетъ онъ и въ временномъ житіи отъ совѣсти своея. И такъ, заключилъ Государь, *я бы желалъ видѣть и въ тебѣ таковаго Судію, дабы дѣлалъ ты все сказанное тобою изъ утѣшенія совѣсти, что дѣлаешь изъ мзды.*

Въ самомъ дѣлѣ: Что можетъ быть величественнѣе, какъ Судія, жертвующій всѣми забавами своими долгу служенія своего; поставляющій себя превыше прелести подарковъ; превыше корыстолюбивыхъ, раболѣпствующихъ, низкихъ душъ; превыше личныхъ неудовольствій, убѣдительныхъ прозьбъ, и самой жалости? Не можетъ ли онъ тогда, по части ввѣренной ему, назваться намѣстникомъ самаго Бога, награждающаго добродѣтель и наказывающаго порокъ? „Человѣкъ, по изреченію мудра„го Конфуція, въ должностяхъ „служенія отечеству, возбраняетъ „себѣ всякаго роду игры и забавы; „часы жизни его не ему принад„лежатъ, а отечеству; на общее толь„ко благо употреблять оные над„лежитъ ему; часы, провождаемые въ „забавахъ, похищаются имъ у отече„ства.„

XCIV.

Монархъ наказываетъ одного вольнодумца.

Нѣкто изъ ученыхъ чиновникъ (*), будучи въ одной компаніи, говорилъ слишкомъ вольно на счетъ преданій церковныхъ, относя оныя къ вымысламъ корыстолюбиваго духовенства; при чемъ касался онъ въ ироническомъ тонѣ и нѣкіихъ мѣстъ св. Писанія.

Великій Государь о семъ узнаетъ, и на другой день поутру призываетъ вольнодумца того къ себѣ; спрашиваетъ его: Говорилъ ли ты во вчерашней компаніи такія слова? Не льзя было не признаться. — *Какъ же ты осмѣливаешься ослаблять такую струну, которая составляетъ гармонію всего тона? да ты же не съ должнымъ еще уваженіемъ касался и до нѣкіихъ мѣстъ св. Писанія; чѣмъ уже ты бездѣльникъ и успѣлъ соблазнить многихъ изъ бывшихъ съ тобою въ компаніи. Я тебя научу, какъ должно почитать оное и не разрывать цѣпи, все въ устройствѣ*

(*) Предавшій сей Анекдотъ Г. *Бухвостовъ*, сего ученаго чиновника разумѣетъ предупомянушаго Г. *Вас. Ник. Татищева.*

ствѣ содержащей; и тогда же далъ ему нѣсколько ударовъ своею палкою, приговаривая: *Не соблазняй вѣрующихъ честныхъ душъ; — не заводи вольнодумства пагубнаго благоустройству; — не на тотъ конецъ старался я тебя выучить, чтобъ ты былъ врагомъ общества и церкви.*

Мы уже впрочемъ видѣли въ Дѣяніяхъ Великаго Государя, колико онъ не терпѣлъ вольнодумцовъ, а паче дерзающихъ что либо говорить противъ вѣры и безсмертія души, какъ опаснѣйшихъ враговъ общества; и поистиннѣ: *Невѣрующій жизни будущей*, говоритъ Гр. Оксенстирнъ, *есть чудовище природы; потому что живетъ онъ не зная для чего, и умираетъ не вѣдая, что онъ будетъ. На семъ свѣтѣ лишенъ онъ утѣшенія надежды; а въ будущемъ устыдится подлинностію вѣчныхъ мукъ.* Два друга, продолжаетъ онъ же, разстались въ младости: одинъ изъ нихъ сдѣлался монахомъ, а другой военнослужащимъ; сей послѣдній къ нещастію попавшись въ шайку пагубныхъ вольнодумцовъ, сдѣлался невѣрующимъ безсмертію души. По нѣсколькихъ лѣтахъ встрѣтились они нечаянно въ Парижѣ, и

узнали другъ друга; *ахъ!* сказалъ Офицеръ, *бѣдный мой другъ! какъ ты мнѣ жалокъ, естьли нѣтъ рая! — Я тогда ничего не потеряю; а ты гораздо меня жалчѣе, буде есть адъ,* отвѣтствовалъ монахъ.

XCV.

Доносъ на Архіепископа Ѳеофана Прокоповича въ соблазнительной якобы его жизни. Рѣшеніе Монаршее.

Славный сей Архіепископъ, мужъ великаго ума, жилъ въ тогдашнее время не токмо съ приличною первой духовной особѣ, но и первому Министру, знатностію; онъ имѣлъ у себя лучшую, какая только быть тогда могла, музыку инструментальную и вокальную. Министры иностранные, находя удовольствіе искать въ немъ дружества, часто его посѣщали, и были отъ него угощаемы пышнымъ столомъ, и таковыя пирушки продолжались иногда за полночь. Знаменитый сей человѣкъ, пользуяся симъ, проникалъ въ самые секретнѣйшіе ихъ планы, и сообщалъ оные Монарху; почему и были ему весьма угодны таковыя сего Архіерея обращенія.

Но

Но все сіе однакоже казалось другимъ Архіереямъ, а паче первенствующему изъ нихъ Митрополиту Рязанскому *Стефану Яворскому*, весьма соблазнительнымъ; они жаловались на него о семъ Государю, представляя притомъ, что онъ проводитъ время въ гульбѣ и пьянствѣ, а паче, де, съ иновѣрцами. Монархъ казался сему не вѣрующимъ; но однажды одинъ изъ нихъ. . . . . узнавши, что помянутые иностранные Министры у него ужинаютъ и веселятся, доноситъ *Его Величеству*, что ежели онъ еще сомнѣвается о доносимомъ, то можетъ въ сію же ночь удостовѣриться въ ономъ своими очами.

Монархъ сказалъ на сіе: Хорошо, поѣдемъ батюшка къ нему съ тобою; и увидимъ, правда ли то? назнача къ сему самую полночь. И такъ Великій Государь съ симъ Архіереемъ въ простыхъ саняхъ безъ всякаго шуму прибылъ къ самымъ дверямъ Ѳеофановой залы; — слышатъ огромную музыку; и сверьхъ чаянія пирующихъ, Монархъ съ Архіереемъ входитъ въ собраніе; — и случилось такъ, что хозяинъ въ то самое время держалъ въ рукѣ кубокъ вина и готовился пить; но увидя Государя,

давЪ знакЪ, чтобЪ музыка замолкла, поднявЪ сЪ пакаломЪ руку, громогласно произноситЪ: *Се женихЪ грядетЪ во полунощи, и блаженЪ рабЪ, егоже обрящетЪ бдяща; не достоинЪ же, егоже обрящетЪ унывающа.* Здравствуй Всемилостивѣйшій Государь! и выпилЪ; вЪ мигЪ подносится всѣмЪ присутствовавшимЪ по таковому же пакалу вина, и всѣ за здоровье *Его Величества* выпиваютЪ; а потомЪ хозяинЪ самЪ подноситЪ и Монарху, и *Его Величество* благодаритЪ при звукѣ трубЪ; и по семЪ сопровождавшему его Архіерею говоритЪ: Ежели хотите, то можете остаться здѣсь; а буде не изволите, то имѣете волю ѣхать домой, а я побуду здѣсь сЪ столь пріятною компаніею (*).

XCVI.

МонархЪ осматриваетЪ вЪ полночь караулы и попадается вЪ полынью.

ВЪ продолженіе Шведской войны, для большей осторожности зимою поставлялись чрезЪ Неву, сЪ Выборгской кЪ

(*) ОтЪ Господина Сенатора и Кавалера *Григорья Николаевича Теплова.*

къ Московской сторонѣ рогатки, а по концамъ ихъ у береговъ часовые, съ повелѣніемъ, по пробитіи вечерней зари, чрезъ оныя не пропускать ни въ Петербургъ, ни изъ Петербурга никого, ктобъ онъ ни былъ.

Въ одно время Великій Государь былъ въ театрѣ, находившемся на Литейной улицѣ, подлѣ двора любимой кумы *Его Величества*, Генеральши *Настасьи Васильевны Бобрищевой-Пушкиной*, которая также была въ театрѣ ономъ. Кума сія звала *Его Величество* изъ театра къ себѣ на вечеринку, что отъ Монарха и обѣщано.

При окончаніи комедіи Государь непримѣтнымъ никому образомъ вышелъ изъ театра, и съ однимъ денщикомъ въ маленькихъ санкахъ заѣхалъ со стороны Охтинской къ помянутой рогаткѣ, и сказавшись часовому, стоявшему отъ Московской стороны близъ Литейнаго двора, Петербургскимъ купцомъ, запоздавшимъ на Охтѣ, просилъ пропустить его чрезъ рогатку; но часовой отвѣтствовалъ: не велѣно, поѣжжай назадъ. Монархъ даетъ ему рубль, и прибавляя по рублю, наконецъ давалъ десять, чтобъ только пропустилъ его; однакожъ

часовой отвергъ сей подкупъ, и сказалъ: вижу, что ты человѣкъ доброй, такъ пожалуй поѣжжай назадъ; буде же еще будешь упорствовать, то я или принужденъ буду тебя застрѣлить, или выстрѣля изъ ружья, дамъ знать гоуптвахтѣ, и тебя возмутъ подъ караулъ, какъ шпіона. По семъ Государь обратился къ часовому, стоявшему на Выборгской сторонѣ, сказавшись также купцомъ, и нашелъ онаго не такъ несговорчиваго; онъ прельстился деньгами, и за два рубля пропустилъ его. Великій Государь, проѣхавъ рогатку, пробирался Невою въ домъ къ помянутой госпожѣ *Бобрищевой-Пушкиной*; но какъ было поздо и темно, то наѣхалъ на полынью, и едва выхваченъ былъ изъ оныя денщикомъ, а лошадь съ санками сама выпрыгнувши, спаслась же. Монархъ, обмокши весь, прибылъ къ госпожѣ оной, которая и всѣ бывшіе у ней гости увидя *Его Величество* всего мокраго, пришли въ ужасъ, паче же когда онъ разсказалъ имъ все происшедшее, и что попался онъ въ полынью. Хозяйка выговаривала ему за таковую неосторожность: да и за чѣмъ батюшка, примолвила она, самому

тебѣ

тебѣ такъ трудиться? развѣ не могъ ты послать для осмотру карауловъ кого другаго? Когда часовые, отвѣтствовалъ Государь, могутъ измѣнять, то кто же лучше испытать то можетъ, какъ я самъ?

На другой день Монархъ повелѣлъ пропустившаго его часоваго, какъ измѣнника, повѣсить, и провертя два оные рубля, навязать ему на шею; а другаго призвавши къ себѣ пожаловалъ капраломъ и десятью рублями, данными ему наканунѣ; о чемъ предъ собраніемъ всего полку и повелѣлъ обьявить (*).

XCVII.

Монархъ зажигаетъ самъ въ Преображенскомъ селѣ дворецъ свой, построенной вопреки приказа его.

Великій Государь, прибывши въ Москву, между прочимъ найдя Преображенской дворецъ свой ветхимъ, далъ повелѣніе Князю *Ромодановскому* починить его, перемѣня нѣсколько бревенъ. По отсутствіи же *Его Величества*, когда начали сію починку, то

(*) Отъ Г. Библіотекаря *Бухвостова*.

увидѣли, что весь оной весьма ветхъ; и Князь разсудилъ, сломавъ его, построить новой. Вызваны были къ поставкѣ лѣсу подрядчики, изъ коихъ Московскіе купцы *Гущинъ* и *Милюковъ* обязались контрактомъ поставить оный за четыре тысячи пять сотъ рублей; и дворецъ ко вторичному пріѣзду Монарха былъ построенъ въ чернѣ.

Великій Государь, увидя оной новой, спросилъ Князя: для чего не починенъ старой? Я именно приказалъ починить его, а не вновь построить. Онъ такъ былъ ветхъ, отвѣтствовалъ *Ромодановской*, что не льзя было уже починить; почему и разсудилъ я построить новый. — Но какъ ты осмѣлился сдѣлать вопреки приказа моего? Ежели былъ онъ такъ ветхъ, то должно бы тебѣ о семъ отписать ко мнѣ, и подождать моей резолюціи. Я покажу тебѣ, какъ бѣдственно пренебрегать приказъ мой. Сказавъ сіе, велѣлъ подать огня и самъ зажогъ оный, которой и сгорѣлъ до подошвы. Какое наказаніе понесъ Князь, не извѣстно; но извѣстно слѣдующее.

Помянутые лѣсники, не получившіе за поставку лѣсу денегъ, просили

объ оныхъ Князя; но сей отвѣтствовалъ, что онъ не можетъ выдать имъ безъ приказу Государева, а доложить о томъ не смѣетъ; и такъ должно вамъ подождать до времени, пока Государь забудетъ досаду за построеніе дворца. Что оставалось дѣлать лѣсникамъ? они также не смѣли просить о выдачѣ имъ денегъ прогнѣваннаго Государя; и такъ прибѣгли къ предупомянутой любимой кумѣ *Его Величества* Госпожѣ *Бобрищевой-Пушкиной*, которая и обѣщала доложить о томъ Государю, велѣвъ имъ притти къ ней тогда, когда будетъ у нее Монархъ, и стать на дворѣ у того окна, у котораго обыкновенно Государь игрывалъ съ нею въ шахматы. Они сего не опустили; Великій Государь ихъ увидѣвъ, спросилъ: что за мужики? Знакомые мои лѣсники, отвѣтствовала Госпожа *Пушкина;* они мнѣ жалки, продолжала она; поставили исправно по контракту своему лѣсъ, а денегъ получить не могутъ. Какой лѣсъ? спросилъ паки Монархъ. — На Преображенской дворецъ. — Для чего же не получили? — Для того, что не выдаютъ безъ докладу вамъ; а доложить не смѣютъ. — Такъ! старой чортъ,

чортъ, надѣлавъ пакости, да и трусипъ какъ заецъ. Хорошо, заключилъ Государь, они невиноваты, что поставили лѣсъ, и я велю имъ выдать деньги. И въ тотъ же еще день приказавъ подать себѣ контрактъ ихъ, повелѣлъ привезти къ нимъ въ домъ всю сумму.

Сверьхъ чаянія сихъ подрядчиковъ, на другой сего день поутру, когда они еще спали, ни мало не воображая, чтобъ такъ скоро могли получить деньги, разбужены они были стукомъ въ вороты ихъ, и увидѣли цѣлой обозъ съ мѣдными деньгами, взъѣхавшій на дворъ ихъ. И сказываютъ, что въ наказаніе Князя повелѣлъ Монархъ не выдавать ему жалованья, пока сумма сія замѣнится онымъ (*).

XCVIII.

Мудрая разсмотрительность Монаршая.

По учиненной публикаціи изъ Адмиралтейской Коллегіи, о вызовѣ подрядчиковъ для торгу и поставки потребныхъ къ Адмиралтейству матеріа-

(*) Отъ потомковъ сихъ поставщиковъ.

теріаловъ, явилось не малое ихъ число: но изъ нихъ остались только трое купцовъ, которые другъ предъ другомъ старались удержать подрядъ за собою; и наконецъ одинъ изъ нихъ объявилъ, что онъ возметъ за трудъ свой за очисткою расходовъ по гривнѣ на рубль; другой сказалъ: а онъ возметъ только по пяти копѣекъ; третій же вызвался, что онъ изъ усердія и ревности къ Государю берется поставить и безъ барыша, надѣяся, что впредь не будетъ онъ оставленъ.

Коллегія взошла о семъ съ докладомъ Государю; и *Его Величество* подписалъ на ономъ: *Отдать тому, которой требуетъ за труды по гривнѣ на рубль; другому отказать, понеже изъ пяти копѣекъ прибыли не изъ чего трудиться; а третьяго, яко плута, отдать на два мѣсяца на галеру, сказавъ ему, что Государь его богатѣе* (*).

XCIX.

(*) Отъ Г. Статскаго Совѣтника *Войнюкова*.

XCIX.

Монархъ издѣвается надъ старинною спѣсью Боярскою.

Ближній Бояринъ, Князь *Иванъ Борисовичъ Репнинъ*, управлявшій до 1698 году Сибирскимъ Приказомъ, мужъ знаменитостію рода, заслугами и старостію почтенный, имѣлъ непреоборимую упорность, чтобъ не слѣдовать нововводимымъ обычаямъ, обрядамъ и образу жизни; а для сего не принялъ онъ отъ *Его Величества* и новыхъ чиновъ и званій иностранныхъ, предпочитая всѣмъ титламъ титло *Ближняго Боярина.* Снисходительнѣйшій Монархъ, почитая заслуги и душевныя свойства сего мужа, оставилъ его при своихъ предразсудкахъ. Въ одно время Великій Государь любимому деньщику своему *Павлу Ивановичу Ягушинскому* сказалъ: Хочешь ли *Ягушинской* нынѣшній день получить знатной подарокъ? — Ктобъ сего не хотѣлъ? отвѣтствовалъ *Ягушинской.* - Такъ слушай же: Старикъ *Репнинъ* нынѣ не домогаетъ; поѣжжай къ нему и спроси отъ меня о здоровьѣ, но умѣй угодить старинной его Боярской суетности; оставь лошадь у воротъ и взой-

взойди на дворъ пѣшій и безъ шляпы; вели о себѣ доложить, что ты присланъ отъ Государя спросить о здоровьѣ Его Сіятельства. Тебя будутъ просить къ нему; но ты скажи, что недостоинъ увидѣть очей его Боярскихъ, и не прежде взойди, какъ по двукратному зову; а взойдя, съ раболѣпнымъ видомъ ставши у дверей, поклонись ему объ ручку; и естьли старикъ велитъ тебѣ сѣсть, отнюдь не садись, говоря, что ты недостоинъ толикой чести; — и я увѣряю, что не отпуститъ онъ тебя съ пустыми руками.

Г. *Ягушинской* точно поступилъ по предписанію сему. Такимъ къ себѣ уваженіемъ Государева посланца Князь тронутый, спросилъ его: Пьешь ли что другъ мой? — Не пью Ваше Сіятельство, отвѣтствовалъ онъ съ униженностію; потомъ спрашивалъ его о лѣтахъ: Давно ли онъ у Государя? довольно ли *Его Величество* его жалуетъ? и проч. На все сіе отвѣчалъ онъ тѣмъ же тономъ. Старикъ хвалилъ его за все, и что онъ умѣетъ почитать людей старыхъ и заслуженыхъ. Я не оставлю похвалить тебя и Государю, примолвилъ Князь. *Ягушинской*

благо-

благодарилЪ за толикую Его Сіятельства милость; и чуть не вЪ ноги ему поклонился, обЪясняяся, что онЪ во всю жизнь свою хвалиться будетЪ симЪ щастіемЪ; и потомЪ откланиваяся спросилЪ: Что Его Сіятельство прикажетЪ ему донести Государю? Донеси другЪ мой, что мнѣ слава Богу есть получше; и что я самЪ лично благодарить буду *Его Величество*, что вспомнилЪ меня старика; да побудь еще у меня другЪ мой, примолвилЪ Кн. *РепнинЪ*, и поговоримЪ что нибудь. Не смѣю преслушать Вашего Сіятельства повелѣнія, отвѣтствовалЪ *Ягушинской* сЪ низкимЪ поклономЪ. Князь, обратяся потомЪ кЪ брюхану дворецкому своему, стоявшему за креслами его: поди, сказалЪ, вЪ такомЪ-то шкафѣ и ящичкѣ лежитЪ мѣшечикЪ сЪ червонными; возьми и принеси его ко мнѣ. Дворецкой пошелЪ; но Князь, остановя его, принеси, сказалЪ ему, еще такой-то подносЪ серебреной; и какЪ сей пошелЪ, то Князь паки остановя его, сказалЪ: на тотЪ подносЪ поставь кубокЪ вызолоченной сЪ крышкою такой-то; и вЪ него изЪ мѣшечка высыпь червонцы, и принеси ко мнѣ. Между

тѣмЪ

тѣмъ *Ягушинской* усугубилъ свои учтивости и униженность. Тронутый симъ паче еще старикъ велѣлъ паки кликнуть къ себѣ дворецкаго: Да поставь скасалъ ему, на тотъ же подносъ еще чару золотую. Все сіе принесли къ Князю; и онъ взявъ въ свои руки подносъ сей, поддерживаемый дворецкимъ, подозвалъ къ кресламъ своимъ *Ягушинскаго*, и отдая все то ему, сказалъ: за то, что ты такъ уменъ, возьми сіе себѣ, другъ мой, и съ моей руки разживайся; да не оставляй и впредь почитать людей знатныхъ, старыхъ и заслуженыхъ; а тогда и Богъ и Царь тебя не оставятъ. *Ягушинской* съ низкими поклонами отговаривался отъ принятія онаго, изъясняяся, что Его Сіятельство приводитъ его неслыханною таковою милостію въ замѣшательство, и онъ боится и Его Сіятельство прогнѣвить отказомъ, и Государя принятіемъ толико великаго и незаслуженнаго имъ подарка. Возьми, возьми, другъ мой, и не опасайся ничего; я коль скоро выѣду, то буду къ Государю, и скажу, что я принудилъ тебя взять оной. Право, примолвилъ Князь, Государь умѣетъ выбирать людей; самъ Богъ его Царя

Государя наставляетъ на разумъ, и проч.

Г. *Ягушинской*, все сiе пересказавъ Государю, показалъ все ему подаренное; и *Его Величество* крайне смѣялся суетности стариковъ, боярствомъ и родомъ своимъ толико зараженныхъ; и потомъ сказалъ *Ягушинскому*: Ну не правду ли я тебѣ сказалъ, что получишь знатной подарокъ? Случай сей подалъ Государю матерiю за столомъ того же дня говорить о бывшемъ мѣстничествѣ, и коликiя отъ онаго происходили бѣдствiя. *Я почитаю*, между прочимъ сказалъ Государь, *заслугами своими отечеству доставшихъ себѣ знатность, и уважаю ихъ потомковъ, каковы на примѣръ Репнины и имъ подобные; но тотъ однако же изъ потомковъ знатныхъ родовъ заслуживаетъ презрѣнiе мое, котораго поведенiе не соотвѣтствуетъ предкамъ ихъ; и дуракъ сноснѣе въ моихъ глазахъ изъ низкаго роду, нежели изъ знатнаго* (*).

С.

(*) Отъ Князя *Петра Ивановича Репнина*.

C.

Посланный Монархомъ Офицеръ съ повелѣніемъ разрубить всѣ барки, старымъ манеромъ построенныя, и не пропускать оныхъ въ Петербургъ.

Великій Государь, между безчисленными учрежденіями своими, обращалъ вниманіе свое и на береженіе лѣсовъ, и на введеніе новаго роду рѣчныхъ судовъ, на которыя бы и меньше онаго исходило и были бы они прочнѣе, легче и надежнѣе. На сей конецъ сдѣланы были разныхъ родовъ образцовыя суда, въ числѣ которыхъ и барки, и посланы во всѣ пристани рѣчныя и въ тѣ мѣста, гдѣ строились суда, изъ Адмиралтейства мастера, для построенія въ тѣхъ мѣстахъ таковыхъ же образцовыхъ судовъ; а старымъ назначенъ срокъ, послѣ котораго отнюдь бы не употреблять оныхъ. Но предразсудки такъ были сильны, что многіе, промышляющіе по рѣкамъ, и послѣ сроку онаго не отставали отъ старыхъ. Сіе принудило Монарха повелѣть разрубать таковыя суда и барки; и поручено было сіе разосланнымъ съ указами сими по пристанямъ и по рѣкамъ гвардіи Офицерамъ, между

 кото-

которыми Порутчикъ *Ѳедоръ ..... Румянцовъ* посланъ въ Ладогу, съ точнымъ отъ Монарха повелѣніемъ, чтобъ, естьли сыщетъ онъ тамъ таковыя суда и барки, разрубить неотмѣнно.

Сей, прибывши туда, нашолъ множество, или паче всѣ барки старымъ манеромъ построенныя, и которыя по большой части нагружены были хлѣбомъ для Петербурга. И какъ тогда настоялъ уже мѣсяцъ Сентябрь; слѣдовательно ежели барки оныя по указу будутъ разрублены, то достать имъ указныхъ барокъ уже было поздо; и хлѣбъ не могъ бы быть доставленъ въ Петербургъ, въ которомъ тогда былъ въ ономъ крайній недостатокъ; описываться же объ ономъ и ждать повелѣнія боялся онъ, чтобъ упущеніемъ времени не причинить въ немъ голода: и такъ ревностный сей сынъ отечества рѣшился пропустить всѣ тѣ барки, которыя были съ хлѣбомъ.

Монархъ, увидя изъ нихъ первую прибывшую партію, крайне прогнѣвался; когда же усмотрѣлъ и вторую и третью партіи таковыхъ же барокъ, то въ великомъ гнѣвѣ призываетъ къ себѣ Господина *Александра Ивановича*

Ру-

Румянцова, и говоритъ ему, указывая на барки: посмотри, какъ родня-то твоя исполняетъ мое повелѣніе; я именно приказалъ ему разрубить всѣ таковыя барки, а онъ напротивъ всѣ ихъ пропустилъ; и тотъ же часъ послалъ строгой указъ, чтобъ былъ онъ для отвѣта въ Петербургъ. Между тѣмъ повелѣлъ Сенату, яко преслушника указовъ, судить его уголовнымъ судомъ.

Наконецъ Г. *Румянцовъ* является въ Сенатъ, въ которомъ тогда присутствовалъ и самъ Монархъ, и спрашивается отъ Сената: Какъ онъ осмѣлился преступить именной Монаршій указъ? и вѣдаетъ ли онъ, что законъ ослушниковъ таковыхъ повелѣваетъ казнить смертію?

Виноватъ, отвѣтствуетъ съ спокойнымъ духомъ Г. *Румянцовъ*, и вѣдаю, что подвергаю себя ослушаніемъ указа казни: но я готовъ умереть съ удовольствіемъ, удовольствовавъ хлѣбомъ всѣхъ здѣшнихъ жителей, безъ котораго бы они, ежелибъ я по указу разрубилъ барки, такъ какъ разрубилъ нагруженныя товарами, могли понести великую нужду, а можетъ

жетъ быть и голодъ. Сіе-то самое, продолжалъ онъ, понудило меня преступить указъ и пропустить барки сіи, безъ чегобъ они не могли сюда доставить хлѣба. Правда, заключилъ онъ, долженъ бы я былъ о семъ представить прежде Государю; но боялся задлить тѣмъ время, и не былъ увѣренъ, чтобъ *Его Величество* во гнѣвѣ своемъ не запамятовалъ о слѣдствіяхъ того, какое бы произвесть могъ недостатокъ въ хлѣбѣ.

Великій Государь, выслушавъ все сіе, сказалъ: *Ну Румянцовъ, я прощаю тебѣ сіе, яко первое еще ослушаніе твое: но берегись впредь подобное сему что учинить. По чему ты вѣдаешь, чтобъ я не могъ того разсудить, ежелибъ ты, по пріѣздѣ въ Ладогу, далъ мнѣ о семъ знать?* Симъ дѣло и кончено; и примѣчено было, что Монархъ съ сего времени большую предъ прежнимъ оказывалъ къ нему милость и довѣренность свою (*).

CI.

(*) Отъ Г. *Крекшина*.

CI.

Монархъ искореняетъ злоупотребленіе банкерутовъ.

Законъ, существовавшій до сего Великаго Государя, — по которому должники, приходившіе въ несостояніе платить долговъ своихъ, отдавались заимодавцамъ головами, — и самъ по себѣ былъ варварской, а сверьхъ того служилъ поводомъ къ различнымъ злоупотребленіямъ. Плуты, подъ личиною притворства, снискавши себѣ довѣренность, нахватывали въ долгъ немалыя суммы, объявляли себя къ платежамъ несостоятельными и отдавались въ заживъ тому, съ которымъ сговорясь надавали ему на себя въ великихъ суммахъ ложныхъ долговыхъ обязательствъ; а тѣмъ и лишали настоящихъ заимодавцовъ имъ принадлежащаго. Другіе, во избѣжаніе положенныхъ по купечеству податей и всякихъ гражданскихъ службъ и тягостей, отдавались въ заживъ по ложнымъ же кабаламъ на себя даннымъ, знатнымъ людямъ; и подъ ихъ именами и покровительствомъ производили свои промыслы со всякою свободою. Толикія злоупотребленія

не укрылись отъ проницанія Ироя нашего; *Его Величество*, законъ сей отмѣня, на мѣсто его издалъ другой, по которому несостоятельные плательщики, когда они не докажутъ ясными свидѣтельствами нещастій своихъ, приведшихъ ихъ въ несостояніе, отдавать въ казенную работу, что все Монархъ изъяснилъ въ изданномъ тогда же, (говоритъ Г. *Татищевъ*) весьма благоразумномъ банкерутскомъ уставѣ (*).

Но какъ злыя и коварныя души и самые благоразумные законы обращаютъ въ злоупотребленіе: то и подъ сей уставъ, буде можно такъ сказать, подводили мины. Нашлись многіе таковые, которые, скрывая имѣніе взятое въ долгъ, объявляли искусно вымышленныя нещастія, лишившія будтобы ихъ онаго. Изъ таковыхъ одинъ купецъ, купя въ срокъ товаровъ у гостя *Сверчкова* на десять тысячь рублей, объявилъ, что когда онъ ѣхалъ изъ города Архангельскаго съ товарами, то оные по нещастію обру-

(*) Въ изъясненіи своемъ на Судебникъ Царя *Ивана Васильевича*, но которой, де, уставъ не извѣстно для чего отмѣненъ; когда же отмѣненъ, того не извѣстно же и мнѣ.

рушась на льду рѣки Волги, потонули безъ остатка, и что онъ отъ того разорился до основанія, представляя нѣсколькихъ свидѣтелей, видѣвшихъ то потопленіе.

Между тѣмъ *Сверчковъ* увѣдавъ, что показаніе сего коварнаго должника его было ложно, и что привезъ онъ въ Москву тайно на знатную сумму товаровъ, подалъ на него въ судъ, съ показаніемъ всего того, прощеніе. Но плутъ сей, на случай, дабы не открылось сіе его коварство, подговоря подобныхъ себѣ бездѣльниковъ, далъ имъ на себя въ великой суммѣ долговыя обязательства, которыя по условію въ то же время и поданы были на него въ тотъ же судъ. *Сверчковъ* увидѣлъ изъ сего, что естьли онъ и докажетъ привозъ имъ въ Москву товаровъ, то по множеству ложныхъ сихъ долговъ онъ ничего же не получитъ; тѣмъ больше, что и судьи были въ великомъ недоумѣніи, какъ рѣшить дѣло сіе, по тому особливо, что свидѣтели утверждали, что они точно видѣли, какъ возы его потонули на Волгѣ. И такъ прибѣгъ онъ къ самому Монарху, объясня *Его Величеству* все въ точности.

Великій Государь, зная честность сего гостя, не могъ не проникнуть въ коварство плута того; онъ наистрожайше повелѣлъ поступить съ бездѣльникомъ; и сдѣлавшись самъ, такъ сказать, истцомъ, открылъ, что плутъ тотъ дѣйствительно возы потопилъ, и что свидѣтели то и видѣли, но не знали того, что на возахъ сихъ накладены были каменья вмѣсто товаровъ, которые онъ скрывъ привезъ тайно въ Москву. По открытіи же сего можно уже было заключить и о послѣднемъ плутовствѣ его, то есть касательно до ложно данныхъ на себя долговыхъ обязательствъ, и соучастники сего плутовства принуждены были наконецъ признаться въ томъ. И такъ Г. *Сверчковъ* получилъ все свое; а плутъ сей и ложные его кредиторы наказаны, какъ злодѣи, по всей строгости законовъ.

CII.

Монархъ наказываетъ строго ябедниковъ.

Великій Государь, ненавидя крайне ябедниковъ, издалъ законъ: *Кто на праваго бьетъ челомъ, и то сыщется:*

то

то поступить съ челобитчикомъ такъ, чему бы достоинъ былъ отвѣтчикъ, ежели бы оказался онъ виновнымъ. Но слѣдующіе два Анекдота докажутъ, что безсовѣстнѣйшіе изъ ябедниковъ строжайше еще сего наказаны.

Одинъ Московской купецъ билъ челомъ на сосѣда, что корова его, ворвавшись къ нему въ огородъ, поѣла его капусту, и причинила ему убытку на 300 рублей, и просилъ убытокъ весей взыскать съ него; и какъ *Его Величество* въ сіе время находился въ Москвѣ, то и не сокрылась отъ него таковая ябеда. Онъ приказалъ суду тому освидѣтельствовать въ огородѣ его, сколько поѣдено капусты и причинено ему убытку; и поелику не могло уже быть пристрастное свидѣтельство, то найдено, что капусты поѣдено, въ чемъ и весь убытокъ тотъ состоялъ, не больше какъ рубли на три. Донесено о семъ Государю, и Монархъ повелѣлъ съ безсовѣстнаго сего просителя взыскать триста рублей, и отдать оные отвѣтчику сосѣду его; а сверьхъ того взыскать съ него же въ казну 3000 рублей, и употребить оные на построеніе мун-

ди-

дировъ солдатамъ Преображенскаго полку. А дабы коварный проситель и все Московское купечество таковаго рѣшенія не забыли, повелѣлъ впредь писаться ему *Калустинымъ*.

CIII.

Подобное сему наказаніе другому ябеднику.

Въ другое время, одинъ изъ Московскихъ же купцовъ билъ челомъ въ судѣ на должника своего въ неплатежѣ ста рублей, и въ причиненныхъ ему незаплатою оныхъ убыткахъ. Какіе же были сіи убытки? онъ состроилъ себѣ (пишетъ сей ябедникъ) палаты; но не могъ только за неполученіемъ тѣхъ ста рублей сдѣлать затворовъ къ окнамъ; а между тѣмъ случившимся пожаромъ палаты его за неимѣніемъ затворовъ выгорѣли, и пожаръ изъ палатъ распространяся на дворъ, дошелъ до кладовыхъ его, и истребилъ товаровъ его по цѣнѣ на 5000 рублей, отъ чего онъ въ конецъ разорился; и чего бы онъ избѣжалъ, ежелибъ заимщикъ заплатилъ ему въ срокъ помянутые сто рублей, на кото-

торые бы онъ сдѣлалъ тѣ затворы, и пожаръ не могъ бы вкрасться въ его палаты, и проч.

Не укрылось и сіе криводушничество ябедника того отъ *Его Величества.* Монархъ, подобно же первому самъ прибывъ въ судъ тотъ, повелѣлъ изслѣдовать: Какъ и отъ чего послѣдовалъ пожаръ оный? и въ самомъ ли дѣлѣ все его сгорѣло имѣніе? и наконецъ описать все, что сыщется въ домѣ его.

По изслѣдованіи таковомъ найдено, что загорѣлось у сосѣда его; что палаты его не были отдѣланы, и что на полы только припасены были доски; что весь его убытокъ состоялъ въ сихъ доскахъ и въ прикосновенномъ къ онымъ сараѣ; что кладовыя его цѣлы, и въ нихъ нашлося товаровъ и имѣнія съ лишкомъ на 20000 рублей.

Великій Государь, дабы дать примѣръ строгости къ унятію отъ подобныхъ криводушничествъ ябедниковъ, повелѣлъ отвѣтчику заплатить истцу показанные его убытки 5000 рублей; а погорѣвшій дворъ истцовъ со всѣмъ найденнымъ въ немъ имѣніемъ и товарами отдать ему отвѣтчику.

Пре-

Предавшій намЪ сіе однако же прибавляетЪ, что ябедникЪ сей слезами и прозьбами склонилЪ заимщика своего на милость; и сей добрый человѣкЪ удовольствовался взысканіемЪ сЪ него однихЪ только убытковЪ своихЪ, причиненныхЪ ему криводушничествомЪ его (*).

CIV.

МонархЪ хвалитЪ краткость рѣшенія прежнихЪ БоярЪ.

Великій Государь, вЪ небытность вЪ СенатѣЪ ОберЪ-Прокурора, приказалЪ заступить мѣсто его гвардіи своего полку Маіору *Ивану Ильичу Дмитріеву-Мамонову большому*, повелѣвая притомЪ ему напоминать ГосподамЪ СенаторамЪ, дабы внимательнѣе слушали дѣла, и посторонними разговорами отнюдЪ бы вЪ СенатѣЪ не занималися.

вЪ

(*) Три сіи Анекдота получены мною отЪ Его Высокопревосходительства *Ивана Ивановича Неплюева*; и о сихЪ же самыхЪ происшествіяхЪ упоминаетЪ кратко и Г. *Татищевъ* вЪ примѣчаніяхЪ своихЪ на СудебникЪ Царя *Ивана Васильевича*.

Въ одно время сей повѣренный Монаршій изъ любопытства показалъ *Его Величеству* одинъ приговоръ прежнихъ Бояръ, которой состоялъ въ сихъ токмо словахъ: *Сидѣли въ палатѣ трое Бояръ, слушали дѣло, и быть дѣлу такъ;* и подавая оной Монарху съ насмѣшкою надъ Боярами сими сказалъ: Посмотрите Государь, какъ они хорошо объясняли дѣла.

Великій Государь, прочтя оное, отвѣчалъ: „ Ничего здѣсь нѣтъ смѣшнаго, и я ихъ еще хвалю за краткость сію, въ которой очень много „смыслу. Они краткими сими словами утвердили крѣпко прежнее рѣшеніе, которое довольно уже было „объяснено; а потому и не почли за „надобность повторять онаго; и я „бы желалъ, чтобъ и вы подражали „имъ и менѣе бы марали бумаги. „Довольно обнаружить только дѣло, „и оговоря кратко содержаніе неправой прозьбы, или незаконнаго „рѣшенія, написать приговоръ безъ „предисловія и краснорѣчія, затемняющаго только дѣло; не рѣдко же „наполняя оной двусмысліями и пустословіями, свойственными однимъ ябедникамъ, помрачаютъ и

„са-

„самую истинну. Безпристрастіе „(заключилЪ МонархЪ) не требуетЪ „ни прикрасЪ ни пустословія.„

CV.

МонархЪ отвѣдываетЪ кашу солдатскую, и наказываетЪ Комисара, отпустившаго крупу прогорьклую.

ВЪ одномЪ изЪ заграничныхЪ походовЪ солдаты поартельно сидя ѣли кашу; одинЪ изЪ нихЪ роптаЛЪ на прогорьклость крупы, говоря громко: ВотЪ какую за всѣ наши службы и труды даютЪ намЪ крупу! вотЪ какЪ кормятЪ насЪ! и проч. МонархЪ, проходя вЪ то же время лагерь, сЪ крайнею прискорбностію слышитЪ ропотЪ сей; а дабы не распространился оной по всему лагерю, подходитЪ кЪ артели сей и по обыкновенію своему говоритЪ: *Хлѣбъ соль товарищи!* — Милости просимЪ хлѣба кушать, отвѣчали они. Великій Государь, не показывая ни малаго вида неудовольствія, взявЪ у одного солдата ложку, нѣсколько покушалЪ оныя, и какЪ бы не примѣтивЪ горькости крупы, сказалЪ: *каша - то ребята хоро-*

хороша; ѣшьте на здоровье, и пошелъ отъ нихъ. — Слышишь ли, сказалъ другой солдатъ ропщущему, что говоритъ Государь? и самому ему не противна показалась каша наша, а ты ропщешь: какъ быть, хотя она не много и горьковата! въ походѣ не льзя, чтобъ все было свѣжее; придемъ въ другое мѣсто, такъ и пищу имѣть можемъ лучшую, и проч. Недовольной отвѣчалъ на сіе: и подлинно братъ такъ; мнѣ уже и самому стыдно стало, когда Государь похвалилъ оную. Такимъ образомъ Монархъ пресѣкши ропотъ и успокоя недовольнаго, наказалъ послѣ Комисара за его несмотрѣніе въ принятіи такой крупы, и далъ строжайшія повелѣнія, чтобы все отпускаемое на пищу солдатамъ было хорошее и неиспорченное, о чемъ дано было знать и во всю армію.

CVI.

Монархъ прощаетъ солдатъ за учиненную ими обиду Графинѣ Шереметевой.

Великій Государь, колико строго взыскивалъ отъ военнослужащихъ исправности воинской, паче же каса-

тель-

тельно до дисциплины, толико снизходителенЪ былЪ вЪ личномЪ сЪ ними обращенiи; они могли сЪ нимЪ вЪ нуждахЪ своихЪ обЪясняться всегда сами. ТакимЪ образомЪ четыре Преображенскаго, и при Семеновскаго полковЪ солдата изЪ дворянЪ, бывшiе между прочими на карраулѢ вЪ ПреображенскомЪ, когда МонархЪ проходилЪ мимо ихЪ, попросились у *Его Величества* вЪ городЪ, то есть вЪ ряды Московскiе, для покупки нужныхЪ имЪ вещей; и МонархЪ тотчасЪ отпустилЪ ихЪ, но сЪ тѢмЪ, чтобЪ возвратились непремѢнно кЪ вечерней зарѢ. Но какЪ они за исправленiемЪ покупокЪ тѢхЪ вЪ рядахЪ и на Красной площади, часЪ за часомЪ нечувствительно провели время до самаго вечера, и не прежде такЪ сказать опомнились, какЪ уже тогда, когда не могли они поспѢть вЪ ПреображенскЪ вЪ назначенное имЪ время, иначе, какЪ на извощикахЪ: но кЪ нещастiю не могли ихЪ отыскать; вЪ крайности сей рѢшились они остановить первую повозку, какая имЪ попадется, дабы на оной доѢхать до Преображенска. Первая попавшаяся имЪ встрѢчу повозка была карета, вЪ

въ которой ѣхала Фельдмаршальша *Шереметева*; они остановили ее, и съ учтивостію просятъ Графиню, приказать ихъ довезти до Преображенска, обьясняяся, что сею милостію Ея Сіятельство избавитъ ихъ отъ бѣды. Графиня отвергаетъ прозьбу ихъ, и что за дерзость таковую не меньше они будутъ наказаны; однакожъ солдаты сіи не отпускаютъ кареты, и неотступно убѣждаютъ Фельдмаршальшу тою же прозьбою; словомъ: Графиня принуждена была выпти въ знакомой ей домъ, на той улицѣ случившійся, и отдать въ ихъ волю карету, въ которой они и поспѣли къ назначенному часу въ Преображенскъ.

На другой день Фельдмаршалъ жаловался Монарху на дерзость, оказанную солдатами сими его супругѣ. Великій Государь, повелѣвшій ихъ представить себѣ, спросилъ: Правда ли то, что они отняли карету у Фельдмаршальши? Солдаты, упавши къ ногамъ *Его Величества*, разсказали все, какъ дѣло происходило, и причину принудившую ихъ къ таковому поступку. Монархъ, бывъ тронутъ не столько признаніемъ ихъ, сколько тою заботливостію, которую они оказали

въ выполненіи своей обязанности, и страхомъ, дабы не подпасть подъ штрафъ, сдѣлавъ имъ жестокой выговоръ, просилъ Фельдмаршала простить ихъ, и Графъ долженъ былъ исполнить прозьбу своего Монарха. *Его Величество* наконецъ сказалъ имъ: вы должны благодарить Графа, что онъ васъ простилъ и избавилъ тѣмъ васъ отъ заслуженнаго вами наказанія; и что естьли впредь дерзнутъ они подобное что учинить, то вѣдали бы, что будутъ наказаны по всей строгости, а симъ и кончено дѣло (*)

CVII.

(*) Три сіи Анекдота преданы Господиномъ *Ильею Ѳедоровичемъ Ушаковымъ*, которой въ послѣднихъ двухъ былъ самъ дѣйствующею особою, находяся тогда солдатомъ Преображенскаго полку. Онъ сказывалъ также, что когда Монархъ съ военнаго корабля поѣхалъ въ первый разъ во Гданскъ на шлюбкѣ, взявъ въ гребцы выборныхъ солдатъ, въ числѣ которыхъ находился также и онъ Г. *Ушаковъ*: то подъѣзжая къ городу, сказалъ солдатамъ: ребята! вить это городъ Нѣмецкой; надѣньте бѣлыя манишки, (передъ рубашки, съ обшитымъ воротникомъ, завязывающимся назади). Племянникъ сего Г. *Ушакова*, Г. Статской Совѣтникъ *Иванъ Алексѣевичъ Ушаковъ*, сообща мнѣ сіи и вышеприсанные Анекдоты при своемъ письмѣ, заключаетъ тако: „Сей „дядя мой, разсказывая часто все оное, и мно-„гія

CVII.

Монархъ, въ самой день прибытія въ Петербургъ, посыланнаго имъ въ Италію для ученія живописи Г. Никитина посѣщаетъ въ квартирѣ его.

Мы видѣли въ Дѣяніяхъ *Его Величества*, коль многое число Россійскаго юношества всякаго званія разослано было по чужимъ краямъ для изученія различнымъ наукамъ и художествамъ; въ числѣ послѣднихъ Г. *Никитинъ* посланъ былъ въ Италію, для изученія живописи, гдѣ онъ довольно и успѣлъ въ семъ искуствѣ, что уже извѣстно было и *Его Величеству*. Сей Г. *Никитинъ* прибылъ въ Санктпетербургъ въ ночи на праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова. Великій Государь во время литургіи, которая непосредственно послѣ завтрени отправлялась въ Троицкомъ Соборѣ, узнав-

„гія другія обстоятельства, касающіяся до „размотрѣнія и сужденія дѣлъ, и до разбирательства *Его Величествомъ* словесныхъ „прозьбъ бѣдныхъ на богатыхъ и знатныхъ „людей, а также и разговоры его при разныхъ „случаяхъ во время походовъ съ солдатами, „проливалъ всегда обильныя слезы.“

ши о пріѣздѣ его, по выходѣ изъ сего Собора прямо пошелъ въ квартиру его, недалеко отъ онаго бывшую. Онъ поздравилъ его съ пріѣздомъ и съ праздникомъ, похрістосовался, и благодарилъ его за прилѣжность къ ученію. Обрадованный живописецъ толикою милостію своего Государя, хотѣлъ было *Его Величеству* показать новыя свои картины, которыя писалъ онъ въ Италіи, и которыя были завернуты, обвязаны рогожами, и лежали на полу; но Монархъ остановя его сказалъ: оставь ихъ въ сихъ дѣдовскихъ нашихъ коврахъ; тебѣ должно отъ дороги успокоиться, и я послѣ разсмотрю ихъ съ тобою. Во время же обѣда Великій Государь послалъ ему съ стола своего нѣсколько блюдъ кушанья, и нѣсколько бутылокъ разныхъ напитковъ. Какое ободреніе (*)!

Никто не зналъ столько, какъ сей Великій Государь, что человѣкъ, напрягающій ревностно всѣ свои силы въ какомъ либо полезномъ искуствѣ, или въ службѣ, и не имѣющій ободренія, теряетъ наконецъ всю бодрость духа; и что

(*) Отъ родственниковъ сего Г. *Никитина*.

что сердце его тогда оскорбляется, стонетъ, вкушаетъ всю горечь неуваженія трудовъ своихъ и терзанія самолюбія; а сіе всего мучительнѣе.

Одинъ изъ писателей нашихъ (*), разсуждая о семъ толико нужномъ ободреніи, говоритъ тако: „Весьма „много похищаетъ чести у дарованія „Россіянъ язва моднаго воспитанія; „она заразила большую часть людей, „въ которыхъ бы науки и художе„ства должны обрѣтать своихъ по„кровителей, и до того довела нѣ„которыхъ именемъ знатности об„леченныхъ, что они, бывъ Рускими, „объ Рускихъ и слышать не хотятъ.„

CVIII.

Отвращеніе Монаршее отъ расточенія и роскоши.

Богатство Государей, говоритъ Графъ *Оксенстирнъ* (**), *не ихъ собственное, но народное; за безпорядочное употребленіе онаго должны они будутъ со временемъ дать ужасный отчетъ Судіи Выш-*

(*) Ежемѣсячное изданіе 1792 года подъ названіемъ *Зритель*.

(**) Часть I стр. 406 нашего переводу.

Вышнему; дѣла ихъ цѣнятся и пересуживаются всѣмъ свѣтомъ; и нѣтъ никого, даже до послѣдняго нищаго, кто бы не разсчитывалъ ихъ поведенія.

Истинну сихъ словъ Великій Государь доказалъ намъ образомъ своея жизни. Мы видѣли во многихъ мѣстахъ дѣяній его, колико онъ сбираемыя съ народа деньги почиталъ священными, и употреблялъ ихъ единственно въ пользу того же самаго народа. Баронъ *Гизенъ*, служившій у *Его Величества*, слышалъ при полученіи жалованья по чинамъ носимымъ имъ, Бомбардирскаго Капитана и корабельнаго мастера, изъ устъ его произнесенныя слѣдующія слова: *Понеже я службою для государства тѣ деньги, какъ и другіе Офицеры, заслужилъ, то и могу оныя употреблять по своей волѣ; а народныя деньги оставляются для пользы государства и соблюденія его, будучи обязанъ нѣкогда о томъ отдать отчетъ Богу.* Здѣсь же представляется и еще одно сея же истинны доказательство.

Императрица, къ своей коронаціи, вышила для супруга своего по голубой объяри серебромъ кафтанъ, которой когда Великій Государь въ первые

вые надѣлъ на себя, то Монархиня сказала: Ахъ батюшка! какъ онъ къ тебѣ присталъ, и какъ бы я желала видѣть тебя и всегда такъ одѣтаго! — *Безразсудное желаніе!* отвѣтствовалъ Монархъ; *ты того не представляешь, что всѣ таковыя и подобныя издержки не только что излишни и отяготительны народу моему; но что за такое недостойное употребленіе денегъ народныхъ еще и отвѣчать я буду Богу, вѣдая притомъ, что Государь долженъ отличаться отъ подданныхъ не щегольствомъ и пышностію, а менѣе еще роскошью; но неусыпнымъ ношеніемъ на себѣ бремени государственнаго и попеченіемъ о ихъ пользѣ и облегченіи; къ томужъ,* заключилъ Монархъ, *таковыя убранства только что вяжутъ меня и отнимаютъ руки* (*).

(*) Отъ Адмирала *Алексѣя Ивановича Нагаева.* Кафтанъ сей есть тотъ самый, которой и понынѣ виденъ въ Императорской Кунстъ-Камерѣ на статуѣ *Его Величества.*

CIX.

Монархъ не терпитъ расточенія и никакихъ излишествъ въ подданныхъ своихъ.

Великій Государь подобныя своимъ чувствованія старался непрестанно внушать и въ подданныхъ своихъ, примѣромъ своимъ, увѣщаніями и даже наказаніями; почему никто изъ нихъ и не смѣлъ держать расходовъ, не соразмѣрныхъ доходамъ своимъ; а кареты имѣли одни только знатные господа, и то не многіе.

Сей отецъ подданныхъ, естьли усматривалъ кого, а особливо изъ молодыхъ людей, богато одѣтаго, или въ щегольскомъ экипажѣ ѣдущаго, всегда останавливая таковаго, спрашивалъ: кто онъ таковъ? сколько имѣетъ крестьянъ и доходовъ? и буде находилъ, что таковыя издержки не соотвѣтственны были доходамъ его, то расчисля по онымъ, что такихъ излишествъ не можно ему заводить, наказывалъ таковаго, смотря по состоянію, или журьбою, или опредѣленіемъ въ матросы на нѣкоторое время; а мотовъ обыкновенно отсылалъ въ

въ работу на галеры, на мѣсяцъ, на два и больше.

Вниманіе *Его Величества* за симъ было неусыпное!

Воинъ Яковлевичъ Корсаковъ, въ молодыхъ лѣтахъ посыланной отъ него во Францію куріеромъ, по возвращеніи своемъ, явился къ Монарху, имѣя на себѣ нижнее платье бархатное. Великій Государь разспрося его о всемъ, что было нужно, въ отношеніи посылки его, сказалъ: *Корсаковъ! штаны-то на тебѣ такія, какихъ не носитъ и Государь твой. Смотри, чтобъ я съ тобою не побранился; это пахнетъ мотовствомъ; я витъ знаю, что ты не богатъ.*

Но естьли не терпѣлъ онъ мотовъ, то еще несноснѣе казались ему такъ называемые петиметры, которыхъ почиталъ онъ за людей ни къ чему неспособныхъ и негодныхъ. Одинъ изъ посыланныхъ *Его Величествомъ* для ученія во Францію, молодой богатаго отца сынъ . . . . . по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, желая показать себя городу, прохаживался по улицамъ въ богатомъ и послѣдняго Французскаго вкуса платьѣ и бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ. Къ нещастію

стію встрѣтился онъ такъ наряженнымъ съ *Его Величествомъ*, ѣхавшимъ на работы Адмиралтейскія въ одноколкѣ. Монархъ подозвалъ его къ себѣ, и заведя рѣчь о Франціи и о успѣхахъ его въ ученіи, заставилъ его итти у колеса одноколки своей, и не отпустилъ дотолѣ, пока не увидѣлъ всего его обрызганнымъ и замараннымъ грязью (*).

СХ.

(*) Отъ вышеупоминаемаго почтеннаго старца *Ивана Ивановича Неплюева*, которому Г. *Корсаковъ*, бывъ зятемъ его, разсказывалъ сіе самъ.

Кстати кажется помѣстить здѣсь одною искусною кистью написанной портретъ *петиметра*.

„Примаслить волосы Французскою помадою; „усыпать всю голову благовонною пудрою; „одѣться въ самомъ послѣднемъ вкусѣ; говорить обо всемъ ничего не размышляя и ничего не зная; прельщаться и прельщать наружностію; менѣе всего помышлять о внутреннемъ украшеніи; съ гордою умѣренностію „говорить о своихъ достоинствахъ, не имѣя „ихъ; презирать дарованія, не умѣя оцѣнять „ихъ; сооружать системы и быть въ одно „время *Циникомъ*, *Епикуромъ*, *Стоикомъ* и „*Платоникомъ*; не знать никого лучше себя; „быть должну многимъ, и не платить никому; говорить дерзновенно о заслугахъ и „проповѣдывать о своей неустрашимости и „волокитствахъ; отзываться дерзко на счетъ „добродѣтельныхъ женщинъ; пресмыкаться по „перед-

CX.

Монархъ отвергаетъ предложенной ему для покупки большой алмазъ, и смѣется суетности украшающихъ себя оными.

Къ чести *Генриха IV* исторiею замѣчено, что когда по одержанiи имъ великой побѣды надъ Католическою армiею, представили ему дорогой цѣны каменья и другiя великолѣпныя бездѣлушки, полученныя послѣ убитаго на той баталiи Генерала *Жоюза*, то сей Великой Государь, не удостоя ихъ и взглядомъ своимъ, сказалъ: „Однимъ только комедiантамъ прилично тщеславиться богатымъ украшенiемъ; истинное же украшенiе „Генерала есть храбрость, присутствiе духа въ сраженiи и милость „послѣ побѣды.„

Все сiе мы съ большимъ еще основанiемъ приписать долженствуемъ нашему

„переднимъ Вельможъ; желать снискать посредствомъ низости чины и почести: вотъ „что значитъ *петиметръ*! Ежели слово „petite maitre перевести литтерально на Руской „языкъ, то оно знаменуетъ *маленькой* „*господинъ*. . . . . И подлинно, я ничего „не знаю менѣе и незначущѣе *петиметра*.„

шему Ирою. Мы видѣли присутствіе духа его въ сраженіяхъ, и милость къ побѣжденнымъ; касательно же до его гардероба, то ни самой посредственой изъ партикулярныхъ не имѣлъ простѣе его, какъ видимъ мы оной хранящійся по нынѣ въ Императорской Кунстъ-Камерѣ. Колико же онъ презиралъ бриліанты, сіе докажетъ намъ слѣдующій Анекдотъ.

Одинъ иностранецъ привезъ въ Петербургъ большой и дорогой цѣны алмазъ; онъ мнилъ, что Императоръ, яко любитель рѣдкостей, конечно оной купитъ. Но сей продавецъ видно очень худо зналъ сего Монарха; онъ подлинно любилъ рѣдкости, но такія, кои были полезны и нужны, а не такія, которыя не приносятъ ни малой пользы; а суетность цѣнитъ ихъ весьма дорого.

Иностранецъ сей приноситъ его къ Монарху и предлагаетъ, не угодно ли *Его Величеству* купить оной? Но Великій Государь, взявъ его въ руки, и нѣсколько посмотря на него, сказалъ: *Непростительноб было мнѣ, на покупку безполезной вещи утратить знатную государственную сумму*; и отпустя его съ камнемъ тѣмъ, сказалъ

залъ окружавшимъ его: *Безуміе одно оцѣняетъ столь дорого сіи блестящія бездѣлки; а суетность, слутница безумія, возбуждаетъ желаніе украшать себя оными; сіе безуміе, и сія суетность столь далеко простираются, что ежели бы нашелся алмазъ съ ручной жорновъ, то кажется мнѣ, что не взирая на его тяжесть, повѣсили бы и оной на шею* (*).

„ Овладѣнная вещь, говоритъ Графъ „ *Оксенстирнъ*, уменьшаетъ уже цѣну „ оной. — Цѣна, которую налагаютъ „ на вещи, по причинѣ ихъ рѣдкости, „ нелѣпа, и кажется мнѣ, опредѣлять „ цѣну должно бы по ихъ полезности. „ Сіе есть доводомъ нашего безумія, „ что даемъ мы предпочтеніе такимъ „ вещамъ, кои одно то имѣютъ въ „ себѣ достоинство, что привозятся „ издалека. Разсудокъ намъ сказы„ваетъ, что вещь полезная, хотя бы „ родилася и въ нашей землѣ, больше „ имѣетъ въ себѣ важности для насъ, „ нежели безполезная, привозимая изъ „ Индіи. „

CXI.

(*) Отъ Его Высокопревосходительства *Ивана Ивановича Неплюева.*

CXI.

Порядокъ, строжайше наблюдаемый Монархомъ въ произвожденіяхъ въ чины.

Великій Государь, бывъ въ Персидскомъ походѣ, между прочимъ предпринявъ сдѣлать крѣпость святаго Креста, самъ пріискалъ подъ оную мѣсто, самъ снялъ съ онаго планъ, самъ сдѣлалъ чертежъ сея крѣпости, и самъ же размѣрилъ оную; и какъ въ работѣ сей помогалъ *Его Величеству* Бригадиръ *Василій Яковлевичъ Левашовъ*, то Монархъ, упрудяся работою, спросилъ у него: Нѣтъ ли водки? — Водки нѣтъ, а есть добрая сивуха, отвѣтствовалъ Г. *Левашовъ*. — Хорошо; но не можно ли достать къ ней рѣдьки? — Г. *Левашовъ*, бывшаго при немъ на вѣстяхъ молодаго солдата изъ дворянъ по фамиліи *Аркатова* послалъ спросить о ней у поселенныхъ тамъ козаковъ. *Аркатовъ* былъ столько щасливъ, что сверьхъ чаянія Государева весьма скоро ее нашелъ и принесъ, и заслужилъ отъ Монарха слово: *спасибо братъ*.

Великій Государь, выкушавъ рюмку сивухи оной и закуся рѣдькою, хвалилъ проворство солдата. Г. *Левашовъ*,

не

не опустя употребить сей минуты въ пользу *Аркатова*, донесъ о исправности и способностяхъ его. Великій Государь спросилъ Г. *Левашова*: давно ли онъ въ службѣ? и услыша, что нѣтъ еще году, сказалъ: *Можно бы его пожаловать капраломъ; но обидишь тѣмъ многихъ, которые старѣе его въ службѣ: однакожъ*, заключилъ Монархъ, *когда пройдетъ годъ службы его, напомни мнѣ объ немъ.*

Сей Г. *Аркатовъ*, будучи уже въ отставкѣ Надворнымъ Совѣтникомъ, самъ разсказывалъ все сіе одному изъ моихъ пріятелей (*).

CXII.

Продолженіе того же.

Одинъ изъ знатнѣйшихъ Княжескихъ родовъ, — молодой 16-лѣтній баричь, по обыкновенію началъ службу свою съ солдата гвардіи. Видъ и проворство, а не меньше и знатный родъ его, привлекли на него особенное вниманіе и благоволеніе Ея Величества; по

(*) Г. Коллежскому Совѣтнику, *Михайлѣ Павловичу Жукову*, отъ котораго мнѣ и сообщенъ сей Анекдотъ.

по чему и просила она Великаго Супруга своего пожаловать его сержантомъ. — *Сержантомъ?* отвѣтствовалъ Монархъ: *развѣ ты не знаешь, коль важно званїе сержантское; и ты должна его жалѣть, вить онъ всегда будетъ подъ палками за неисправность въ должности, которой онъ еще не разумѣетъ.* — Такъ хотя унтеръ-офицеромъ. — *И сего не можно.* — По крайней мѣрѣ, батюшка, пожалуйте его хотя капраломъ. — *И сего не льзя; вить цѣлое капральство должно быть на рукахъ его, и онъ за всякую пуговицу солдатскую отвѣтствовать долженъ, не говоря уже о другомъ; и такъ будетъ онъ всегда неисправенъ, а слѣдовательно всегда же и битъ. Да и разсуди,* заключилъ Государь, *можно ли его пожаловать капраломъ, когда есть многїе старше его по службѣ? это было бы имъ весьма обидно, а съ моей стороны несправедливо; и такъ пусть поверстается съ другими; а тогда по порядку и не будетъ онъ обойденъ, только бы между тѣмъ велъ себя порядочно.*

Изъ сихъ примѣровъ видно, что не такъ легко можно было при семъ Великомъ Государѣ дослужиться до офи-

офицерства; но за то уже чины сіи весьма уважались, и отличіе, каковое имъ дѣлалось въ обществѣ, сугубо награждало терпѣніе ихъ; а порядокъ въ производствѣ, не попускавшій никому, такъ сказать, ни выпередить, ни отстать назади, нечувствительнымъ дѣлалъ медленность производженія ихъ (*).

(*) Я удовольствуюсь представить въ примѣръ одного только ПЕТРОВА Офицера службу, которая послужитъ довольнымъ доказательствомъ предложеннаго мною.

Григорій Матвѣевичъ Кисленской, сынъ Стольника, *Матвѣя Ивановича* и *Ульяны Степановны*, сестры Тайнаго Совѣтника и Бергъ-Коллегіи Президента *Михайлы Степановича Опочинина*, родился Ноября 9, 1692 года; въ службу записанъ въ 1707 въ Жедринской пѣхотной полкъ въ солдаты; въ 1708 переведенъ въ Устюжской пѣхотной полкъ; въ 1710 былъ при атакѣ и пріемѣ города Риги и Динаминдъ-шанца, за что пожалованъ отъ Генерала *Алларта* въ тотъ же полкъ въ Прапорщики; въ 1711 году находился съ конницею въ корпусѣ Генерала *Януса*, и былъ на сраженіи при рѣкѣ Прутѣ, за что при замиреніи съ Турками изустно *Его Величествомъ* пожалованъ въ Подпорутчики; въ 1712 году, съ выбранною гренадирскою ротою, переведенъ въ Фонъ-Менгденовъ (что былъ потомъ въ Финляндіи первой) полкъ, и съ сего времени въ продолженіе всей Шведской войны, даже до заключенія мира, неотлучно при

CXIII.

Снисхожденіе Великаго Государя къ слабостямъ.

Московскій купецъ Г. *Ситниковъ* имѣлъ щастіе знаемъ быть *Его Величествомъ.* Сей почтенный старецъ между прочимъ разсказывалъ со слезами

при ономъ полку былъ на всѣхъ почти въ Финляндіи сраженіяхъ сухопутныхъ и морскихъ, на галерахъ и островскихъ лодкахъ, равно какъ и на штурмахъ крѣпостей, шанцовъ и проч. а сверьхъ того не однократно употребляемъ былъ съ командами въ особливыя партіи. Въ 1713 году былъ при завоженіи шанцовъ противъ Шведскаго ретраншемента у рѣки Верйиковски; также при переходѣ чрезъ мостъ противъ Шведскихъ батарей, подъ мѣстечкомъ Борговымъ и по переходѣ на плотахъ озера Пелкинъ, на сраженіи подъ киркою сегожъ имени, за которое Генералъ-Адмираломъ Графомъ *Апраксинымъ* произведенъ въ Порутчики. Въ началѣ 1714 года при разбитіи Шведовъ у деревни Лапола, близъ города Вазъ, раненъ въ голову; при взятьѣ фрегата и шести галеръ у острова Ангуша находился подъ командою самаго Монарха; въ 1718 году былъ въ партіи чрезъ море подъ мѣстечкомъ Гевелемъ; въ 1719 на всѣхъ воинскихъ дѣйствіяхъ подъ начальствомъ Генерала-Адмирала въ самой Швеціи около Стакгольма, Нордкепинга и Никепинга, и въ семъ чинѣ былъ по самую кончину Императора. Вотъ какою службою дослужился онъ до Порутчиковъ,

зами видѣнное имъ слѣдующее великодушнѣйшее снисхожденіе Великаго Государя.

Въ Свѣтлое Воскресеніе Христово Монархъ, по отслушаніи въ Троицкомъ Соборѣ заутрени и св. литургіи,

Щ 3

ковъ, котораго храбрости былъ очевидцомъ самъ Монархъ, какъ показано выше, на кровавомъ морскомъ сраженіи, и когда признательность свою засвидѣтельствовалъ ему пожалованіемъ золотой медали, и съ таковою же цѣпью, яко знакомъ отличности. Великій Государь сверьхъ сего употреблялъ его не однократно во многія мѣста съ важными препорученіями, даемыми ему за собственноручными подписаніями. Въ одно время былъ онъ отправленъ къ Монарху отъ Генерала-Адмирала съ докладами, и въ Адмиралтействѣ при работахъ принятъ отъ *Его Величества* съ крайнею благосклонностію; при отпускѣ же Монархъ обнадежа его своею милостію, поцѣловалъ его въ голову и пожаловалъ горсть орѣховъ, которые тогда онъ кушалъ.

Впрочемъ знаменитый Поручикъ сей пожалованъ въ Капитаны уже по кончинѣ *Его Величества*, Маія 13, 1726 года, и переведенъ съ гранодерскою ротою во второй Московской полкъ. Генваря 31, 1729 года по прошенію его за ранами и болѣзнями уволенъ отъ полевой службы съ награжденіемъ Преміеръ-Маіорскаго чина, и опредѣленъ въ Московской драгунской эскадронъ; въ 1731 въ Генеральный Кригсъ-Комисаріатъ; въ 1733, по имянному указу *Императрицы Анны Ивановны*, по-

тіи, по всегдашнему обыкновенію своему благоволилЪ со всѣми не токмо вЪ церквѣ бывшими, но и внѣ оныя находившимися поцѣловаться, и каждаго же поздравить сЪ великимЪ симЪ празд-

посланЪ сЪ походною канторою вЪ Польшу, для удовольствованія жалованьемЪ и провіантомЪ находившейся тамЪ арміи Россійской, и вЪ томЪ же году отЪ Генерала-Лейтенанта *Загряжскаго*, сЪ однимЪ баталіономЪ пѣхоты, и малымЪ численЪ драгунЪ и козаковЪ, отправленЪ вЪ Литву для заготовленія провіанта, и тамЪ имѣлЪ частыя сшибки сЪ Поляками, а особливо сЪ КаштелляномЪ *Чирскимъ*; вЪ 1735, по представленію бывшаго потомЪ Генерала-Фельдмаршала Графа *фонъ Лессія*, за болѣзньми отЪ чрезвычайныхЪ трудовЪ, а паче при взятьѣ Гданска понесенныхЪ, отЪ Польскаго корпуса уволенЪ, и по указу Военной Коллегіи опредѣленЪ присутствовать вЪ Военной Канторѣ, и у браку суконЪ вЪ КригсЪ-Комисаріатѣ, и при наборѣ драгунскихЪ лошадей, подЪ начальствомЪ Генерала Графа *Чернышева*; и ему же поручено произвесть слѣдствіе о наборѣ негодныхЪ лошадей; вЪ 1738, по указу Сената правилЪ КамерЪ-Коллегіи Канторою; вЪ 1740 пожалованЪ вЪ сію Коллегію Вице-ПрезидентомЪ сЪ чиномЪ Бригадира; вЪ 1741 по имянному указу Императрицы *Елисаветы Петровны* пожалованЪ вЪ ту же Коллегію ПрезидентомЪ сЪ чиномЪ ГенералЪ-Маіора; вЪ 1753 вЪ Тайные Совѣтники, и уволенЪ отЪ дѣлЪ для поправленія здоровья сЪ полнымЪ жалованьемЪ; но Февраля 5, 1756 году скончался. ТакЪ-то должно служить отечеству!

Экс-

праздникомъ. Сего еще недовольно: онъ по переѣздѣ чрезъ Неву, увидя по обѣимъ сторонамъ дороги до самаго дворца своего стоявшаго и его дожидавшагося въ великомъ множествѣ народа, поцѣловалъ ближе къ судну на берегу бывшихъ; а примѣтивъ, что всѣ къ нему шли, остановился, и каждаго цѣлуя, привѣтствовалъ словомъ *Христосъ воскресе;* сіе продолжалось около двухъ часовъ. По семъ снисходительнѣйшій Государь усмотря въ небольшомъ отдаленіи кучу народа стоявшую, пожелалъ узнать причину того, и увидѣлъ въ срединѣ оныя работника съ барокъ, лежащаго пьянаго; Монархъ толкнулъ его слегка ногою, говоря: вставай братъ! но сей того не чувствовалъ; отнеситежъ его, сказалъ Монархъ Офицеру, въ караульню солдатскую, и положите на постелю; а когда проспится, дайте мнѣ знать. Послѣ обѣда донесено *Его Величеству*, что онъ проснулся, и Монархъ повелѣлъ представить его

 себѣ.

Экстрактъ службы сего ПЕТРА Великаго Поручика сообщенъ мнѣ отъ роднаго внука его *Павла Ѳедоровича Коробанова*, а вышеупомянутый Анекдотъ слышалъ я отъ Г. Адмирала *Алексѣя Ивановича Нагаева.*

себѣ. Сей въ страхѣ повергается въ ноги, вопія: виноватъ, надежа Государь! простите меня ради воскресшаго Хріста Сына Божія.

Монархъ спрашиваетъ его, что онъ за человѣкъ? — Работникъ съ барокъ такого-то хозяина. — Какъ же ты въ такой праздникъ вмѣсто того, чтобъ поспѣшить въ храмъ Божій, напился до безчувствія? Сей, не видя въ очахъ и голосѣ Государя ничего гнѣвнаго, отвѣтствовалъ, что онъ яко рабочій человѣкъ, обрадовавшись празднику и отдохновенію отъ работы, согрѣшилъ, напился. Монархъ спросилъ его паки: хорошо ли ты служишь хозяину и не пьянствуешь ли? и услыша, что хозяинъ имъ доволенъ: ну, сказалъ, я тебя прощаю; но естьли впредь ты такъ напьешься и я о томъ узнаю, то будешь наказанъ какъ непотребной пьяница. Отведите его къ хозяину, и спросите: ежели онъ имъ подлинно доволенъ, то чтобъ на сей разъ простилъ его; да опохмѣлите его, примолвилъ Государь; чаю голова у него болитъ (*).

CXIV.

(*) Работникъ сей самъ сіе разсказывалъ между прочимъ и предупомянутому Г. *Ситникову*, а мнѣ сообщено все описанное отъ потомковъ его же Г. *Ситникова*.

CXIV.

Полеченіе Монаршее доставить подданнымъ свѣдѣнія о бывшихъ народныхъ заблужденіяхъ.

Прекрасно сказалъ Цицеронъ: Nescire, quod, antequam natus esses, actum est, id est semper esse puerum. то есть:

Не знать того, что было прежде насъ, значитъ тоже, что оставаться во всю жизнь робенкомъ.

Колико же Великій Государь неусыпно старался вывести изъ таковаго дѣтства своихъ подданныхъ, то извѣстно изъ многихъ по указу его переведенныхъ историческихъ книгъ. Между же тѣмъ желалъ Монархъ, чтобъ они знали и заблужденія язычества; на сей конецъ повелѣлъ онъ перевести и *Аполлодора Аѳинейскаго* родословную о богахъ Еллинскихъ: но сего казалось Великому Государю недовольно; онъ желалъ, чтобъ подданные его и не соблазнились толь нелѣпыми древнихъ баснями. Сему послѣднему представляется слѣдующій Анекдотъ:

Въ минувшемъ Томѣ видѣли мы, что на случай торжественнаго въ Москву по Полтавской побѣдѣ въѣзда,

сооруженъ былъ на Царицыномъ лугу деревянной дворецъ, которой и существовалъ болѣе двадцати лѣтъ. Великій Государь въ пріѣзды свои къ Москвѣ употреблялъ оной для торжественныхъ празднествъ, и угощеній столами чиновниковъ.

Въ одно изъ сихъ торжествъ, и именно Февраля 19, 1723 году, Монархъ угощалъ въ немъ Вельможъ и чиновниковъ своихъ, между которыми былъ и Псковской Архіепископъ *Ѳеофанъ Прокоповичъ.*

Мы во многихъ мѣстахъ въ Дѣяніяхъ Великаго Государя видѣли, что за столами его всегда занималися разговорами дѣльными: такъ и за симъ столомъ *Его Величество* между прочимъ разговаривая съ помянутымъ Архіепископомъ о той переведенной о языческихъ богахъ книгѣ, повелѣлъ ему сдѣлать къ оной предисловіе, въ которомъ обьяснить намѣреніе, съ каковымъ книга та переведена; прибавить изъ Христіанскихъ книгъ, какъ язычники заблуждалися, какихъ имѣли боговъ, съ показаніемъ слѣдовъ, что оные произошли изъ развратнаго

го понятія о Священномъ Писаніи, и проч. (*)

Я представлю здѣсь указъ сей, данный словесно тому же Архіепископу и записанный имъ въ Святѣйшемъ Синодѣ.

„1723 Году, Февраля въ 19 день, „Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій „ПЕТРЪ Великій, Императоръ и Само„держецъ Всероссійскій, будучи на „Царицыномъ лугу въ домѣ *Его Ве„личества*, указалъ на переведенную „книгу *Аполлодора Аѳинейскаго* о на„чатіи у язычниковъ боговъ, учи„нить заглавіе, и въ концѣ той книги „окончаніе, изъ Хрістіанскихъ писа„ній, для вѣдѣнія тоя книги про„читывающимъ, въ которомъ объ„явить, како язычники прежде позна„нія Хрістіанскаго благочестія въ „невѣрствіи своемъ заблуждалися, и „каковыхъ боговъ имѣли, о чемъ сей „указъ отъ *Его Величества* само„устно сказанъ нижеподписавшейся „Синодальной персонѣ,„ и проч.

Уходило ли что отъ вниманія и попеченія сего Государя?

CXV.

(*) Отъ Преосвященнѣйшаго Митрополита Новогородскаго *Димитрія Сѣченова*.

CXV.

Способы, каковыми освобождаемъ былъ ПЕТРЪ Великій отъ припадковъ спазматическихъ.

Изъ Анекдотовъ, изданныхъ Г. Профессоромъ *Штелинымъ*, видѣли мы, что сей Великій Государь, чрезъ нѣсколько лѣтъ по вступленіи своемъ на престолъ, подверженъ сдѣлался сильнымъ спазматическимъ припадкамъ, продолжавщимся до самыя кончины его, въ каковыхъ случаяхъ бывалъ онъ весьма мраченъ и гнѣвенъ; что признакомъ сихъ припадковъ было чрезвычайное искривленіе шеи на лѣвую сторону и кривлянье лица; что сіи припадки не врожденные ему были, но произошли въ младыхъ его лѣтахъ или отъ чрезвычайнаго страху, причиненнаго бунтовщиками, стремившимися на жизнь его, или отъ яду, тайно даннаго ему по приказанію сестры его Царевны *Софіи Алексѣевны*; что любимой его деньщикъ *Павелъ Ивановичь Ягушинской* часто избавлялъ его отъ сихъ припадковъ слѣдующимъ способомъ. Онъ вводилъ къ нему безъ докладу Монархиню, или въ отсутствіе ея другую какую мо-

молодую красавицу, и сказавъ: *ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЬ!* вотъ она, съ кѣмъ ты хотѣлъ говорить, оставлялъ ее съ нимъ наединѣ; что Монархъ нечаянно увидя себя одного съ красавицею, приходилъ въ себя и конвульсiи прекращались, и что сiе самъ Г. *Ягушинской* разсказывалъ.

Но какъ сей господинъ не всегда былъ деньщикомъ, не всегда находился неотлучнымъ при *Его Величествѣ*; но употребляемъ былъ въ разныя посылки, а наконецъ заступя мѣсто Генерала - Прокурора въ Сенатѣ, не могъ и не имѣлъ времени употреблять сего способа, да и не всегда единообразный способъ могъ бы производить одинакое дѣйствiе; слѣдовательно должны быть употребляемы другiе къ тому люди и разные способы.

Я отъ столь же достовѣрныхъ мужей слышалъ (*), что въ таковыхъ случаяхъ Ея Величество, по большей части употребляла придворнаго шута *Балакирева*. Способы симъ умнымъ шутомъ къ сему употребляемы были различные, изъ которыхъ представляются здѣсь два.

Въ

(*) Отъ Адмирала *Алексѣя Ивановича Нагаева*, и отъ Генерала *Ганнибала*.

Вѣ одно изѣ таковыхѣ припадковѣ время шутѣ сей пригналѣ кѣ самымѣ окошкамѣ комнаты той, вѣ которой находился Монархѣ, цѣлое стадо рогатой скотины, изѣ которыхѣ на каждой кѣ рогу привязана была бумага. Ревѣ и топотѣ скотины принудилѣ Монарха выглянуть изѣ окошка, и увидя на рогахѣ ихѣ навязанныя бумаги, велѣлѣ одну изѣ нихѣ подать кѣ себѣ. *Балакиревѣ*, какѣ начальникѣ сей, такѣ сказать, депутаціи, принесѣ первой ихѣ кѣ Государю, говоря: это челобитная быковѣ на Нѣмцовѣ, что они у нихѣ всю траву поѣли. Сіе развеселило Монарха, и онѣ самѣ сталѣ читать сію странную челобитную, вѣ которой скотина сія доноситѣ, что трава создана отѣ Творца на ихѣ только пищу, и они прежде одни оною и питались; а нынѣ, де, Нѣмцы лишаютѣ ихѣ оной, употребляя вмѣсто ихѣ сами оную вѣ пищу себѣ, (разумѣя о салатахѣ), и просятѣ запретить имѣ ѣсть ее, а оставить имѣ однимѣ по прежнему.

Вѣ другое время, когда гнѣвный Государь сидѣлѣ вѣ крайней задумчивости, облокотяся на столикѣ, цѣлой почти день, и когда никто войти кѣ нему

нему не смѣлъ, *Балакиреѣ*, знавши одну женщину самаго безобразнаго лица, поутру съ двумя гвардейскими солдатами войдя къ ней, засталъ еще ее въ постелѣ, и по имянному будто бы указу, въ одномъ исподнемъ платьѣ и растрепанную посадя въ коляску, привезъ во дворецъ, и отворя потихоньку двери комнаты той, въ которой Монархъ въ мрачной сидѣлъ задумчивости, и потому не примѣтилъ вошедшихъ, поставя ее предъ нимъ, и разсыпавъ на столикѣ сто рублей серебреныхъ, сказалъ: *вотъ тебѣ сто рублей! полюби ее.* Стукъ, учиненной деньгами, развѣялъ мрачность его, а слова *Балакирева*, и видъ предстоящаго предъ собою пугалища, разсмѣшили его. Онъ тотъ же часъ кликнувъ Монархиню, которая того уже и ожидала, посмотри, сказалъ, *Катенька*, какую чертовку привелъ ко мнѣ плутъ *Балакиреѣ*, и даетъ сто рублей, чтобъ я полюбилъ ее. Послѣдовавшій за симъ общій смѣхъ крайне развеселилъ Государя (*).

CXVI.

(*) Сей шутъ приводилъ многихъ изъ господъ, которыхъ хотѣлъ онъ наказать за что либо, а паче въ комъ примѣчалъ онъ гордость и ка-

CXVI.

Отеческое попеченіе Монарха о воспитаніи благороднаго юношества; великодушнѣйшее его съ ними обращеніе; искренность и честность приближенныхъ къ нему особъ.

Описаніе о всемъ семъ оставилъ намъ знаменитый Господинъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ, и

какую либо несправедливость, въ крайнія хлопоты. Я приведу одну шутку его, сыгранную надъ Архіепископомъ Новогородскимъ *Ѳеодосіемъ*.

Одинъ ставленикъ, не получая долгое время отъ Архіерея сего на прошеніе о посвященіи себя въ попы резолюціи, можетъ быть и по своему недостоинству, прибѣгнулъ съ жалобою къ *Балакиреву*; а сей и взялся за дѣло. Онъ надѣлъ на себя рясу ставленичью, и весьма искусно придѣлалъ себѣ такую же точно бороду; и какъ былъ онъ весьма способенъ принимать на себя голосъ и выговоръ каждаго, кого представлять хотѣлъ, то въ семъ нарядѣ пришедъ въ домъ Архіерейской, сталъ въ передней, въ ожиданіи выхода Его Преосвященства. И лишь только Архіерей вышелъ, то онъ упавъ къ нему въ ноги, голосомъ ставленика завопилъ: Помилуй Владыко Святый! долголь мнѣ мучиться? цѣлые полгода волочусь я по переднимъ вашимъ, ожидая резолюціи на мое прошеніе; весь прожился, жена и дѣти по міру пошли; и множество подобныхъ наговорилъ грубостей. Архіерей, крайне прогнѣвавшись, велѣлъ

и Орденовъ св. Апостола Андрея и св. Александра Невскаго Кавалеръ, *Иванъ Ивановичъ Неплюевъ*, которое нашолъ я въ журналѣ сего достопочтеннѣй-

лѣлъ его взять подъ стражу и посадить на хлѣбъ и на воду. И такъ заключили *Балакирева.*

Между тѣмъ Государь, не видя шута сего два дни, повелѣлъ его сыскать. Полиція замучилась искавши его; разсыпаны были повсюду Офицеры; одинъ изъ нихъ зашелъ навѣдаться и въ Невской монастырь. *Балакиревъ*, увидя его, прикликалъ изъ окошка къ себѣ, и обрадовалъ его несказанно, сказавшись, что онъ *Балакиревъ.* Офицеръ тотчасъ взялъ его, и въ томъ же нарядѣ представилъ предъ Государя. Монархъ едва его узнаетъ, смѣется и спрашиваетъ, за что и какъ попался онъ въ тюрьму монашескую? Шутъ сей доноситъ, что одинъ ставленикъ, его знакомой, цѣлые полгода волочимъ бывъ Архіереемъ, привелъ его въ жалость; и какъ, де, не могъ онъ получше изъясниться, то я изъ сожалѣнія преобразяся въ него, хотѣлъ въ видѣ его объяснить дѣло Архіерею; но вотъ Государь каковы они! Онъ вмѣсто удовольствія бѣдному просителю велѣлъ меня посадить въ тюрьму и мучить голодомъ. Такъ-то они поступаютъ съ подчиненными своими, а паче съ тѣми, кто осмѣлится выговорить имъ правду! Великій Государь сперва сему смѣялся, а потомъ и прогнѣвался на Архіерея того; Онъ призвалъ его къ себѣ, и сдѣлалъ жестокой выговоръ, для чего волочитъ онъ просителей, и поступаетъ съ ними не духомъ кротости, но съ же-

шаго старца временЪ *ПетровыхЪ*, при случаѢ разбиранія бумагЪ его (*).

Любопытному читателю не непріятно будетЪ, надѣюсь, прочесть выписку мою изЪ сего журнала, по тому паче, что оная содержитЪ вЪ себѢ многое неизвѢстное ему, особливо же касательно до тѢхЪ путей, какими проходить были должны питомцы *Его Величества.*

Я вЪ сокращеніи семЪ сколько возможно ближе держаться буду подлинника.

Первая начальныхЪ основаній Математики школа (пишетЪ сей почтеннѢйшій мужЪ) учреждена ПЕТРОМЪ ВеликимЪ вЪ НовѢгородѢ, вЪ которую и я *НеплюевЪ*, и уже женатой,

---

жестокостію, противною сану его. ВЪ слѣдствіе чего и повелѣлЪ, чтобЪ впредь Архіереи ставлениковЪ отнюдЪ не волочили, и достойныхЪ изЪ нихЪ посвящали немедленно, а недостойнымЪ тотЪ же бы часЪ отказывали и отпускали ихЪ сЪ прописаніемЪ ихЪ неспособности. ПодобныхЪ шутокЪ сего *Балакирева* я слыхалЪ отЪ достовѣрныхЪ же людей множество; но довольно и сей одной.

(*) ВЪ бытность мою у Его Высокопревосходительства, вЪ НовогородскомЪ селѢ его ПодчубѢ, вЪ которомЪ остатки дней своихЪ препроведЪ сей достойный Ироя нашего питомецЪ.

той, былъ взятъ въ 1715 году въ Мартѣ мѣсяцѣ, и тогожъ году Іюня 29 дня, по указу *Его Величества* велѣно изъ той школы выбравъ учениковъ 84 человѣка, отправить въ другую учрежденную въ Нарвѣ школу, въ которой учителемъ былъ Навигаторъ *Митрофанъ Кашинцовъ*, а Директорами Оберъ-Комендантъ *Кирила Алексѣевичъ Нарышкинъ*, и Комендантъ *Василій Григорьевичъ Титовъ*.

Октября 1 тогожъ года, по *Его же Величества* указу, перевели насъ въ учрежденную въ Санктпетербургѣ Математическую же школу, состоявшую подъ вѣдѣніемъ Адмирала Графа *Апраксина* и Генерала-Маіора *Григорья Петровича Чернышева*, и которая потомъ поручена была *Андрею Артамоновичу Матеѣеву*; учителемъ въ оной былъ Французъ *Баро*; въ сей школѣ обучалось тогда Математикѣ и Навигаціи трисъта дворянскихъ дѣтей.

Въ 716 году Великій Государь выбравъ изъ насъ тритцать, да изъ Нарвской школы дватцать четыре человѣка, повелѣлъ каждому давъ на дорогу по 30 рублей, отослать въ Ревель и опредѣлить во флотъ гардема-

ринами, при чемъ выданы намъ парусинные бостроки, и опредѣлено жалованья по 2 рубли по 40 коп. на мѣсяцъ, да порціи каждому же: сухарей по 2 пуда по 10 фунтовъ; гороху и крупъ по 15 фунтовъ; масла коровьято по семи съ половиною фунтовъ; соли по 2 фунта съ четвертью; муки ржаной на квасъ по одному четверику; вина простаго по 25 чарокъ; уксусу по полторы кружки; рыбы вялой по 6 фунтовъ; ветчины по 20 фунтовъ.

Іюня 30 прислано отъ *Его Царскаго Величества* съ Капитаномъ гвардіи *Александромъ Ивановичемъ Румянцовымъ* повелѣніе, отправиться флоту въ Копенгагенъ, и въ тотъ же день оной, состоящій изъ десяти военныхъ кораблей, и отбылъ; а Іюля 18 сталъ оной у Копенгагена на якорь, гдѣ нашихъ же кораблей, прибывшихъ изъ Архангельска, находилось уже двенатцать; и тогожъ числа *Его Величество* самъ бывъ во флотѣ, и осмотря все, выбралъ изъ насъ 30 человѣкъ, и указалъ послать въ Венецію и записаться тамъ въ галерную службу, въ числѣ коихъ былъ и я

Не-

Неплюевъ (*); а 24 человѣка во Францію, назнача изъ нихъ дватцатерыхъ вступить въ тамошнюю корабельную службу, а четверыхъ обучаться Архитектурѣ. Повелѣлъ Послу своему Князю *Василью Лукичу Долгорукову*, выдать намъ на дорогу сверьхъ жалованья по 6 ефимковъ, и за порцію деньгами, и отправить въ Амстердамъ, куда сухимъ путемъ и самъ изволилъ отправиться съ Ея Величествомъ. По сему указу прибыли мы въ Амстердамъ Декабря 27, и тогожъ числа явились къ *Его Величеству*. Государь опредѣлилъ каждому изъ насъ кормовыхъ денегъ на недѣлю по червонному, да на квартеру по полтора гульдена. При *Его Величествѣ* были тогда:

(*) Сіи 30 человѣкъ были слѣдующіе: Иванъ Неплюевъ, Василій Татищевъ, Степанъ Коновницынъ, Семенъ Мордвиновъ, Иванъ Аничковъ, Ефимъ Цымерманъ, Семенъ Дубровской, Иванъ Алексѣевъ, Петръ Прохоровъ, Князь Алексѣй Бѣлосельской, Князь Тимоѳей Щербатовъ, Иванъ Комисаровъ, Князь Иванъ Куракинъ, Артемій Толбухинъ, Яковъ Рославлевъ, Иванъ и Петръ Зиновьевы, Алексѣй Арбузовъ, Князь Михайла Прозоровской, Василій Квашнинъ-Самаринъ, Петръ Кошкинъ, Кукаринъ, Иванъ Воробьевъ, Кайсаровъ, Андрей Сухотинъ, Шипиловъ, Абрютинъ, Хрущовъ и Петръ Прохоровъ.

гда: *Гаврила Ивановичъ Головкинъ*, *Петръ Андреевичъ Толстой*, *Петръ Павловичъ Шафировъ*, Посолъ Князь *Борисъ Ивановичъ Куракинъ*; Генералъ-Лейтенанты: Князь *Василій Володимировичъ Долгоруковъ*, и *Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ*; Кабинета Секретарь *Алексѣй Васильевичъ Макаровъ*, да Комисаръ *Тимоѳей Левкинъ*.

8 Февраля 1717 года, 27 человѣкъ изъ насъ отправили въ Венецію; на дорогу каждому же дано по 25 червонныхъ. Въ Венецію прибыли Марта 23 дня, издержавъ въ пути, на всѣ расходы и на пищу по 24 червонца; явились у Г. Агента *Петра Ивановича Беклемишева*. Въ то же время въ Венеціи находился *Сава Владиславьевичъ Рагузинской*. Г. Агентъ, по указу *Его Величества* Маія 10 опредѣлилъ насъ въ Венеціанскую галерную службу, и посланы были отъ республики съ указомъ на галерѣ, къ Генералъ-Капитану *Пизани* во флотъ, находившійся въ Корфу; на пищу въ пути далъ намъ Г. Агентъ по 20 цекиновъ. Маія 30 прибыли въ Корфу; а тогда между республикою и Портою была война, и перваго Іюня подали мы указъ Гене-

нералу-Капитану, и были имъ распредѣлены на галеру по два человѣка.

Въ сей службѣ находились мы двѣ кампаніи, до самаго то есть заключенія мира, и имѣли не однократныя съ Турками на морѣ и при осадѣ крѣпостей сраженія (*).

По окончаніи войны получили мы во флотѣ 11 Генваря 719 году, отъ Г. Агента *Царскаго Величества* повелѣніе ѣхать немедленно въ Венецію; а Генералъ-Капитанъ объ отпускѣ насъ отъ Сената своего указъ, и прибыли въ оную на военномъ кораблѣ 27 Февраля.

Г. Агентъ по указу *Его Величества* сдѣлалъ намъ мундиръ, кафтаны и исподнее платье темносѣрыя, обшлага, отвороты и камзолы красные, и шляпы простыя; а *Татищеву*, *Дубровскому*, *Коновницыну*, *Щербатову* и *Алексѣеву*, *мундировъ не дано*, (такъ сіе записано въ журналѣ) *понеже, де, въ своеручномъ письмѣ Его Царскаго Величества къ Г. Агенту написано, чтобъ сдѣлать мундиръ сей однимъ убогимъ, которые платья не имѣютъ.*

(*) Въ журналѣ описана подробно вся ихъ служба и сраженія, также и данной Г. *Неплюеву* аттестатъ.

4 Апрѣля, Г. Агентъ обьявилъ намъ Государевъ указъ, повелѣвающій отправить насъ въ Испанію, и записаться въ тамошнюю галерную же службу; и давъ каждому на проѣздъ и пищу по 30 ефимковъ, при письмѣ Голландскаго Посла Князя *Куракина* къ Кадикскому Губернатору Дону *Томазіо-Діакету*, и съ рекомендательнымъ письмомъ бывшаго тогда въ Венеціи Испанскаго Вице-Адмирала, тогожъ числа отправились (*). Во Флоренціи нашли мы Рускихъ *Ивана* и *Романа Никитиныхъ* съ товарищи, обучавшихся Живописи; а въ Тулонѣ, Французскомъ приморскомъ городѣ, Рускихъ же, *Андрея Полянскаго*, *Воина* и *Михайла Римскихъ-Корсаковыхъ*, Князей *Александра Волконскаго*, *Бориса Борятинскаго* и *Бориса Юсупова*, да *Александра Жеребцова*, обучавшихся Навигаціи, Инженерству, Артиллеріи, строенію и оснасткѣ ко-

ра-

(*) Въ журналѣ описанъ путь ихъ, которой былъ на Феррару, Болонію, Флоренцію, Пизу, Ливорну, Генуу, Тулонъ, Марсель, Аликантъ, Карѳагену, Малагу, Сантъ-Мари и Кадиксъ. Весь путь сей, разстояніе мѣстъ, обычаи народовъ, законы, рѣдкости, флоты, число войскъ, и проч. описано съ великою подробностію.

раблей, и проч. Мы въ Испанскомъ городѣ Карѳагенѣ были у Губернатора, которой принявъ насъ весьма ласково, объявилъ, что *Его Царскаго Величества* 40 кораблей придутъ въ помощь Королю ихъ противъ непріятелей его; и онъ имѣетъ уже указъ, чтобъ въ портахъ приготовить для нихъ провизію; и далъ намъ рекомендательное письмо къ Кадикскому Губернатору, куда прибыли мы Іюня 3 дня. Губернаторъ онаго писалъ объ насъ къ Королю; а 4 Августа полученъ указъ, по коему и были мы приняты въ Академію Королевскую гардемаринами, гдѣ обучались Артиллерійскому и Инженерному искусству, биться на шпагахъ, танцовать и солдатскому артикулу. А какъ Король Испанской содержитъ у себя только 6 галеръ, да и тѣ находились тогда въ Сициліи, то и не могли мы по данному намъ указу опредѣлиться на оныя; чего ради и писали о семъ неоднократно въ Санктпетербургѣ къ Генералу-Адмиралу и въ Голландію къ Послу Князю *Куракину*; и 14 числа Декабря Губернаторъ объявилъ намъ полученное имъ изъ Амстердама отъ помянутаго Посла нашего письмо объ отправле-

нїи насъ въ Амстердамъ, куда 17 Февраля и отправились мы; а 27 Марта въ оной прибыли. Князь объявилъ намъ *Царскаго Величества* указъ, повелѣвающїй отправить насъ въ Санктпетербургъ. Въ то время обучались въ Амстердамѣ наши Рускїе экипажеству и Механикѣ, *Андрей Хрущовъ*, *Иванъ Талызинъ* и *Алексѣй Вешняковъ*; да былъ тамъ же *Царскаго Величества* деньщикъ *Иванъ Толстой*, для покупки разныхъ птицъ; да 40 человѣкъ школьниковъ, обучавшихся разнымъ ремесламъ, какъ-то мѣдному, слесарному, столярному, и разному судовому строенїю.

22 Маїя 1720 году прибыли мы въ Санктпетербургъ. Во весь мой вояжъ (*) издержалъ я собственныхъ 400, да Государевыхъ 600 рублей.

На другой день, по прибытїи, всѣ мы явились къ Генералу-Адмиралу, а потомъ были у всѣхъ флагмановъ и у присутствующихъ въ Адмиралтейской Коллегїи. Всѣ приняли насъ съ отеческою ласкою; а *Григорїй Петровичь Чернышевъ* разспрашивалъ подробно о вояжѣ и о службѣ нашей, а паче

(*) Продолжавшїйся пять лѣтъ.

паче что каждой выучилъ; и далъ намъ милостивое наставленіе, чтобъ мы, когда будемъ представлены Государю, говорили безъ робости и правду, кто въ чемъ успѣлъ. Флагманъ же *Змаевичъ*, въ знаніи морской науки весьма искусный, разспрашивалъ каждаго изъ насъ о нашемъ знаніи въ навигаціи, и сколько примѣтить было можно, моими и *Кукарина* отвѣтами былъ доволенъ.

Назавтрѣе рано пришли мы въ Коллегію и ожидали Генерала-Адмирала, которой прибывши, увидя насъ сказалъ, что онъ доложитъ объ насъ Государю, а теперь бы шли домой и ожидали повелѣнія.

26 Числа получили мы отъ Коллегіи приказъ явиться въ оную. На другой день въ 5 часовъ утра мы пришли; и при насъ съѣзжались присутствующіе, изъ коихъ Генералъ-Адміралъ, идучи мимо насъ, сказалъ: я васъ сего дня представлю Государю; а *Григорій Петровичъ* (Чернышевъ) остановяся съ нами, говорилъ то же, что и въ своемъ домѣ. Вмѣстѣ почти съ ними прибыть изволилъ и *Его Величество*, но не тѣмъ путемъ прошелъ въ Коллегію, на которомъ мы его ожидали;

дали; почему и не имѣли щастія видѣть очей его; въ 7 же часовъ ввели насъ въ присутственную палату. Мы *Его Величеству* поклонилися въ ноги, а прочимъ въ поясъ; Государь былъ невеселъ, и спросилъ только насъ, имѣемъ ли мы отъ тамошнихъ командировъ аттестаты, и всель служили на галерахъ? и получивъ отъ насъ должной отвѣтъ, сказалъ Генералу-Адмиралу: Я хочу самъ ихъ увидѣть на практикѣ, а нынѣ напишите ихъ во флотъ гардемаринами. При семъ словѣ *Григорій Петровичъ* громко сказалъ Монарху, привставши съ креселъ: *Грѣхъ тебѣ будетъ Государь; люди по твоей волѣ бывши отлучены отъ своихъ родственниковъ и отъ отечества въ чужіе краи, сносили всякія нужды и учились по возможности, желая угодить тебѣ, и по достоинству своему и тамъ были гардемаринами; а потомъ объѣхавъ многія государства, возвратились по твоей же волѣ, и надѣяся за службу и науки получить награду, отсылаются ни съ чѣмъ, наравнѣ съ тѣми, которые ни нужды такой не видали, ни дѣла столько не знаютъ.* Монархъ на сіе изволилъ сказать ему: Я ихъ награжу, пусть хотя одну кампанію при мнѣ про-

прослужатъ. — *Но легколь*, отвѣтствовалъ *Г. Чернышевъ*, *гардемаринами-то служить такимъ, изъ которыхъ есть достойны теперь же управлять галерою?* — Ктожъ бы такіе были изъ нихъ? — *Неплюевъ* и *Кукаринъ*, сказалъ *Григорій Петровичъ*. Великій Государь, посмотря на насъ пристально, сказалъ: Чтобъ въ первой половинѣ будущаго мѣсяца было въ Коллегіи полное собраніе; я хочу, чтобъ приономъ были они экзаменованы. — *Это дѣло иное*, сказалъ на сіе великодушный *Григорій Петровичъ*.

30 Іюня присланъ къ намъ отъ Коллегіи приказъ явиться 1 числа Іюля въ Коллегію на экзаменъ, въ 8 часовъ утра. *Его Величество* пріѣхать изволилъ въ одноколкѣ, и идучи мимо насъ, сказалъ намъ: *здорово ребята!* Чрезъ малое время ввели насъ предъ собраніе, и Флагману *Змаевичу* поручено было насъ экзаменовать порознь; и когда дошла очередь отвѣтствовать мнѣ, то Государь самъ подойдя ко мнѣ и не давъ *Змаевичу* дѣлать задачъ, спросилъ: всему ли ты научился, для чего былъ посланъ? на что я отвѣтствовалъ, ставъ на колѣни: Всемилостивѣйшій Государь! прилѣжалъ я по всей

всей моей возможности, но не могу похвалиться, чтобЪ всему научился, а болѣе почитаю себя предЪ вами рабомЪ недостойнымЪ. Государь, показывая мнѣ ладонь руки своея, изволилЪ сказать: *Трудиться надобно; видишь братецЪ, я и Царь вашЪ, а у меня на рукахЪ мозоли, а все отЪ того, чтобЪ показать вамЪ примѣрЪ; и хотябЪ подЪ старость увидѣть мнѣ достойныхЪ изЪ васЪ помощниковЪ и слугЪ отечеству.* Я, стоя на колѣняхЪ, осмѣлился взять самЪ Его Царскую ручку, и многократно цѣлуя оную, пролилЪ радостныя слезы; потомЪ Государь сказалЪ мнѣ: *Встань и дай отвѣтЪ, о чемЪ тебя спросятЪ, но не робей; что знаешь, сказывай; а чего не знаешь, такЪ и скажи;* и оборотясь кЪ *Змаевичу*, приказалЪ разспрашивать меня. И какЪ разспросы сіи касались до Навигаціи, и отвѣтами моими былЪ онЪ доволенЪ, то Государь велѣлЪ ему экзаменовать меня вЪ Математикѣ, далеколь я успѣлЪ вЪ оной. Милостивое ободреніе, какое видѣлЪ я вЪ очахЪ Монарха, сдѣлало меня неробкимЪ; я рѣшилЪ предлагаемыя мнѣ задачи довольно удачно, такЪ что по окончаніи экзаменовЪ Великій Государь пожа-

жаловалъ меня въ Порутчики морскіе галернаго флота, и другаго *Кукарина;* а всѣхъ другихъ Мичманами. Чрезъ малое же потомъ время указалъ Государь опредѣлить меня *Неплюева* смотрителемъ и командиромъ надъ строющимися галерами и другими морскими судами; почему и имѣлъ я щастіе видѣть Государя почти ежедневно, когда онъ не былъ въ отлучкѣ, и всякой пріѣздъ свой на работы разговаривать изволилъ со мною о разныхъ матеріяхъ, паче же касательно до должности и званія моего.

Между тѣмъ слышалъ я отъ Флагмановъ *Григорья Петровича Чернышева* и отъ *Змаевича*, къ которымъ я во всякое свободное время хаживалъ, что Государь, де, тобою является доволенъ, и говорилъ, что въ этомъ, де, маломъ будетъ путь. Они подали мнѣ совѣты, чтобъ прилѣжалъ я къ должности и былъ проворенъ, а паче берегся бы лжи и всегда бы говорилъ правду, хотябъ случилось что и худо сдѣлать; то, де, Государь тебя не оставитъ. Таковое отеческое наставленіе скоро доказало мнѣ, сколь оно было полезно. Однажды пришелъ я на работу поздо, а Государь уже прежде

жде меня на оную пріѣхалъ. Я испужался и хотѣлъ было бѣжать домой и сказаться больнымъ; но вспомня тотъ благодѣтельской совѣтъ, пошолъ къ тому мѣсту, гдѣ находился Государь. Онъ, увидѣвъ меня, сказалъ: Я уже здѣсь другъ мой. — Виноватъ, Государь, отвѣчалъ я; вчера былъ въ гостяхъ, и долго меня продержали, и потому проспалъ и опоздалъ. Монархъ, ударя меня по плечу, сказалъ: *Богъ проститъ! спасибо, что правду говоришь: кто Богу не грѣшенъ, кто бабѣ не внукъ?*

По окончаніи работы Государь сказалъ мнѣ: ты вчера былъ въ гостяхъ, а меня сего дня звали на родины; поѣдемъ со мною. Я поклонился, и по приказу его сталъ за его одноколкою, и пріѣхали къ плотнику моей команды. Войдя въ хижину, Государь пожаловалъ родильницѣ нѣсколько гривенниковъ и съ нею поцѣловался; а я стоялъ у дверей; онъ мнѣ приказалъ то же сдѣлать, и я далъ гривну, Государь спросилъ бабу: что далъ Порутчикъ? Она гривну показала. Монархъ усмѣхнувшись сказалъ: э братъ! вижу я, что ты даришь не позаморски. — Нечѣмъ мнѣ Государь дарить много;

много: дворянинъ я бѣдной и имѣю жену и двоихъ дѣтей; и когда бы не Ваше Царское жалованье, то бы здѣсь живучи и ѣсть было нечего. Государь спросилъ: сколько за мною душъ и гдѣ испомѣщенъ? Я все разсказалъ справедливо и безъ утайки. Тогда хозяинъ поднесъ на деревянной тарелкѣ чарку горячаго вина; Государь изволилъ выкушать, и заѣлъ пирогомъ съ морковью, лежавшимъ на столѣ; а потомъ поднесъ и мнѣ, но я не сталъ пить — Выпей Порутчикъ, сказалъ Монархъ; а какъ я отвѣчалъ, что отъ роду не пилъ горячаго вина – инъ прикушай сколько можешь, а то обидишь хозяина; что я и сдѣлалъ, и *Его Величество*, отломя кусокъ пирога и подавая мнѣ, сказалъ: *заѣшь, это родимая, а не Италїанская пища.* Потомъ Государь изволилъ поѣхать; а я пошолъ домой обѣдать.

Былъ я также по указу *Его Величества* для переводу у чужеземскихъ Министровъ, когда ихъ трактовали на новоспущенномъ кораблѣ; и когда Государь изволилъ съѣжжать съ онаго, то идучи мимо меня, пожаловалъ поцѣловать свою руку.

1721 Году, Генваря въ первыхъ числахъ, былъ трактаментъ для всѣхъ Бояръ и для гвардіи и морскихъ Офицеровъ; почему и я тутъ былъ. Государь съ Боярами сидѣлъ за однимъ столомъ; а Офицеры въ другой комнатѣ за другимъ. И отобѣдавъ прежде, вошло насъ нѣсколько въ ту камеру, въ коей Государь сидѣлъ еще за столомъ, и былъ очень веселъ; и между прочимъ изволилъ говорить, что мнѣ надобенъ человѣкъ, разумѣющій по-Италіански, послать въ Царьградъ Резидентомъ. Господинъ *Головкинъ* отвѣчалъ, что онъ такого достойнаго не знаетъ; а *Ѳедоръ Матвѣевичъ* сказалъ: а я таковаго знаю и очень достойнаго; но та бѣда, что бѣденъ. — Бѣдность не бѣда, сказалъ на сіе Государь; этому помочь можно скоро; а кто тотъ такой? примолвилъ Монархъ. — Вотъ онъ за тобою-то стоитъ, отвѣчалъ Адмиралъ. *Его Величество* обратяся сказалъ: ихъ стоитъ много. — Твой хваленой-та, что у галернаго строенія. — Это правда, что онъ добръ; но мнѣ хотѣлось было при себѣ его имѣть; однакожъ быть такъ; да и приказалъ назначить меня въ оную посылку, и при

при семъ словѣ изъ за стола встали. И Адмиралъ поздравя меня Резидентомъ, взялъ за руку, подвелъ къ Государю благодарить; я упалъ къ ногамъ *Его Величества*, и схватя оныя, цѣловалъ, проливая слезы, называя его отцомъ. Онъ изволилъ самъ меня поднять и сказалъ: *Я вашъ приставникъ отъ Бога, и должность моя смотрѣть того, чтобъ недостойному не дать, а у достойнаго не отнять. – Буде хорошъ будешь, то не столько мнѣ, сколько отечеству и себѣ добра сдѣлаешь; а буде худъ, такъ я истецъ: ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобъ злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать. Служи вѣрою и правдою: то въ началѣ Богъ, а при немъ и я тебя не оставимъ; и тогда будешь ты имѣть во мнѣ отца.* Сіе выговоря, обратяся къ Адмиралу сказалъ: когожъ я возьму на его мѣсто? и произнеся сіе, изволилъ отъ меня отдалиться. Благотворитель мой *Григорій Петровичъ* обнялъ меня, и, съ искренностію сердца поцѣлововъ, поздравилъ съ новою моею должностію.

25 Генваря, изъ Коллегіи Иностранной въ Адмиралтейскую при сообщеніи присланъ именной указъ о при-

сланіи меня вЂ ту Коллегію для посылки РезидентомЂ ко двору Султана Турскаго вЂ Константинополь. 26 Генваря вЂ Коллегіи иностранныхЂ дѣлЂ учиненЂ мнѣ окладЂ Резидентской по три тысячи рублей на годЂ, да на подЂемЂ Государь пожаловалЂ тысячу рублей. — Февраля 26 дана мнѣ изЂ оной же Коллегіи инструкція, и того же числа имѣлЂ я у Монарха отпускную аудіенцію. *Его Величество* обнадежить меня изволилЂ своею милостію, естьли я буду того достоинЂ, и прощаясь со мною, поцѣловалЂ меня вЂ лобЂ, сказавЂ: *прости братецЂ, кому БогЂ велитЂ видѣться.* РазговоровЂ и отеческихЂ наставленій *Его Величества* не могу припомнить, потому что находился тогда отЂ печали, прощаясь сЂ ГосударемЂ, внѣ себя, и какЂ бы помѣшаннымЂ. ПотомЂ былЂ я для прощанья у ГосподЂ МинистровЂ, которые всѣ меня обнадеживали своею помощію; а я просилЂ ихЂ о неоставленіи меня, яко безопытнаго вЂ дѣлахЂ МинистерскихЂ. Послѣ былЂ я у всѣхЂ же нашихЂ морскихЂ командировЂ, кои меня также весьма ласково отпустили. Господина *Змаевича* просилЂ я о неоставленіи вЂ нуж-

нуждахъ жены моей и деревнишки, когда же благодарилъ Генерала-Адмирала и просилъ о великодушномъ продолженіи его милости, то онъ выслушавши сказалъ: дуракъ! Я удивяся такому пріему, осмѣлился сказать, что не знаю, чѣмъ прогнѣвилъ Его Сіятельство. — Дуракъ! паки онъ повторилъ: съ чѣмъ ты жену-то да дѣтей оставляешь? вить имъ только что по міру ходить; для чего ты не просилъ Государя, чтобъ давать имъ безъ тебя по крайней мѣрѣ по окладу твоему прежнее жалованье твое? — Я, государь, того не посмѣлъ просить, да и не думалъ о томъ. — По тому-то ты и дуракъ, сказалъ Графъ; да добро, помиримся! коли будешь хорошо служить, то Государь тебя не оставитъ; онъ и вчера со мною о тебѣ говорилъ; прикажи же женѣ-то твоей, что буде ей въ чемъ нужда будетъ, за всѣмъ ко мнѣ присылать; я ее не оставлю. — Я, государь, намѣренъ ее отправить въ деревнишку свою, ибо здѣсь содержать ей себя не можно. — Фу какая бѣда! инъ вели ей ко мнѣ писать, это все равно, заключилъ Графъ. Наконецъ отъ него пришелъ я къ *Григорью Пе-*

тровичу Чернышеву. Сей добродѣтельный мужъ прощался со мною, какъ съ кровнымъ; далъ мнѣ отеческое наставленіе, чтобъ служилъ я и отправлялъ дѣло мое съ подлежащею вѣрностію и усердіемъ; совѣтовалъ еще сходить къ Г. *Остерману*, и болѣе съ нимъ ознакомиться: ибо, де, онъ по Министерскимъ вашимъ дѣламъ у Государя въ отмѣнности; а я, заключилъ онъ, уже просилъ его за тебя, дабы любилъ тебя. Сверьхъ сего благодѣтель сей далъ мнѣ бывшаго его крестьянина, но отданнаго въ матросы, именемъ *Аѳанасья Ерапольскаго*, говоря: возьми сего деньщика моего съ собою; онъ живя у меня всему обучился и человѣкъ вѣрной, умной и проворной, на котораго ты можешь во всемъ положиться. Подробности сіи показались мнѣ нужными, яко такія, изъ коихъ увидятъ читатели, какихъ имѣлъ у себя Монархъ слугъ, и какая обитала въ душахъ ихъ искренность, толь чуждая всякаго коварства, и пустаго и обманчиваго учтивства.

Я пропускаю уже все въ журналѣ Г. *Неплюева* съ подробностію описанное,

ное, касательно до службы его, и до дѣлъ между Портою и Россіею; а остановлюсь на краткое время токмо на слѣдующемъ.

Изъ исторіи Ироя нашего уже мы видѣли, что завоеваніе, учиненное *Его Величествомъ* въ Персіи, возмутило Порту; и нужно было склонить оную, дабы гарантировала она провинціи взятыя у Персіи, и сіе возложено было отъ Монарха на сего Г. *Неплюева*, которой подъ медіаціею Французскаго Министра *Марки де Бонака*, Іюня 27 1724 году, и заключилъ съ Портою союзной трактатъ, къ полному удовольствію Монарха. Трактатъ сей мы помѣстили въ Дополненіяхъ къ Дѣяніямъ ПЕТРА Великаго; и сей Великій Государь удостоилъ его своеручнымъ благодарительнымъ за сіе письмомъ, и пожаловалъ его 1. перваго ранга морскимъ Капитаномъ; 2. въ Устюжнѣ Желѣзнопольской 400 душъ крестьянъ; 3. женѣ и дѣтямъ его производить указалъ отъ Адмиралтейской Коллегіи полное по морскому чину его жалованье; и 4. сыну его *Адріану*, находившемуся въ ученьѣ въ Голландіи, въ прибавокъ производить

вЪ годЪ по 300 рублей; и заключу все сіе словами сего знаменитаго Россіянина, и достойнаго ПЕТРА Великаго слуги, изЪявляющими нѣжнѣйшую чувствительность души, пораженной кончиною обожаемаго имЪ Государя.

„ 1725 Года вЪ Февралѣ мѣсяцѣ, „ (пишетЪ сей мужЪ) получилЪ я „ плачевное извѣстіе, что ОтецЪ Отечества ПЕТРЪ Великій, ИмператорЪ „ первый, отЪиде сЪ сего свѣта. Я омочилЪ ту бумагу горестными слезами, какЪ по должности о моемЪ Государѣ, и подданныхЪ своихЪ истинномЪ Отцѣ, такЪ и по многимЪ его „ ко мнѣ милостямЪ; и ей ей! не лгу: „ былЪ болѣе сутокЪ вЪ безпамятствѣ; „ да инако бы мнѣ и грѣшно было. „ Сей МонархЪ отечество наше привелЪ вЪ сравненіе сЪ лучшими державами, научилЪ узнавать насЪ свои „ дарованія и способности, и однимЪ „ словомЪ, на что вЪ Россіи ни взгляни, все его началомЪ имѣетЪ, и „ чтобЪ впредь ни дѣлалось, отЪ сего „ источника черпать будутЪ; а мнѣ „ собственно былЪ Государь и отецЪ „ милосердый; да вчинитЪ Господь душу сего многотрудившагося о поль-

„ зѣ

„ зѣ отечества Монарха съ праведными (*). „

CXVII.

Знаменитѣйшіе изъ слугъ ПЕТРОВЫХЪ имѣли отъ него довѣренность исправлять все то, что признаютъ за полезное.

Мы представимъ сему два только примѣра въ особахъ Князя *Меншикова* и *Григорья Петровича Чернышева.* Ка-

 са-

(*) Я продолжу остальную исторію сего знаменитаго мужа, сколько можно однакожъ сокращеннѣе. Министерское званіе свое при Портѣ исправлялъ онъ съ великою похвалою, и отъ самыхъ Турокъ былъ почитаемъ, любимъ и уважаемъ. *Петръ* II, Іюля 17, 1728 году, пожаловалъ его флота Капитаномъ-Командоромъ; а Декабря 2, 1730, Императрица *Анна Ивановна* пожаловала въ галерной флотъ Шаутбенахтомъ; въ 1734 году, впадши въ такую жесточайшую болѣзнь, что всѣ Медики отказались, принужденъ онъ былъ на мѣсто свое аккредитовать бывшаго при немъ Надворнаго Совѣтника *Г. Вешнякова*, что подтверждено было и Дворомъ, и дано дозволеніе выѣхать ему въ Россію.

Въ 1735 году пожалованъ Тайнымъ Совѣтникомъ, и Членомъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ; въ 737 посланъ былъ въ Немировъ на конгрессъ, для трактованія о мирѣ съ Турками;

а

сательно до перваго, то для доказательства того удовольствуюсь я только помѣщенiемъ здѣсь письма его къ Монарху.

„Господинъ Полковникъ!

„Писалъ я нынѣ въ Новгородъ къ „Коменданту *Татищеву*, велѣлъ ему „вѣ-

а какъ за несоглашенiемъ съ Цесарской стороны оной разорвался, то велѣно ему править Кiевскою губернiею до указу. По прекращенiи войны съ Турками, возложено на него разграниченiе земель, и отъ Императрицы обѣщаны ему въ награжденiе, орденъ Св. *Александра* и знатныя деревни. Сiе возложенiе на него совершилъ онъ къ удовольствiю Двора, и велѣно ему быть въ Петербургъ для объясненiя и переговоровъ съ Посломъ Турецкимъ. Хотя же за смертiю Императрицы и не получилъ онъ обѣщаннаго награжденiя, однакожъ Правительница *Анна* оное выполнила: онъ при орденѣ получилъ Рапскую волость и мѣстечко Быково, въ коихъ было болѣе 2000 дворовъ Малороссiянъ, и сверьхъ того ввѣрена была его управленiю вся Малороссiя.

Сiя милость, а паче дружба его съ Графомъ *Остерманомъ*, какъ онъ послѣ узналъ, привели его у восшедшiя на престолъ Императрицы *Елисаветы Петровны* въ подозрѣнiе, а личное фаворитовъ ея къ нему неудовольствiе увеличило оное; онъ былъ смѣненъ съ важнаго того поста, лишенъ ордена и деревень ему пожалованныхъ, и по прiѣздѣ въ Петербургъ не велѣно было ему выѣжжать изъ дому. Какъ коммисiя при Дворѣ учрежденная для изслѣдованiя Графа

„вѣдать всѣ Новогородскаго уѣзда Па-
„тріаршія, и Архіерейскія, и мона-
„стырскія вотчины; а Архіерею и
„всѣхъ монастырей старцамъ давать
„хлѣбъ противъ того, какъ въ мо-
„на-

Графа *Остермана* и другихъ исполнителей завѣщанія Императрицы *Анны Ивановны*, не сыскала никакихъ за нимъ преступленій и участія въ дѣйствіяхъ Графа *Остермана*, въ чемъ и самъ нещастный Графъ сей оправдалъ его: то и велѣно было явиться ему ко Двору. Императрица приняла его милостиво, пожаловала къ рукѣ и возложила на него паки снятый съ него орденъ. „Я, увидѣвъ (пишетъ „неповинный сей страдалецъ) дщерь Государя „обожаемаго мною во славѣ ей принадлежа„щей, и въ лицѣ ея черты моего отца и „Государя, такъ обрадовался, что забылъ всѣ „приключившіяся мнѣ огорченія.„ Однакожъ отписанныя волости не возвращены ему; чрезъ нѣсколько же дней объявленъ ему въ Сенатѣ именной указъ, по коему повелѣвалось ѣхать ему главнымъ командиромъ въ Оренбургскую экспедицію; привесть въ устройство новозаводимую губернію; обезопасить границы, простирающіяся болѣе нежели на 1000 верстъ; обуздать грабительства Киргисъ-Кайсаковъ и другихъ народовъ; учредить и распространить Азіатическую торговлю, и проч. А хотя нашолъ онъ по пріѣздѣ туда все въ безпорядкѣ и неустройствѣ: однакожъ не только все возложенное на него выполнилъ, но и болѣе того сдѣлалъ, особливо же въ отношеніи населенія обширной страны той дворянами и крестьянами. Торговлю распространилъ до такого степени,

„настырскомЪ приказѣ опредѣлено;
„а денегЪ старцамЪ давать противЪ
„гарнизона и иныхЪ нашихЪ солдатЪ
„по 6 рублей; не изволишь ли Госу-
„дарь и МосковскимЪ, также и про-
„чихЪ

пени, что одного серебра ввезено было при немЪ вЪ Россїю до 15000 пудЪ, не считая великихЪ суммЪ, состоящихЪ вЪ золотѣ, скотѣ и вЪ великомЪ множествѣ различныхЪ товаровЪ, вымѣненныхЪ по большой части на Россїйскїя произведенїя; а пошлинныхЪ денегЪ доставать стало на устроенїе главнаго имЪ же заведеннаго города Оренбурга, гостиныхЪ каменныхЪ домовЪ, и на всѣ прочїя учрежденїя. СверьхЪ всего сего открылЪ онЪ во множествѣ отЪ вѣка скрывавшїяся богатыя мѣдныя и желѣзныя руды; и привелЪ вЪ послушанїе взбунтовавшихся БашкирцовЪ, и единовѣрныхЪ сЪ ними народовЪ, не столько оружїемЪ, сколько посѣянїемЪ между ими, а паче между Башкирцами и Киргисцами вѣчныхЪ сѣмянЪ раздора, доставившаго навсегда безопасность и спокойствїе сЪ сея стороны Россїи. Оставалось еще вЪ немЪ одно желанїе, открыть торговлю чрезЪ Хиву и Бухарїю со всею Индїею, надЪ планомЪ которыя трудился онЪ ревностно, и вЪ 750 году прїехалЪ сЪ онымЪ вЪ ПетербургЪ; и хотя вЪ слѣдующемЪ году пожалованЪ ДѣйствительнымЪ ТайнымЪ СовѣтникомЪ, но однакожЪ сЪ прискорбїемЪ принужденЪ былЪ возвратиться вЪ ОренбургЪ, ничего не успѣвЪ касательно до оной Индѣйской торговли. Неусыпные труды сего ревностнаго сына отечества ослабили до крайности силы его; почему и принужденЪ онЪ былЪ про-

„ чихъ монастырей старцамъ деньги „ давать противъ гарнизонныхъ же „ солдатъ по 6 рублей? Воистинну „ досыть, понеже солдату противъ „ старца всегда надобно излишнее: у „ инаго

просить увольненія отъ тамошней службы, что и получилъ; однако же Императрица не хотя лишиться толь опытнаго и ревностнаго слуги, въ 760 году пожаловала его Сенаторомъ и Конференцъ-Министромъ. Сіи важныя званія открыли паче еще его способности, и Великая ЕКАТЕРИНА при восшествіи своемъ на престолъ, отправяся съ частію гвардіи полковъ и артиллеріи въ Петергофъ, вручила ему въ охраненіе дражайшій залогъ отечества, единороднаго Сына и Наслѣдника своего, а также и столицу свою Петербургъ, со всѣми въ немъ находившимися войсками. Таковую же довѣренность къ нему оказала Монархиня и въ отсутствіе свое для коронаціи въ Москву, оставивъ его главнымъ командиромъ Петербурга и войскъ въ немъ находившихся, и пожаловавъ ему орденъ св. Апостола *Андрея*, и столовыхъ денегъ по 500 рублей на мѣсяцъ. Подобную же довѣренность Великая Государыня изъявила ему и въ отсутствіе свое въ Остъ-Зейскія провинціи, препорученіемъ главнаго же ему начальства. Въ сіето время начальствованія его произошло злодѣйское отъ изверга *Мировича* извѣстное въ Шлиссельбургѣ возмущеніе; но предосторожностями, взятыми симъ ревностнымъ слугою, отвращено въ народѣ всякое вредное вліяніе того возмущенія. Наконецъ когда старость лѣтъ лишила его зрѣнія, то увидѣлъ онъ себя принужденнымъ просить ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО

„инаго есть жена и дѣти; однакожъ
„по милости вашей довольствуются;
„они же служатъ и работаютъ, не
„имѣя себѣ покою; а старцу что
„больше того надобно, чтобъ былъ
„хлѣбъ

о увольненіи своемъ отъ всѣхъ дѣлъ. Праведная Цѣнительница заслугъ подданныхъ исполнила сіе желаніе его, и наградила оныя сверьхъ того знатными деревнями. Два имянныхъ ЕЯ о семъ указа, къ чести сего знаменитаго и ревностнаго отечества сына, помѣщаются здѣсь подлинникомъ.

1. „Тайной Дѣйствительной Совѣтникъ и „Сенаторъ *Неплюевъ*, по долговременной предкамъ, Намъ, и отечеству службѣ, пришедъ „въ глубокую старость, всеподданнѣйше просилъ, по слабости своего изнуреннаго здоровья, „увольненія отъ всѣхъ военныхъ и гражданскихъ дѣлъ, такъ какъ и свободы окончать „остатки жизни своея спокойно, гдѣ онъ пожелаетъ. Мы не токмо совершенно вѣдая все „прешедшее время похвальной его службы, но „и Сами довольные имѣя опыты отличной его „вѣрности и усердія къ Намъ и отечеству, „всемилостивѣйше снисходя на его прошеніе, „дозволяемъ ему Сенатору *Неплюеву*, по смерть „его жить ему свободно отъ всѣхъ военныхъ „и гражданскихъ дѣлъ тамъ, гдѣ онъ пожелаетъ; и сверьхъ того жалуемъ ему на оплату долговъ 20000 рублей.„

2. „Всемилостивѣйше пожаловали Мы Нашему Тайному Дѣйствительному Совѣтнику, „Сенатору и Кавалеру *Ивану Ивановичу Неплюеву*, за долговременную и безпорочную „его службу, а особливо за учиненное имъ въ
„быт-

„ хлѣбъ да вода? ибо оные въ то се-
„ бя опредѣлили, дабы послѣдовать
„ святымъ отцамъ, которые денегъ
„ не любили: такъ и имъ жить надле-
„ житъ.

„ За

„бытность его въ Оренбургѣ знатное приращеніе государственныхъ доходовъ, Малороссійскія „волости Чеховскую и Ямпольскую со всѣми „принадлежащими къ нимъ хуторами, деревнями, селами, мѣстечками и принадлежностьми, въ вѣчное и потомственное владѣніе. Ноября дня 1764 году.„

Остатки достохвальной жизни своей сей питомецъ ПЕТРА Великаго препровелъ въ деревняхъ своихъ, въ богомысліи, въ приведеніи хлѣбопашества въ лучшее состояніе, въ устроеніи блага крестьянъ своихъ, и въ наставленіяхъ сыну и внукамъ своимъ. Все окружавшее жилище его дворянство находило удовольствіе ежедневно наслаждаться его же наставленіями и разсужденіями за столомъ его.

Сей достопочтеннѣйшій мужъ имѣлъ разумъ твердый и тонкій; дѣятельность неусыпную; рѣшимость въ дѣлахъ скорую и основательную; правосудіе строгое и никакими пристрастіями и интересами непоколебимое. Сіе между прочимъ и то одно доказать можетъ, что онъ никогда ни отъ кого, ни за какое дѣло, ничего не взялъ, и никто не смѣлъ къ нему показаться ни съ какими подарками; засвидѣтельствуютъ сіе всѣ бывшіе подъ его начальствованіемъ. Доступъ до него былъ всякому невозбранной; выслушивалъ отъ каждаго съ внимательнымъ терпѣніемъ; интересы отечества предпочиталъ онъ самой жизни и

благо-

„За симъ здравіе милости Вашей, „моего Всемилостивѣйшаго Государя, „Господу Всемогущему въ сохраненіе „предаю „

Александръ Меншиковъ.

26 Сентября 1706 году.

Отно-

благосостоянію своему, и правило его было служить оному до послѣдняго изнеможенія силъ; а потому и несносны были ему всѣ, а паче въ молодыхъ лѣтахъ оставляющіе службу и выходящіе въ отставку; защищалъ всегда ревностно самодержавное, какъ наилучшее изъ всѣхъ другихъ правленіе, и исполнялъ съ благоговѣніемъ волю верьховной власти; къ памяти ПЕТРА Великаго имѣлъ безпредѣльное почитаніе, и имя его не инако произносилъ, какъ священное, и почти всегда со слезами; вѣру и благочестіе соблюлъ до конца ненарушимо, и не выѣжжалъ никогда со двора, не отслушавъ святыя литургіи, которая въ домовой церкви его ежедневно отправлялась; былъ врагъ вольнодумства, суевѣрія, ласкательства и потаковщиковъ; всякія нещастія и прискорбности сносилъ съ благодареніемъ Богу, вѣруя несумнѣнно провидѣнію Его, управляющему жребіемъ смертныхъ; искренность сердца его изливалась и на языкъ его въ дѣлахъ тайности не подлежащихъ; сему послѣднему послужитъ доказательствомъ и одно слѣдующее. Когда лишился онъ зрѣнія, и силы его тѣлесныя ослабѣли, и слѣдовательно продолжать служенія болѣе не могъ, то написавъ просительное къ Императрицѣ письмо о увольненіи своемъ отъ службы, поѣхалъ съ онымъ въ день воскресный на куртагъ во дворецъ; его подвели къ

ЕЯ

Относительно же до другаго, докажетъ тоже слѣдующій Анекдотъ.

Сей достопочтенный и вѣрнѣйшій изъ слугъ ПЕТРА Великаго проѣжжалъ однажды городъ Калугу. Купцы

 сего

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ. Великая сія Монархиня, почитавшая его добродѣтели, посадила его подлѣ себя; и старецъ заговорилъ, что онъ ослѣпъ и не можетъ исправлять должности службы. — *Я разумѣю тебя*, сказала на сіе Великая ЕКАТЕРИНА; *я разумѣю тебя Иванъ Ивановичь; ты конечно хочешь проситься въ отставку; но воля твоя, я прежде не отставлю тебя, пока не отрекомендуешь мнѣ на свое мѣсто человѣка съ таковыми же достоинствами, съ каковыми и ты.* Толь лестная Монархини рѣчь тронула его даже до слезъ. Чтожъ онъ отвѣтствовалъ на оную? *Нѣтъ Осударыня, мы ПЕТРА Великаго ученики, проведены имъ сквозь огнь и воду, инако воспитывались, инако мыслили и вели себя, а нынѣ инако воспитываются, инако ведутъ себя, и инако мыслятъ; и такъ я не могу ни за кого, ниже за сына моего ручаться.* Сей добродѣтельный старецъ разсказывалъ самъ сіе мнѣ по пріѣздѣ изъ дворца, прибавя къ тому: *тутъ всѣ были, но мнѣ что за нужда? я сказалъ, что чувствовалъ.*

Впрочемъ всѣ описанныя мною добродѣтели его извѣстны были мнѣ совершенно, и могу сказать, что всѣ движенія сердца его не могли отъ меня быть сокрытыми; ибо имѣлъ я щастіе быть имъ любимъ, и болѣе двадцати лѣтъ жилъ съ нимъ почти неразлучно, въ те-

сего города, вѣдая, вЪ какой находится онЪ у Монарха милости, вышли за городЪ для встрѣтенія его. Но какЪ по нещастію граждане сіи имѣли тогда между собою ссору, раздѣлившую ихЪ

течение которыхЪ почти ежедневно наслаждался утренними его сЪ собою разговорами и разсужденіями, открывавшими мнѣ всѣ чувствованія души его. Я запечатлѣю все сіе письмомЪ его, отправленнымЪ отЪ него кЪ достойному сыну его за три только дни Христіанскія кончины своея, которое нѣкоторымЪ образомЪ и подтвердитЪ все описанное, и послужитЪ наставленіемЪ всѣмЪ молодымЪ людямЪ, какЪ-то и слѣдуетЪ.

„Мой любезной сынЪ *Николай Иванович*!

„СвятостЬ ПророческихЪ словЪ: дніе лѣтЪ „нашихЪ яко семьдесятЪ; аще же вЪ силахЪ, „осьмдесятЪ лѣтЪ, самымЪ дѣломЪ сбывается „на мнѣ; се уже приближился вѣкЪ мой кЪ „послѣднему назначенному времени жизни чело„вѣческой, а умножающаяся день отЪ дня и „часЪ отЪ часа тѣла моего и памяти сла„бость, предвѣщаетЪ разрушеніе храмины „тѣла моего, вЪ чемЪ и предаюсь я судьбамЪ „Всевышняго, и ожидаю смерти сЪ должнымЪ „повиновеніемЪ, и поколику возможно, сЪ спо„койнымЪ духомЪ; но прежде нежели разлу„чится грѣшная моя душа отЪ тѣла, вЪ „должности нахожусь сказать тебѣ, мой лю„безный сынЪ! соблюди святую вѣру во всей „ея непорочности, вразумляй о ней дѣтямЪ „твоимЪ, напечатлѣй на младыхЪ ихЪ серд„цахЪ страхЪ Божій, иже есть начало пре„мудрости; исполняй по всей возможности „за-

ихъ на двѣ партіи: то по сему каждая изъ нихъ вышла съ особымъ хлѣбомъ и съ солью. *Григорій Петровичь*, поблагодаря ихъ за честь сію ему сдѣланную, тотчасъ спросилъ: какая

Ь 2 же

„заповѣди Господни; Онъ есть источникъ „всѣхъ благъ небесныхъ и земныхъ, и вѣруяй „въ Него не постыдится никогда.

„Сохраняй, въ совершенствѣ вѣрность твою „къ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ и къ утреждаемымъ отъ „Нея Наслѣдникамъ; наблюдай правду во всѣхъ „твоихъ дѣлахъ и поступкахъ, хотябъ иногда и непріятное тебѣ что случилось, вѣдая, „что Богъ и ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО правды твоея „будутъ покровители; что естьли и не въ то „время, то послѣ чрезъ нихъ тебѣ откроется; „люби отечество свое, отъ коего весь родъ „твой облагодѣтельствованъ былъ и потомки „будутъ, и въ защищеніи существительной „того пользы не щади не токмо благосостоянія твоего, но и жизни. Я по всей возможности симъ шествовалъ путемъ, мой любезный сынъ! и ты всѣхъ лучше знаешь бывшія „иногда мнѣ огорченія, какъ и то, сколь я „ихъ сносилъ терпѣливо; и наконецъ Богъ, „владычествуяй всѣми, возвелъ меня въ такое „состояніе, каковаго только человѣку при „моихъ свойствахъ ожидать было возможно.

„Подчиненнымъ твоимъ, а паче крестьянамъ, будь больше отецъ, нежели господинъ, „имѣя присно въ памяти слово Божіе: милости хощу, а не жертвы; и что они такіе же „люди, какъ и ты, кромѣ чиновъ и власти, „данной тебѣ гражданскими законами.

„Умѣ-

же была бы тому причина, что они раздѣлились на двѣ партіи, и каждая особо поднесла ему хлѣбъ и соль? Должно было имъ признаться, что тому причина есть ихъ ссора. Какъ ссора?

„Умѣряй свою вспыльчивость; она не токмо „здравію твоему вредна, но и познанію каждаго „дѣла въ точномъ его видѣ препятствуетъ. „Я знаю твое доброе сердце, знаю твои свой-„ства; знаю и расположеніе души твоея; а „потому зная, что послѣдуешь сему моему „послѣднему наставленію, спокойнѣе умираю.

„Наконецъ къ Тебѣ, Отецъ щедротъ и мило-„сердія, обращаю мою молитву: сохрани его, „дѣтей его и весь родъ мой, и вразуми ихъ „совершить теченіе жизни сея Тебѣ угодное, „въ вѣрности къ нашей Государынѣ и въ пользу „отечества. Да будетъ благодать Господня „надъ тобою, дѣтьми твоими, *Ванею* и „*Митею*, невѣсткою моею *Агравеною Але-„ксандровною*, и всѣми моими дѣтьми и „внуками.

„Когда любишь ты своихъ дѣтей, такъ „какъ я тебя люблю, то представя мое „теперешнее состояніе, можешь себѣ и то „представить, сколь горестна моя съ тобою „разлука. Я долженъ наполнять мои мысли „Творцомъ вселенныя и Его правосудіемъ; но „признаюсь и каюсь въ томъ, что ты меня „столько же занимаешь; представленіе тебя „предстоитъ неотлучно предо мною, и мо-„литва моя о себѣ, препровождается купно и „о тебѣ. Не могу больше говорить. Боже „всякаго милосердія! сохрани его и всѣхъ „моихъ, какъ я желаю. Въ послѣднее скажу „тебѣ:

ссора? сказалъ онъ на сіе съ великимъ гнѣвомъ; одного города жители, одной церкви Христіяне и одного Государя подданные, имѣютъ такую вражду, что и сообщаться другъ со другомъ не хотятъ? Такъ-то вы испол-

Ъ 3 няете

„ тебѣ: прости мой любезный сынъ *Николай* „ *Ивановичъ*! „

Таковъ былъ сей питомецъ ПЕТРА Великаго, таковы были и многіе изъ нихъ!

Сей приснопамятный мужъ родился Ноября 5, 1693 года; скончался Ноября 11, 1773 года, въ Новогородскомъ уѣздѣ въ селѣ своемъ Поддубьѣ, имѣя 80 лѣтъ и 6 дней. Онъ, кромѣ умершихъ въ дѣтствѣ, имѣлъ двухъ достойныхъ себя сыновъ, *Адріяна* и *Николая* Первый при жизни еще его скончался холостой въ Константинополѣ, будучи Статскимъ Совѣтникомъ и Министромъ при Портѣ, на 38 году жизни; второй, бывшій Тайнымъ Совѣтникомъ, Сенаторомъ и Кавалеромъ (а); и двухъ же дочерей, *Марью* и *Анну*; первая была за Вице-Адмираломъ *Воиномъ Яковлевичемъ Римскимъ-Корсаковымъ*, а вторая за Тайнымъ Совѣтникомъ и Вотчинной Коллегіи Президентомъ и Кавалеромъ *Михайлою Купреяновичемъ Лунинымъ*.

(а) Послѣ сего послѣдняго остались два достойнѣйшіе сына, *Иванъ* и *Димитрій*. Мать перваго была дочь Санктпетербургскаго Оберъ-Коменданта Князя *Өедора Васильевича Мещерскаго*, *Татьяна Өедоровна*; втораго, дочь знаменитаго господина, *Александра Львовича Нарышкина*, *Аграөена Александровна*.

няете законѣ Божій и волю Государеву, желающую видѣть всѣхѣ вѣ согласіи? Плетей! закричалѣ онѣ бывшимѣ при немѣ нѣсколькимѣ гренадирамѣ.

Устрашенные купцы пали на колѣни, и со слезами просили помилованія. Какой милости достойны вы непотребные? закричалѣ на нихѣ больше еще Господинѣ *Чернышеѣ*; вы мятежники, разрушающіе спокойствіе города, и должны вѣ примѣрѣ другихѣ быть безѣ милости наказаны. Усугубляется просительный вопль и слезы, обѣщаются помириться и никогда не заводить подобныхѣ между собою ссорѣ. — Хорошо, сказалѣ потомѣ сей добродѣтельный господинѣ. И остановяся на томѣ мѣстѣ, послалѣ вѣ городѣ за Протопопомѣ, чтобѣ вышелѣ со крестомѣ, Евангеліемѣ и налоемѣ; по прибытіи котораго велѣлѣ имѣ присягнуть вѣ томѣ, что они искренне всякую между собою вражду оставляютѣ и забываютѣ, что мстить и напоминать злобы своея другѣ другу никогда не будутѣ, и что вѣчно жить станутѣ вѣ мирѣ и согласіи. Все сіе было ими исполнено; и Г. *Чернышеѣ* приказалѣ имѣ вѣ знаменіе

меніе мира другъ со другомъ поцѣловаться. Теперь, сказалъ онъ имъ наконецъ, я долгомъ моимъ поставлю навѣдываться всегда, какъ вы будете себя вести; и ежели узнаю, что вы и послѣ сего заведете еще какую либо между собою ссору, то поступлено будетъ съ вами яко съ клятвопреступниками, нарушителями креснаго цѣлованія и мятежниками. Послѣ всего сего велѣлъ паки имъ поцѣловаться и самъ всѣхъ перецѣловалъ; и въѣхалъ въ городъ обще съ ними какъ бы въ торжествѣ. Слѣдствіемъ сего было, что Калужскіе граждане и по смерти Г. *Чернышева*, въ продолженіе цѣлыхъ семидесяти лѣтъ, не смѣли и помыслить о ссорахъ, и жили въ великомъ согласіи, и миръ сей назывался *Чернышевскимъ миромъ* (*).

CXVIII.

Печаль, какую подданные чувствовали о лишеніи ПЕТРА Великаго.

Мы уже описали въ Дѣяніяхъ и Дополненіяхъ къ онымъ, коликою скорбію

(*) Отъ почтеннаго изъ гражданъ сего города, Оберъ-Инспектора *Никиты Тимоѳеевича Шемякина*.

бію и сокрушеніемъ поражены были Россіяне, лишась сего Отца отечества; а здѣсь представимъ еще одинъ примѣръ таковыя неизобразимыя ихъ горести.

Достопочтенный по заслугамъ, чинамъ и лѣтамъ своимъ, Господинъ *Ѳедоръ Ивановичъ Соймоновъ*, разсказывалъ, проливая слезы, что во время бытности въ Дербентѣ главнымъ командиромъ Генерала-Порутчика *Матюшкина*, гдѣ тогда находился и онъ Г. *Соймоновъ*, получена печальнѣйшая вѣсть о кончинѣ Великаго сего Государя. Куріеръ, привезшій оную, не сказалъ о семъ никому прежде начальствующаго; и какъ только Г. *Матюшкинъ* то услышалъ, залился слезами, завылъ страшно и упалъ безъ чувствъ; вмигъ печальная вѣсть сія разнеслась по всему городу, и наполнился бывшими тогда въ Дербентѣ Россіянами дворъ и домъ начальничій. Не можно себѣ представить безъ ужаса, продолжалъ Господинъ *Соймоновъ*, тѣхъ рыданій, вою и воплю, каковыя испускали пораженные кончиною возлюбленнаго своего Государя всѣ Россіяне; въ каковомъ ужасномъ состояніи всѣ они, забывъ все прочее на свѣтѣ,

тѣ, пробыли болѣе сутокъ безъ сна и безъ пищи; особливо же сцена сія ужаснѣйшею показалась въ церквѣ при пѣніи панихиды и при воскликнутіи вѣчной ему памяти. Чтожъ примѣчательнѣйшее было, то и самые Персіяне, новые подданные его, соединили свой плачь и свое сѣтованіе съ плачемъ и сѣтованіемъ природныхъ Россіянъ.

Таковою неизобразимою печалію поражены были города и подданные и всея Россіи!

CXIX.

Благоговѣніе къ памяти ПЕТРА Великаго всѣхъ служившихъ при немъ.

Имѣвъ щастіе заспать еще многихъ изъ почтеннѣйшихъ старцовъ временъ ПЕТРОВЫХЪ, и съ ними ознакомиться, всѣ они безъ изъятія оказывали безпредѣльное благоговѣніе къ памяти сего Отца отечества; всѣ они не могли произнести священнаго для нихъ имени его безъ слезъ. *Ивану Ивановичу Неплюеву*, (въ которомъ я имѣлъ особливаго себѣ благодѣтеля) во все время бытности моей при немъ,

каждое почти утро отъ 4 до 6 часу угодно было препровождать со мною въ разговорахъ, или въ чтеніи книгъ; и какъ я каждый разъ между прочимъ прашивалъ его сказать мнѣ что либо, чего я еще не слыхалъ о семъ Великомъ Государѣ, то обыкновенно начиналъ онъ повѣствованія свои о немъ сими словами: *Эвося братецъ! ты опять хочешь, чтобъ я плакалъ;* и въ самомъ дѣлѣ всегда разговоры его о немъ сопровождались слезами.

Столь-то былъ онъ всѣмъ имъ любезенъ! Я представлю здѣсь еще одно сему же доказательство.

Графъ *Ѳедоръ Ивановичь Ушаковъ*, толь долго служившій при семъ Великомъ Государѣ, и скончавшійся въ глубокой старости уже при Императрицѣ *Елисаветѣ Петровнѣ*, въ последней болѣзни своей почувствовавъ приближающуюся кончину свою, пріуготовился къ разлученію съ жизнію пріобщеніемъ святыхъ Таинъ и елеосвященіемъ; и лежа на смертномъ одрѣ своемъ, возвелъ очи свои на портретъ ПЕТРА Великаго, всегда въ спальнѣ его стоявшій, и вдругъ необыкновенно возстеналъ, проливая слезы. Изъ предстоявшихъ предъ нимъ любимой

его

его Адъютантъ, *Михайла Ивановичь Ярославовъ*, спросилъ о причинѣ толикаго его стенанія; тогда почтеннѣйшій старецъ сей, какъ бы забывъ всѣ свои болѣзни и самой часъ смерти, предстоящей уже предъ нимъ, слабымъ голосомъ указавъ на изображеніе сего Государя, сказалъ: я воображая всѣ безпредѣльные труды его и любовь къ отечеству, всѣ милости его, изліянныя на подданныхъ и собственно на меня, не могъ не возчувствовать, въ послѣднее разлучаяся со свѣтомъ, живѣйшей къ нему благодарности и благоговѣнія. — Добродѣтели сего Великаго Государя, отвѣтствовалъ на сіе Господинъ *Ярославовъ*, безъ сомнѣнія сопричислили его къ лику святыхъ; Ваше Сіятельство, приготовяся сообщеніемъ со Христомъ чрезъ святую евхаристію предстать тому же праведному мздовоздаятелю Господу, предъ которымъ предстоитъ и сей Монархъ, тѣмъ больше радостнѣйшими чувствованіями наполнять себя должны, чѣмъ ближе приходитъ тотъ часъ, въ которомъ созерцать его можете лицемъ къ лицу.

Уми-

Умирающій старецЪ, выслушавЪ сіе сЪ спокойнымЪ духомЪ, и собравЪ всѣ остальныя силы свои, возвышеннымЪ нѣсколько голосомЪ произнесЪ: *О дабы сіе было такЪ! тогда-то бы исполнилось все мое желаніе! тогда-то бы былЪ я прямо блаженЪ и треблаженЪ!* Сіи были послѣднія слова умирающаго мужа сего, и замѣчено всѣми присутствовавшими при смерти его, что сими пріятнѣйшими мыслями занявшись, сЪ радостію испустилЪ духЪ свой (*).

CXX.

Чувствованіе, какое имѣли солдаты о семЪ же ВеликомЪ Государѣ, служившіе при немЪ.

Не столько удивительно, когда чиновныя особы, служившія при семЪ ВеликомЪ Монархѣ, яко имѣвшія лучшее воспитаніе и нѣжнѣйшія чувствованія, таковое изЪявляли благоговѣніе кЪ памяти *Его Величества*, какЪ то, что

(*) ОтЪ упомянутаго почтеннаго Господина *Ярославова*, сообщенное мнѣ отЪ достойнаго сына его *Алексѣя Михайловича Ярославова* же.

что и самые простые и грубаго воспитанія люди, каковы солдаты наши, не меньше нѣжнѣйшія имѣли къ нему чувствованія. Мы видѣли уже любовь и приверженность ихъ, какую оказывали они ему при жизни его; а слѣдующій Анекдотъ покажетъ, какое благоговѣйное отдавали они ему почитаніе по смерти его.

Изъ многихъ мѣстъ Дѣяній Великаго сего Государя безъ сомнѣнія замѣтили Читатели, коль великое имѣлъ Монархъ попеченіе о воинахъ своихъ, а паче о престарѣлыхъ и раненыхъ изъ нихъ; онъ упокоивалъ сихъ послѣднихъ въ гошпиталяхъ, монастыряхъ и Архіерейскихъ домахъ, доставивъ имъ ненужное содержаніе, и которые по сему чувствуя всѣ его милости, проводили остатки дней своихъ въ спокойствіи, благословляя имя его и возсылая молитвы свои къ Господу о здравіи толико благотворящаго имъ Государя и Отца своего; а по кончинѣ его о упокоеніи съ праведными души его; многіе же изъ нихъ изъ безпредѣльнаго къ памяти его благоговѣнія сопричисляли его къ лику даже святыхъ, и молились ему яко угоднику Божію.

Изъ

Изъ находившихся при домѣ Нижегородскаго Архіерея оставшійся одинъ престарѣлый солдатъ, по прозванію *Кириловъ*, имѣя у себя маленькой финифтяной портретъ ПЕТРА Великаго, чтилъ его ежедневнымъ лобызаніемъ и поклоненіемъ; онъ поставлялъ его между образами святыхъ, и наравнѣ съ ними ставя и предъ нимъ зажженную свѣчу, молился какъ угоднику Божію каждую ночь. Во время архіерейства въ Нижнемъ Преосвященнаго *Ѳеофана*, замѣтили служившіе при немъ сіе, то есть, что старикъ *Кириловъ*, зажигая свѣчу предъ портретомъ Государевымъ, молится ему каждую ночь, и сказали о томъ Архіерею. Сей Пастырь, желая удостовѣриться своими очами, пришелъ въ келью его ночью нечаянно, и увидя въ самомъ дѣлѣ портретъ Государевъ и предъ нимъ зажженную свѣчу, стоявшій между образами святыхъ, и солдата предъ нимъ молящагося, спросилъ его, что онъ дѣлаетъ? Молюсь, Владыко святый, отвѣчалъ онъ. — Это очень похвально, сказалъ на то Архіерей; и потомъ будто бы не примѣтивъ портрета Государева, сталъ осматривать образа, и говоритъ солдату,

дату, указавъ на портретъ сей: старикъ! это между святыми иконами стоитъ у тебя портретъ ПЕТРА Перваго. — *Да, Преосвященный Владыко, образъ батюшки нашего.* — Но онъ хотя былъ Великій и Благочестивый Государь, и достоинъ всего нашего почтенія; однакожъ церковь святая не сопричислила его къ лику святыхъ; а по сему и не должно тебѣ персону его ставить между образами святыхъ, зажигать предъ онымъ свѣчу, а меньше еще молиться ему. — *Не должно?* (перебилъ рѣчь его съ великимъ негодованіемъ солдатъ) *не должно? вы его не знали, а я зналъ; онъ былъ нашъ Ангелъ Хранитель, защищалъ и охранялъ насъ и все отечество отъ непріятелей, несъ наравнѣ съ нами всѣ тягости въ походахъ, ѣдалъ съ нами одну кашу, обращался съ нами какъ равной и какъ отецъ; самъ Богъ прославилъ его побѣдами, не допустя коснуться до него смерти и раны; а ты говоришь: не должно образу его молиться!* заключилъ солдатъ, проливая слезы.

Сколь ни старался Архіерей вывести его увѣщаніями своими изъ заблужденія, но тщетно: престарѣлый

сей воинЪ ПЕТРОВЪ остался при мнѣніи своемЪ, и все, что онЪ сдѣлалЪ, состояло только вЪ томЪ, что онЪ обѣщалЪ не ставить предЪ портретомЪ его свѣчи, но чтобЪ однако же стоялЪ оный вмѣстѣ сЪ образами (*).

(*) ОтЪ Господина Статскаго Совѣтника *Тимоѳея Григорьевича Миславскаго*, бывшаго вЪ описанное время вЪ НижнемЪ Новѣгородѣ при Консисторіи СекретаремЪ, знавшаго сего *Кирилова* и слышавшаго все то отЪ самаго помянутаго Архіерея.

КонецЪ АнекдотамЪ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	Напечатано.	Строк.	Читай.
2	Снизу въ ремаркѣ КЪ ДѢяніямЪ; ПЕТРА Великаго но сія	3	КЪ ДѢяніямЪ ПЕТРА Великаго; но сія
6	Спаскивали другЪ друга	13	Спалкивали другЪ друга
48	Приналлежащими	3 и 4	Принадлежавшими
70	Такія благодарныя чувствованія имѣлЪ	8	Такія благородныя чувствованія имѣлЪ
108	Снизу Сего для.	4	Сего дня.
113	Хоть голЪ да правЪ.	12	Хоть голЪ да бравЪ.
118	ВЪ ремаркѣ снизу Бригадира или ГенералЪ - Маїора.	3	Бригадира.
221	БогЪ вЪ помочь! господа	8	БогЪ помочь господа!
—	И можно ли ему ее видѣть?	23	И можно ли мнѣ ее видѣть?
125	Снизу А тамЪ что за чортЪ вЪ розвальняхЪ?	7	А тамЪ что за чортЪ вЪ коробѣ?
—	Снизу же Не равенЪ чортЪ вЪ розвальняхЪ;	5	Не равенЪ чортЪ вЪ коробѣ;
130	Снизу ВЪ каждую бытность свою посѣщалЪ его,	6	ВЪ каждую бытность свою вЪ Москвѣ посѣщалЪ его,
136	Снизу УказомЪ изЪ Адмиралтейской Коллегіи,	4 и 5	УказомЪ изЪ Адмиралтейства,
138	ОднакожЪ кончиною *Его Величества*	13 и 14	ОднакожЪ по кончинѣ *Его Величества*
143	И увидя нѣкогда	15	И увидя однажды

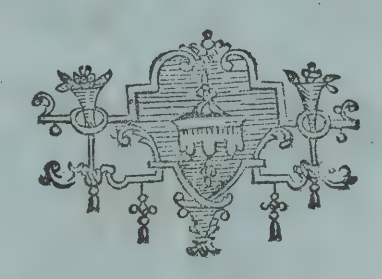
Стран.	Напечатано.	Строк.	Читай.
143	ВЪ ремаркѣ ОтЪ Адмирала Алексѣя Ивановича Нечаева		ОтЪ Адмирала Алексѣя Ивановича Нагаева.
149	ВЪ ремаркѣ снизу Чаблинъ,	7	ЧаблинЪ,
207	И узнавЪ, что подписалЪ, принялЪ челобитную, велѣлЪ	13 и 14	И услыша, что подписалЪ, принялЪ челобитную, прочелЪ, велѣлЪ
221	Знакомаго ему суконнаго фабриканта Симонова.	13	Знакомаго ему Московскаго суконнаго фабриканта Симонова.
246	ВЪ ремаркѣ снизу *Захара Михайловича Мишукова.*	2	*Захара Даниловича Мишукова.*
274	Новогородской Вице-ГубернаторЪ	1	Санктпетербургской Вице-ГубернаторЪ
277	ВЪ ремаркѣ снизу Ему дѣдЪ	6	Ему дядя
283	Вице-ГубернаторомЪ НовогородскимЪ КорсаковымЪ,	5 и 6	Вице-ГубернаторомЪ КорсаковымЪ,
284	Но прежде, нежели	10	Прежде же, нежели
300	Снизу БогЪ и я тебя не оставлю.	6 и 7	БогЪ и я тебя не оставятЪ.
302	Привставши сЪ благоговѣнїемЪ и воздавЪ поклоненїе	3 и 4	Привставши и сЪ благоговѣнїемЪ воздавЪ поклоненїе
349	Снизу Не погрѣшаю лихоимство	4	Не погрѣшаю: лихоимство
351	О чемЪ предЪ собранїемЪ всего полку и повелѣлЪ объявить.	13 и 14	О чемЪ и предЪ собранїемЪ всего полку повелѣлЪ объявить.
404	ВЪ ремаркѣ снизу У рѣки Вервиковски;	18	У рѣки Вервикоски;
407	ПоцѣловалЪ	6	ПерецѣловалЪ

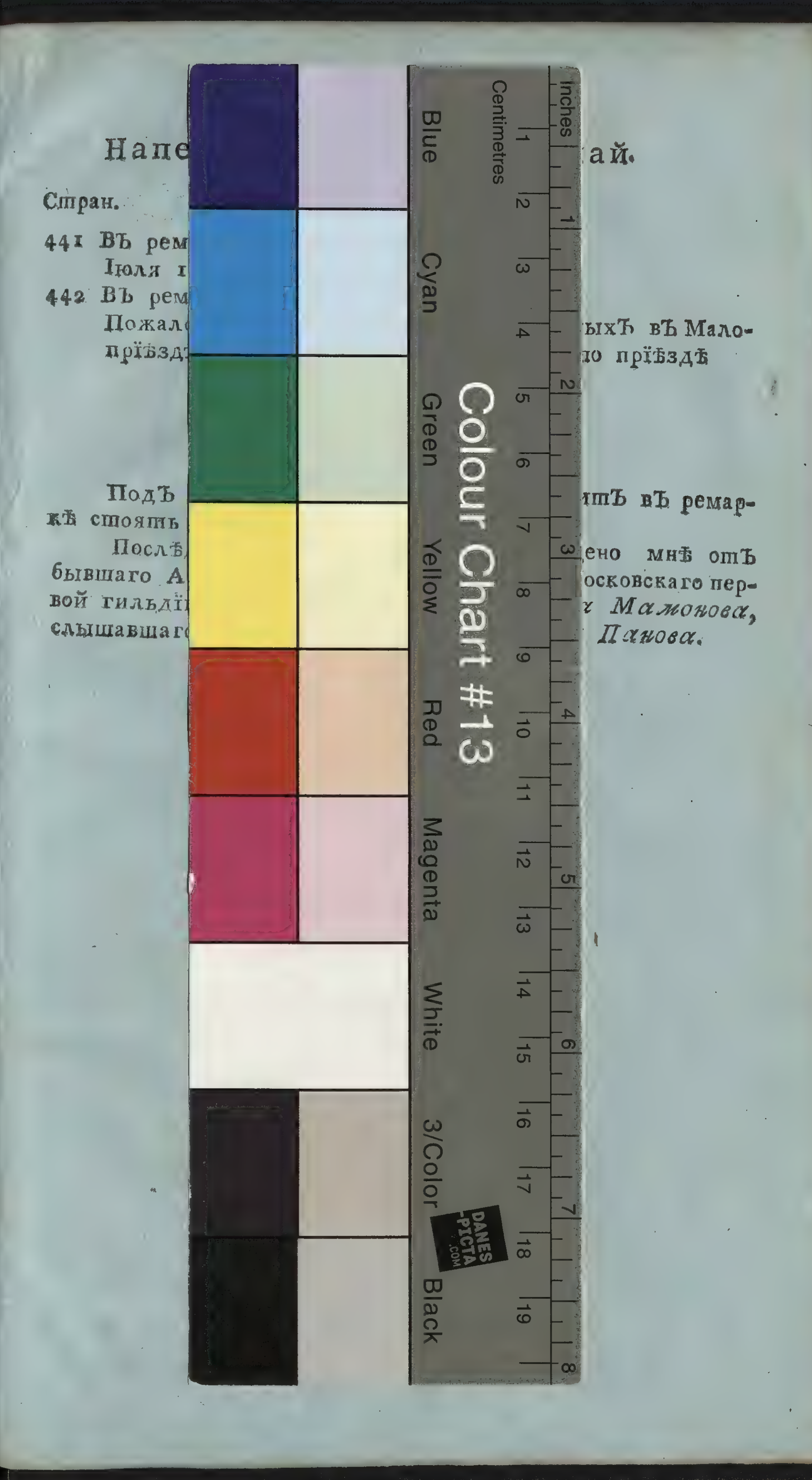
Напечатано.			Читай.
Стран.		Строк.	
441	Въ ремаркѣ снизу	15	
	Іюля 1		Іюля 17
442	Въ ремаркѣ снизу	3	
	Пожалованныхъ, и по пріѣздѣ		Пожалованныхъ въ Малороссіи, и по пріѣздѣ

Ошибка писцова.

Подъ вторымъ Анекдотомъ надлежитъ въ ремаркѣ стоять такъ:

Послѣднее въ Анекдотѣ семъ сообщено мнѣ отъ бывшаго Архангелогородскаго, а по томъ Московскаго первой гильдїи купца, *Михайлы Андреевича Мамонова*, слышавшаго оное отъ самаго сего *Антипа Панова*.





Напе… …ай.

Стран.

441 ВЪ рем…
Іюля і…
442 ВЪ рем…
Пожало… …ыхЪ вЪ Мало-
пріѣзд… …по пріѣздѣ

ПодЪ … …итЪ вЪ ремар-
кѣ стоять …
ПослѢ… …ено мнѣ отЪ
бывшаго А… …осковскаго пер-
вой гильдіи… …ч *Мамонова*,
слышавшаго… *Панова*.